

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

VI международная научная конференция

(Севастополь, 3–7 октября 2022 г.)

Материалы конференции

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Севастополь, 3–7 октября 2022 г.)

Материалы конференции

Москва
2022

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Утверждено к печати Ученым советом
Института востоковедения Российской академии наук

Ответственный редактор:

В. В. Лебединский, канд. ист. наук, ИВ РАН

Редакторы-составители:

Н. В. Гинькут, ГИАМЗ «Херсонес Таврический», ИВ РАН

Ю.А. Пронина, канд. ист. наук, ИВ РАН

Рецензенты:

С.Б. Ланцов, канд. ист. наук, ИАК РАН

В.А. Нессель, ГИАМЗ «Херсонес Таврический»

В.П. Степаненко, док.ист.наук, проф., УрГУ

Макет и верстка:

А.С. Яшин

Составители:

Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. — М.: ИВ РАН, 2022. — 530 с.: ил.

ISBN 978-5-907543-26-3

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

© ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2022

© Севастопольский государственный университет, 2022

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

VI Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока» (3-7 октября 2022 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

*Заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма
и Средиземноморья ИВ РАН, доцент кафедры «Востоковедение»*

СевГУ, к.и.н.

Члены Организационного комитета

Аликберов А.К. Директор ИВ РАН, д.и.н.

Нечаев В.Д. Ректор Севастопольского государственного университета,
д.п.н., проф.

Морозова Е.А. Директор ФГБУК Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес–Таврический»

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Косов Г.В. Зам. директора по научной работе Институт общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.биол.н.

Седикова Л. В. Зам. директора по научной работе ФГБУК
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес–Таврический», к.и.н.

Бойцова Е.Е. Зам. директора по учено-научной работе Институт общественных наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.

Гинькут Н.В. Ученый секретарь ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Пронина Ю.А. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Прудников В.В. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. директора по научной работе ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
к.и.н.

Члены Программного комитета

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В. ученый секретарь ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абрамова А. Н., Дружинина И. А.</i> МАТЕРИАЛЫ ЭЛИТАРНОГО ВОИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ XIV В. С ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНЬЯ	13
<i>Алексеенко Н. А.</i> БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЗЕРКАЛЕ СФРАГИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XI СТОЛЕТИЯ	19
<i>Аникеева Т. А.</i> КРЫМ В ТУРЕЦКОМ ГОРОДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И АШИКСКОЙ ПОЭЗИИ	23
<i>Аргун А. В.</i> ТИПЫ ЧЕРЕПИЦ ИЗ ОБЪЕКТОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ, ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ	27
<i>Байбуртский А. М.</i> О НАХОДКЕ КИТАЙСКОГО СЕЛАДОНА НА ПОСЕЛЕНИИ МАЛ-МУЗ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ	34
<i>Балахванцев А. С.</i> ПТОЛЕМЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПЕРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	39
<i>Баранов А. В.</i> МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ КРЫМА: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ	43
<i>Белоруссова Т. Е.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПЕЛОПОННЕСА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII-XIV ВВ.	48
<i>Близнюк С. В.</i> ПОТЕРЯННАЯ И НАЙДЕННАЯ РУКОПИСЬ: СПБ, РНБ. ИТАЛ. Q. IV. N. 21.	53
<i>Борисова Г. А.</i> МИРОВОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЗАТОПЛЕННЫХ ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЧЕРНОГО МОРЯ	57

<i>Боровой В. Р.</i> ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ СИ ЦЗИНЬПИНА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	64
<i>Быстрицкий Н. И., Гришин Е. С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ КРЫМА	69
<i>Васильев Д. В.</i> О. А. ИГЕЛЬСТРОМ – ОРГАНИЗАТОР УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	73
<i>Верченкова В. В.</i> ОСАДА ТУЛОНА 1793 г. ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–НАЧАЛА XX вв.	78
<i>Гинькут Н. В.</i> ПОГРЕБЕНИЕ ДЕВОЧКИ С ПОДВЕСКОЙ–КОРАЛЛОМ ИЗ РАСКОПОК КОНСУЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV в.)	83
<i>Гладышев А. В.</i> ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ И ВОЕННО–ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	95
<i>Демешко Н. Э.</i> КРЫМСКО–ТАТАРСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ США И ГОСУДАРСТВ ЕС ПОСЛЕ 2014 г.	100
<i>Демиденко Н. Л., Колесник Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ В 20–30 ГОДЫ XX ВЕКА	105
<i>Денисова Е. А.</i> К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	107
<i>Днепровский Н. В.</i> ОБ ОДНОМ ЛИТУРГИЧЕСКОМ УСТРОЙСТВЕ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА «ТРЕХ ВСАДНИКОВ»: ВОСТОЧНО–СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ СЛЕД	115

<i>Дорошко В. В.</i> ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ ХЕРСОНЕСА I–III вв. НА ПРИМЕРЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ПОСУДЫ И СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ БРОНЗЫ	120
<i>Дорошко О. П.</i> КУХОННАЯ КРУЖАЛЬНАЯ ПОСУДА ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ I–III вв. ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО	125
<i>Дробышев Ю. И.</i> ОТГОЛОСКИ ЯСЫ ЧИНГИС–ХАНА В СОЧИНЕНИИ ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА	129
<i>Дружинина Н. С.</i> ИСТОЧНИКИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ (ПО ДАННЫМ АРХИВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ)	135
<i>Дубровская Д. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБИТАНИЯ СЕМЕЙСТВА ВЕНЕЦИАНСКИХ КУПЦОВ ПОЛО В СУДАКЕ (КРЫМ) ДО ПУТЕШЕСТВИЯ В КАТАЙ	141
<i>Евдокимова А. А.</i> СИСТЕМА АКЦЕНТУАЦИИ В НАДПИСЯХ НА ФРЕСКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ АРТЕЛЕЙ ХУДОЖНИКОВ	144
<i>Ефремов Н. В., Колесников А. Б., Болонкина Е. В.</i> «НОВЫЕ» КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА С ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА	150
<i>Жигалова Н. Э.</i> ГРЕКИ В АНАТОЛИИ: ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКИХ БЕЙЛИКАХ В XIV в.	154
<i>Журавлев Д. В., Юнева Д. С.</i> О НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ РАСКОПОК Ю. А. КУЛАКОВСКОГО В КЕРЧИ В 1894 г.	158
<i>Зайцев Ю. П., Толмачева Е. Г.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЛОВЕЦКОГО ВОИНА НА ПЕРЕВАЛЕ АДЖИЛАР В КРЫМУ	164
<i>Зайцев И. В., Чхаидзе В. Н.</i> ДВЕ ЭПИТАФИИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ	169

<i>Зайцева Е. С.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РИМА С ВОСТОЧНЫМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ: УРОЖЕНЦЫ ВОСТОКА НА ЗАПАДЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ	175
<i>Зедгенидзе А. А.</i> ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: СИСТЕМА ПОЛИСА В КОНЦЕ V–IV ВВ. ДО Н.Э.	180
<i>Зиганьшин Р. М.</i> ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕЛИКОЙ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСА МЕГАРЫ, VIII –VI ВВ. ДО Н.Э.	185
<i>Зинько А. В., Зинько В. Н.</i> ТИРИТАКА – ДРЕВНИЙ ГОРОД–ПОРТ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ	194
<i>Ибнеева Г. В.</i> ЕКАТЕРИНА II И КРЫМСКИЕ ЭЛИТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕРЕМОНИАЛАХ В 80-е гг. XVIII в.	198
<i>Иванов А. В., Воробьев В. Е.</i> ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ Г. СЕВАСТОПОЛЯ. НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПРОЖЕКТ ПОТЕМКИНА–КОРСАКОВА	203
<i>Калинина Т. М.</i> КАРТА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ «КНИГИ ЧУДЕС» XI в. КАК ОТРАЖЕНИЕ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ФАТИМИДОВ	216
<i>Карашайски К. М.</i> «ЭТЕРИЯ СКИФОВ ИЗ ТАВРИКИ»: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА	221
<i>Катасонова Е. Л.</i> КРЫМСКАЯ (ЯЛТИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 г.: БЫЛА ЛИ НЕИЗБЕЖНОЙ СОВЕТСКО–ЯПОНСКАЯ ВОЙНА?	225
<i>Катюшин А. Е.</i> «НЕЗАВИСИМОЕ» КРЫМСКОЕ ХАНСТВО – ОБЪЕКТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСТРЕМЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ	231
<i>Кладченко О. В.</i> ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА СТЕПНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМА ЭПОХИ НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ КЕНЕГЕЗ ВОСТОЧНОЕ	236

<i>Климович В. В.</i> КУЛЬТ БОГИНИ–МАТЕРИ В ЦИВИЛИЗАЦИЯХ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ: СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И КИТАЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ	240
<i>Коваль В. Ю.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСПАНСКОМ КЕРАМИЧЕСКОМ ИМПОРТЕ В КРЫМУ	245
<i>Конкин Д. В.</i> СИСТЕМА КЮЛЛИЕ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДОВ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ	250
<i>Косых Т. А.</i> ОБРАЗ АНДАЛУСИИ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ И МЕМУАРАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНИИ (1808–1810 гг.)	255
<i>Кропотов В. В.</i> ФИБУЛЫ ИЗ СКЛЕПА 1/2015 КУЛЬЧУКСКОГО НЕКРОПОЛЯ В КОНТЕКСТЕ КРОССКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СЕВЕРО–ЗАПАДНОГО КРЫМА	260
<i>Кузенков П. В.</i> «ВАРВАР VS. ЭЛЛИН», «КРЕСТЬЯНИН VS. БУСУРМАНИН» И ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОППОЗИЦИИ В ВОСТОЧНОМ ХРИСТИАНСТВЕ	264
<i>Куц Т. В.</i> ОБРАЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. В ОПИСАНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	268
<i>Лебединский В. В., Татарков Д. Б., Двухшерстнов В. И.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКО–АКАДЕМИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА «РОССИЯ В БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ» В 2021–2022 гг.	273
<i>Лебединский В. В., Ефимов А. В.</i> «ОТЧЕТ ПО ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ» (1942 г.), КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	279
<i>Лебединский В. В., Тюрин М. И., Пронина Ю. А.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИРИЙСКО–РОССИЙСКОЙ ПОДВОДНО–АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В АКВАТОРИИ ПРОВИНЦИИ ТАРТУС В СЕЗОН 2021–2022 гг.	288

<i>Леонов Л. Л.</i> ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ ВЕСОВОЙ СИСТЕМЫ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА	292
<i>Майко В. В.</i> СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА СУГДЕИ. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ТИПОЛОГИИ	298
<i>Мальцева Д. А., Сафонова О. Д., Тузова П. Р.</i> ИНФОРМАЦИОННЫЙ РИСК–МЕНЕДЖМЕНТ В УМНОМ ГОРОДЕ: КЕЙС СЕВАСТОПОЛЯ	303
<i>Манаев А. Ю.</i> ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ: СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЙ И.Д. МАКСИМЕНКО И С.Ф. СТРЖЕЛЕЦКОГО НА ОБЛАСТНОМ СОВЕЩАНИИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА В 1948 г.	308
<i>Митрофанов А. А.</i> ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ КОНЦА XVIII в. ОБ АНТИРЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЯХ В ИТАЛИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)	313
<i>Могаричев Ю. М.</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ ВИЗАНТИЙСКИХ ВЛАДЕНИЙ В КРЫМУ В ПРОЕКТАХ ПО УСИЛЕНИЮ ИМПЕРСКОГО ВЛИЯНИЯ В ХАЗАРИИ	318
<i>Моисеева Е. Н.</i> КРЫМ 80-х гг. XIX в. ГЛАЗАМИ ФРАНЦУЗСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ОФИЦЕРА И ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖЮЛЯ–НАПОЛЕОНА НЕЙЯ (1849–1900)	323
<i>Москаленко О. А., Ирхин А. А.</i> КРЫМ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ВОЗРОЖДЕНИЯ ДИСКУРСА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ	328
<i>Неменов А. А.</i> ОБРАЗ ЭЛИТЫ ОСМАНСКОГО ЕГИПТА РУБЕЖА XVIII –XIX вв. В ЗАПИСКАХ БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	332
<i>Непомнящий А. А.</i> ПЕРЕПИСКА П. Я. ЧЕПУРИНОЙ И Б. Н. ЗАСЫПКИНА 1927 ГОДА – НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КРЫМОВЕДЕНИЯ	342

<i>Орехов В. В.</i>	
РЕАЛЬНЫЙ «КАЛЕНДАРЬ» ПРЕБЫВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ И В КРЫМУ ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ СУПРУГОВ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ	348
<i>Пак Б. Б.</i>	
ВКЛАД КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА ЛОБАНОВА–РОСТОВСКОГО В ПОДПИСАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА	353
<i>Панченко В. В.</i>	
О ПСЕВДО–АВТОНОМНОЙ ЧЕКАНКЕ АМИСА	361
<i>Подосинов А. В.</i>	
АНТИЧНЫЕ ГЕОГРАФЫ О ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ, ТИОС, АМАСТРИС)	367
<i>Попова Е. А.</i>	
О НАСЕЛЕНИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ	373
<i>Прохоров Д. А.</i>	
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ЯРЛЫКА ХАНА СЕЛЯМЕТ–ГИРЕЯ I И ИУДЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ КЫРК–ЙЕРА (1608 г.)	378
<i>Прудников В. В.</i>	
КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА В ПИСЬМАХ БАРОНА СЕЗАРА ДЕ БАЗАНКУРА	383
<i>Роменский А. А.</i>	
ЧУДЕСА И ИСЦЕЛЕНИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: ПРАВОСЛАВНАЯ АГИОГРАФИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ RAH MONGOLICA	388
<i>Сазанов А. В.</i>	
АМФОРЫ А SNР I. ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ	394
<i>Самарина М. С.</i>	
ИТАЛЬЯНСКАЯ ДИАСПОРА КЕРЧИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ	399
<i>Сафонова Н. В.</i>	
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ТВОРЧЕСТВО И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСМАИЛА–БЕЯ ГАСПРИНСКОГО	403
<i>Сейдалиева Д. Э.</i>	
СЕРОГЛИНЯНЫЕ СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ГОРОДИЩА СОЛХАТ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРО-КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА	406

<i>Сорокин А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в. И ПРОЕКТЫ ИХ РЕШЕНИЯ	411
<i>Стоянова А. А., Шабанов С. Б.</i> СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ И КРЫМСКИЕ ВАРВАРЫ: ОПОСРЕДОВАННЫЕ КОНТАКТЫ?	416
<i>Супренков А. А., Топоривская М. А.</i> О «МАЛЫХ» ФОКЕЙКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДА. ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ	420
<i>Таньшина Н. П.</i> МЕТАМОРФОЗЫ РАУЛЯ БУРДЬЕ: КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ПРЕВРАЩЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ПРОПАГАНДИСТА	427
<i>Уваров П. Ю.</i> ДЕНЬГИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ПРОТИВ ДЕНЕГ АТЛАНТИКИ: МОСКОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ АЛЬБИЦИ ДЕЛЬ БЕНЕ – СЮРИНТЕНДАНТА ФИНАНСОВ ГЕНРИХА II (1547–1559)	432
<i>Ушаков С. В.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕФА БАЗИЛИКИ КРУЗЕ: К ХРОНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА	438
<i>Фомин М. В.</i> «УВАРОВСКИЙ» СКЛЕП (№ 2114/1904/1853 г.) КАК МАРТИРИЙ МЕСТНОЧТИМОГО СВЯТОГО В ХЕРСОНЕСЕ – ХЕРСОНЕ	442
<i>Храпунов Н. И., Храпунова С. Н.</i> ДЕПОРТАЦИЯ КАК МЕТОД: РАЗМЫШЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XVII – XIX вв.	446
<i>Чудинов А. В.</i> КАРЛ ГАБЛИЦ – ФРАНЦУЗСКИЙ АГЕНТ	453
<i>Чурекова Н. Б.</i> О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ РАБОТЕ С БАЗОЙ АРЕ	459
<i>Чхаидзе В. Н.</i> ПРАВОСЛАВНАЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ НА ТАМАНИ В XIII – XV вв.	469
<i>Шульман К. Д.</i> МЕДРЕСЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ БАХЧИСАРАЯ И СТАРОГО КРЫМА)	474

Абрамова А. Н.

ГБУК Краснодарского края «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына»

Дружинина И. А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

МАТЕРИАЛЫ ЭЛИТАРНОГО ВОИНСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ XIV в. С ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНЬЯ

A. N. Abramova

I. A. Druzhinin

MATERIALS OF AN ELITE MILITARY BURIAL OF THE XIV CENTURY FROM THE TERRITORY OF TRANS-KUBAN

В начале XX в. в Кубанский Войсковой музей (ныне — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына) поступили материалы из раскопанного на Северо-Западном Кавказе погребения воина золотоордынского времени. Из вещей элитарного и некогда, несомненно, богатейшего комплекса в музее оказался «медный гроб», фрагменты сабли, наконечники стрел, гребень, а также скелет мужчины. У скелета утрачена правая плечевая кость, некоторые кости стоп и кистей. Точной информации о месте обнаружения погребения, а также о лицах, производших раскопки памятника, нет. Однако есть основания полагать, что на происхождение комплекса проливает свет документ из фондов КГИАМЗ, относящийся к периоду деятельности музея 1907–1911 гг., в котором кратко упомянуто обнаружение в Закубанье, в кургане у станицы Крымская, гроба, оббитого медными листами, содержавшего кости человека и ножны сабли. В на-

стоящее время специалистами КГИАМЗ, Института востоковедения РАН и Института археологии РАН проводится комплексное исследование материалов данного комплекса.

Останки человека из «медного гроба» принадлежат мужчине 25–35 лет. Измерения черепа производились в соответствии с принятыми в отечественной палеоантропологии подходами [Martin 1928; Алексеев, Дебец 1964]. Судя по величине назо-малярного и зиго-максиллярного углов погребенный был европеоидом (табл. 1). Нейрокраниум характеризуется большими пропорциями (брахикрания). Глазницы у черепа высокие, а нос узкий.

По всей видимости, мужчина умер от ран, нанесенных стрелами, наконечники которых входят в состав вещевого комплекса погребения. Одна стрела ранила воина в область над поясницей и застряла между третьим и четвертым поясничными позвонками слева. Вторая вошла в область живота и оставила след на внутренней стороне 7-го ребра с правой стороны. Черешок наконечника стрелы, попавшей в спину, слегка изогнут. Изгиб и ширина наконечника полностью соответствуют следам травмы на костях. Наконечник с подромбическим вытянутым пером, линзовидным сечением, с асимметричными (вогнутым и выпуклым) плечиками, без упора. Датировка широкая: с рубежа н. э. до кон. XIII в. [Медведев 1966: 67–68], XI–XIV вв. [Руденко 2003: 78, 219. Таб. 41]. Вторая стрела из-за незначительности повреждения на ребре идентификации не поддается.

Гроб был изготовлен из не множества тонких листов металла (состав его исследуется в ЦКП ИА РАН) разных размеров прямоугольной или трапециевидной формы, скрепленных множеством медных и железных заклепок. В начале XX в. после извлечения из погребения дно гроба, не утратившее целостность, было набито на основу из толстых досок. В таком виде он сохранился до настоящего времени. Боковые стенки (их нижняя часть) сложились вовнутрь и лежат поверх металлических листов дна. Гроб трапециевидный в плане: ширина в головах — 54,5 см, в ногах — 26,5 см, длина — 185 см. При этом реконструируемая длина тела погребенного — 178 см (реконструкция производилась по бедренной

кости с применением нескольких регрессионных формул) [Пежемский 2011: 124]. Восстанавливаемая по торцевым стенкам с полукруглым верхом высота гроба — 30–40 см. Толщина медных листов 1,5–2 мм. Дно гроба прямое, крышка — выпуклая. На внутренней и внешней сторонах металлических пластин сохранились отпечатки тканей, по меньшей мере, двух видов — шелка (тафты) и китайской (?) узорной парчи (определение к. и. н. И. И. Елкиной, исследование следов текстильных изделий в настоящее время продолжается), а также следы красителей (исследуются в ЦКП ИА РАН).

Предметы вооружения представлены фрагментами клинка сабли и деталями ее обкладки, наконечниками стрел. Навершие рукояти сабли уплощенно-цилиндрическое, с плоским верхом. Две обоймы ножен в виде насаженных на общую планку трех тонких овальных обручей, каждый из которых по центру украшен небольшими круглыми металлическими пластинками. В петлю на спинке центрального обруча продето портупейное колечко. Сабли с аналогичными обоймами изображены на миниатюрах 30-х гг. XIV в. демоттовской рукописи «Шахнаме» тебризской школы. Ближайшей аналогией являются обкладки ножен сабли из еще одного закубанского погребения воина в медном гробу XIV в. (к. № 1, Белореченская курганная группа, 1897 г.). Восемь черешковых наконечников стрел, среди которых два срезня, также не противоречат датировке — XIV в.

Из предметов обихода сохранился лишь деревянный гребень со следами орнамента, с частыми зубцами.

На сегодняшний день известно не менее девяти (не считая комплекса, которому посвящена данная работа) погребений в гробах, сделанных из листовой меди или бронзы, или в деревянных гробах, оббитых металлическими листами, которые были выявлены на территории Северо-Западного Кавказа, а также абхазского побережья Черного моря: два саркофага обнаружены на территории Абхазии (в храме Гиеноса [Скакова, Скаков, Джопуа 2021: 11] и у с. Большие Краевичи), три гроба выявлены в Закубанье (ст. Георгие-Афипская; к. № 1, Белореченская курганная

группа, 1897 г.; пос. Приреченский), три — в верхнем Прикубанье (пос. Шахта № 6; у сел. Сары-Тюз; гробница Сентинского храма) [Дружинина 2011]. С территории Северного Кавказа происходит и медный гроб, находящийся на хранении в Государственном Эрмитаже. Данные погребения относятся к различным хронологическим периодам от IV до XIV вв. и связаны с различными культурными традициями (византийской, золотоордынской).

Наиболее важной и близкой аналогией является элитарное воинское погребение из кургана № 1 Белореченской курганный группы [Горелик, Дружинина 2011: 39–63, рис. 1]. «Медный гроб» находился в деревянном саркофаге, а тот, в свою очередь, в деревянном срубе. Погребенный — молодой человек (уложен на спине, руки вытянуты вдоль тела, ладони обращены вниз, ноги вытянуты). Ориентировка западная, положение головы — на затылке. Под верхней частью скелета выявлено большое скопление древесного угля. Погребальный инвентарь: две наградные серебряные чаши и ковш, два пояса с серебряным золоченым и серебряным наборами, каменная точилка на серебряных колечках, костяной гребень, железное кресало, нож с горбатой спинкой и костяной рукояткой, сабля, берестяной колчан с серебряной бляхой на крышке, со стрелами, серебряные накладки (колчанного?) ременного набора, деревянный лук, железное копье, железный топор, фрагменты двух железных стремян и две железные пряжки, костяные точеные позолоченные (?) детали предмета интерьера. Анализ погребального инвентаря позволяет датировать комплекс серединой — третьей четвертью XIV в. [Горелик, Дружинина 2011: 39–63].

Таким образом, можно говорить о появлении в Закубанье XIV в. группы синхронных элитарных воинских погребений, объединенных общими особенностями погребального обряда, присутствием одинаковых импортов в составе погребального инвентаря (престижное оружие — сабли с серебряным окладом, дорогие ткани), и, видимо, общей судьбой погребенных. Оба — прославленные молодые воины на службе у монголов, занимавшие высокое социальное положение в местной иерархии.

Погребенный из медного гроба КГИАМЗ погиб от боевых ран, возможно, вдали от места погребения, и использование металлического гроба могло быть вызвано, в том числе и необходимостью транспортировки его тела в отдаленный от места смерти пункт. Один из возможных военных конфликтов, в котором он мог получить смертельные раны, — поход хана Джанибека на Азербайджан 1357 г., в ходе которого была завоевана северная столица Ирана — Тавриз.

Таблица 1. Краниометрическая характеристика черепа мужчины

Признак, № по Р. Мартину	
1. Продольный диаметр	178
8. Поперечный диаметр	147
8:1. Черепной указатель	82,6
17. Высотный диаметр	136
20. Ушная высота	113,5
5. Длина основания черепа	104
9. Наименьшая ширина лба	95
10. Наибольшая ширина лба	117
9:10. Широтный лобный указатель	81,2
11. Ширина основания черепа	119
12. Ширина затылка	108
45. Скуловой диаметр	129
40. Длина основания лица	100
48. Верхняя высота лица	73
48:45. Верхний лицевой указатель	56,6
43. Верхняя ширина лица	105
46. Средняя ширина лица	96
51. Ширина орбиты	41,6
51а. Ширина орбиты до d	37,2
52. Высота орбиты	34
54. Ширина носа	24,4
55. Высота носа	53
52:51. Орбитальный указатель	81,7
54:55. Носовой указатель	46,0
SC. Симотическая ширина	10,0
SS. Симотическая высота	5,0
MC. Максиллофронтальная ширина	105

Признак, № по Р. Мартину	
MS. Максиллофронтальная высота	21,4
DC. Дакриальная ширина	21
DS. Дакриальная высота	10,2
SS: SC. Симотический указатель	50,0
MS: MC. Максиллофронтальный указатель	20,4
77. Назо-малярный угол	136,6
Зиго-максиллярный угол	118,1

Библиография

АЛЕКСЕЕВ В.П., ДЕБЕЦ Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

ГОРЕЛИК М.В., ДРУЖИНИНА И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1, 2011 (№ 2). М. С. 39–63.

ДРУЖИНИНА И.А. О группе погребений в «медных гробах» на территории Северо-Западного Кавказа // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография. Кн. (ММХIV) I. Зимовники, 2014. С. 263–276.

МЕДВЕДЕВ А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Свод археологических источников. Вып. E1–36. М., 1966.

ПЕЖЕМСКИЙ Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Дисс. ... кандидата биол. наук: 03.03.02. М., 2011.

РУДЕНКО К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. (Исследование и каталог). Казань, 2003.

СКАКОВА И.В., СКАКОВ А.Ю., ДЖОПУА А.И. Плинфа раннесредневекового храма в Гиеносе (г. Очамчира, Республика Абхазия): публикация материалов раскопок 2019–2021 гг. // *ByzantinoCaucasica*. Вып. I. М.: ИВ РАН. 2021. С. 9–53.

MARTIN R. *Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer darstellung*. Bd. II. *Kraniologie. Osteologie*. Jena, 1928.

Алексеевко Н. А.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ЗЕРКАЛЕ СФРАГИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ XI СТОЛЕТИЯ

Alekseenko N. A.

MIDDLE EAST AND NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE MIRROR OF SPHRAGISTIC SOURCES XI CENTURY

В последнее время среди сфрагистических источников Северного Причерноморья всё чаще и чаще проявляются памятники, иллюстрирующие контакты представителей византийской элиты с определёнными должностными лицами или знатью из Крыма, Тамани и даже Древней Руси [Алексеевко 2013; 2016; 2017, 2018; Чхаидзе 2018; 2021; Чхаидзе, Виноградов 2021; Виноградов, Чхаидзе 2021; Смычков, 2021; 2022].

На общем фоне корреспондентов из Средиземноморья (Пропонтида, Малая Азия, Адриатика) область ближневосточной части побережья практически не фигурирует. В этой связи появление каждой новой находки, принадлежащей адресантам из этого региона Византийской империи, обнаруженной на территории Северного Причерноморья, безусловно вызывает повышенный интерес.

К сожалению, происхождение тех или иных моливдовулов далеко не всегда известно и, таким образом, в большинстве случаев без известных мест находок мы не имеем возможности говорить о каких-либо межрегиональных контактах византийской аристократии, даже если

моливдовулы содержат соответствующие топонимические указания. Иногда собирателям сфрагистических памятников удаётся сохранить информацию о происхождении той или иной находки.

Изучая одну из наших отечественных частных сфрагистических коллекций, наше внимание привлекли два моливдовула с относительно известной топографией их мест находок.

Обе печати принадлежат известному историческому персонажу — куропалату Феодору Хетуму (Хетаму).

Первый, наиболее интересный для нас, экземпляр называет собственника печати куропалатом и дукой Милитены. В картотеке владельца коллекции отмечено, что моливдовул происходит с Украины (приобретена на коллекционерском рынке в 1990-х гг.). Учитывая известные находки византийских моливдовулов на территории Древней Руси, можно утверждать, что буллы представителей военно-административных округов здесь не встречаются (известны лишь редкие находки печатей императоров, священнослужителей и придворной знати). Регион — поставщик византийских печатей в то время известен. Так что, скорее всего, этот экземпляр происходит из Причерноморского региона или Крыма; хотя не исключена и Тамань.

Аналогичный экземпляр известен в собрании Государственного Эрмитажа (М-8008) [Šandrovskaja, Seibt 2005: 80, nr. 62].

Стилистически печать принадлежит к памятникам сфрагистики второй половины XI в.

Вторая печать Феодора Хетума не называет его места службы, но кроме куропалата неожиданно указывает, принадлежащий мусульманскому миру ранг эмира.

Моливдовул найден на Ближнем Востоке, на территории Ливана.

Аналогичный экземпляр происходит из коллекции Г. Закоса, часть которой поступила в Парижскую национальную библиотеку (BnF 72). Ж.-Кл. Шене относит её ко времени около 1090 г. [Cheynet 2001: 67–68, nr. 34].

Примечательно, что сочетание функции эмира и высокого византийского титула куропалата не является чем-то исключительным.

Оно также присутствует на печати родственника Феодора — Гавриила, наследовавшего ему в Митилене. На печати последний именуется себя протокурополатом, эмиром и дукой [Cheynet 2001: 80–82, nr. 41].

Феодор Хетум хорошо известен по нарративным источникам [Каждан 1975: § 48]. Его *cursus honorum* детально проследил Г. Дедеян [Dédéyan 2003: 986–996]. Основные этапы его карьеры иллюстрируют и сфрагистические памятники [Cheynet, Theodoridis 2010: 63–64; a-e]. Указанные выше, печати представляют два из них; один — когда наш персонаж занимал пост дуки Милитены (между 1078 и 1086 гг.) и служил под началом Филарета Врахамия, и другой — уже в достоинстве куропалата и эмира (между 1086 и 1094 гг.), когда его судьба была связана с регионом Эдессы и сельджуками.

Появление его печати в Северном Причерноморье (или Крыму?) — явление экстраординарное. Мы не знаем здесь памятников сфрагистики этого ближневосточного региона и пока затрудняемся связывать эту находку с какими-либо событиями.

Библиография

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Печать аристократа Иоанна Комнина с южного берега Крыма: новые данные к сфрагистической карте // МАИЭТ.— Симферополь, 2013. Вып. XVIII. С. 405–414.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Новые сфрагистические находки в окрестностях византийского Херсона (к вопросу об адресатах корреспонденции) // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2016. Т. 21. № 5. С. 6–18.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Византийская Таврика во второй половине XI века и новая печать Льва Алиата из Херсона // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2017. Серия 4. Т. 22. № 5. С. 100–111.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А. Печать паниперсеваста Алексея Враны-Комнина из византийского Херсона // МАИЭТ.— Симферополь, 2018. Вып. XXIII. С. 537–546.

ВИНОГРАДОВ А. Ю., ЧХАИДЗЕ В. Н. Печать Константина Авлина (30-е гг. XIII в.) // XIII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеевко. Симферополь, 2021. С. 77–82.

КАЖДАН А. П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.

ЛИХАЧЕВ Н. П. Моливдовулы греческого Востока // Научное наследство. М., 1991. Т. 19.

СМЫЧКОВ К. Д. Несколько новых находок византийских моливдовулов с территории Древней Руси // VIII Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Керчь, 2–6 октября 2021 г.) Симферополь: АРИАЛ, 2021. С. 199–212.

СМЫЧКОВ К. Д. Новые находки византийских печатей с территории Древней Руси // XIV Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Материалы научной конференции / Отв. ред. Н. А. Алексеенко. Симферополь, 2022. С. 232–238.

ЧХАИДЗЕ В. Н. Византийская аристократия в Крыму и на Тамани: Агиостефаниты // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград, 2018. Т. 23. № 5. С. 131–137.

ЧХАИДЗЕ В. Н. Несколько византийских печатей XI–XIV вв. с метрическими легендами // ByzantinoCaucasica. М., 2021. Т. 1/2021. С. 181–195.

ЧХАИДЗЕ В. Н., ВИНОГРАДОВ А. Ю. Моливдовул Никифора Ватаца (60-е гг. XI в.) с Южного берега Крыма // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2021 года. М., 2021. С. 48–52.

CHEYNET J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (bibliothèque nationale de France) sa rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine. Paris, 2001. 103 p.

CHEYNET J.-CL., THEODORIDIS D. Sceaux byzantins de la collection D. Theodoridis. Les sceaux patronymiques. Paris, 2010. 276 p.

DÉDÉYAN G. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés: études sur les pouvoirs arméniens dans le Proche-Orient méditerranéen (1068–1150). Lisbonne, 2003.

ŠANDROVSKAJA V. S., SEIBT W. Byzantinische Bleisiegel der Staatlichen Ermitage mit Familiennamen. Wien, 2005. Teil. 1.

Аникеева Т.А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

КРЫМ В ТУРЕЦКОМ ГОРОДСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ И АШИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Anikeeva T.A.

CRIMEA IN TURKISH URBAN FOLKLORE AND ASHIK POETRY

Турецкий (отчасти османский) городской фольклор главным образом представлен повестями-*хикайатами*. Традиционным ареалом зарождения и распространения *хикайатов* принято считать северо-восток Турции и районы, граничащие с Ираном. Данные повествования являлись неотъемлемой частью городской культуры, и потому *хикайат* может быть назван также городской повестью. Такая повесть представляет собой некогда бытовавший исключительно в устной форме, а впоследствии записанный прозаический текст новеллистического или фантастического содержания с поэтическими фрагментами (подробнее см.: [Аникеева 2011]).

Особенностью жанра турецкой городской повести (как и вообще жанра мусульманской народной книги) является его бытование одновременно в устном исполнении (свидетельства устного исполнения городской повести относятся приблизительно к периоду с XVIII по середину XX вв.) и в виде книги. Другой характерной особенностью турецкой городской повести является определенная разница в типах ее сюжетов, обусловленная различным происхождением повестей. Исследователи турецкого фольклора (П. Н. Боратав, Ф. Тюркмен, В. Эберхард [Boratav 1946; Eberhard 1955]) выделяют два их основных типа. К первому типу, как правило, относят цикл рассказов прозаической версии известного на Кавказе, Ближнем Востоке и Средней Азии эпического сказания о Кёр-оглу, получившей широкое распространение в Малой Азии, а также ряд других

сюжетов, как, например, «Ильбейлиоглу», повесть о Шах-Исмаиле, «Бей Бёйрек». Эти повести генетически связаны с устной эпической традицией. Ко второму, «романическому», типу городских повестей принято относить те повести, в основе которых лежит сюжет, повествующий либо о жизни *ашика*-поэта, его любви и обретении им поэтического дара, либо о трагической любви. Этот тип народных повестей интересен в первую очередь тем, что опирается не столько на ранее бытовавший устный фольклор, сколько на книжные источники и на литературную средневековую персидскую или арабскую традицию. Таковы бытовавшие в Турции повести «Лейла и Меджнун», «Ферхад и Ширин». Эти сюжеты пришли в турецкий фольклор из произведений Низами Гянджеви, Амира Хосрова Дихлави, Абдеррахмана Джамии.

Географические названия, упоминаемые в турецкой городской повести, в большей степени свидетельствуют о ее родстве с жанром волшебной сказки. Особенностью хикайата является то, что в ее тексте упоминаются сказочные страны: Хинд, Чин / Чин-Мачин, Йемен, Кандагар, Хиндустан, Чин-Мачин, город Бадахшан, Карадаг¹. Как правило, в *хикайате* эти географические названия употребляются точно так же, как и в волшебной сказке — это могут быть места проживания главных героев или те из них, по которым странствует главный герой. В отличие от сказки, эти сказочные топонимы в тексте городской повести используются наряду с реально существующими географическими названиями Центральной и Восточной Анатолии, Кавказа и соседнего Ирана (Тифлис, Тебриз, Мардин, Кайсери и др.). В тех повестях, чьи сюжеты заимствованы из персидской или арабской литературы, они встречаются также, — скажем, в повести о Фархаде и Ширин в качестве одного из мест действия выступают города Амасья и Эрзен (Эрзинджан) — как и в имеющих явное мотивное родство со сказкой городских повестях, например «Шахмеран», где вместе с Египтом, горой Каф, Китаем, т.е. объектами

¹ Как видим, почти все приведенные названия являются названиями реальных географических стран и областей (Кандагар, Йемен, Бадахшан), однако в сказочном фольклоре Ближнего Востока, как правило, они выполняют роль также сказочных топонимов.

традиционной сказочной ближневосточной космологии, упоминаются вполне реальные для слушателя или читателя хикайата Адана, Ургюп, Бейрут и Дамаск. Все сказочные названия в турецкой городской повести как бы вписаны в окружающий реальный мир. В основном они имеют скорее лишь функцию синонимов для обозначения отдаленных стран, находясь в своеобразной оппозиции к близким, обитаемым, знакомым слушателю или читателю повести городам, подчеркивая их близость и реальность. Так, в романической повести о Сюммани и Гюльпери, ашык по имени Сюммани преодолевает на пути к возлюбленной, которая живет «в стране Чин-Мачин, в городе Бадахшан во дворце Аббас-хана», Ирак, Иран и Мазандеран, Индию и Афганистан, но вместе с тем на его пути встречаются такие реальные города Северо-Восточной Анатолии, как Эрзурум, Нарман и деревни Самикале (родная деревня ашика Сюммани), Пыткар, Чылдыр и другие. Этот *хикайат* об *ашике* Сюммани и Гюльпери является довольно поздним в хронологическом отношении, так как нам известно и о реальном прототипе главного героя и годах его жизни — им был народный поэт Сюммани из Нармана вилайета Карс (1861–1915)². Ученик *ашика* Эрбаби, по преданию, получивший поэтический дар в детстве, Сюммани, по всей видимости, действительно много путешествовал; он обошел Крым, Кавказ, Иран, Афганистан [Albayrak 2010: 135]. Тем не менее, Крым как таковой играет особую роль в сюжете народной повести о Сюммани (он отправляется туда в поисках своей возлюбленной), хотя также оказывается преображенным фольклорной фантазией: так, в Крым *ашик* попадает, придя пешком из родных мест в Анатолии («Зиму Сюммани провел в Крыму. С наступлением тепла он... отправился в Нарман той же дорогой, по которой пришел в Крым, а оттуда к себе в деревню» [Эмрах и Сельви 1979: 129]); в самом Крыму он оказывается в волшебном дворце и саду («Комнат было много. В них сидели чтецы, сладкоголосые, как соловьи. Один ходжа из Дагестана учил сто пятьдесят учеников. На территории дворца было несколько мечетей. В них молилось сто восемьдесят человек... В каждой комнате дворца имелись кувшины,

² Таким образом, Биографию см.: <https://islamansiklopedisi.org.tr/summani>

полотенца, молитвенные коврики. На шкурах газелей были написаны изречения из Корана. Сюммани увидел мраморные бани, отделанные золотом и серебром. Тускло горели золотые светильники. Всюду были разостланы индийские, йеменские и хорасанские ковры. А еще в этом дворце хранились бесценные сокровища. Их охранял дракон» [Эмрах и Сельви 1979: 130]). Крым как место действия (и Русско-Турецкая война 1877–1878 гг. как примета времени) также упомянут, фигурирует и в другом предании о скитаниях Сюммани³ в Крыму, где он встречает русских солдат и их командира.

В ашикской поэзии Турции более раннего времени Крым представлен также и в творчестве одного из известнейших народных поэтов-ашиков — Ашыка Омера (1621–1707) родом из Гёзлева (Евпатории)⁴. Он провел в странствиях много лет (по-видимому, он сопровождал в походах османские войска) и жил на территории Османской Турции, однако неоднократно упоминал и свой родной город и Крым в своих стихах.

Библиография

АНИКЕЕВА Т.А. Турецкая городская повесть XIX в. М., 2011.

МИННЕГУЛОВ Х.Ю. Художественное своеобразие стихотворений Ашык Умера // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2013, № 1(31). С. 155-158.

Эмрах и Сельви, необыкновенные приключения Караоглана и другие турецкие народные повести. Пер. с тур. Сост., предисл. и примеч. Х. Г. Короглы. М., 1979.

ALBAYRAK Nurettin. Sümmanî // TDV *İslâm Ansiklopedisi*. Cilt 38. İstanbul, 2010.

BORATAV P.N. Halk hikayeleri ve halk hikayeciliği. Ankara, 1946.

EBERHARD W. *Minstrel Tales from Southeastern Turkey*. Berkeley, 1955.

³ См.: <https://www.antoloji.com/doyurur-siiri/>

⁴ Ашыка Омера также считают и крымскотатарским поэтом [Миннегулов, 2013: 156].

Аргун А. В.

Национальный Новоафонский историко-культурный
заповедник «Анакопия»,
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, АНА

ТИПЫ ЧЕРЕПИЦ ИЗ ОБЪЕКТОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ, ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ

Argun A. V.

TYPES OF TILES FROM THE OBJECTS OF EARLY MEDIEVAL ABKHAZIA, THE PROBLEM OF CHRONOLOGY

Строительная керамика является массовым материалом на археологических памятниках Абхазии с античного времени. В ее состав традиционно входят черепицы двух видов, кирпичи, трубы. Однако до сих пор не разработана приемлемая классификация и хронология для строительной керамики из Абхазии. Следует отметить, что при должном внимании к морфологическим и технологическим признакам данной категории находок можно получить удовлетворительные результаты, которые в дальнейшем могут послужить дополнительным хроноиндикатором в археологическом изучении объектов и культурных слоев. Для разрешения обозначенной проблемы необходимо накопление четко фиксированных данных по строительной керамике на изучаемых объектах. Следует отметить, что благодаря кропотливому труду археологов, стационарно изучавших культурные слои и объекты Себастополиса, Питиунта, Гюеноса, а также памятники христианского зодчества широкого временного диапазона, накопились данные по морфологии различных видов строительной керамики. Были выявлены типы импортных и местных черепиц для Себастополиса [Трапш 1963: 236–253; Габелиа

2014], Питиунта [Апакидзе 1975]. О. Х. Бгажба приводит типы средневековой черепицы Абхазии, в основном классифицируя ее по форме бортов [Бгажба 1977]. Л. Г. Хрушкова [Хрушкова 2020] приводит подробные данные по черепицам, выявленным на значимых христианских памятниках. При этом исследователи не прибегают к сравнению состава глиняного теста и технологии изготовления изделий, что могло бы прояснить вопросы о месте приготовления, традициях гончаров и характере обжигальных печей.

Разработка хронологии античной и средневековой черепицы на территории Абхазии значительно отстает от региона Северного Причерноморья и в целом находится в начальной стадии. Необходимо переработать ранее накопленный материал и тщательнее фиксировать строительную керамику на изучаемых археологических памятниках. Пока все возможности не исчерпаны, тема будет дополняться.

Учитывая, что Восточное и Северное Причерноморье в Римско-Византийский период времени были тесно связаны с крупными центрами империи и зачастую их связи формировались по схожим схемам, нами привлекаются достижения исследователей по строительной керамике Северного Причерноморья. При этом бросаются в глаза региональные отличия, намекающие на формирование различных связей с определенными центрами еще в античное время. На основании привлеченных технологий на местах формировались свои школы керамистов, причем этот процесс происходил синхронно и наиболее выражен в Восточном Причерноморье с появлением римских укреплений, просуществовавших на Северо-Восточном Причерноморье с небольшими перерывами до VI в. н. э. включительно. На основании накопленных данных по керамическому производству в Северном Причерноморье были системно разработаны вопросы по античной строительной керамике [Гайдукевич 1934: 211–315; Зеест 1966]. Ряд крупных исследователей на основании обобщения свода данных по строительной керамике средневековья из закрытых комплексов Северного Причерноморья сумели обосновать мнение о производстве основной части черепицы

на месте, классифицировали формы, а также установили хронологические рамки их бытования [Якобсон 1979; Моисеев 2012, Романчук 2004]. В это же время значительно продвинулись исследования строительной керамики Хазарии, продолжившие дискуссию об ее истоках. [Артамонов М. И. 1958; Свистун; Афанасьев 2012; Моисеев 2015]. Д. А. Моисеев [Моисеев 2014], разработавший технологическую типологию для черепицы из Херсонеса, отмечает, что для средневекового Кавказа (в том числе Абхазии — А.А.) характерна черепица с невыраженным изгибом внутреннего борта, что не типично для гончарных центров Северного Причерноморья. Этот и ряд других факторов формируют актуальность установления типологии, технологии, способа изготовления и хронологических границ для позднеантичной и раннесредневековой строительной керамики, происходящей из территории Абхазии. Для различения типологии черепицы нами впервые был применен метод дифференциации, разработанный Моисеевым на основании закрытых комплексов из территории Крыма [Аргун 2021].

Д. А. Моисеев [Моисеев 2013: 173] различает два способа формования плоской черепицы: лицевой¹ и тыльный. Он считает, что лицевой способ продолжает в средневековье традиции античности, а появление тыльного способа изготовления, как более технологичного, связывает с ранневизантийским временем и определяет зависимость морфологических признаков от способа производства.

«Использование такого способа изготовления строительной керамики позволило получить достаточно легкую черепицу с прогрессивными морфологическими чертами. Появившись, скорее всего, в середине — третьей четверти VI в. н. э., как один из способов изготовления черепицы (к тому же в этот момент не преобладающий), «тыльный» способ уже к IX в. н. э. превалирует в процессе производства строительной керамики Юго-Западного Крыма». Исследователь реконструирует технологию

¹ Лицевой способ предполагает изготовление черепицы на песчаной подсыпке в деревянной рамке, мастер керамист вытягивает внешнюю сторону вручную, используя специальные стеки. От этого лицевая поверхность сохраняет следы инструмента и пальцев мастера.

формования черепицы с использованием матрицы-ящика с дном, в котором вырезаются все рельефные лицевые части будущей керамиды. Широкий временной диапазон, указанный им на время сосуществования лицевого и тыльного способов производства, связан, скорее всего, нуждается в дальнейшей проработке. Одна из задач данного исследования заключается в определении времени перехода от лицевого к тыльному способу производства для черепицы из крупного политического центра Абхазии — Анакопии. Как мы полагаем, процесс технологического усовершенствования, скорость внедрения технических новаций станет показателем интенсивности связей Абхазии с внешним миром. На данном этапе выводы будут иметь предварительный характер.

Следует отметить, что среди опубликованных образцов античного времени, происходящих из памятников Абхазии, не встречаются местные экземпляры с подрезками тыльной стороны, в то время как в Северном Причерноморье такие образцы являются доминирующими и позже. Подобный консерватизм в технологическом процессе исследователями не объясняется. Лишь в первых веках н.э. в Херсонесе был зафиксирована черепица без нижних подрезок, которая крепилась при помощи коленчатого изгиба и удерживалась на кровле за счет захвата бортами друг друга. На античных памятниках Абхазии данный тип соединения черепицы всегда был основным, если не единственным. При этом явно конкурируют виды черепиц с выраженным коленчатым изгибом и с вырезом в наружной стороне борта. Как показало время, второй вид вытесняет первый и становится преобладающим в мастерских Абхазии уже в ранневизантийский период. На первоначальном этапе прямоугольная керамида для лучшего сочленения на кровле, помимо выреза на внешней стороне борта, получает более широкие борта в верхней части, после формовки иногда их слегка выгибают.

Цитадель Анакопийской крепости, согласно авторской хронологии, возникла еще в конце II в. н.э. [Аргун 2021б]. Внутри должны были находиться постройки, крытые черепицей. Ныне существующие объекты относятся к более позднему времени: VI–XI вв. н.э. Од-

нако в кладке стен храма, выстроенного в конце VI в. н. э. встречаются фрагменты кирпичей и черепицы из предшествовавших объектов. К примеру, конха храма была выложена из крупных фрагментов черепицы, изготовленной лицевым способом (рис. 1: 1). Схожие черепицы были выявлены в базилике Себастополиса V в. н. э. [Хрушкова 2020: 155–156] (Рис. 1: 2.).

В кладке стен западной башни, а также в отвалах у цитадели были выявлены мелкие фрагменты черепицы, изготовленной лицевым способом, на внешней стороне которых были нанесены гребенкой продольные расчесы. Схожий фрагмент был выявлен в кладке нартекса главного храма в Аилаг Абыку в с. Бамбора. Образец выполнен в той же технике, что и Анакопийские образцы с расчесом, сходство проявляется в цвете, твердости. Различия: образец из Бамборы имеет подрезки углов по длине с тыльной стороны.

Близки к ним фрагменты черепицы, выложенные на полу храма из комплекса храм-крепость Монастырь в бассейне р. Мзымта (Рис. 1: 3, 5, 6). И здесь следует полагать, что черепица использована вторично. Данный тип черепицы не известен из публикаций по строительной керамике Абхазии и сопредельных регионов. Скорее всего, этот тип бытовал ранее черепицы с желобчатой поверхностью.

Переходными формами от черепицы желобчатой, изготовленной лицевым способом к черепице тыльного способа, можно считать образцы, близкие по морфологическим признакам к первому: в них также отсутствует поперечный бортик. Эти образцы встречаются с черепицей, снабженной поперечным бортиком, в одних культурных слоях у второй линии обороны Анакопийской крепости, возведенной, согласно авторской хронологии в конце VI в. н. э., по заказу Византийских императоров. Из чего следует, что большого временного разрыва между ними не присутствовало (Рис. 1: 4).

Следует указать на отсутствие черепицы, изготовленной лицевым способом на других хорошо изученных объектах Раннего Средневековья Абхазии, хронологически относящихся ко времени после рубежа VI–VII вв. н. э.

Итак, исходя из данных археологии, получивших отражение в публикациях, а также полагаясь на сбор строительной керамики, проводимой автором, можно прийти к выводу, что технологическая революция на территории Абхазии прошла в короткие сроки, что может свидетельствовать об участии империи в процессе, протекавшем на данной территории, степень которой характеризуется вовлеченностью местных элит в культурные традиции Византии.

Библиография

АПАКИДЗЕ. Г. А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта. ВП Т. 1. Тбилиси: Мицниереба, 1975.

АРТАМОНОВ М. И. Саркел — Белая Вежа // МИА. 1958. № 62.

АРГУН А. В. Гончарная мастерская с. Гуандра. Новые находки и перспективы исследования // X «АНФИМОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», 23–25 октября 2020 г.г. Анапа (в печати).

АРГУН А. В. Историко-культурное исследование Анакопийского архитектурного комплекса в контексте истории Абхазии II–XV вв. (Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.). Сухум-2021. http://apsnyteka.org/4024-Argun_A_Istoriko-kulturnoe_issledovanie_Anakopijskogo_arhitekturnogo_kompleksa_v_kontekste_istorii_Abkhazii_2-15_vv.html

АФАНАСЬЕВ Г.Е. О строительном материале и метрологии хазаро-аланских городищ бассейна Дона // Поволжская археология. № 2, 2012. ИА РАН. М. 2012. С. 29–49.

БГАЖБА О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). «АЛА-ШАРА». Сухуми, 1977.

ГАБЕЛИЯ А. Н. Абхазия в преантическую и античную эпохи. Сухум, 2014.

ГАЙДУКЕВИЧ В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы. // Известия ГАИМК. 1934а. Выпуск 104. С. 211–315.

ЗЕЕСТ И. Б. Керамическое производство и античные строительные материалы. // САИ-Г 1–20 М.: Наука, 1966

МОИСЕЕВ Д. А. Средневековая строительная керамика Херсонесского городища: технологическая типология // Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и средневековье. Севастополь, 2012. Вып. VIII (III). С. 179.

МОИСЕЕВ Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. вып. XVIII. Симферополь-Керчь. 2013. С. 162–186.

МОИСЕЕВ Д. А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. ММНК, Москва, 21–25 апреля 2014. М, 2014. С. 372–373.

МОИСЕЕВ Д. А. Технология изготовления строительной керамики Семираканского городища (конец VIII-начало IX вв.) // «Хазарский альманах». Т. 13. М. 2015.

РОМАНЧУК А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса // ВВ. 1976. Т. 37.

РОМАНЧУК А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург, 2004.

СВИСТУН Г. Е. Строительный материал и типология городищ Салтовской лесостепи // Проблеми на прабългарската история и култура. Том 4–1. София, 2007.

ТРАПШ М. М. Раскопки древнего Себастополиса в районе Сухумской крепости в 1959 г. // Труды АБИЯЛИ XXXIII–XXXIV. Сухуми, 1963. С 236–253.

ХРУШКОВА Л. Г. Раннехристианская двойная церковь в Пицунде в Абхазии / МГУ им. Ломоносова. Москва-Сухум, Абгосиздат, 2020.

ЯКОБСОН А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

Байбуртский А. М.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

О НАХОДКЕ КИТАЙСКОГО СЕЛАДОНА НА ПОСЕЛЕНИИ МАЛ-МУЗ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Bayburtsky A. M.

ABOUT THE FINDING OF THE CHINESE CELADON AT THE SETTLEMENT OF MAL-MUZ IN THE SOUTHWESTERN CRIMEA

Средневековое поселение Мал-Муз выявлено в 2020 г. при проведении сотрудниками Института археологии Крыма археологических разведок в Бахчисарайском районе Республики Крым. Объект археологического наследия (селище?), общей выделенной площадью 0,53 га расположен в Байдарской котловине в 1,7 км к ВЮВ от села Новобровское на частично залесенном, пологом с выходами скальных гряд участке склона южной композиции орографически правого (северного) борта оврага Юнус-Акаин-Чаирлар, в восточной части урочища Мал-Муз, на высоте 420–440 м над уровнем моря (рис. 1А).

Дневная поверхность поселения, за вычетом площадей, занятых под грунтовые дороги, задернована и покрыта травянистой или густой древесно-кустарниковой растительностью. В его центральной части местность носит следы искусственного террасирования. В рельефе визуально различима терраса со слабонаклонной площадкой длиной около 45 м и шириной около 20 м, ограниченная с З и ЮЗ уступом высотой 0,4–0,8 м (рис. 1Б). В двух точках пересечения уступа грунтовыми дорогами в обнажениях фиксируются остатки древних сооружений — кладки, выполненные из бутового камня (рис. 1В). В южной части поселения зафиксировано овальной формы всхолмление с просадкой в центре, ориентированное по длинной оси ССВ — ЮЮЗ, вы-

сотой 0,2–0,4 м и площадью 63 кв. м (9 х 7 м) (рис. 1Б).

При визуальном обследовании территории поселения был собран многочисленный подъемный материал, представленный разрозненными фрагментами керамических изделий. Основные площадки сбора локализованы в центральной части объекта на террасе и ниже нее на склоне, они привязаны к обнажениям грунтового полотна проселочных дорог (рис. 1Б). Керамический комплекс с поселения включает образцы строительного изделия, тарной и кухонно-столовой посуды закрытых и открытых форм.

Строительная керамика в сборах представлена профильным фрагментом черепицы-калиптеры. К тарной керамике отнесены: фрагмент ручки амфоры с грушевидным туловом и дуговидными ручками XIII–XV вв., «трапезундская» группа по И. В. Волкову [1989, с. 87–91], по причерноморским классификациям «группа I, тип 2»; фрагменты плоской ручки и стенки двуручного кувшина или горшка XIV–XV вв., керамика группы Юго-Западного Крыма (ЮЗК) [Тесленко 2014].

Кухонно-столовая посуда разделена на без поливного (глазурированного) покрытия черепка и на поливную. К неполивной посуде отнесены: фрагменты сосудов закрытых форм (горшков и кувшинов) XIV–XV вв., в большинстве это изделия группы ЮЗК — закраины горшков с верхними прилепами плоских ручек, плоских ручек, желобчатого горла, плечиков с линейным орнаментом, стенок с гребенчатым линейно-волновым и зигзагообразным орнаментом, стенок с темно-коричневым черепком, доньев; фрагмент венчика красноглиняного сосуда с линейным горизонтальным орнаментом.

К поливной посуде, фрагментам столовых сосудов открытых форм, отнесены: венчик светлоглиняной чаши (не определен); венчик селадонного сосуда (определен В. В. Майко) (рис. 1:1); стенки и венчики, выделенные в группу производства Юго-Восточного Крыма (ЮВК) [Тесленко 2021: 77–78], по способу оформления внешней поверхности они разнесены по 4-м отделам по И. Б. Тесленко 2017. Отдел 3, с росписью белым ангобом под монохромной глазурью, вторая четверть — конец

XIV в. (рис. 1:2) [Паршина 1974: рис. 12; Айбабина 2005: рис. 11:1; Герцен, Науменко 2005: рис. 6:8–9; Адаксина, Мыц, Ушаков 2014: рис. 139 (к. о. 1); Тесленко и др. 2017: 252, цв. вставка 7:8]. Отдел 4, с росписью брызгами или пятнами пурпурно-коричневой краски (окисел марганца) под прозрачной светло-желтой или зеленовато-желтой поливой, вторая четверть XIV в. (рис. 1:3) [Бочаров, Масловский 2016: 21–23, рис. 11:4, 12:3; Тесленко и др. 2017: 252, цв. вставка 8:2–3, 9:1,3–9]. Отдел 5, с орнаментом сграффито самостоятельно или в сочетании с выемчатой техникой под монохромной глазурью, XIV в. (рис. 1:4) [Адаксина, Мыц, Ушаков 2010: рис. 109; Тесленко и др. 2017: 252–253, цв. вставка 13:1]. Отдел 6, с орнаментом сграффито и подцветкой рисунка двух или трех цветов, «Polychrome (Brown and Green) Sgraffito Ware», вторая половина XIV–первая половина XV вв. (рис. 1:5–6) [Тесленко и др. 2017: 254].

Как выше отмечалось, на поселении в единственном экземпляре найден фрагмент китайского селадонного сосуда (рис. 1:1), координаты (WGS-84) точки находки: N 44°29.638'; E 033°52.229'. Предмет, размерами 2,3 x 2,2 x 0,7–0,9 см, с черепком светло-серого цвета и толстым слоем голубовато-зеленой глазури с цеком, является обломком горизонтального венчика сосуда открытой формы. Его профиль соответствует сечению венчика селадонного блюда XIV в. из состава клада поливных сосудов, найденного в XIX в. в Благовещенском соборе Московского Кремля [Коваль 2010: 136, рис. 46:8]. В Крыму продукция из селадона единично встречается на городищах XIV–XV вв. Находки целых форм и фрагментов селадонных сосудов указанного периода опубликованы из Мангупа [Герцен, Науменко 2005: 263, рис. 19:4; 2016: рис. 29], Бахчисарая [Коваль, Волошинов 2005: 458, рис. 2], Чембало [Адаксина, Мыц 2016: рис. 89: к. о. 32], Солхата и округи [Сейдалиева 2020: 362–363, рис. 7], Солдае [Майко 2020: 129–130, рис. 2:7–8] и Алушты [Тесленко 2021: 109, рис. 129:3].

Таким образом, рассмотренный керамический комплекс с поселения Мал-Муз по атрибутивному материалу датируется в пределах XIV–третьей четверти XV вв. Находка китайского селадона на посе-

лении является уникальной для археологических памятников данного типа в горной Таврике и не имеет задокументированных аналогий в регионе.

Библиография

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л., УШАКОВ С. В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008–2009 годах // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. VIII. СПб., 2010.

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В.Л., УШАКОВ С. В. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. // Материалы Южно-крымской археологической экспедиции. Вып. XI. СПб., 2014.

АДАКСИНА С.Б., МЫЦ В. Л. Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2015 году // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XIII. СПб., 2016.

АЙБАБИНА Е. А. Керамика из раскопок золотоордынского поселения близ Феодосии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I. Киев, 2005. С. 229–246.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Поливная керамика с росписью марганцем (Византия и Золотая Орда) // Материалы Первого маджарского археологического форума. Пятигорск — Буденновск — 2012 / Археология Евразийских степей. Вып. 23. Казань, 2016. С. 20–38.

ВОЛКОВ И. В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках. Ростов на Дону, 1989. С. 85–100.

ГЕРЦЕН А. Г., НАУМЕНКО В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I. Киев, 2005. С. 257–287.

ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В. Е. Великоханский вектор в культуре региональных элит или к вопросу о золотоордынском периоде в истории Мангупа середины — второй половины XIV в. (обзор археологических источников) // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки. Симферополь, 2016. С. 36–49.

КОВАЛЬ В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII вв. Москва, 2010.

КОВАЛЬ В. Ю., ВОЛОШИНОВ А. А. Псевдоселадон из Бахчисарая // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. I. Киев, 2005. С. 457–461.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Импортная глазурованная керамика золотоордынского периода из раскопок Солхатского городища и памятников его ближайшей округи (по материалам исследований 1978–2019 гг.) // МАИЭТ. 2020. Вып. XXV. С. 359–390.

МАЙКО В. В. Экономические связи Сугдеи с Поволжьем и Средней Азией (на примере археологического материала) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Том 1. М., 2020. С. 127–131.

ПАРШИНА Е. А. Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодалная Таврика. Киев, 1974. С. 56–94.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014. С. 495–512, 541–560.

ТЕСЛЕНКО И. Б., ЛЫСЕНКО А. В., МАЙКО В. В., СЕМИН С. В. Новое поселение XIV–XV вв. у западного подножья г. Аю-Даг (Южный Крым) // История и археология Крыма. Вып. V. Симферополь, 2017. С. 172–196, 242–285.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Керамика Крыма XV века. Киев, 2021.

Балахванцев А. С.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ПТОЛЕМЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПЕРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Balakhvantsev A.

PTOLEMY AS A SOURCE ON THE HISTORICAL GEOGRAPHY OF WESTERN AND CENTRAL ASIA

В «Географии» Клавдия Птолемея (ок. 150 г.н.э.) приводится большое количество данных по исторической географии Передней и Центральной Азии. Однако при их использовании необходимо учитывать ряд особенностей, присущих творческой манере автора.

Оглавлению пятой книги «Географии», посвящённой «первым частям Великой Азии», предпослано замечание, что изложение будет строиться по провинциям (ἐπαρχίας) или сатрапиям (σατραπείας). Однако простое сравнение приводимого им списка с малоазийскими провинциями Рима эпохи принципата показывает, что Птолемей скорее имел в виду под ἐπαρχίας не провинции, а исторические области, и при этом комбинировал их, не считаясь с существующими административными границами. Так, Ликия и Памфилия описываются как две отдельные области (*Ptol. Geog. V. 3. 1, 5. 1*), хотя с 43 г.н.э. являлись одной провинцией. Столь же произвольным представляется присоединение к Галатии области Пафлагония, благодаря чему в состав первой попали города Абонутейх, Синопа и Амис (*Ptol. Geog. V. 4. 2, 3*). В действительности, западная часть южного побережья Чёрного моря входила в состав провинции Вифиния — Понт, включавшей в себя и Пафлагонию.

При описании регионов, лежащих к востоку от границ Римской империи, Птолемей упоминает в одном ряду как независимые царства (Великая Армения, Иберия, Албания), так и исторические области, известные еще современникам Александра Македонского (Ассирия, Дрангиана, Маргиана, Бактрия, Согдиана и др.), возможность отождествления которых с административными единицами Парфянского и Кушанского государств далеко не очевидна.

Следует отметить, что в «Географии» фигурирует область / царство Колхида, которая как политическая единица в середине II в. н. э. уже давно не существовала: прибрежные крепости — Апсар, Фасис, Диоскурия, Питиунт — были заняты римскими гарнизонами, а рядом с ними находились царства махелонов и гениохов, зидритов, лазов, апсиллов, абазгов, санигов [Меликишвили 1959: 370–371]. Однако Птолемей, «вливая новое вино в старые мехи», наполняет описание Колхиды свежими этно-политическими реалиями: упоминает новое название города Диоскурии — Себастополис, племена лазов, мегрелов и область последних — Эгриси (*Ptol. Geog. V. 10. 2, 5*). Такой «лоскутный» в хронологическом отношении характер описания той или иной территории (χωράν) встречается в «Географии» неоднократно.

Характерной чертой «Географии» является восходящее ещё к ионийским ученым, прежде всего — Гекатею Милетскому [Балахванцев 2021: 35], стремление проводить границы между частями и областями света по водным преградам (рекам). Так, Кир (Кура) «течёт вдоль всей Иберии и Албании, отделяя от них Армению» (*Ptol. Geog. V. 12. 3*). Аналогичным образом границей между Бактрией и Согдианой объявляется Окс (Амударья) (*Ptol. Geog. VI. 11. 1*). Однако общие утверждения о реках как границах зачастую не выдерживают сопоставления с конкретными историческими фактами. Например, поскольку столица Иберии в позднеэллинистическое и раннеримское время Армозика (Армазцихе) находилась на правом (южном) берегу Куры, то принятие точки зрения Птолемея с неизбежностью привело бы нас к абсурдному выводу, что крепость должна была принадлежать не Иберии, а Великой Армении. Единство

материальной культуры по обоим берегам Окса в его верхнем течении, а также наличие развитой системы фортификационных сооружений в горах Байсуна, свидетельствуют о том, что граница Бактрии проходила не по реке, а по горным хребтам в северо-западной части современной Сурхандарьинской области [Двуреченская 2019: 110].

В «Географии» присутствуют странные, противоречащие друг другу и здравому смыслу локализации областей, городов и племён. Так, в одном месте своего труда (*Ptol. Geog. VI. 9. 5*) Клавдий Птолемей помещает астауэнов в приморской части Гиркании, а в другом (*Ptol. Geog. VI. 17. 3*) — в северной части Арейи. Однако обе эти локализации не имеют ничего общего с действительностью. В списке прикаспийских народов ни у Страбона (*Strab. XI. 6. 1; 7. 1; 8. 8*), ни у Плиния Старшего (*Plin. NH. VI. 36, 46, 48*) астауэны не упоминаются. Что же касается Арейи, то расположенная между Гирканией и Парфиеной Астауэна (*Isid. Mans. Parth. 10–12*) просто физически не могла оказаться в ее составе.

Причины всех этих странностей заключаются в том, что в работе Птолемея допущено значительное преувеличение длины обитаемого мира в целом. Кроме того, области Центральной Азии по сравнению со своим действительным положением сильно сдвинуты на запад [Томпсон 1953: 394, 462–463; Ельницкий 1961: 204; Rapin 1998: 203, 214–216; Geus 2021: 27–28]. Достаточно заметить, что Маргиана, расположенная к северу и северо-востоку от Арейи, у Птолемея стала ее северной и даже северо-западной соседкой и простирается вплоть до места впадения Окса в Каспийское море, серьезно потеснив при этом Парфию. Естественно, что все это привело к поистине тектоническому сдвигу соответствующей географической номенклатуры, в ходе которого некоторые топонимы и этнонимы были буквально разорваны надвое. Так, город Нисайя оказался в Маргиане (*Ptol. Geog. VI. 10. 4*), а народ нисайев — в Арейе (*Ptol. Geog. VI. 17. 3*).

Отмеченные выше факты доказывают, что из-за сильного искажения географических реалий данные Птолемея нельзя накладывать на современную карту без определённой — подчас весьма серьёзной — коррекции.

Библиография

БАЛАХВАНЦЕВ А. С. Границы Кавказской Албании (IV в. до н.э.— III в. н.э.) // *Восток (Oriens)*. 2021. № 5. С. 31–42.

ДВУРЕЧЕНСКАЯ Н. Д. К вопросу о северной границе Бактрии // *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Бориса Анатольевича Литвинского (Москва, 16–18 апреля 2018 г.)* / Отв. ред. А. С. Балахванцев, Н. А. Маккавеев. М., 2019. С. 99–113.

ЕЛЬНИЦКИЙ Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961.

МЕЛИКИШВИЛИ Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

ТОМСОН Дж. О. История древней географии. М., 1953.

RAPIN C. L' incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décorage // *Bulletin of the Asia Institute*. 1998. Vol. 12. Pp. 201–225.

GEUS K1. Armenia in Ptolemy's Geography (ca. AD 150): A "Parody" of His Work? Some Corrections and Suggestions // *Electrum*. 2021. Vol. 28. Pp. 21–40.

Баранов А.В.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ НАРОДОВ КРЫМА:
ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ
2019–2021 гг.)**

Baranov A.V.

**INTER-ETHNIC AND INTER-REFESSIONAL RELATIONS
OF THE PEOPLES OF THE CRIMEA:
MAIN FACTORS OF DEVELOPMENT
(BY THE MATERIALS OF QUESTIONNAIRE SURVEYS
2019–2021)**

Тематика межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму обладает возрастающей актуальностью в условиях трансформации Причерноморья, необходимости обеспечения национальной безопасности России в приграничных регионах.

Цель статьи — выявить основные факторы развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму (2019–2021 гг.) на основе анализа результатов анкетных опросов.

В числе важных исследований упомянем работы этносоциологов О. В. Кульбачевской [Кульбачевская 2019: 106–118], Э. С. Муратовой, Л. Я. Дюльберова и А. И. Апселямова [Муратова, Дюльберов, Апселямов 2020]; географа А. Н. Яковлева [Яковлев 2020: 314–323].

Наша статья основана на применении вторичного анализа итогов анкетных опросов, их сравнении с данными опроса, проведённого коллективом политологов Кубанского государственного университета с участием автора.

Источниковая база включает в себя результаты: опросов ВЦИОМ (март 2020 г., n=1600 чел. старше 18 лет, август 2021 г., n=1200 чел., погрешность до 2,5%); опроса Института этнологии и антропологии РАН (2018 г., n=200 чел., погрешность до 2%); опроса Севастопольского государственного университета (2017–2019 гг., n=3200 чел., погрешность не более 3%); опроса КубГУ (2018–2019 гг., n=630 чел. от 16 до 39 лет, погрешность до 2,5%).

Судя по нашему опросу летом 2019 г., степень межэтнических контактов оценивалась как постоянная 38,7% опрошенных в Республике Крым (РК) и 19,2% в г. Севастополе; как регулярная и частая — соответственно ещё 25,1 и 17,6%. Частота межрелигиозных контактов ниже. Считали, что постоянно общались с людьми иной веры 33,7% респондентов в РК и 16,5% в Севастополе; регулярно и часто — ещё 25,3% в РК и 17,3% в Севастополе [Баранов, Донцова, Юрченко, 2020: 87–88].

Выявлен весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных в РК 41,3% полагали, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 66,5% — что они уважают языки, традиции и культуру других народов. В отношении русских и украинцев уровень интеграции оценивается выше. 76,5% респондентов в РК ответили, что не конфликтуют с другими народами русские, а 60,6% — что не конфликтуют украинцы. Считали, что русские в Крыму уважают языки, традиции и культуру других народов, 83,5% респондентов, а об украинцах так думали 72,2% [Баранов, Донцова, Юрченко, 2020: 91].

Большинство опрошенных нами положительно оценило состояние межэтнических и конфессиональных отношений. Но сказали, что лично пережили оскорбления либо конфликты на почве этнической и религиозной нетерпимости 30,6% опрошенной молодёжи в РК и 24,1% — в Севастополе. Сочли, что подвергались дискриминации по половому, возрастному, религиозному или национальному признаку 24,2% в РК и 19,5% в Севастополе [Баранов, Донцова, Юрченко, 2020: 94]. Опрос, проведённый О. В. Кульбачевской, показал, что 90% респондентов всех возрастов оценивали межэтнические отношения как спокойные и 78% —

как стабильные; лишь 3% полагали, что отношения ухудшаются [Кульбачевская, 2019: 114–115]. Такие оценки основаны на положительном восприятии воссоединения с Россией. При опросах ВЦИОМ 2020 и 2021 гг. 93% респондентов одобрили воссоединение [Опрос показал, 2020; Аналитический обзор, 2021].

Межэтническая и межконфессиональная дистанция выявляет уровень доверия между этническими группами, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК — 2,17 балла из возможных 9; украинцев — 2,61; крымских татар — 3,38; армян — 3,78. В г. Севастополе дистанции увеличены: к русским — 2,43 балла, украинцам — 2,91, крымским татарам — 4,26, армянам — 4,19. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий — 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, а мусульман — 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе. Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена семьи»): 56,9% в отношении русских, 46,2% — украинцев, 26,2% — крымских татар, 16,9% — армян. В отношении христиан установка абсолютной близости — 34,6%, а мусульман — 24,6%. Выявлен значительный потенциал терпимости. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в стране») в отношении украинцев — 0,8%, русских — 1,5%, армян — 6,2%, крымских татар — 7,7%. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости — 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. Точки риска — экономически депрессивный приграничный Джанкойский район, г. Симферополь и его пригороды [Баранов, Донцова, Юрченко, 2020: 97–98]. География напряжённости подтверждается в работе А. Н. Яковлева, который картографировал сведения о межконфессиональных конфликтах [Яковлев, 2020, 316–318]. Асимметрия межэтнических дистанций смягчается распространением дружеских отношений между представителями различных народов. Так, Т. В. Милюкова провела опрос 253 чел., установив, что не менее 69% русских респондентов имеет друзей-крымских татар. Лишь 3–5% опрошенных испытывают неудобства из-за этничности друзей. Свыше

70% респондентов в каждой из подвыборок полагают, что их этническая группа не влияет на дружеские отношения и они свободны в выборе друзей [Милюкова, 2020, 271–274].

Анкетные опросы студенческой молодёжи Крыма 17–25 лет, проведённые Е. В. Бродовской, А. А. Ирхиным, Л. П. Нелиной, О. В. Ярмач и др., подтвердили средний уровень распространения российской идентичности. Назвали себя в первую очередь гражданами Российской Федерации 48,3% опрошенных, жителями Крыма — 40,3%, жителями города или села — 20,0%, верующими — 10,6%, людьми своей национальности — 9,7%. Но российская идентичность вышла на первое место у 54% опрошенных русских, 37% крымских татар и 27% украинцев [Бродовская и др., 2019: 27, 30]. По выводам О. В. Кульбачевской [Кульбачевская, 2019: 115–117], Э. С. Муратовой и др. [Муратова, Дюльберова, Апселямова, 2020: 179–182], различия объясняются высоким уровнем урбанизации русских и относительно сниженным — украинцев и крымских татар; неравной степенью вовлечённости в политические практики. Исследование О. В. Кульбачевской дало более высокий уровень признания российской идентичности (67%), ещё 20% респондентов проявили двойную (российскую и региональную) идентичность [Кульбачевская, 2019: 113–114]. Крымский регионализм в данной связи имеет разные смыслы в восприятии основных народов полуострова: для русских он «подкрепляет» государственную приверженность, а для украинцев и крымских татар — конкурирует с ней.

Важным фактором межэтнических отношений является многоязычие. По данным О. В. Кульбачевской, 80% опрошенных назвали родным языком русский, а 16% — два языка. Полноценное владение русским языком характерно для всех респондентов, украинским — для 65%, крымскотатарским — для 6%. Существующий статус трёх языков в качестве государственных одобрили 81% респондентов. Полагали, что в школах должен изучаться русский язык, 89%, а только иные языки — 3%. [Кульбачевская, 2019: 112].

Итак, основными факторами развития межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму (2019–2021 гг.) являются: позитивная оценка состояния межэтнических и межконфессиональных отношений,

высокая их значимость для респондентов; асимметрия межэтнических и межконфессиональных дистанций и иерархии идентичностей трёх сравниваемых народов: русских, украинцев и крымских татар. Триада стабилизирует межэтнические отношения и уменьшает потенциал конфликтности. Сохраняется латентная конфликтность по линиям «русские — крымские татары», «христиане — мусульмане», и это требует проводить продуманную политику идентичности.

Библиография

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР. Качество жизни в Крыму-2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-v-krymu-2021>

БАРАНОВ А.В., ДОНЦОВА М.В., ЮРЧЕНКО И.В., ЮРЧЕНКО Н. Н. Конфликтно-генные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов. Краснодар, 2020.

БРОДОВСКАЯ Е.В., ИРХИН А.А., КАНАХ А.М., КАРЗУБОВ Д.Н., НЕЛИНА Л.П., ЯРМАК О. В. Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития. Севастополь, 2019.

КУЛЬБАЧЕВСКАЯ О. В. Этносоциальная ситуация и межэтнические отношения в Крыму // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 106–118.

МИЛЮКОВА Т. В. Напряженность в межэтнической дружбе представителей русского и крымско-татарского этносов в Крыму // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2020. № 1. С. 269–275.

МУРАТОВА Э.С., ДЮЛЬБЕРОВА Л.Я., АПСЕЛЯМОВА А. И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. 192 с.

ОПРОС ПОКАЗАЛ, как крымчане оценивают присоединение к России. URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html>

ЯКОВЛЕВ А. Н. Картографическое изучение динамики этноконфессиональных противоречий в Крым // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2020. Т. 6 (16). Вып. 3. С. 314–323.

Белоруссова Т. Е.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ПЕЛОПОННЕСА В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII–XIV вв¹.

Belorussova T. E.

ECONOMICAL CONNECTIONS OF THE PELOPONNESE IN THE SECOND HALF 13th-14th CENTURY MEDITERRANEAN

Пелопоннес, после 1204 г. ставший территорией этно-религиозного и социокультурного приграничья, являлся одним из центральных транзитных пунктов для средиземноморской торговли. Через его морские порты проходили итальянские (в первую очередь, венецианские) и византийские торговые пути, связывавшие Морею с Западной Европой, Причерноморьем и Левантом [Ragkou 2018: 1, 18]. Регулярное присутствие иностранных торговцев и пересечение западноевропейских и византийских экономических интересов, несомненно, оказывало влияние на внутреннюю жизнь полуострова, стратегические позиции на котором любой ценой стремились удержать как византийцы, так и венецианцы и франки [Matschke 2002: 787]. В докладе будет предпринята попытка определить, с какими средиземноморскими рынками был связан Пелопоннес во второй половине XIII–XIV в., и прояснить, как влияло обстоятельство пересечения византийских и западноевропейских торговых путей на внутреннюю жизнь полуострова и взаимоотношения внутри смешанного морейского населения.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

С XIII в. наиболее активную торговлю через Пелопоннес вели венецианцы, которым принадлежали два крупных транзитных порта полуострова Модон и Корон. Эти пункты использовались ими для перевозки местных товаров преимущественно на Крит и в Левант. Линейные перевозки Венеции в Романию проходили через Рагузу, Корфу, Модон, Корон, Крит, Негропонт, Константинополь и Тану. На маршрутах венецианских кораблей зачастую использовалась и франкская Кларенца, через которую, помимо романской линии, перевозились специи в направлениях Кипра и Бейрута, что подтверждают материалы совещания на Большом Венецианском совете от 3 июня 1305 г. Кларенца также служила венецианцам промежуточной остановкой при доставке хлопка из Македонии и с Ближнего Востока для снабжения текстильной промышленности республики св. Марка [Tzavara 2008: 235–240, 274].

Местные товары (шелк-сырец, изюм, оливковое масло) из Кларенцы, главного порта Ахейского княжества, также отправлялись в Апулию, Сиену и другие пункты назначения. После установления анжуйского сюзеренитета над княжеством (1267 г.) Кларенцу связывали регулярные коммуникации с Неаполитанским королевством, значение которых особенно возросло после смерти князя Гийома II в 1278 г. Анжуйские корабли перевозили самый продаваемый товар на Пелопоннесе — пшеницу, а возвращались в Италию с пелопоннесскими товарами. Кларенца к концу XIII в. стала центром неаполитанского рынка зерна, где покупатели, в первую очередь, венецианцы, закупали крупные партии для дальнейшей торговли [Tzavara 2008: 241–242]. В целом экономическая активность Ахейского княжества была значительно ниже итальянской, однако выгодное географическое положение его портов и сотрудничество с венецианцами поддерживало его экономику в течение XIII–XIV вв.

Наиболее активные контакты связывали венецианские порты Пелопоннеса с ближайшим Негропонтом (Эвбея) и Критом, о чем помимо свидетельств о перевозках в постановлениях венецианского Сената [Thiriet 1958: № 23, 74, 252, 301, 316] сообщают венецианские архивные документы Корона и Модона [Nanetti 1999: № 1.111, 3.33, 3.57, 3.68].

Последние, в частности, свидетельствуют об участии в экономической жизни и ведении дел с венецианцами греческого населения Романии. Документы говорят о сделках о продаже недвижимости, кредитовании и работе греческих моряков на венецианских торговых судах, причем фигурируют в них греки как с Пелопоннеса, так и из Фессалоники, Негропонта и с Крита [Nanetti 1999: № 1.111, 3.33, 3.68]. Особо примечателен документ из Корона от 8 июля 1371 г., в котором содержится распоряжение венецианца Марко Гранеллы из Кандии (Крит), проживавшего в то время в Короне, своему нотариусу Никите Хайретису (очевидно, греку) выделить кредит двум его бывшим греческим морякам — Николаю из Негропонта и Костасу Мазамурдису из Кандии [Nanetti 1999: № 3.33]. Следовательно, греческое население не было полностью изолировано венецианцами от торговых операций и экономической деятельности в своих колониях. Имело место и греко-венецианское сотрудничество на Пелопоннесе, что говорит об эволюции греко-латинских взаимоотношений ко второй половине XIV в. и определенной интеграции греков в весьма закрытую венецианскую среду.

Для византийской же торговли в Позднее Средневековье большое значение имела Монеувасия — единственный византийский порт на Пелопоннесе в XIII–XIV вв., расположенный на юго-восточной оконечности полуострова. Купцы из Монеувасии активно путешествовали по Эгейскому и Черному морям, ведя торговлю в большинстве важных портов Восточного Средиземноморья. Город с конца XIII в. обрел статус крупного экономического центра. В хрисовуле от июня 1301 г. императора Андроника II (1282–1328 гг.), дарованном монеувасиотам, особенно отмечалось выгодное географическое положение порта, а также разнообразие ремесел, сосредоточенных в городе, и внушительный опыт в торговых делах [Kalligas 1990: 102, 107–109]. Отметим, именно в Монеувасии производилась мальвазия — самое популярное вино для экспорта с Пелопоннеса [Ragkou 2018: 7]. Столь пристальное внимание императора может говорить об особом значении Монеувасии для экономики не только византийского Пелопоннеса, но и всей Византийской

империи. Освобожденные императорскими хрисовулами от налогов, монемвасиоты путешествовали от Константинополя и окрестностей к Черному морю и Болгарии, портам Фракии и различным островам Средиземного моря. Они перевозили пшеницу, вино, скот, шкуры и ткани. Торговля приносила Монемвасии хорошие доходы и превратила город в торговую силу, сравнимую, по мнению Х. Каллигас, с итальянскими городскими республиками [Kalligas 1990: 133–134].

В свою очередь, экономические успехи монемвасиотов неизбежно привели их к конкуренции с Венецией. Это соперничество могло проявляться в форме открытой вражды, что нашло отражение в материалах заседаний венецианского Сената в 1340 г., когда монемвасиоты в открытом море совершили нападение на венецианские корабли. Для урегулирования конфликта республика направила посла к императору, которому предписывалось выяснить обстоятельства этого нападения в ближайших к месту нападения Короне и Негропонте, что вновь свидетельствует о тесной связи этих двух портов. После расследования византийской стороне должен был выставлен счет для компенсации урона, в случае оплаты которого конфликт позволялось урегулировать мирным путем [Thiriet 1958: № 129]. Конкуренция их торговых интересов отмечается и позднее, в 1381 г., когда Сенат установил более высокую пошлину для вывоза мальвазии в другие регионы в сравнении с остальными винами Рومании [Thiriet 1958: № 601]. С другой стороны, это могло объясняться и более высокой стоимостью знаменитой мальвазии, поскольку в том же году Сенат постановил, что максимальная цена покупки вин из Монемвасии составляет 30 дукатов, тогда как на остальные вина Рومании максимальная цена определялась в 25 дукатов за амфору [Thiriet 1958: № 604].

Пелопоннес, таким образом, играл важную, хоть и промежуточную роль в длинной цепи венецианских перевозок. Морейские порты во многом зависели от торговых путей Средиземноморья, которые пролегали через их гавани. Находясь на пересечении западных и восточных торговых путей, транзитные пункты Пелопоннеса извлекали выгоду из экономических операций, связанных с морской торговлей. При этом, пожалуй,

лишь Моне́мвасия самостоятельно вела свои дела в Средиземноморье. Венецианские Корон и Модон тщательно контролировались республикой, а ахейские порты зависели от анжуйских сюзеренов и венецианцев. Что касается местного населения, то активная торговля, проходившая через Пелопоннес, становилась поводом как для конфликтов, так и для сотрудничества между греками и латинянами (венецианцами). Греко-венецианские конфликты на море отражали крайне сложные отношения между Византийской империей и Республикой. Сотрудничество же греков с венецианцами на Пелопоннесе говорит в пользу определенной мобильности греческого населения в венецианских факториях Восточного Средиземноморья, возможность для которой создавала именно активная торговля.

Библиография

KALLIGAS H. Byzantine Monemvasia. The sources / introd. by S. Runciman. Monemvasia, 1990. 292 p.

MATSHCHKE K. P. Commerce, Trade, Markets, and Money, Thirteenth–Fifteenth Centuries // The Economic History of Byzantium from the Seventh through the Fifteenth Century / ed. A. E. Laiou. Washington, 2002. Vol. 2. P. 771–806.

NANETTI A. Documenta Veneta Coroni & Methoni Rogata: euristica e critica documentaria per gli oculi capitals Communes Veneciarum (secoli XIV e XV). Athens, 1999. Vol 1. 440 p.

RAGKOU K. The Economic Centrality of Urban Centers in the Medieval Peloponnese: Late 11th–Mid-14th Centuries // Land. 2018. Vol. 7 (4), 153. P. 1–23.

THIRIET FR. Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Roumanie. Paris, 1958. Vol. 1. 247 p.

TZAVARA A. Clarentza: une ville de la Morée latine, XIIIe–XVe siècles. Venice, 2008. 322 p.

Близнюк С. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва

ПОТЕРЯННАЯ И НАЙДЕННАЯ РУКОПИСЬ: СПБ,РНБ. ИТАЛ. Q. IV. N. 21.

Bliznyuk S. V.

LOST AND FOUND MANUSCRIPTION: SPB, RNB. ITAL. Q.IV. N. 21.

Жизни и судьбы древних рукописей часто сравнимы с самыми сложными и запутанными перипетиями жизней и судеб людей. Они хранятся в частных коллекциях и библиотеках, они продаются и покупаются, они теряются и забываются, их неожиданно находят и они вдруг становятся знаменитыми. Именно таковым является итальянский манускрипт, хранящийся в отделе рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге под шифром «Итал. Q. IV. N. 21». Он прошел через все вышеназванные стадии своего существования, кроме последней. Наша задача состоит в том, чтобы представить рукопись профессиональному сообществу медиевистов и привлечь к ней его внимание.

Манускрипт «Итал. Q. IV. N. 21» является дневником путешествия трех венецианских купцов Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле, отправившихся в паломничество по Святой земле в 1588 г. и оставивших о нем свои ежедневные записки. Они вышли 22 февраля 1588 г. из города Алеппо, где они постоянно проживали, вели свои торговые дела и называли себя “*habitanti d’Aleppo*”. Они прошли через города Хомс и Хаму в Дамаск, где они задержались на три дня и с дотошностью осмотрели все христианские святыни, равно как и мечети, сады и дворцы турецких правителей и где они были радушно приняты пашой Дамаска. Затем их путь лежал к Иерусалиму. Они прошли через Галилею, Самарию

и Иудею. Их интересовала каждая церковь, каждое здание, каждый памятник, каждая цистерна или фонтан. Они с радостью общаются с местными жителями, среди которых было много христиан. Они восторгаются природой и искусством местных земледельцев. Знакомству с Иерусалимом и его окрестностями венецианцы посвящают целую неделю. Сопровождают их по городу и всячески опекают братья францисканцы, являвшиеся с середины XIV в. признанными Римской курией хранителями Святой земли. Тем же путем они вернулись из Иерусалима в Дамаск, а оттуда через Бейрут добрались до Триполи, где взошли на корабль и отправились в Венецию. Их путешествие закончилось 30 марта 1588 г.

Сочинение, оставленное нам в наследство венецианскими путешественниками, написано на итальянском языке. Дневник, дошедший до наших дней, является копией, сделанной, вероятно, на рубеже XVI–XVII вв. Однако точная дата копирования рукописи и имя писца в ней отсутствуют. Не позднее начала XVIII в. на первом дополнительном листе (f. Ir-v) был написан список литературы о Святой земле. Самая поздняя книга, вошедшая в список, была издана в 1715 г. Список написан другой рукой, и является более поздним по сравнению с самой рукописью. На этой же странице есть пометка некоего Иоанна Батисты Мартина, который в 1727 г. брал рукопись для чтения. Через месяц он возвратил рукопись. Куда именно и кому, не сказано. Вероятно, он вернул ее в библиотеку. Однако список литературы, приведенный ниже, был составлен не им, поскольку написан другой рукой. Текст рукописи переписан писцом, почерк которого также не совпадает с рукой Иоанна Батисты Мартина и отличается от руки писца, составившего список литературы. Таким образом, в рукописи явно различаются три почерка, принадлежащих разным людям.

В рукописи 45 листов (r-v), плюс два дополнительных листа под номером “I”. Ее размер — 19 x 14 см; ее толщина — 7–8 мм. По всей видимости, переплет рукописи был сделан позже ее создания. Сзади имеется пометка, в которой сказано, что рукопись была найдена среди старых вещей, имела повреждения и затем была получена от сына Карла Каневале Пардозо. Ее вес (или цена) по сравнению со старым вариантом

увеличился на 1 либру. В связи с этим я предполагаю, что рукопись была реставрирована, получила новую, имеющуюся и сейчас пергаменную обложку и затем попала в руки Карла Каневале. Кому именно была передана рукопись от сына Карла Каневале, к сожалению, не уточняется.

Оригинал рукописи нам найти не удалось. Ее копия происходит из книжного собрания Паоло ди Бруски (1742–1813). На листе «f. 1r» внизу об этом имеется запись: «из книг Паоло де Бруски» (*”ex libris Pauli de Bruschi”*). Фамилия Бруски владела типографией в Реджо Романо, прославившейся своими первопечатными изданиями и частной коллекцией книг [Dizionario, XI]. В XIX в. рукопись хранилась в библиотеке Бальдассарре Бонкомпаньи (1821–1894 гг.), известного итальянского математика, издателя, коллекционера рукописей и книг. На момент его смерти его книжная коллекция насчитывала 650 рукописей и 20 тысяч печатных изданий [Pellegrin 1975: 217–219; Dizionario XI: 704–709; Boncompagni 2013: 4–7]. Наша рукопись из библиотеки Бонкомпаньи впервые была описана Энрико Нардуччи в 1862 г. [Catalogo 1862: 104]. В 1890 г. она упомянута Р. Рёрихтом [Röricht 1890: 160] (по каталогу Нардуччи) и датирована XVI в. После этого рукопись «пропала», и более никогда не упоминалась в историографии. На самом деле, после смерти Бальдассарре Бонкомпаньи его книжная коллекция ненадолго оказалась в библиотеке Ватикана, а затем была просто распродана. На рубеже XIX–XX вв., вероятно, в результате названной распродажи она оказалась в Петербурге. На переплете рукописи стоит штампель Императорской библиотеки и дата поступления рукописи в библиотеку — 1901 г. В 1905 г. рукопись была описана в «Отчете Императорской публичной библиотеки» как рукопись XVI в. с неверной датировкой самого путешествия, предпринятого венецианцами, согласно «Отчету», в 1388 г. [Отчет 1905: 237]. Неверная датировка путешествия сохраняется в описи Российской Национальной библиотеки и по сей день. Последняя пометка о том, что рукопись насчитывает 47 листов, была сделана на переплете манускрипта сотрудником Российской Национальной библиотеки в 1948 г.

В течение длительного времени манускрипт, к сожалению, оставался не востребовавшимся, непрочитанным, забытым, а потому неизвестным для исторической науки. В современном каталоге библиотеки Бонкомпаньи, составленном в 2013 г. Роном Томсоном и Менсо Фолькертсом, рукопись описана по каталогам XIX в. Э. Нардуччи и Р. Рёрихта со знаком вопроса о месте ее современного хранения и ошибкой транскрипции имени "Cornaretto" как "Comaretto" [Boncompagni 2013: 30], которая перекочевала в их каталог из описи Энрико Нардуччи 1862 г. Судя по всему, хранящаяся в Санкт-Петербурге копия, является единственным экземпляром текста путешествия Пьетро Кверини, Бернардино Корнаретто и Бернардино Коле, дошедшего до наших дней, и совсем не исчезнувшим, а просто надолго забытым, затерявшимся в рукописных собраниях российских библиотек. Таким образом, рукопись уникальна сама по себе, и неординарна ее судьба.

Рукопись написана на простом, разговорном итальянском языке, но не на венецианском диалекте, разве что с некоторыми вкраплениями венецианских диалектизмов. Кто конкретно является автором сочинения, сказать невозможно. Повествование ведется от первого лица множественного числа.

Библиография

Отчет императорской публичной библиотеки. СПб, 1905.

Boncompagni Manuscripts: Present Shelfmarks / Ed. by Ron B. Thomson and Menso Folkerts. Beta Version 1. Mai. 2013; Version 2. Oct. 2019.

Catalogo di manoscritti ora posseduti da D. Baldassarre Boncompagni compilato da Enrici Narducci. Roma: Tipografia delle Scienze Matematiche e Fisiche, 1862. (seconda edizione: Roma, 1892).

Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1969. Vol. XI.

PELLEGRIN E. Les manuscrits classiques latins de la Bibliothèque Vaticane. Paris: Éditions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1975. Vol. I.

RÖHRICHT R. Bibliotheca geographica Palaestinae: chronologisches Verzeichnis der auf die Geographie des Heiligen Landes bezüglichen Literatur von 333 bis 1878; und Versuch einer Cartographie. Berlin: Reuther, 1890.

Борисова Г. А.

Российский государственный гуманитарный университет,
Филиал РГГУ в Гватемале

МИРОВОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЗАТОПЛЕННЫХ ПАЛЕОЛАНДШАФТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЧЕРНОГО МОРЯ

Borisova G. A.

WORLD EXPERIENCE IN THE STUDY OF FLOODED PALEOLANDSCAPES AND PROSPECTS FOR ITS APPLICATION IN THE NORTHERN PART OF THE BLACK SEA

Введение

В рамках настоящего исследования особое внимание будет уделено опыту изучения затопленных палеоландшафтов в Северной Америке. В периоды ледниковых максимумов обнажались обширные территории суши, соединявшие Евразию и Северную Америку, в связи с чем исследование затопленных палеоландшафтов является ключевым фактором для понимания и интерпретации раннего заселения человеком Американского континента. В настоящее время в Европейских странах проводятся активные исследования континентального шельфа и затопленных палеоландшафтов. В Северной Америке данной теме уделяется меньше внимания, хотя подобные исследования позволяют ответить на вопросы о сроках заселения Американского континента.

Стоит отметить, что восточное и западное побережья Американского континента существенно отличаются друг от друга с точки зрения геоморфологии. В целом, вдоль восточного побережья Северной, Центральной и Южной Америки находятся большие площади

континентального шельфа, с небольшими глубинами и множеством заливов и эстуариев. Вдоль западного побережья полоса континентального шельфа гораздо уже, кроме того, это зона вулканической, сейсмической и тектонической активности, а также сильных течений, что негативно влияет на сохранность находок [Faught, Gusick, 2011]. Таким образом, реконструкция затопленных палеоландшафтов Тихоокеанского побережья и поиск затопленных памятников в данном регионе являются гораздо более трудными задачами. Наиболее высока вероятность обнаружить следы пребывания человека в заливах, бухтах и вокруг некоторых групп островов. Тем не менее, на настоящий момент работы по выявлению затопленных палеоландшафтов ведутся на обоих побережьях.

Северные широты

Сложность и дороговизна подобного рода исследований в высоких северных широтах значительно ограничили возможности археологов по поиску подводных археологических памятников на территории Берингии. Подводные исследования затопленных археологических памятников два раза проводились в восточной Берингии, только один раз в центральной и ни разу в западной Берингии (на территории России).

Наиболее интересны результаты исследовательской работы, которую Е. Дж. Диксон и К. Монтелеоне начали в 2010 году на континентальном шельфе вокруг архипелага Александра. В первую очередь были исследованы районы, где местные рыбаки сообщили об обнаружении ряда артефактов на дне океана. Однако, как и в случае с некоторыми находками в Беринговом море, было невозможно проверить точные места обнаружения данных предметов. Проект «Врата в Америку» сфокусирован на поиске археологических памятников позднего плейстоцена на континентальном шельфе Берингии. В рамках проекта была разработана цифровая модель рельефа. Определенные места, демонстрирующие высокий потенциал для возникновения и сохранения археологических материалов, были определены с использованием принципов экологиче-

ской, поселенческой и ландшафтной археологии. Модель определила геоморфологические особенности рельефа на дне, аналогичные тем, которые содержат археологические материалы в наземных условиях. К ним относятся слияния рек, берега озер, заливы и бухты, источники пресной воды, пещеры и др. [Dixon, Monteleone, 2014]. Полевые исследования в 2010 г. проводились с использованием гидролокатора бокового обзора, а также ТНПА, оснащенного двумя видеокамерами (с широким и стандартным углом обзора), внешними источниками света и пробоотборником. Комплексные междисциплинарные исследования, использующие данные батиметрии, сейсмического профилирования и отбор кернов, позволяют исследователям реконструировать палеоландшафты различных временных периодов [Dixon, Monteleone, 2014].

Кроме того, примечательно, что один из скелетов мамонта, датированный 6200 г. до н.э. был обнаружен на дне гавани Святого Павла, что свидетельствует о том, что археологический материал способен пережить морские трансгрессии и влияние морской среды [Yesner, Fisher, Tedor, 2010].

В настоящее время в северо-восточной части Канады активно ведется работа по реконструкции затопленного палеоландшафта острова Ньюфаундленд. В рамках данного проекта К. Уэсли предложил 7-ступенчатую модель исследования затопленных палеоландшафтов. Каждый из этапов требует междисциплинарного сотрудничества и интеграции компьютерного моделирования, геофизических исследований, интерпретации палеоландшафта, палеоэкологического анализа и археологических исследований [Westley et al., 2011].

Мексиканский залив

На полуострове Флорида и его ныне затопленном континентальном шельфе было зарегистрировано наибольшее количество затопленных доисторических памятников и отдельных артефактов. Находки в основном относятся к позднему плейстоцену, а также раннему и среднему голоцену. Кроме того, штат Флорида имеет развитое законодательство

в сфере охраны подводного культурного наследия, которое изначально было разработано для защиты мест кораблекрушений при разработке месторождений полезных ископаемых на дне Мексиканского залива, а позже было экстраполировано на любые объекты подводного культурного наследия, включая затопленные палеоландшафты.

Важным аспектом реконструкции затопленных палеоландшафтов в данном регионе является моделирование русел рек и озер, рядом с которыми было возможно проживание человека, т.к. наиболее ранние выявленные наземные археологические памятники находятся вдоль русел рек и возле других источников пресной воды. Континентальный шельф Флориды представляет собой карстовое плато, которое сильно промывают русла рек, что позволяет реконструировать палеорусла рек, которые в настоящее время находятся под водой [Faught, 2014].

Один из наиболее успешных проектов по изучению затопленных палеоландшафтов Мексиканского залива проводился в начале 2000-х гг. в заливе Апалачи. Вдоль палеорусла реки Аусилла, которое в настоящее время находится под водой, было обнаружено большое количество археологических памятников. В настоящее время они находятся на расстоянии 6–9 км от современной береговой линии и на глубине от 4 до 6 м.

Во время последнего ледникового максимума береговая линия находилась на расстоянии приблизительно 185 км от современной, открывая обширные пространства, пригодные для жизни и хозяйственной деятельности человека. Для реконструкции затопленного палеоландшафта использовался широкий набор данных. Гидролокатор бокового обзора и профилограф применялись для изучения геоморфологии дна и выявления наиболее перспективных зон для обследования подводными археологами. Кроме того, для получения дополнительных сведений использовались батиметрические карты и материалы аэрофотосъемки, которая прекрасно себя зарекомендовала при работах на небольших глубинах [Faught, 2004].

В рамках последующих водолазных обследований было обнаружено большое количество каменных орудий, датированных различными

периодами — от позднего плейстоцена до раннего голоцена. Водолазные обследования проводились в 52 местах, выбранных с помощью предварительного исследования, и в 36 из них был обнаружен археологический материал. В результате проекта было поднято более 4500 фрагментов обработанного камня, датированных от позднего плейстоцена до среднего голоцена [Faught, 2004].

Тихоокеанское побережье, Мексика

Работы по реконструкции затопленных палеоландшафтов ведутся и на Тихоокеанском побережье — отдельно стоит отметить проект по изучению затопленных палеоландшафтов вокруг острова Эспириту-Санто (Мексика). В ходе первой фазы проекта была проведена реконструкция палеоландшафта вокруг русла реки, и выявлены наиболее перспективные зоны для дальнейших подводных работ, в том числе с учетом интенсивности течений, осадконакопления и других факторов, влияющих на сохранность памятников и возможность их обнаружения [Faught, Gusick, 2011].

Заключение

Многочисленные результаты подводных археологических исследований в США и Европе свидетельствуют о том, что археологический материал периода плейстоцена способен пережить многочисленные трансгрессии и агрессивное влияние морской среды. В США в настоящий момент активно разрабатываются различные модели и алгоритмы, позволяющие моделировать палеоландшафты и выявлять наиболее перспективные участки для подводных исследований. По мере развития технологий моделирования палеоландшафтов становится все более очевидным, что данные модели должны быть региональными и учитывать, прежде всего, геологические, палеоэкологические и археологические особенности конкретного региона, для которого они разрабатываются. Тем не менее, представляется крайне перспективным применение

данных моделей для оценки археологического потенциала Черного моря, особенно его северной, наименее глубокой части. Изучение затопленных палеоландшафтов является важным фактором для понимания и интерпретации раннего заселения человеком территорий вокруг Крымского полуострова, которые в настоящее время находятся под водой. Кроме того, подобные исследования предоставляют возможность получить новые сведения об изменениях климата и реакции человека на изменение уровня моря, о путях миграции и ранней эксплуатации биологических ресурсов Черного моря. В настоящее время данные вопросы остаются малоисследованными, тем не менее, отдельно стоит выделить работы под руководством В. В. Янко-Хомбах, в том числе «Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия древнего человека за последние 30 тысяч лет» [Янко-Хомбах 2011].

Библиография

ЯНКО-ХОМБАХ В.В. и др. Колебания уровня Черного моря и адаптационная стратегия древнего человека за последние 30 тысяч лет // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. — 2011, № 2. С. 61–94.

DIXON J. E., MONTELEONE K. Gateway to the Americas: Underwater Archeological Survey in Beringia and the North Pacific / Prehistoric Archaeology on the Continental Shelf. — Springer, 2014. — P. 95–114.

FAUGHT M. K. Remote Sensing, Target Identification and Testing for Submerged Prehistoric Sites in Florida: Process and Protocol in Underwater CRM Projects / Prehistoric Archaeology on the Continental Shelf. — Springer, 2014. — P. 37–52.

FAUGHT M. K. The Underwater Archaeology of Paleolandscapes, Apalachee Bay, Florida // American Antiquity, 2004. — 69 (2). — P. 275–289.

FAUGHT M. K., GUSICK A. E. Submerged Prehistory in the Americas / Submerged Prehistory. — Oxford, 2011. — P. 145–157.

LACROIX D., BELL T., SHAW J., WESTLEY K. Submerged Archaeological Landscapes and the Recording of Precontact History: Examples from Atlantic Canada / Prehistoric Archaeology on the Continental Shelf. — Springer, 2014. — P. 13–36.

MONTELEONE K., DIXON J. E., WICKERT A. D. Lost Worlds: A predictive model to locate submerged archaeological sites in SE Alaska, USA // Conference: e-Papers from the 40th Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology. — UK: Southampton, 2012. — Volume: Archaeology in the Digital Era. Volume II.

WESTLEY K., BELL T., PLETS R., QUINN R. Investigating Submerged Archaeological Landscapes: a research strategy illustrated with case studies from Ireland and Newfoundland, Canada / Submerged Prehistory.— Oxford, 2011.— P. 129–144.

YESNER D., FISHER D., TEDOR R. Mammoths under stress: Stable isotopic analysis of mid-Holocene mammoth teeth from the Pribilof Islands, Bering Sea, Alaska // Abstract from the International Council for Archaeozoology.— Paris, 2010.

Боровой В. Р.

Белорусский государственный университет, г. Минск

ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АДМИНИСТРАЦИИ СИ ЦЗИНЬПИНА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Borovoy V. R.

THE EASTERN MEDITERRANEAN IN THE FOREIGN POLICY OF THE XI JINPING ADMINISTRATION: NEW TRENDS AND THEIR INTERPRETATION

Новая роль Китая в Восточном Средиземноморье?

Восточное Средиземноморье как регион традиционно занимало довольно маргинальное положение во внешней политике КНР. Например, в фундаментальной монографии Джона Гарвера, посвященной истории внешней политики КНР примерно до начала администрации Си Цзиньпина, практически не упоминаются страны Восточного Средиземноморья как объект интереса для Пекина, а из стран Ближнего и Среднего Востока лишь Иран примерно с конца 60-начала 70-х гг. XX в. рассматривается как достаточно важный стратегический партнер КНР [Garver 2016]. Также можно отметить, что в годы холодной войны появилась лишь одна монография на английском языке, специально разбирающая проблемы взаимоотношений КНР и стран Ближнего Востока в эпоху Мао Цзедуна [Shichor 1979]. Заслуживает внимания то, что Исхак Сикор утверждал, что в конце 70-х гг. XX в. «реальное влияние Китая на Ближнем Востоке является, вероятно, таким же малым, как и в середине 1950-х гг.» [Shichor 1979: р. 6], что, с его точки зрения, объяснялось рядом факторов (в том числе, удаленность, ограниченность китайских возможностей, отсут-

стве общей идейной основы для сближения, поддержка местных коммунистических движений со стороны КНР и т.д.), главным из которых он считает то, что Китай не рассматривал Ближний Восток вне контекста противостояния двух сверхдержав (т.е. иначе как часть «промежуточной зоны», в терминологии Мао Цзедунa) и не испытывал никакого интереса к региону как таковому.

После начала реформ в 1978 г. и введения во внешнюю политику Дэн Сяопином принципа «отстраненности» («超脱»), означавшего, что Китай отказывается от вовлечения в проблемы и конфликты, которые не затрагивают его непосредственно, ограниченный стратегический интерес эпохи Мао, постепенно сменился практическим деловым сотрудничеством, что выразилось, в частности, в росте торговли и экономической помощи со стороны Китая, который не сопровождался попытками навязывать какие-либо идеологические нормы странам региона. Тем не менее, стремление Китая держаться в стороне от региональных конфликтов ограничивало его влияние здесь.

Начиная с 2010 г. появилось не менее пяти монографий и сборников статей на английском языке, посвященных внешней политике КНР на т.н. «Большом Ближнем Востоке», включающем Восточное Средиземноморье [Chaziza 2020; Clarke et al. 2020; Ehteshami and Horesh, 2018; Horesh 2016; Kemp 2010; Reardon-Anderson 2018], причем в некоторых из них говорится о возвращении Китая на Ближний Восток после более шестивекового перерыва (имеются ввиду путешествия Чжен Хэ в Индийский океан в первой трети XV в.). С учетом вышесказанного, возникают следующие вопросы: 1) с чем связан очевидно возросший в последнее десятилетие взаимный интерес КНР и стран региона? 2) каковы основные препятствия на пути дальнейшего расширения китайского присутствия в регионе?

Причины роста интереса КНР к региону Восточного Средиземноморья

Синергитический потенциал китайского проекта «Один пояс, один путь» и региональных проектов транспортных коридоров (турецкий «Срединный путь», египетский «Vision 2030») и планов развития транспортной инфраструктуры.

Возможность участия в масштабных строительных проектах (помимо развития транспортной сети), в этом плане особенно большие возможности открываются для КНР в Сирии, хотя, как следует из приведенной ниже таблицы, эти возможности пока не используются, а на первом месте для Китая в этом плане стоит Египет.

Интерес КНР к технологическому потенциалу региона, что, прежде всего, касается Израиля (технологическое сотрудничество осуществлялось в 1990-е гг. в военной сфере, что вызвало серьезную озабоченность и ряд прямых запретов со стороны США, поэтому в 2000–2010-х гг. сотрудничество ограничивается в основном гражданской областью как, например, биотехнологии, нанотехнологии, искусственный интеллект).

Отдельно можно отметить, возможность для КНР поставлять вооружение на местные рынки (например, в 2015 г. был заключен контракт на 4,9 млн долларов с Иорданией, тогда же КНР участвовала в тендере на поставку систем ПВО в Турцию, правда, неудачно).

Основные препятствия на пути расширения китайского присутствия в регионе

Относительная близость ряда важных стран региона (Турция, Израиль, Иордания) и США создает риски для китайских инвестиций и чрезмерного вовлечения в инфраструктурные и иные проекты в этих странах.

Продолжающаяся нестабильность в регионе создает повышенные риски для участия китайских компаний в восстановлении Сирии и участия в строительных проектах в Ливане и Палестине (см. Таблица 1 ниже), с этим же, видимо, связана и достаточно сдержанная позиция КНР по поводу возможных инвестиций в страны региона, несмотря на их потенциально важную роль в рамках Нового шелкового пути для установления транспортных связей между Китаем и Европой через Западную Азию. Важным исключением является Египет, который является необходимой частью Морского шелкового пути и демонстрирует в последние годы явное нежелание прислушиваться к пожеланиям США.

Крайне неблагоприятный для стран региона торговый баланс, что вызывает у них серьезные опасения; например, в 2019 г. Турция

импортировала из КНР товаров на 17,3 млрд долларов США, тогда как ее экспорт в Китай составил за тот же период лишь 3,4 млрд долларов США, что стало одной из официально озвученных причин отказа Турции участвовать во втором саммите государств, участвующих в проекте «Один пояс, один путь» в 2019 г. Как явствует из приведенной ниже таблицы, в 2020 г. ярко выраженный негативный баланс в торговле с КНР по-прежнему оставался большой проблемой для стран региона.

Таблица 1. Некоторые показатели экономического сотрудничества между КНР и странами Восточного Средиземноморья в 2020 г.¹

Страна	Импорт товаров из КНР (млрд долларов США)	Экспорт товаров в КНР (млрд долларов США)	Объем строительных контрактов, выполненных китайскими компаниями в 2020 г. (млрд долларов США)
Турция	20,35	3,73	0,92
Египет	13,63	0,92	2,99
Израиль	11,25	6,3	1,49
Иордания	3,18	0,43	0,13
Ливан	0,95	0,032	0
Сирия	0,83	0,001	0
Палестина	0,1	0	0

Проблема уйгуров и мусульманских меньшинств в КНР негативно влияет на отношения КНР с Турцией и арабскими странами региона, тогда как тесное сотрудничество КНР и Ирана также может вызывать подозрения у отдельных стран.

Таким образом, несмотря на т.н. «возвращение» Китая на Ближний Восток через проекты «Одного пояса, одного пути» и очевидно возросший уровень взаимодействия между КНР и странами Восточного Средиземноморья, говорить о том, что КНР уже превратилась в нового ключевого игрока в регионе пока рано. Экономическая мощь КНР, проявляющаяся для стран региона в дисбалансах внешней торговли, может давать негативный эффект, тогда как политически и в военном плане КНР в регионе по-прежнему уступает США и России.

¹ Составлено на основании данных Национального статистического бюро КНР: 中国统计年鉴 2021. Табл. 11–5 и 11–22. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm>

Библиография

CHAZIZA M. China's Middle East Diplomacy: The Belt and Road Strategic Partnership: Sussex Academic Press; 2020.

CLARKE ME, SUSSEX ME, BISLEY NE, BEESON MC, BISLEY NC, CHAN L-HC, et al. The Belt and Road Initiative and the Future of Regional Order in the Indo-Pacific. Lanham, Boulder: Lexington Books; 2020. 245 p.

EHTESHAMI A, HORESH N. China's presence in the Middle East: the implications of the One Belt, One Road Initiative. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group; 2018. 219 p.

GARVER J. W. China's quest: the history of the foreign relations of the People's Republic of China. New York, NY: Oxford University Press; 2016. 868 p.

HORESH N. Toward well-oiled relations?: China's presence in the Middle East following the Arab Spring. Houndmills, Basingstoke, Hampshire; New York, NY: Palgrave Macmillan; 2016. 239 p.

KEMP G. The East moves West: India, China, and Asia's growing presence in the Middle East. Washington, D.C.: Brookings Institution Press; 2010. 326 p.

REARDON-ANDERSON J. The Red Star and the Crescent: China and the Middle East. London Doha, Qatar: C. Hurst & Co. (Publishers) Ltd.; 2018. 327 p.

SHICHOR Y. The Middle East in China's foreign policy, 1949–1977. Cambridge: Cambridge University Press; 1979.

刘畅. 拜登政府中东政策框架初探——内容、动因、制约. 和平与发展. 2021(06): 46–66+129–30.

刘中民. 对“阿拉伯之春”与中东民主化若干问题的思考. 国际政治研究. 2021; 42 (06): 33–55+5–6.

牛新春, 陈晋文. 全球能源转型对中东政治的影响. 现代国际关系. 2021(12): 1–9+57.

牛新春. 中国或成为中东转型的赢家. 世界知识. 2022(02): 72–3.

寿慧生, 何瑶. 新冠疫情下的中国与中东国家合作关系分析. 中国穆斯林. 2021(06): 82–7.

田文林. 西方大国对中东政治制度的塑造及其负面影响. 东方学刊. 2021(04): 64–79+125.

王联. 深化传统友谊共谋安全合作创新发展——中国与中东国家关系迈上新台阶. 人民论坛. 2022(01): 109–13.

余建华. 解读中东深刻变局 探析大国中东战略. 世界知识. 2018(20): 80.

余建华. 万隆精神下的新中国对阿外交与新时代的中阿关系. 阿拉伯世界研究. 2021(02): 3–16+157.

余建华. 中东局势演进刍议. 国际关系研究. 2021(06): 41–50.

赵婧, 李伟建. 相互尊重与新型国际关系——基于中国中东外交的话语与实践分析. 国际关系研究. 2022(01): 32–53+154–5.

Быстрицкий Н. И.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

Гришин Е. С.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕМАТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ КРЫМА

Bystritskiy N. I.

Grishin E. S.

ISSUES OF THEMATIC MAPPING OF THE CRIMEA

Тематическое картографирование относится к важным направлениям историко-пространственных исследований, однако его осуществление сопряжено с рядом сложностей, которые связаны с методикой построения тематических карт. Тем более это относится к комплексному картографированию, реализация которого в исторических работах остается редким явлением. Практика составления комплексных тематических атласов, которую можно проследить на примере атласов отдельных областей, разработанных в 1960–70-е гг., показала высокую эффективность совмещения разнотематических карт одного региона в едином сборнике. Это значительно повышает информативность каждой отдельной карты при сопоставлении их с картами прочих тематик, позволяет проследить связанность и преемственность картографируемых явлений и процессов.

Исторические карты в региональных атласах обычно занимают небольшой сегмент и представлены, как правило, картами формирования территории региона, изменений административно-территориального деления и основных военно-политических событий, происшедших на рассматриваемой территории. Такая несоразмерность и тематическая ограниченность может быть преодолена путем создания комплексных региональных атласов с цельной композицией

разных тематических карт. Сегодня возможности новейших компьютерных и картографических методов позволяют системно подходить к тематическому картографированию, как надёжному инструменту археологических, исторических, социально-экономических, антропологических, палеоклиматических и иных академических исследований. При этом важно опираться на международный опыт, который на сегодняшний день накоплен в проектах по исторической географии: “Digital Tabula Imperii Byzantini”, “Digital Atlas of Roman and Medieval Civilization”, “Digital Atlas of the Roman Empire” “Orbis: The Stanford Geospatial Network Model of the Roman World”, “Regnum Francorum Online”.

Создание комплексного исторического атласа регионального уровня требует апробации на репрезентативном и разнообразном материале, который позволит отработать приемы картографирования различных сторон развития исторической области. В качестве пробного периода был выбран Крымский полуостров в составе Таврической губернии в силу ряда его преимуществ: многообразие географической среды; наличие разных этнических и конфессиональных групп; различные формы освоения территории и хозяйственной деятельности; динамичные социально-экономические и демографические процессы. Кроме того, крымские уезды Таврической губернии представляют собой замечательный полигон для развития тем, связанных с исторической экологией: изменением топографических условий, обеспеченности и использования водных ресурсов, строительного материала. Кроме того, дополнительными доводами в пользу Крымского региона является высокая степень картографической изученности и обширная база источников, по которым может быть осуществлено картографирование.

Подготовка комплексного тематического атласа истории Крыма является актуальной задачей современных историко-географических исследований. Его создание позволит существенно облегчить проведение научных исследований в области истории и географии Крыма и сопредельных территорий, его связей с другими странами. Его состав

обеспечит серьезную визуальную базу для проведения образовательных и культурно-просветительских мероприятий, послужит важным вкладом в дело изучения и сохранения богатого культурного наследия.

При определении структуры атласа использовалось совмещение тематического и хронологического подходов: карты, посвященные хронологически стабильным разделам (общая география, климат, почвы и природные ресурсы) вынесены в общий раздел, без привязки к конкретному периоду. Отдельные разделы посвящены ходу изучения территории Крыма в период его нахождения в составе Российской империи (рост картографической изученности, маршруты путешествий, ход открытия и изучения памятников материальной культуры). Несколько разделов (по административно-территориальному делению, населенности) даны хронологической последовательности. Так, по населенности уездов было составлено 8 карт по отдельным хронологическим срезам. Всего было определено 15 тематических разделов, включая разделы по сельскому хозяйству, промышленности, финансам и торговле, образованию, топонимии региона, географии населения, медицине и другим темам.

Хронологически охват атласа составляет период с 1783 г. (присоединения Крыма к Российской империи) до 1917 г. Внутренние периоды определялись на основе общеисторической периодизации развития региона и доступности сведений по имеющимся источникам. Всего выделено четыре основных периода: 1783–1802 гг. от присоединения Крыма до образования Таврической губернии; 1802–1853 гг. — развитие губернии до начала Крымской войны; 1853–1890 гг. — Крымская война, её последствия и восстановление; 1891–1917 гг. — завершающий период.

Географический охват карт атласа имеет несколько масштабных уровней. Основной фокус направлен на построение карт Крымского полуострова. Вместе с тем, поскольку Крым входил в состав Таврической губернии, её материковые уезды также фигурируют на отдельных картах. Карты обзорного уровня (посвященные, например, пространственному анализу пришлого населения) включают в себя территории

соседних регионов. Ещё больший пространственный охват требуется для карт экономических связей и переселенческих потоков, в которых могут быть задействованы территории нескольких континентов. Каждый масштабный уровень требует проработки собственной общегеографической основы и проведения актуализация топографии региона: уточнению гидрографических объектов, ландшафтных зон и пр.

Состав атласа включает в себя источниковую базу, ведомости карт, классификаторы объектов, фактографический фонд (совокупность всех используемых при составлении карт таблиц), эталонную базу знаков. К источникам построения атласа относятся картографические материалы, отчеты путешественников и топографических обследований территории, нотариальные и финансовые документы, отчеты наместников и пр. Среди проблем составления атласа стоит указать разнородность данных и их неравномерность: сведения по разным периодам черпаются из разных источников с разными степенями доверия; периоды имеют различную освещённость. Все это находит отражение в способах картографирования и семантике карт.

Польза создания цифрового атласа по истории Крыма состоит не только в визуализации истории в формате картографических материалов, но и в накоплении положительного опыта комплексного исторического полимасштабного картографирования, формировании типовых решений наиболее востребованных историко-географических задач, которые могут возникать перед исследователями при разработке тех или иных вопросов изучения истории Крыма.

Васильев Д. В.

Московский городской педагогический университет, г. Москва

О. А. ИГЕЛЬСТРОМ — ОРГАНИЗАТОР УПРАВЛЕНИЯ ОКРАИНАМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Vasilyev D. V.

O. A. IGELSTROM — ORGANIZER OF THE MANAGEMENT OF THE OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

С историей гражданского освоения Крымского полуострова Российской империей связано имя Осипа Андреевича Игельстрема, ставшего 16 августа 1783 г. командующим войсками в Крыму. Именно ему было суждено стать проводником воли Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора Г. А. Потемкина, облеченной в высочайшие указы его августейшей покровительницы. О. А. Игельстром стоял во главе крымской администрации до 11 июня 1784 г., когда передал гражданское управление Крымом председателю Таврического областного правления В. В. Каховскому, а сам оставил военное командование 23 октября 1784 г. [Макидонов 2011: 172, 174].

Известно, что в июле 1783 г. под Карасубазаром к присяге на верность императрице были приведены представители крымской знати и духовенства. На первых порах государыня сочла это достаточным для легализации местной администрации, которая сохранялась вплоть до учреждения 10 июня 1784 г. Таврической области.

При непосредственном участии О. А. Игельстрема, а, возможно, и по его инициативе, управление делами полуострова было передано так называемому Крымскому земскому правительству, состоявшему из представителей местной элиты: бывших ханских чиновников, мулл и народных судей [Макидонов 2011: 173]. Первоначально свое

положение сохранили правители ханских округов — каймакамы и судьи, утверждавшиеся в должностях Г. А. Потемкиным [История 2017: 17].

Тем не менее, власть земского правительства фактически была номинальной. Все существенные вопросы решались российскими военными властями [Российская 2020: 22].

В период пребывания О. А. Игельстрема в должности командующего войсками в Крыму была предпринята первая и, наверное, одна из самых существенных административных реформ. Была образована Таврическая область, а на смену Крымскому земскому правительству пришло Таврическое областное правление, состоявшее, за исключением одного советника Мегметши-бея Ширинского, из российских чиновников. Отметим, что при этом предводителями областного дворянства оставались представители местной крымской знати [Макидонов 2011: 174–175].

Изданный 2 февраля 1784 г. указ «Об учреждении Таврической области» предписывал реорганизовать управление ею на общепринятых в Российской империи началах [Полное 1930: 17]. При этом подчеркивался временный статус области, на смену которой в перспективе должна была прийти ординарная российская губерния. 7 февраля были подписаны указы «О составлении Таврической области из 7 уездов и об открытии присутственных мест в оных городах» и «Об устройстве Таврической области» [Полное 1930: 20, 21]. Так в новой области вводилось общее для империи деление на уезды. А чиновников в уездные и областные присутственные места надлежало определять из числа коренного населения.

24 апреля 1784 г. в качестве временной меры были утверждены штаты области, которые дают исчерпывающее представление о понимании места Крыма в составе Российской империи. Кроме обычного для всех губерний правления (в нашем случае — областного), исполнявшего функции областных уголовной, гражданской и казенной палат, а также областного прокурора, надлежало организовать совестный и верхний земские суды, областной магистрат, верхнюю расправу и приказ общественного призрения. В уездах полагалось иметь нижний земский суд с ад-

министративными функциями, городские магистраты, нижние расправы и другие органы, аналогичные общеимперским [Российская 2020: 27]. Со значительной степенью уверенности можно утверждать, что к организации этих институций имел отношение и О. А. Игельстром.

Обратим внимание на то, что называя новые крымские владения областью, а не губернией, законодатель подчеркивал тем самым ее особое положение, определявшееся конкретной региональной политикой, предполагавшей сохранение местной специфики в администрации, суде и социальных отношениях. При этом такое положение воспринималось как временная мера на пути к превращению области в ординарную губернию империи [Дамбаева 2006: 204]. Заметим, что тот же принцип реализовывался российским правительством, например, во второй половине XIX в. в Казахской степи и Мавераннахре [Васильев 2022].

С именем О. А. Игельстрома связаны не менее масштабные преобразования в управлении казахами Малой орды. В 1784 г., после оставления крымского поприща, он получил назначение на должность генерал-губернатора Симбирского и Уфимского наместничества. С его именем принято связывать учреждение в Оренбурге Пограничного суда для подведомственных наказов. Однако соответствующее высочайшее повеление было дано его предшественнику А. И. Апухтину. Зато О. А. Игельstromу принадлежит реализация этого предписания. Этот суд во главе с представителем российской администрации состоял из равного количества русских и казахских заседателей [Васильев 2020: 338–339]. В развитие идеи об упорядочении казахского судопроизводства, О. А. Игельстром предложил в каждом из трех казахских родов учредить расправы под председательством родоначальника и в составе двух заседателей из казахских старшин и муллы [Материалы 1940: 71]. Эта идея была поддержана императрицей [Материалы 1960: 72–73].

Что же касается Пограничного суда, то верховная власть настаивала на том, что этот судебный орган ни в коем случае не должен был превращаться в административный [Полное 1930: 604–606]. Однако,

в условиях безвластия в Казахской степи, О. А. Игельстром вышел за рамки данных ему предписаний и придал Пограничному суду административные полномочия.

Еще одна задача была поставлена перед бароном О. А. Игельстромом — постепенная ликвидация ханской власти. На ее решение было направлено другое мероприятие. Воспользовавшись межклановой борьбой, он создал ханский совет с полномочиями хана Малой Орды.

Однако ни совет, ни расправы не стали пользоваться влиянием и авторитетом в Степи. А потому были ликвидированы. Возможно, именно это стало поводом для отставки О. А. Игельстрома в 1792 г.

Стоит заметить, главный оренбургский начальник осуществил важную волостную реформу на подведомственных ему башкирских землях. Сохранив волостную административно-территориальную структуру, он создал параллельную систему юртовой администрации, отказавшись от родовой организации, и заменив ее разделением на юрты по территориальному принципу.

Завершающий период пребывания О. А. Игельстрома на посту оренбургского военного губернатора в 1796–1798 гг. не связан с существенными преобразованиями. Возможно, возвращение О. А. Игельстрома обусловлено тем, что его преемник А. А. Пеутлинг вернулся к забытой практике масштабных карательных экспедиций, которые будоражили местную элиту, настраивая ее против российской администрации.

История карьеры барона О. А. Игельстрома является ярким примером того, как Российская империя использовала опыт, полученный администраторами на одной окраине, для распространения на другие регионы общей тенденции на их мирное вращение в единое, пусть и гетерогенное, имперское пространство.

Библиография

ВАСИЛЬЕВ Д. В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII — первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 606 с.

ВАСИЛЬЕВ Д. В. Российский колониализм в Центральной Азии: определяя время и место // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 58–73.

ДАМБАЕВА О. П. Область в системе государственного устройства и управления Российской Империи: XVIII — начало XX вв.: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 245 с.

История Крыма: в двух томах. Т. 2 / Российское историческое общество [и др.]; ответственный редактор А. В. Юрасов. Москва: Кучково поле, 2017. С. 17.

КОШМАН В. А. Органы государственной власти в Таврической области (1784–1796). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 238 с.

МАКИДОНОВ А. В. Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье: Просвіта, 2011. 336 с.

Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828 гг.): Т. 4 / под рук. М. П. Вяткина. М; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 543 с.

Материалы по истории политического строя Казахстана: со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции: Т. 1 / сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 441 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 22. СПб.: Тип. 2-го отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1168 с.

Российская империя и Крым / Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов, Д. А. Прохоров [и др.]; Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. 414 с.

Верченкова В. В.

Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург

ОСАДА ТУЛОНА 1793 Г. ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX–НАЧАЛА XX ВВ.

Verchenkova V. V.

THE SIEGE OF TOULON IN 1793 IN FRENCH HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH-EARLY 20TH CENTURIES.

Осада Тулона 1793 г.— сюжет, традиционно привлекающий внимание исследователей, и в силу того, что она стала важной вехой в истории Революционных войн Франции, и как первая ступень в военной карьере Наполеона Бонапарта. Напомню, что в 1793 г. город, не желая подчиняться якобинскому правительству, сдался войскам антифранцузской коалиции, но спустя три месяца был возвращен республиканцами. Хотя те события нашли отражение в исторической литературе, созданной еще современниками Революции, какого-либо отдельного труда о них долгое время не было: историки освещали происшедшее в общем контексте войны Первой коалиции.

Сочинения очевидцев осады имели, как правило, целью оправдание действий одной из участвовавших в ней сторон. В этой связи можно упомянуть работы Ксавье Лебре [Imbert X. Leuret 1814], Готье де Бреси [Gauthier de Brécy 1816] и Зенона Понса [Pons 1825], которые представляли тулонцев приверженцами королевской власти. Благодаря этим и другим подобным сочинениям, в обществе еще с эпохи Реставрации утвердилось представление о том, что тулонцы были искренними роялистами, мечтавшими о ликвидации Республики.

В последующей историографии осады Тулона можно выделить ряд проблем, которые в различные периоды трактовались по-разному. Во-первых, какими мотивами руководствовались горожане и являлись ли они предателями Революции? Во-вторых, был ли роялистом контр-адмирал Трогов, сдавший флот англичанам? В-третьих, как союзники при эвакуации поступили с поддержавшими их тулонцами? Эти сюжеты трактовались по-разному, в зависимости от политической конъюнктуры, взглядов самого историка и его национальной принадлежности.

Вопрос о мотивах сдачи города иностранцам являлся одним из самых болезненных для исследователей. Луи-Адольф Тьер писал о сдаче Тулона как о событии, «прискорбнее которого для Республики еще не бывало» [Тьер 2016: 116]. По его мнению, оно произошло в результате происков тайных агентов, интриговавших в пользу англичан и эмигрантов. Этих агентов автор винил в связях с английским адмиралом Худом и в готовности явиться к нему по первому же знаку. Ипполит Тэн впервые обратил внимание на то, что изначально протестное движение в Тулоне не было роялистским, а новое правительство, которое образовалось там в результате восстания 14 июля, хотело единой и неделимой Республики. И даже после смены власти в городе новая администрация Тулона продолжала снабжать провиантом французские войска в Италии [Тэн 1907: 21]. Критически настроенный к якобинцам Тэн писал, что «не желая вновь попасть в добычу бандитами, ограбившим и разрушившим его, изнуренный голодом Тулон решился принять в свои стены англичан и выдать им громадный арсенал южной Франции» [Тэн 1907: 22]. Таким образом, Тэн отказался от устоявшейся традиции обвинять тулонцев в изначальном роялизме и в связях с иностранными агентами. Он показал, что сдача города произошла в результате нежелания местных жителей сотрудничать с якобинцами.

Франсуа Олар признавал тот факт, что сначала Тулон восстал только против Горы, и только затем, с изменением военной и политической ситуации, там был провозглашен королем Людовик XVII, а город сдан

англичанам. Олар также утверждал, что хотя роялизм и был принят с развитием восстания, но, все же, это произошло под влиянием агентов эмиграции [Олар 1938: 462]. Военно-морской историк Леон Герен также считал, что переворот совершили тайные сторонники королевской власти и иностранные агенты [Guérin 1851: 430]. Тем не менее, по его мнению, Тулон в целом не был предателем нации и виновен гораздо менее, чем это принято считать, а всем манипулировал Генеральный комитет [Guérin 1851: 445]. Доменик-Мари-Жозеф Анри посветил целый труд истории Тулона с 1789 г. до 1799 г. Он обратился к муниципальным архивам Тулона, которые до него практически никто не использовал. Историк установил, что первыми пошли на переговоры с англичанами жители Марселя, которые затем уже и предложили Тулону сделать то же самое. Вместе с тем, по его мнению, тулонцы были единодушны в своем желании принять англичан и вернуть себе белый флаг [Henry 1855: 59].

Поль Коттен посветил свой труд исключительно осаде города. Он первым использовал и французские, и английские источники, а в конце своего труда опубликовал письма английских и испанских министров. Коттен детально проанализировал действия тулонцев перед сдачей города. Он не считал их предателями Республики, отмечая, что 19 июля английскому парламентарии, появившемуся с белым флагом Бурбонов, было приказано заменить его на триколор, который продолжал развеваться на фортах и на кораблях [Cottin P. 1898: 42]. Упоминание Республики сохранялось в официальных документах, как и обращение «гражданин», таким образом, в установленный порядок вещей старались вносить как можно меньше изменений. Даже если в муниципалитете роялисты и получали должности, то они были лояльными к Республике.

Контр-адмирала Трогова зачастую изображали главным предателем и ошибочно называли его иностранцем. Эту традицию заложил Тьер [Тьер 2016: 117]. Альбер Матъез писал, что англичане вошли в Тулон, по приглашению адмиралов Трогова и Шоссгро, которые отдали им лучшую эскадру [Матъез 1930: 20]. Коттен сообщал, что Трогов

обладал инструкциями Принцев или их представителей, которые призывали его не только не мешать, но и помогать союзникам во всех их операциях [Cottin 1898: 51]. Венсан-Феликс Брюн отмечал, что контр-адмирал был инструментом в руках Генерального комитета [Brun 1861: 216]. Леон Герен, в свою очередь, не изображал Трогова предателем, он писал, что тот не сопротивлялся распространению текста Конституции 1793 г., против которой выступили тулонцы [Guerin 1851: 432]. Также подписи адмирала не было на документах, которые санкционировали сдачу города и порта иностранцам. Луи-Эдуард Шевалье писал, что Трогов не предпринял никаких действий, узнав о решении пригласить англичан в город, из чего следовало, что он одобрял политику Комитета секций [Chevalier 1886: 75].

Когда французские историки касались темы эвакуации из города, то они обвиняли союзников в трусости и нежелании оказать помощь местным жителям. Тем самым демонстрировалась подлость участников коалиции. Герен осуждал англичан, называя величайшим преступлением тот факт, что эвакуация происходила втайне от тулонцев [Guerin 1851: 479]. Анри также следовал традиции, по его мнению, англичане были равнодушны к бедствиям тулонцев и не брали их на свои корабли. Он сообщал, что англичане даже отстреливались от беглецов, желавших попасть на борт [Henry 1855: 125]. Брюн писал, что англичане сначала отказывались принять тулонцев, за исключением нескольких руководителей, но, в конце концов, сжалились и приняли их [Brun 1861: 240]. Но благодаря анализу бортовых журналов английских кораблей, Коттен развеял миф о том, что англичане бросили местных жителей на произвол судьбы. Историк также впервые привел точное число эвакуированных из города (и союзников, и тулонцев), определив его в семь тысяч четыреста человек [Cottin. 1898: 321].

Таким образом, в историографии XIX—начала XX вв. осада Тулона расценивалась преимущественно как мятеж роялистов против Республики, а союзников обвиняли в фактическом предательстве доверившихся им горожан. Это происходило в силу того, что лишь немногие

исследователи использовали муниципальные архивы города или же документы из архивов держав Антифранцузской коалиции. В общих исследованиях по истории революции события осады излагались весьма кратко, поверхностно затрагивались лишь основные моменты. Более полную картину представляли собой труды по военно-морской истории. Только с середины XX в. начнется пересмотр устоявшихся точек зрения, хотя предпосылки к тому были заложены еще раньше. Анализ осады Тулона станет более глубоким и многогранным, а исследователи будут изучать данную тему в разных аспектах, привлекая всё новые источники.

Библиография

- МАТЬЕЗ А. Французская революция. Т. 3. М., 1930.
- ОЛАР А. Политическая история Французской революции. Ч. 2. М., 1938.
- ТЪЕР А. История Французской революции. Т. 2. М.: Захаров, 2016.
- ТЭН И. Происхождение современной Франции. Т. 4. 1898.
- BRUN V.-F. Guerres maritimes de la France: port de Toulon, ses armements, son administration, depuis son origine jusqu'à nos jours. Т. 2. Paris, 1861.
- CHEVALIER L.-E. Histoire de la marine française sous la première république: faisant suite à l'Histoire de la marine française pendant la guerre de l'indépendance américaine. Paris, 1886.
- GAUTHIER DE BRÉCY C.-E. Révolution royaliste de Toulon, en 1793 pour le rétablissement de la monarchie; manuscrit laissé à Londres en 1802. Paris, 1816.
- GUERIN L. Histoire maritime de France. Т.5. Paris, 1851.
- HENRY D. M.J. Histoire de Toulon depuis 1789 jusqu'au Consulat: d'après les documents de ses archives, Т. II. Toulon, 1855.
- IMBERT X. LEBRET. Précis historique sur les évènements de Toulon, en 1793. Paris, 1814.
- PONS Z. Mémoires pour servir à l'histoire de la ville de Toulon en 1793, Paris, 1825.

Гинькут Н. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь,

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ПОГРЕБЕНИЕ ДЕВОЧКИ С ПОДВЕСКОЙ- КОРАЛЛОМ ИЗ РАСКОПОК КОНСУЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV в.)

Ginkut N. V.

THE BURIAL OF A GIRL WITH A CORAL PENDANT FROM THE EXCAVATIONS OF THE CONSULAR CHURCH OF THE GENOESE FORTRESS CEMBALO (14 c.)

Исследования крепости Чембало ведутся более 20 лет. За этот период открыто пять храмов: один католический, три православных, один армянский, которые позволяют нам уточнить градостроительный облик и организацию сакрального христианского пространства крепости в XIV–XV вв. В этих храмах было раскопано более 50 могил, в которых погребено почти 400 человек [Адаксина, Мыц 2021: 213–214, 239]. Исследования погребений позволяют нам ближе познакомиться с христианской культурой жителей города, обрядом захоронения, ролью погребального инвентаря, включая амулеты и предметы благочестия.

Для средневековых памятников Крыма характерны массовые захоронения в пределах церквей или общинных кладбищ. Достаточно часто такие захоронения совершались не только внутри храма, но и рядом с ним [Майко 2007: 7]. Примером одного из подобных городских культовых объектов на крепости Чембало является храм № 1, или т. н. «консульская церковь Св. Николая», которая исследовалась Национальным заповедником

«Херсонес Таврический» и Харьковским государственным университетом им. Каразина. под руководством Н. А. Алексеенко и С. В. Дьячкова с 1999 по 2003 гг.¹.

Храм являлся составной частью сооружений консульского замка и, вероятно, был посвящен св. Николаю — покровителю и защитнику мореходов [Дьячков 2004: 246–255; Алексеенко др. 2015: 150]. Архитектура церкви проста и типична для многих храмов Крыма Позднего Средневековья. Это прямоугольный в плане однефный храм с алтарной частью в виде полукруглой апсиды. Во время раскопок были обнаружены многочисленные захоронения: 24 могилы с около 100 погребенными [Дьячков 2004: 249–251, рис. 1]. Наше внимание привлекла одна из могил (могила № 3), находящаяся в центральной части храма, в наосе, в 1 м от стены 4 [Дьячков 2004: 251, рис. 4; Алексеенко и др.: л.20–22, рис. 33–34]. Могила № 3 — двухъярусная. В верхнем ярусе, на глубине 0,25 м от уровня известкового поля (отметка –1,66) были обнаружены останки девочки (?) 3–4 лет в анатомическом порядке². Костяк ориентирован с юго-востока на северо-запад. Погребенная лежала на спине, в вытянутом положении, голова на затылке слегка повернута на восток, правая кисть находится у подбородка, левое предплечье под прямым углом к плечу, левая кисть под правым локтевым суставом, т.е. согнута в локте. Погребение было впускным и нарушило более раннее захоронение, от которого остались лишь нижние конечности (рис. 2). Остатки железных гвоздей, свидетельствуют о том, что захоронение было в деревянном гробу [Алексеенко и др.: л.20].

Хронология. Засыпь могилы 3 состояла из фрагментов амфор с дуговидными ручками типа Gunsenin IV, датируемые XIII–XIV вв., сосудов с темно-красным ангобом XIV в. типа А [Сазанов, Иващенко 1995: 124], кухонных горшков с шарообразным туловом группы ЮЗК по И. Тесленко XIV–XV вв. [Тесленко 2014: 495–500], поливных кухонных и столовых

¹ Выражаю свою признательность к.и.н. Н. А. Алексеенко и к.и.н. С. В. Дьячкову за возможность использования материалов.

² Анализ антропологического материала сделан судебными экспертами Д. Ю. Пономаревым, В. П. Смирновым.

сосудов XIV в., возможно, Константинопольского или Средиземноморского производства [Гинькут 2021], а также фрагментов поливной керамики под зеленой, салатной и желтой поливой, в том числе, декорированных растительным геометрическим орнаментом в технике «sgraffito» широким и узким резцом. Здесь же найдены фрагменты стеклянных сосудов, украшенные накладными нитями синеного стекла, возможно, итальянского производства конца XII -первой половины XIV вв.³ В слое 1 яруса над погребённой были найдены одна серебряная монета Узбека (1313–1341 гг.) и три медные Джанибека (1341–1357 гг.) [Алексеевко и др. 2001: л. 51–52].

Для хронологии данной могилы еще важна датировка материалов из нижнего яруса 2, в котором сохранились отдельные кости, возможно, подростка. Керамические материалы из данного слоя идентичны находкам яруса 1, однако в слое данного яруса найдены фрагменты бихромных поливных чаш византийского производства конца XIII–XIV вв. [Гинькут 2005: 104, рис. 3.27–28], а также золотоордынская монета Джанибека (1341–1357 гг.). К могиле 3 непосредственно примыкала могила 4, также двухъярусная. Находки из нее практически полностью повторяют представленные типы из выше описанных ярусов могилы 3. В добавление здесь же встречены фрагменты железных гвоздей с остатками дерева, что еще раз дает нам возможность полагать, что захоронения совершались в гробах. В данных контекстах присутствовали монеты золотоордынского чекана XIV в., медная Узбека (1313–1341 гг.), а также татаро-генуэзская 1473–1474 гг. Присутствие единственной монеты третьей четверти XV в., возможно, связано с ее попаданием в период более поздних подзахоронений или перестроек храма, когда поднимались плиты пола. Аналогичная ситуация складывается и по отношению к примыкающим захоронениям из могилы 4, и могилы 3–4. Здесь, помимо массового керамического материалы, присутствуют и импортные находки византийских чаш *Elaborate Incised Ware* и испанской посуды группа *Pula*, фрагмент стенки и ручки амфоры с клеймом *Gunsenin IV* [Алексеевко и др. 2001: л. 23–29], которые датируются по крымским памятникам и материалам из Азака в пределах

³ Аналогии: Fiorillo Rosa 2005: 141–143. Tav. XXXI.

середины — второй половины XIV столетия [Гинькут 2005: 106; Гинькут 2021: 306, рис. 2.6].

Данные материалы позволяют нам предположить для крепости Чембало о существовании достаточно раннего этапа погребений, в том числе описываемой Могилы 3. Таким образом, захоронение девочки из могилы 3, вероятно, относятся к середине и не позднее второй половины XIV столетия.

Погребальный инвентарь могилы 3, 1 ярус. В могиле 3 вместе с захоронением девочки были обнаружены предметы, принадлежащие погребенной. Это — две, парные, серебряные проволочные серьги (ИКАМ 37360/8), две шаровидные серебряные подвески-пуговицы [Столяренко 2010: 299, № 25–26] (ИКАМ 37360/9)⁴, четыре раковины каури (*Monetaria moneta*, район обитания Индийский океан) (ИКАМ 37360/10)⁵, и фрагмент обработанной веточки коралла (*Corallium rubrum*, регион распространения — Средиземное море, до 50 м)⁶ [Алексеенко и др. 2001: 21–22; Дьячков 2004: 251] (ИКАМ 37360/11) (рис. 2.1–9).

Анализ и дискуссия. Могила 3, в которой похоронена девочка 3–4 лет, располагалась в центральной части храма ближе к стене, что соответствовало распространенной традиции отдавать детям места с наибольшей «силой молитвы». Если же место в храме не полагалось по статусу, то детские могилы располагались под скатами крыши церкви, чтобы вода, благословенная от соприкосновения с храмом, сошедшая с крыши, попадала с этим благословением на детское захоронение [Bruno 2015: 35–39].

Захоронение девочки находилось в верхнем (1-м) ярусе и сохранило свой анатомический порядок, что дает возможность нам проследить позу умершей. Положение было традиционным для христиан на протяжении всего Средневековья, вплоть до XVI–XVII вв.: вытянуто на спине с ориентацией на восток — головой на запад, голова слегка повернута на восток к своим ногам, чтобы «подготовиться к последнему дню воскресения», соединяя понятия Страшного суда и Воскрешение, когда Христос, в день Страшного Суда, появится с востока. Данный обряд фиксируется

⁴ Диаметр — 1,0 см;

⁵ Длина раковин 1,5–1,6 см. максимальная ширина 1,0–1,1 см

⁶ Длина коралла 2,8 см, д- 0,3–0,5 см

на широком пространстве Средиземноморского региона, в том числе и в Крыму [Хайрединова 2021: 40]. Наиболее распространенным для христианских захоронений было положение скрещенных рук на груди или на животе. Причем, это прослеживается как в могильниках Крыма, греческого региона, так и Италии [Rohn et al. 2009: 511–517; Bruno 2015: 35–39]. Положение рук — один из важных элементов погребения, поскольку, наиболее наполнен символическим значением, подразумевающим акт молитвы перед Богом. В нашем случае, правая рука девочки находится у подбородка, а левая, как бы поддерживает локоть правой руки. Столь нестандартная поза могла быть связана с несколькими причинами. Прежде всего, руки могли потревожиться в момент погребения и остаться в таком состоянии, во вторых — правой рукой сознательно могли подпереть подбородок умершей, придав позу спящего младенца (тем более, что голова была слегка повернута) как на работах Фра Филиппо Липпи (Мистическое Рождество, 1459, Берлинская картинная галерея); Антонио Альберти да Феррара (Мадонна с Младенцем Алтаря св. Донато, 1439 из Национальной галереи Маке, Урбино) Пьетро делла Франческа (Алтарь Монтефельтро, 1472–1474 из Пинотеки Брера, Милан). Это могло быть сделано и с утилитарной целью, чтобы не допустить раскрытия рта после окоченения (для этого в христианских погребениях Греции специально использовали небольшие каменные фрагменты или части черепиц с прочерченными крестами). Или же данная поза рук могла символизировать (по католическому обряду) крестное знамение, когда левая рука была на груди, а правая касалась лба, груди и плеч [Ceremonial... 1987]. В любом случае, поза ребенка была характерна для христианских захоронений Позднего Средневековья, а ее атрибуция остается дискуссионной.

В нашем случае особый интерес представляет погребальный инвентарь (рис. 2.1–9).

Для позднесредневековых могильников Крыма погребальный инвентарь достаточно единообразен и немногочислен. Чаще всего встречаются подвески- «пуговицы», иногда бусины, как в качестве пронизи,

так и единично, простые проволочные серьги и другое [Айбабина, 1991: 203, 204; Тесленко, Лысенко 2004: 265–267; Хайрединова 2021: 43–44].

Простые проволочные серьги из могилы 3 представляют собой кольцо с одним закрученным концом и шариком на нем, второй конец слегка загнут для крепления с первым (тип II по Каримовой 2013). На памятниках Золотой Орды они характерны для конца XIII–XIV вв. [Каримова 2013: 29]. Проволочные серьги с незамкнутыми концами — одна из массовых находок в средневековых могильниках Крыма. Они встречаются как серебряные, так и бронзовые, реже золотые [Майко 2007: 122–123].

Подвески-пуговицы имели двойное назначение, и могли использоваться как деталь костюма и как амулет [Столяренко 2010: 294–295]. Ареал распространения достаточно широк по всей территории Евразии [Федоров–Давыдов 1966: 69–70; Столяренко 2010: 294], в том числе и в Крыму [Тесленко, Лысенко 2004: 267]. Они отличаются разнообразием видов и являются наиболее распространенной находкой в позднесредневековых могильниках полуострова [Майко 2007: 122–127. Хайрединова 2021: 43–44].

Среди инвентаря могилы 3 из консульской церкви Чембало привлекли к себе внимание необычное присутствие раковин каури и небольшой веточки коралла (рис. 2.1–4, 9). На сегодняшний день это пока единственное захоронение на крепости Чембало, в погребальном инвентаре, которого встречаются каури и коралл.

Каури, происходящие из Индийского океана, на протяжении всего средневекового периода играли как роль обменной денежной единицы, так и в обработанном виде — роль оберега и украшений. Например, в costume населения Золотой Орды раковины использовались не только в ожерелье, но в декорировании головных уборов и поясов [Трейстер 2021: 27; Каримова 2013: 27, 36, 49, Курышова 2012: 211]. В христианских погребениях Средиземноморского региона, в частности материковой Греции, каури в ожерельях сохраняют свою роль амулета вплоть до XVII столетия [Rohn et al. 2009: 511–517]. В городских плитовых могильниках средневекового Крыма и Кавказа каури встречаются в большинстве случаев

в детских захоронениях [Махнева 1968: 158, рис. 9.20; Майко 2007:140]. В этом случае, каури из Могилы 3 Чембало не стало исключением.

Раковины каури поступали в различные регионы из Индийского океана. По мнению М. Г. Крамаровского, экзотические товары из этого региона, в Крым могли попасть в результате активных торговых контактов, особенно в XIV столетии, во время стабильности джучидской государственности. О торговле индийской «дорогой кладью и мускусом», сообщает Ибн Баттута (XIV в.). Крымский полуостров стал конечной целью европейской части торгового пути из Индии. В Крыму в этой торговле огромную роль играли Солхат и Каффа. Эти пути проходили через Кандагар, Бухару, по Амударье, Каспию и Волге, затем сушей к излучине Дона, по Дону вниз к Тане (Азаку) и, далее, караванным маршрутом в Крым (в Солхат); другой путь вел через Каспий по Куре к Тифлису, по Риони к Черному морю и уже морским путем в Каффу [Бадян, Чиперис 1974:183]. В раскопанной на городище Солхат косторезной мастерской XIV в. в качестве исходного сырья использовали редкие раковины из Индийского океана [Крамаровский 1992: 37–39].

Не исключено, что и наши каури были обработаны в этой косторезной мастерской, или же они были приобретены уже обработанными в одном из центров — Каффе или Солхате.

Уникальной находкой из могилы 3 является веточка коралла (длина 2,8 см), без обрамляющей оправы (рис. 2.9). Коралл в качестве вещевого материала в средневековых погребениях Крыма встречается очень редко, и в большинстве своем представлен в раннесредневековый период бусами [Трейстер 2021: 340–393]. В городских некрополях Крыма более позднего времени погребения с веточкой коралла не встречено. В единичном количестве украшения из коралла встречены в некрополях Золотой Орды [Курышова 2012: 211]. В этих ожерельях она входила в состав из стеклянных, сердоликовых бус, металлических элементов [Каримова 2013: 36]. Подобные ожерелья были обнаружены в основном в детских погребениях, а также в женских фертильного возраста. Эти захоронения содержали, в том числе, и предметы из драгоценных металлов, что свидетельствовало о статусности умершего [Каримова 2013: 36–37].

Впервые коралл как «детский оберег» выступает у Плиния в «Естественной истории». Впоследствии, в позднеантичный и раннесредневековый период использовался как «взрослый амулет» от различных болезней [Мусин 2014: 373–374]. В христианских погребениях Восточной Европы подвеска из веточки коралла встречена лишь единожды, при исследованиях Новгорода, также для этого периода неизвестны случаи поступления коралла в Византию [Седова 1981: 45–46; Мусин 2014: 366–367, 371]. Напротив, с начала XIV столетия изображения младенцев с веточкой коралла хорошо прослеживаются на итальянских работах. Сам амулет получил название «джетаторе» [Седова 1981: 46]. В период Высокого и Позднего Средневековья происходит христианизация верований в исцеляющую силу коралла, его вид ассоциируется с формой процветшего креста, он становится средством защиты против демонов, начинает связываться с искупительной кровью Христовой [Мусин 2014: 374]. В Италии коралл приобретает особый смысл. Это — «детский амулет», оберегающий от «дурного глаза», плохих снов, следит за нравственностью детей. Он становится «крещальным подарком» новорожденному [Мусин 2014: 374]. Обычай украшать детям шею бусами или веточками коралла на веревке-шнурке был традиционно распространен не только в семьях аристократов, но и среди простого народа. С начала XIV столетия в Италии коралл в виде четок, амулетов находит отражения в различных художественных школах. Изображение коралла в виде подвески встречается, начиная с 30-х гг. XIV столетия, в образе Мадонны с Младенцем на руках, в том числе и благословляющим. Как, например, на работах Якобо дель Казентино (Мадонна с Младенцем, 1340 г.) и Амброджо Лоренцетти. Также известно достаточное количество произведений XIV–XV столетия, отражающих этот образ: Мадонна, щекочущая Младенца, Мазаччо (ок. 1426, Галерея Уффици, Флоренция); Мадонна Сенигаллия Пьетро делла Франческа (ок. 1480, Национальная галерея Марке, Урбино); Алтарь Монтефельтгро Пьетро делла Франческа (1472–1474, Пинотека Брера, Милан); Мадонна Антонелло да Мессина и Якопо ди Антонелло (ок. 1480), и другие работы [Мусин 2014: 376]. По мнению ряда исследовате-

лей, присутствие ветви коралла на иконах, таким образом, подчеркивало богочеловеческую природу Христа, что связано с влиянием проповедей францисканцев [Мусин 2014: 376]. Известны и итальянские работы, в которых ветка коралла присутствует на одной пронижи вместе с крестом и двумя шарообразными подвесками — пуговицами, например, Мадонна с младенцем из церкви Санта-Мария — ин -Платеа, Джакомо дель Кампли (середина XV в.) [Мусин 2014: 376, рис. 2.3]. Аналогичные две подвески — пуговицы были найдены и при раскопках детского захоронения могилы 3 из Чембало. Возможно, что они также могли входить в состав этого ожерелья, выполняющего несколько апотропетических функций.

В XIV–XV столетии присутствие в захоронениях коралловых веток было широко распространено на Аппенинском полуострове и доходило до Лазурного берега, регион Прованс [Мусин 2014: 377]. Происхождение нашего коралла — это Средиземное море. На протяжении XII–XV вв. в Средиземном море основными центрами добычи, обработки и распространения кораллов становятся Марсель, Магриб, Каталания, Сардиния, Корсика, Трапани на Сицилии, Торре-дель-Греко (регион Компания, провинция Неаполь), мастерские находились даже в Париже и Барселоне. В XIV столетии основные места сосредоточились в районе Аппенинского полуострова и Барселоне [Мусин 2014: 371]. Именно из этих регионов (Италии и Испании) и мог попасть коралл в качестве подарка или специально заказанного товара в семью умершей девочки.

Остается также дискуссионным вопрос о характере присутствия монет в засыпи данной могилы. Монеты (№ Н 18744; Н 18745; Н 18746) (рис. 2.10–12) были потеры, что говорит об их изношенности [Алексеевко и др. 2001: л. 49, 51–52]. Традиция класть монеты в погребение также была распространена во многих христианских захоронениях Средиземноморского региона вплоть до Позднего Средневековья. Делалось это предположительно для оплаты «перевозчику» во время путешествия в загробный мир, сохраняя идею Харона как символа, представляющего смерть и загробный мир [Хайрединова 2021: 42; Rohn et al.: 2009: 501–615, С. 24]. Наблюдается, что монеты могли быть положены как

непосредственно с умершим, так и «насыпаны» в могилу во время процесса погребения [Rohn et al.: 2009: 501–615, С. 24].

Таким образом, могила 3 из консульской церкви св. Николая крепости Чембало является уникальным детским захоронением для крымского региона. Нахождение захоронения в центре храма, в достаточно привилегированном месте, погребальный инвентарь, присутствие предметов из серебра, несомненно, свидетельствуют об особой статусности семьи погребенной. Наличие в погребении характерной для западноевропейского общества коралловой подвески в качестве амулета и предмета личного благочестия позволяет нам отнести данную семью к латинскому (вероятно, итальянскому) населению города, и одновременно расширить наши представления о распространении этого обычая западноевропейской религиозной культуры в достаточном удалении от метрополии. В тоже время присутствие в погребении оберегов в виде раковин каури, характерных для жителей евразийских степей (в том числе, православного византийского населения, включая территорию Крыма и материковой Греции), подчеркивает глубину народных верований, сохранившихся на данной территории и их влияние на пришлое латинское население. Данное захоронение является ярким доказательством использования на широком географическом пространстве в качестве апотропеев и амулетов в детских захоронениях коралла и каури. В то же время представляет пример не только тесной культурной связи латинян Чембало с метрополией, но и примером симбиоза народной культуры Востока и Запада в XIV–XV столетии в Северном Причерноморье.

Библиография

АДАКСИНА С. Б., МЫЦ В. Л. Храмы крепости Чембало XIV–XV вв. // Археология Евразийских степей. № 4, 2021. С. 213–239.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А., ГИНЬКУТ Н. В., ДЬЯЧКОВ С. В. Отчет о раскопках «Консульской церкви» на территории Чембало в 2001 году // НАО ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. № 3539.

АЙБАБИНА Е. А. Двухапсидный храм близ крепости Фуна // Византийская Таврика. Сб. науч. тр. Киев, 1991. С. 194–205.

АЛЕКСЕЕНКО Н. А., ГИНЬКУТ Н. В., ДЬЯЧКОВ С. В., СТОЛЯРЕНКО Е. Н. Археологической экспедиции Чембало 15 лет // LAUREA I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Харьков, 2015. С. 150–162.

БАДЯН В. В., ЧИПЕРИС А. М. Торговля Каффы в XIII–XV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 174–189.

ДЬЯЧКОВ С. В. Консульская церковь крепости Чембало (XIV–XV вв.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 2004. С. 246–255.

ГИНЬКУТ Н. В. Поливная керамика византийского круга из раскопок «консульской» церкви генуэзской крепости Чембало // ХСб. Вып. 14. Севастополь, 2005. С. 99–120.

ГИНЬКУТ Н. В. Некоторые группы тарной керамики XIV–XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало. Предварительный обзор // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙΑ ΚΑΙ ΠΟΛΙΣ XIII ΜΕΘΥΣΙΝΟΝ ΒΙΖΑΝΤΙΝΟΝ ΣΕΜΙΝΑΡΙΟΝ. ΜΑΤΕΡΙΑΛΙΑ ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗΣ ΚΟΝΦΕΡΕΝΤΙΑΣ. ΑΝΤ. ΕΚΔΟΤΗΣ Ν. Α. ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΠΟΥΛΟΥ. ΣΥΜΦΕΡΟΠΟΛΙΣ, 2021. С. 303–313.

ГИНЬКУТ Н. В. Редкие типы поливной кухонной и столовой керамики из раскопок крепости Чембало и ее окружи // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи / Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 года. Севастополь, 2022. В печати.

КАРИМОВА Р. Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16 / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. К характеристике связей Золотой Орды с Индией // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.». 25–28 февраля 1992 г. / Гос. Эрмитаж. СПб., 1992. С. 37–39.

КУРЫШОВА Н. П. Классификация бус из кочевнических погребений золотоордынского времени // Поволжская археология, 2012, № 1. С. 204–215.

МАЙКО В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007., с. 122–123

МАХНЕВА О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 155–168.

МУСИН А. Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья // Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург, 2014, 4, С. 366–387.

САЗАНОВ А. В., ИВАЩЕНКО Ю. Ф. Хронология слоев генуэзской Каффы // Причерноморье в средние века, М., 1995, вып. 2, с. 117–130.

СЕДОВА М. В. «Ювелирные изделия древнего Новгорода, (X–XIV вв.) М. наука.» 1981, с. 45–46;

СТОЛЯРЕНКО Е. Н. Пуговицы из захоронений «Консульской церкви» крепости Чембало (XIV–XV вв.) // *Древности*. Харьков, 2010. с. 290–302.

ТЕСЛЕНКО И. Б., ЛЫСЕНКО А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // *О древностях Южного берега и гор Таврических* / Гл. ред. Мыц В. Л. Киев: ИД «Стилос», 2004. С. 260–296.

ТЕСЛЕНКО И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // *История и археология Крыма*. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. Симферополь, 2014. С. 495–504.

ТРЕЙСТЕР М. Ю. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии // *ВДИ*, Т. 81. Вып. 2. 2021. С. 340–393.

ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Раскопки центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 г. // *Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. Материалы Эски-Керменской экспедиции*. Вып. I. Симферополь, 2021. С. 26–143

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М., 1966.

BRUNO BRUNELLA. Cimiteri e il rito funerario // *Apigliano. Un villaggio bizantino e medievale in Terra d'Otranto*. I Reperti A cura di Paul Arthur e Brunella Bruno. 2015. P. 35–39.

Ceremonial poslug liturgicznych, ks. Szczepaniec, Krakow, 1987.

FIORILLO ROSA. La tavola dei d'Angiò. Analisi archeologica di una spazzatura reale. Castello di Lagopesole (1266–1315) Editore: All'Insegna del Giglio. 2005.

ROHN A. H., BARNE S E., AND G. D. R. SANDERS. An Early Ottoman Cemetery at Ancient Corinth // *Hesperia. The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*. 78 (2009) P. 501–615.

Гладышев А. В.

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИОГРАФИИ И ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ¹

Gladyshev A. V.

EPIDEMIOLOGICAL TURN IN HISTORIOGRAPHY AND MILITARY-HISTORICAL ANTHROPOLOGY

За последние два года в связи с COVID-19 скачкообразно выросло число публикаций по истории эпидемий. Учитывая, что, с одной стороны, проблема все еще актуальна, а, с другой стороны, существует определенная инерция в работе как исследователей, так и издателей, можно ожидать, что и в 2022 г. мы увидим еще целый ряд публикаций по этой тематике. Не только историки, но и представители других общественных наук спешат продемонстрировать свою способность быть реально актуальными, откликнуться на «запросы общества».

Описание эпидемий прошлого традиционно рассматривалось как составная часть истории медицины или истории болезней. До середины XX в. занимались этим преимущественно представители медицинской профессии. Примерно в к. 1960-х — н. 1970-х гг. произошло то, что назовут «поворотом» в изучении истории медицины, после которого историографы начали противопоставлять «традиционную историю медицины» и «новую историю медицины». Если ранее изучали главным образом взгляд на медицинскую историю врача, то теперь стали исследовать

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00113).

взгляд пациента. История медицины/болезней была помещена в широкий социокультурный контекст. Происходит, если кратко, антропологизация истории медицины. В результате появились «социальная история медицины» и «медицинская антропология» с соответствующими обществами и специализированными изданиями.

Изменению облика традиционной истории медицины соответствовало изменение облика исследователя. Вплоть до 1960-х гг. большинство работ по истории медицины было написано врачами. Историк (в душе) и гинеколог (по образованию) в одном лице — нормальное явление того времени. «Новая история медицины» характеризуется более широкой «профессиональной базой» исследователей. На эту область исследований стали все больше претендовать не только медики, а в широком смысле «антропологи», среди которых мы найдем и археологов, и социологов, и философов, и этнологов, и демографов, и культурологов, и психологов, и литературоведов, и феминисток, а в пост-постмодернистском мире и журналисток. При этом повороте «традиционные» историки медицины, врачевания и болезней никуда не исчезли, а продолжали (и продолжают) плодотворно трудиться. Складывается междисциплинарное направление, которое условно назовем «историческая эпидемиология». Совершенствовалась источниковая база исследований, расширился сам круг источников: стали привлекаться не только письменные, но и материальные, изобразительные, этнографические источники. Все шире используются естественнонаучные методы исследований (биоанализ человеческих остатков и др.). Появляется понятие «патогенный комплекс», соединяющее биологический и социальный аспекты исследования объекта. Расширился и круг изучаемых вопросов: от истории гомеопатии и родовспоможения до психиатрии на фронтах Первой мировой войны и медицинских экспериментах нацистов, от истории колониальной медицины до роли стетоскопа и компьютерной томографии, от истории отдельных медико-фармацевтических фирм до мотивов использования «альтернативной медицины» и методов лечения призывников-уклонистов в духе историй бравого солдата Швейка.

Если говорить не об истории медицины вообще, а собственно об истории эпидемий (которые отличаются как история политических дебатов от истории войн), то со второй половины XX в. осмысление роли эпидемий в истории человечества выходит на новый уровень. Абдель Рахим Омран предложил теорию «эпидемиологического перехода», американский макроисторик Уильям Мак-Нил систематизировал историю эпидемий и представил их в качестве одного из важнейших факторов, определивших ход развития истории.

Что касается отечественной историографии истории эпидемий, то еще 10–12 лет назад ее главная проблема виделась в том, что в постсоветской исторической науке новаторских исследований мало, а зарубежные — малоизвестны российским читателям. Но за последние годы антропологизированная история медицины стала весьма популярна. Так называемый «контекстуальный подход», соединяющий в себе принципы историзма и веяния междисциплинарности, породил в отечественной гуманитаристике 2000-х гг. ряд публикаций по «медицинской культуре», авторами которых могли быть и культурологи, и философы, и филологи. Помимо контекста «медицинской культуры» или культурно-исторического подхода, эпидемиологическая проблематика успешно развивается под сенью социальной истории. Появился ряд работ в той или иной степени затрагивающих проблематику исторической эпидемиологии в рамках политической, социально-экономической истории и исторической демографии.

Появились прекрасные примеры того, как можно с привлечением новых архивных документов написать «медицинскую историю», например, Крымской войны, а именно — описать деятельность военной администрации по подготовке и развёртыванию военно-медицинских служб, или, например, как эпидемии в Крыму оказали влияние на государственный кризис в Золотой Орде.

Современная историография истории медицины в расширительно-обновленном толковании ее предмета труднообозрима. Упомянем лишь некоторые тенденции и направления по эпидемиологической проблематике современных исследователей.

Первое из таких направлений — выявление алгоритмов действий властей: от констатации начала эпидемии до принятия соответствующих мер. Какие экстраординарные меры принимались властями, когда эпидемия превышала ожидаемые масштабы? Какова была эволюция механизмов привлечения к работе «эпидемиологического персонала»? Как решались организационные вопросы размещения больных или захоронения усопших? Как власти варьировали политику принуждения и поощрения при борьбе с эпидемиями. Как алчность и коррупция ведут к обходу карантинных мер и последствия этого? Каковы пределы в борьбе с эпидемией, на которые могут пойти власти, не разрушив бизнеса? Как, наконец, эпидемии выявляют структурные недостатки политических режимов и систем администрирования.

Вторая группа стоящих перед исторической эпидемиологией задач касается исследования поведенческих установок населения и форм их выражения. Каково было психологическое воздействие эпидемий на население, какую роль играли различные формы благотворительности в борьбе с эпидемиями? Как менялось в обыденном сознании отношение к эпидемиям и насколько далеко в этой эволюции мы ушли от наших предков? Как дремлющая культурная память о великих эпидемиях прошлого и первобытные инстинкты выживания возрождались в «чумной психологии»? Каковы механизмы возникновения паники, приводящие к поискам «козлов отпущения», волнениям и бунтам? В какой степени отношение населения к противоэпидемиологическим мерам, предлагаемым властями, является (и является ли?) маркером общего недоверия власти? Какова мотивация «антиваксеров» (обыденная, религиозная, политическая)?

Третья группа вопросов касается взаимодействия и взаимовосприятий в треугольнике «медики — власти — население». Это вопросы, касающиеся профессиональной медицинской этики, эволюции медицинских знаний, социального статуса врачей.

В-четвертых. Эпидемии вынуждали людей пересматривать не только повседневные социальные, но и религиозные поведенческие установки.

Как эпидемия отразилась на состоянии церкви как социального и политического института? Насколько перед лицом смерти усиливаются религиозно-мистические настроения? Какова была эсхатологическая реакция (религиозная экзальтация) населения на эпидемии? Как проявлялись религиозные приоритеты при уходе за больными? Как эволюционировали представления об «избирательности» болезней. Как церковная терапия и терапия магическая сосуществовали в прошлом и сосуществуют сейчас с научной медициной? Как воспринимались эпидемии в различных религиях?

Наконец, еще одно направление исследований — эпидемии и войны/революции. В его рамках как аккумулируются выше обозначенные вопросы, так и ставятся оригинальные задачи. Речь в данном случае идет не только о соотношении боевых и не боевых потерь, но и о наложении в сознании людей эффектов стрессовых ситуаций. Как эпидемии влияли на боевые качества и моральные установки солдат, на их боевой дух, а также на образ войны в общественном сознании? Как наставления медиков воспринимались на практике военным командованием, как поддерживались общественный порядок и дисциплина?

Таким образом, восприятие и переживание людьми эпидемии — неотрывный ингредиент социально-культурной системы, и наши установки в отношении этого биологического феномена обусловлены сложным комплексом социальных, экономических, политических отношений, преломленных общественной психологией, идеологией, религией и культурой.

Демешко Н. Э.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

КРЫМСКО-ТАТАРСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ США И ГОСУДАРСТВ ЕС ПОСЛЕ 2014 г.

Demeshko N. E.

THE CRIMEAN TATAR FACTOR IN THE POLICY OF THE US AND EU STATES AFTER 2014

Воссоединение Крыма с Российской Федерацией заложило внутрироссийские, региональные и глобальные трансформации. Крымская весна стала одним из элементов возрождения российской державности путем пересмотра некоторых итогов холодной войны, в то же время она заложила значительные изменения в системе региональной безопасности, создав дополнительный фронт формирования новой системы международных отношений. Однако российский статус Крыма вызвал ответную негативную реакцию США и их союзников, которые разрабатывают и реализовывают систему мер по ослаблению России. Одним из элементов такой системы является национальный фактор в его крымско-татарском измерении.

Мониторинг публикаций СМИ, официального сайта меджлиса крымско-татарского народа (организация запрещена в РФ) позволил определить, что США и государства ЕС активно взаимодействуют с крымскими татарами. Однако после 2014 г. частично меняется состав государств-лидеров по данному направлению. Так, если в украинский период истории Крыма наиболее системно с крымскими татарами взаимодействовали Польша, Германия, Великобритания, то после политических событий 2014 г. лидерами становятся: прибалтийские государства, Германия, Польша [Демешко 2020: 155–156].

С 2014 г. международное сообщество уделяет особое внимание «восстановлению территориальной целостности Украины», положению крымских татар в Крыму, перспективам решения проблем, связанных с «восстановлением прав» крымских татар, возвращению меджлису (организация запрещена в РФ) статуса представительного органа крымских татар в Крыму, использованию политических и дипломатических инструментов, направленных на защиту прав крымских татар, проживающих в Крыму. Формы работы США и европейских государств по крымско-татарской проблематике продолжают оставаться универсальными: 1) встречи с представителями органов власти США и европейских государств; 2) международные конференции, на которых обсуждается крымско-татарский вопрос после 2014 г.; 3) круглые столы, посвященные крымским татарам; 4) дискуссии по крымско-татарской проблематике; 5) награждение М. Джемилева премиями; 6) приглашение членов меджлиса (организация запрещена в РФ) для прочтения лекций в американские и европейские высшие учебные заведения; 7) встречи членов меджлиса (организация запрещена в РФ) с представителями американского научно-экспертного сообщества; 8) проведение в украинских вузах лекций, посвященных крымско-татарскому народу [Демешко 2020: 156–159; Международная деятельность 2019].

Помимо этого, посольство США в Украине финансирует проекты, направленные на популяризацию негативной интерпретации совместного прошлого России и крымских татар. В 2015 г. были выделены денежные средства на проект «Украина полиэтничная страна». Реализация этого проекта осуществлялась через публикацию статей, подготовку документальных фильмов об этносах, проживающих на Украине [Проект «Україна багатоетнічна»]. В 2018 г. в рамках проекта «Выдающиеся крымские татары» при финансовой поддержке Отдела прессы, образования и культуры Посольства США в Украине была снята серия документальных фильмов «Больше, чем Крым». Фильмы, посвященные Н. Челебиджихану, М. Джемилеву, демонстрируют трагическую судьбу крымских татар. Также отделом осуществлялось руководство программами образовательных

обменов, в том числе и Программой Фулбрайт, которая после политических событий 2014 г. организовала цикл лекций-дискуссий по истории крымских татар с антироссийской интерпретацией исторических фактов. Также Агентство США по международному развитию осуществляло поддержку проектов средств массовой информации, по рассмотрению проблем сексуальных, этнических и других меньшинств в Украине. В рамках реализации данного проекта была опубликована статья, посвященная притеснениям крымских татар после присоединения Крыма к России [Мелкозьорова 2017]. Помимо этого, Агентство финансирует исследование Украинского Хельсинского союза по правам человека в рамках проекта «Права человека в действии». В отчетах отдельное внимание уделяется крымским татарам, и указываются многочисленные нарушения прав данного народа после 2014 г. [Права людини в Україні — 2017: 6–7]. Европейские государства также стремятся выставить действия России в отношении крымских татар исключительно в негативном ключе [О чем рассказали крымские татары... 2017].

Кроме того, иностранные государства, учитывая значимость СМИ в их доступности публике и в возможности генерировать общественное мнение [Най 2014: 189], финансируют отдельные информационные ресурсы, которые действуют удаленно из Украины. Так, крымско-татарский телеканал АТР поддерживается Фондом развития СМИ Посольства США в Украине, информагентство «Крым. Реалии» (крымский проект украинской службы Радио Свобода) является частью некоммерческой независимой медиакорпорации Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL), финансируемой Конгрессом США через гранты, предоставляемые Американским агентством глобальных медиа. Контент данных ресурсов направлен на дискредитацию деятельности России на территории Крыма, разжигание напряженности путем публикаций и привлечением антироссийски настроенных экспертов. Манипуляции основываются на выявлении этнических, религиозных и экономических противоречий в Крыму. Огромная ставка делается на историческую память крымских татар [Сиротский 2014: 238].

Стремление западных государств интернационализировать крымско-татарский вопрос явно прослеживается, в том числе, и на примере деятельности международных и общественных правозащитных организаций. В их докладах наиболее часто фигурируют крымские татары и украинцы. В документах описываются «ужасы» проживания крымских татар и украинцев на территории российского Крыма, а также указываются примеры нарушения прав человека и основных свобод на полуострове после 2014 г. [Демешко 2020: 162–167].

Таким образом, США и европейские государства системно применяют следующие политические технологии для формирования негативного международного и внутривластного имиджа России: внедрение в массовое сознание представления о нарушениях прав человека в Крыму; демонстрация уязвимого положения крымских татар и украинцев на территории полуострова с 2014 г.; популяризация идеи, что крымские татары — главная сила сопротивления «аннексии» Крыма Россией; создание положительного образа так называемого лидера крымско-татарского народа М. Джемилева; формирование представлений о Крыме, как «зоне насилия, страха и бесправия».

Библиография

ДЕМЕШКО Н. Э. Международно-политическое противодействие интеграции крымских татар в геополитическое пространство России: дис. ... канд. полит. наук. Симферополь, 2020.

Международная деятельность в сфере прав крымскотатарского народа в 2019 году. Авдет. Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2019/03/20/mezhdunarodnaya-deyatelnost-v-2019-godu/> (дата обращения: 14.03.2022).

НАЙ, С. Дж. Будущее власти [пер. с англ. В. Н. Верченко]. М.: АСТ, 2014. 444 с.

О чем рассказали крымские татары в Берлине. Deutsche Welle. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/o-чем-рассказали-в-берлине-крымские-татары/a-38798890> (дата обращения: 14.03.2022).

СИРОТСКИЙ Д. В. Роль американских НКО в информационно-психологическом противоборстве на Украине в период политического кризиса 2014 года. Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 226–246.

МЕЛКОЗЬОРОВА В. Кримські татари борються за справедливість на окупованому Росією півострові. МедіаПорт. Режим доступа: <https://www.mediaport.ua/yak-krimski-tatari-boryutsya-za-spravedlivist-na-okupovanomu-pivostrovi> (дата обращения: 14.03.2022).

Права людини в Україні — 2017. Доповідь правозахисних організацій / За ред. О. М. Павліченка, О. А. Мартиненка. Українська Гельсінська спілка з прав людини. К., 2018. 92 с.

Проект «Україна багатоетнічна». Центр Громадської Активності «Результат». Режим доступа: http://www.ngo-result.com.ua/projects/my_ukraine/ (дата обращения: 14.03.2022).

Демиденко Н. Л., Колесник Е. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ФОНДОВОЙ КОЛЛЕКЦИИ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ В 20–30 ГОДЫ XX ВЕКА

Demidenko N.L., Kolesnik E.V.

FORMATION FEATURES AND PRESERVATION OF THE STOCK COLLECTION OF THE CHERSONESE MUSEUM IN THE 20–30 YEARS OF THE XX CENTURY

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей — заповедник «Херсонес Таврический» обладает одной из крупнейших на Юге России фондовой коллекцией: более 250 тысяч музейных предметов.

Начало формирования фондов Херсонесского музея было положено ещё в XIX — начале XX веков. С приходом Советской власти в Севастополь первой задачей стало сохранение предметов культуры с помощью созданных специально для этих целей советских органов, а также эвакуация Херсонесских музейных ценностей из Харькова. Большое внимание со стороны советских органов также уделялось необходимости инвентаризации коллекций Херсонесского музея. Однако отсутствие подготовленных помещений для хранения музейных предметов, необходимого количества сотрудников и достаточного финансирования этому мешало.

В 1925 году начинается инвентаризация музейного собрания. Претворяется в жизнь задача сохранения и учета музейных предметов.

С середины 20-х годов — в 30-е годы XX века в отношении к фондовому хранению в музее прослеживаются две тенденции: с одной стороны,

некоторые предметы и коллекции отправляются в центральные музеи, а с другой стороны проводится в жизнь идея об укреплении местных малых музеев находками из Херсонеса.

События 20–30-х годов XX века объясняют состояние, количественный и качественный состав коллекции Херсонесского музея.

Библиография

Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (ГКУ АГС) — Ф. Р-420. Оп.1. Д.78. Л.1–56, Л.136–138, Л.142–143, Л.202, Л.262–262 об.

НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 390. 40 л.

НАО ГМЗ ХТ. Ф.1. Д. 428. 173 л.

АНДРОСОВ С. А. Деятельность Севастопольского Комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, народного быта и природы //IX Таврические научные чтения — Симферополь — 2008.— С. 10–27

РОМАНЧУК А. И. Исследования Херсонеса-Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы: В 2 ч. Ч. 2. Византийский город. Екатеринбург: Урал. гос. ун-тет; НПМП «Волот», 2007. 664 с

Денисова Е. А.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Denisova E. A.

ON THE ISSUE OF FARMING TECHNIQUES IN THE ANCIENT SETTLEMENTS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION

В античном обществе основой экономики было сельское хозяйство. В экономической жизни античных городов Северного Причерноморья значительную роль играло земледелие. Согласно письменным и археологическим источникам, с середины или второй половины I тыс. до н. э. в Причерноморье применялась паровая система земледелия, по мнению большинства исследователей, в форме двуполья [Блаватский 1953: 70–71; Стржелецкий 1961: 83; Кругликова 1975: 161; Щеглов 1978: 107; Кругликова 1984: 154; Бруяко, Секерская 2016: 118–119]. В. И. Кадеев первым допустил возможность применения в Херсонесе более прогрессивной трехпольной системы со следующим севооборотом: пшеница, ячмень или просо, пар [Кадеев 1981: 92]. Чередование хлебных злаков с бобовыми растениями или кормовыми культурами (ячменем и овсом) подтверждается соответствующими находками и в различных поселениях Причерноморья [Блаватский 1953: 92; Кругликова 1975: 161], что позволило В. А. Кутайсову предположить, что в северо-причерноморском регионе в рассматриваемый период также применялась трехпольная система земледелия [Кутайсов 2002: 295].

Одной из особенностей паровой системы является существенная роль пахоты, поэтому весьма важной задачей является определение типов

и реконструкция пахотных орудий, бытовавших в то время. По мнению Ю. А. Краснова, при обработке полей в рамках паровой системы и в форме двуполья, и с трехпольным севооборотом могли применяться рала [Краснов 1987: 121].

В результате изучения организации древнего землепользования в Северо-Западном и Предгорном Крыму геоархеологическими методами были получены данные о сходной системе землепользования, относимой к типу «длинных полей», от эллинистического к римскому времени, что позволило исследователям выдвинуть вполне обоснованную гипотезу «о преемственности сельскохозяйственных технологий от эпохи эллинизма к римскому и позднеантичному времени» [Смекалова и др. 2017: 77–78]. Однако трудно согласиться с их утверждением, что описанная структура полей «могла получиться только при условии пахоты с помощью плуга с боковым отвалом», и, следовательно, этот вид пахотного орудия мог применяться в Северо-Западном Крыму уже во второй половине IV в. до н.э. [Смекалова, Кутайсов 2013: 154; Смекалова и др. 2017: 67, 77].

В научной литературе давно отмечено, что все древние пахотные орудия (вплоть до конца I тыс. н.э.) в функциональном отношении представляли собой рала различных разновидностей, приспособленные для симметричной вспашки без переворота пласта земли [Зеленин 1907: 119–120; Кирьянов 1959: 317–319; Чернецов 1972: 139–140; Краснов 1975: 7; Бруяко, Секерская 2016: 103–104; Денисова 2021: 75–76]. О безотвальной вспашке свидетельствуют и римские авторы (Plin. Hist. Nat. XVIII.179; Col. II.4.1). В рекомендациях Колумеллы также указывалось, что для переворачивания дернового пласта рало при пахоте следует держать «то направо, то налево, то сначала вкось, а потом прямо; срезанный сначала под углом пласт затем подрезывался прямо, сдвигался и крошился» (Col. II.2.25). Согласно этнографическим данным, для того чтобы земля откидывалась на одну сторону, рало необходимо наклонить, меняя соответственно наклон, когда пахарь шел сначала в одном, затем в противоположном направлении [Raune 1947, pl. VII.a; Bratanič 1960: 84].

Наличие плуга в рассматриваемый период не подтверждается и археологическими материалами: на античных поселениях Северного Причерноморья найдены только черешковые наральники, представленные двумя типами. К первому относятся наиболее ранние орудия, встреченные на сельской округе боспорского города Нимфея (третья четверть IV в. до н. э.) и на херсонесской хоре в Северо-Западном Крыму (на поселениях Панское I и Маслины, III в. до н. э.) (рис. 1.1–3) [Зинько 2007: 190, рис. 83.1; Щеглов 1978: 107, рис. 57; Латышева 2010: 57, рис. 1.1]. Эти наральники выкованы из брусков длиной от 24 до 36 см и имеют плоское треугольное лезвие и небольшой черешок, сужающийся кверху (первый вариант фракийской группы по классификации Б. А. Шрамко [Шрамко 2012: 51]). Аналогичные по форме наральники происходят из Нижнего Поднестровья [Бруяко, Секерская 2016: 103, фото 2]. Около рубежа нашей эры в южной Европе появляются черешковые лопатковидные наральники, по своему происхождению также связанные с фракийцами [Выжарова 1956: 50–53; Краснов 1982: 68]. Подобные наральники небольших размеров (ок. 24 см) выявлены в слое I в. до н. э. — I в. н. э. на городище Чайка и в сельской усадьбе у хут. Рассвет (рис. 1.4,5) [Кругликова 1984, табл. LV.5,6]. Их можно рассматривать как переходные формы от простых наральников к образцам со сложной формой лезвия. Черешковые наральники, встреченные в слоях I–IV вв. на поселениях Боспора (хут. Рассвет, I в.; пос. Семеновка, III в.; хут. Батарейка I, IV в.) (рис. 1.6–8) [Кругликова 1975: 165–167; 1984, табл. LV.4,7,9], относятся ко второму типу (второй вариант фракийской группы по классификации Б. А. Шрамко [Шрамко 2012: 51]). Они характеризуются слегка изогнутой рабочей частью, имеющей вид уплощенной лопатки с заостренным режущим концом и небольшим выступом при переходе в черешок; их длина — от 24 до 36 см. По мнению И. Т. Кругликовой, этот тип наконечников описан у Плиния: «он имеет форму лопаты, ... одновременно и прорезает землю, и подрезает корни трав..., переворачивает дерн» (Plin. Hist. Nat. XVIII.172–173).

Поскольку найденные в Северо-Западном Крыму и на Боспоре черешковые наральники находят весьма полные аналогии и по форме, и по размерам среди археологического материала раннего железного века и средневековья на севере Балканского полуострова [Sanagache 1950: 100; Выжарова 1956: 51, рис. 5–7], то реконструировать орудия, снабжавшиеся такими наконечниками, допустимо по этнографическим материалам севера Балкан. Здесь черешковые наральники связываются с кривоградильными полозными и градильными ралами, которые имели дополнительный ральник [Краснов 1976: 38–39, рис. 2.1,2; 1987: 102, рис. 45.4]. Он закреплялся в градиле, в месте его наибольшего изгиба, наклонно к почве и оканчивался перед рабочей частью полоза. Назначение такого ральника — взрыхлять землю перед тем, как полоз поднимет ее снизу и расширит проведенную борозду. Судя по массивности наконечников, эти орудия, скорее всего, употреблялись для обработки сравнительно твердых почв [Кругликова 1975: 167; Краснов 1976: 40; Шрамко 2012: 51]. Предложенная И. Т. Кругликовой реконструкция рала с креплением черешкового наральника на переднем конце полоза [Кругликова 1967: 131, 132, рис. 38; 1984: 154] не подтверждается соответствующими этнографическими и иконографическими материалами, согласно которым на полоз насаживались только втульчатые наральники различных форм [см.: Краснов 1976: 42, прим. 11].

Кривоградильные рала с дополнительным ральником известны по подлинным находкам таких рал в Даберготце (Польша) и в торфянике у с. Токари (Украина) (в плане их датировки существуют разногласия) [Leser 1928: 45–46; Березовец 1952, рис. 1; Beranová 1975, obr. 2.4,5; Краснов 1975: 131, рис. 50.1,2; 1987: 86–88], по этнографическим орудиям, зафиксированным в ряде областей от Балтики до Балкан, в различных вариантах так называемого мекленбургского рала [Краснов 1975: 132, рис. 50.5,6]. На миниатюре из византийской рукописи «Слов» Григория Богослова конца XI в., также свидетельствующей о применении подобных рал в Европе в средневековье, четко видны основные детали такого орудия [Каждан 1968, рис. 6].

Таким образом, рассмотренный материал дает достаточные основания для наиболее вероятной реконструкции пахотных орудий, снабженных черешковыми наконечниками из Северного Причерноморья, как одно-рукояточных кривоградильных рал в их разновидности с дополнительным ральником. Поскольку развитие этих орудий шло в направлении увеличения длины полоза, прикрепления градила в средней части полоза и, соответственно, расположения рукояти не вплотную к основанию градила, а на заднем конце полоза [Краснов 1975: 135], то в предлагаемых реконструкциях представлено различное строение основных частей орудия (градила, рукояти и ральника) (рис. 1.9, 10, 11). Изображения кривоградильных рал на греческих, боспорских и римских монетах и геммах последних веков до н. э. — первых веков н. э. [Gow 1914, pl. XVII; Анохин 1986, табл. 5.165] свидетельствуют о применении в Причерноморье как градильных, так и полозных рал.

В заключение следует упомянуть о единственной находке пахотного орудия на ближней хоре античного Херсонеса. Это втульчатый широколопастный наконечник, происходящий из позднеантичной усадьбы на Гераклеийском полуострове и интерпретированный автором раскопок как плужный лемех [Кузищин 1979: 23]. Однако, судя по результатам металлографического исследования [Федотов 1981: 7] и сопоставления с восточноевропейскими и херсонскими наральниками, гераклеийский наконечник, возможно, относится к более позднему времени и предназначался для определенной разновидности однорукояточного прямоградильного рала [Денисова 2022]. Отметим также, что в позднеантичный период втульчатые наральники получили распространение лишь на памятниках черняховской культуры [см.: Магомедов 1987: 62–63; Краснов 1987: 37, 40; Бруяко, Секерская 2016: 109].

Библиография

- АНОХИН В. А. Монетное дело Боспора. К., 1986. 182 с.
- БЕРЕЗОВЕЦЬ Д. Т. Плуг з Токарівського торфовища // Археологія. 1952. Т. VII. С. 174–175.
- БЛАВАТСКИЙ В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. 208 с.
- БРУЯКО И.В., СЕКЕРСКАЯ Е. П. Очерки экономики населения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху. Одесса, 2016. 240 с.
- ВЫЖАРОВА Ж.Н. О происхождении болгарских пахотных орудий. М., 1956. 53 с.
- ДЕНИСОВА Е.А. К вопросу о существовании плуга в Херсонесе-Херсоне // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. М., 2021. С. 74–77.
- ДЕНИСОВА Е.А. К вопросу о датировке «плужного лемеха» из позднеантичной усадьбы на Гераклеяском полуострове // ХСб. 2022. Вып. XXIII. (в печати).
- ЗЕЛЕНИН Д. Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907. 195 с.
- ЗИНЬКО В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. 2007. Вып. XV. 336 с.
- КАДЕЕВ В.И. Некоторые вопросы истории античного земледелия Херсонеса // ВХУ. 1981. № 214. С. 90–95.
- КАЖДАН А. П. Византийская культура. М., 1968. 233 с.
- КИРЬЯНОВ А. В. История земледелия Новгородской земли X–XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 306–362.
- КРАСНОВ Ю. А. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М., 1975. 184 с.
- КРАСНОВ Ю. А. Об одном типе пахотных орудий Древней Руси // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 37–43.
- КРАСНОВ Ю. А. Древние и средневековые рала Восточной Европы // СА. 1982. № 3. С. 63–80.
- КРАСНОВ Ю. А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. М., 1987. 237 с.
- КРУГЛИКОВА И. Т. Возникновение и развитие земледелия. М., 1967. 232 с.
- КРУГЛИКОВА И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. 299 с.
- КРУГЛИКОВА И. Т. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков (Археология СССР). М., 1984. С. 154–161.

КУЗИЩИН В. И. Отчет о раскопках археологической экспедиции МГУ на Гераклее. Усадьба «Южная А» земельного надела 150 в 1979 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2095. 33 л.

КУТАЙСОВ В. А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // ПИФК. 2002. Вып. XII. С. 291–307.

ЛАТЫШЕВА В. А. Маслины — античное поселение в Северо-Западном Крыму: Статьи и воспоминания / сост. А. П. Мартемьянов, А. Н. Токарев; отв. ред. А. П. Мартемьянов. Харьков, 2010. 176 с.

МАГОМЕДОВ Б. В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. 108 с.

СМЕКАЛОВА Т.Н., КУТАЙСОВ В. А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2013. 335 с.

СМЕКАЛОВА Т.Н., ЛИСЕЦКИЙ Ф.Н., БУРЯК Ж. А. Изучение позднескифского поселенческого и агрохозяйственного комплекса Борут-Хане в Предгорном Крыму естественнонаучными методами // *Stratum Plus*. 2017. № 4. С. 57–80.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. 1961. Вып. VI. 248 с.

ФЕДОТОВ В. В. Металлографический анализ плужного лемеха, найденного при раскопках виллы 150, пом. IX в 1979 г. 1981 г. // НАО ГМЗ ХТ. Ф. 1. Д. 2176. 13 л.

ЧЕРНЕЦОВ А.В. О периодизации ранней истории восточнославянских пахотных орудий // СА. 1972. № 3. С. 135–148.

ШРАМКО Б. А. Основні етапи розвитку орного хліборобства // *Археологія*. 2012. № 1. С. 48–54.

ЩЕГЛОВ А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Ленинград, 1978. 159 с.

BERANOVÁ M. *Zemědělská výroba v 11.-14. století na území Československa*. Praha, 1975. 68 s.

BRATANIĆ V. *Nekoliko napomena o tehničkoj konstrukciji starog slavenskog pluga* // *Etnografija Polska*. 1960. T. 3. S. 78–120.

CANARACHE V. *Unelte agricole pe teritoriul Republicii Populare Române, în epoca veche* // *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie*. București, 1950. T. 1. Nr 2. S. 83–109.

GOW A. S. F. *The Ancient Plough* // *JHS*. 1914. Vol. 34. P. 249–275.

LESER P. *Der Pflug von Dabergotz* // *Zeitschrift für Ethnologie*. 1925. Bd. 57. S. 45–58.

PAYNE F. G. *The Plough in Ancient Britain* // *The Archaeological Journal*. London, 1947. Vol. 104. P. 82–111.

Список сокращений

БИ — Боспорские исследования

ВХУ — Вестник Харьковского ун-та

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НАО ГМЗ ХТ — Научно-архивный отдел Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»

ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры

СА — Советская археология

ХСб — Херсонесский сборник

JHS — Journal of Hellenic Studies

Днепровский Н. В.

Издательство «Невская Лавра», г. Санкт-Петербург

**ОБ ОДНОМ ЛИТУРГИЧЕСКОМ
УСТРОЙСТВЕ ПЕЩЕРНОГО ХРАМА
«ТРЕХ ВСАДНИКОВ»:
ВОСТОЧНО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ СЛЕД**

Dneprovsky N.

ABOUT ONE LITURGICAL DEVICE OF THE "THREE
HORSEMAN" CAVE CHURCH: THE EASTERN
MEDITERRANEAN TRAIL

При анализе устройства пещерного храма «Трёх Всадников» внимание привлекает вертикальная выемка в алтарной преграде напротив её северной арки — то есть именно там, где должен находиться жертвенник. Над правой частью выемки в стене абсиды вырублена ниша. Она обрамлена рамкой (рис. 1), а на её задней стенке высечен крест — единственный в храмовом интерьере. Горизонтальное поле из насечек под крестом символизирует земную поверхность (рис. 2). Эта явно «голгофская» аллюзия прозрачно намекает на связь ниши с евхаристической жертвой.

Однако результаты обмеров выемки показывают, что создавалась она для стоящего человека, а не для помещения в неё столика жертвенника, которому пришлось бы придавать чрезмерно сложную форму. Не могла выполнять функцию жертвенника и ниша — из-за высокого расположения и малых размеров.

В связи с вопросом о назначении упомянутой выемки внимание автора настоящей публикации привлекло переданное Д. М. Струковым свидетельство некоего сирийского грека о якобы существовавшем в Сирии обычае причащения прихожан через северные врата алтарной преграды. Разбору этого вопроса была посвящена специальная работа [Днепровский 2020].

Действительно, широкий «подоконник» северной арки позволял бы надёжно утверждать на нём чашу со Св. Дарами, а причащающиеся проходили бы через северный придел над могилой человека, ради спасения души которого была написана фреска [Днепровский 2013]. Надпись под фреской напоминала бы им его имя, а направление их движения совпадало бы с направлением «движения» святых воинов и их спутника к райским вратам — они как бы сопровождали туда душу покойного.

К сожалению, ни представители Антиохийского Патриархата, ни Президент Канадского общества древнесирийских исследований Амир Харрак не смогли ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Оказалось, что литургическая планировка храма «Трёх Всадников» соответствовала не сирийскому, а византийскому канону. Поэтому и дальнейшую проверку изложенной выше гипотезы пришлось проводить уже при обращении к истории византийского, а не сирийского, богослужения.

В одной из статей Р. Тафта¹ подробно рассматриваются особые литургические устройства византийского храма в виде «небольших многофункциональных литургических столиков», которые он именуется «пунктами причащения» («communion stations») [Taft 2004: 143]. В анонимном «Описании св. Софии» они именуется «трапезами» (“trapezas”) [idem], в «Пасхальной хронике» — «паратрапезами» (paratrapezia) [Taft 2004: 144], а в «Книге церемоний» и в описании архиерейской литургии X–XI вв. — «антиминсами» («antimision, antimesion») [idem]. Назначение этих литургических устройств было вполне определённым: «Некоторые тексты уточняют, что во время причащения святые дары приносятся на такие столики для распределения между верными» [idem]. При этом Р. Тафт подчёркивает, что, невзирая на сходство названий, «эти столы не следует путать с престолом» [Taft 2004: 143], равно как и «с антиминсом в его современном церковном понимании» [Taft 2004: 144].

Как следует из статьи отца Роберта Тафта, в св. Софии Константинопольской такие «паратрапезы» равным образом использовались как

¹ Следует уточнить, что речь может идти только об оригинале статьи. Её русский перевод, выполненный С. В. Головановым, имеет грубые несоответствия с авторским текстом и для анализа непригоден.

для причащения императора, так для приобщения простых мирян. В последнем случае в разных частях храма устанавливалось несколько таких столов [Taft 2004: 145–146].

Для нас в данном случае важны два обстоятельства.

Первое из них состоит в том, что, согласно письменным источникам, эти литургические устройства всё ещё были в ходу, по крайней мере, в XI в. [Taft 2004: 146].

Второе имеет уже самое непосредственное отношение к храму «Трёх Всадников» и касается формы «вместопрестолій»: «В V столетии в большом количестве были найдены сигма- или подковообразные мраморные верхние менсы, или алтарные столешницы, происходившие, очевидно, из Восточного Средиземноморья (Сирии, Палестины, Египта) и распространившиеся отсюда до самого запада» [idem]. При этом нужно отметить, что, говоря о форме столешниц, Р. Тафт ни разу не заменяет слова «сигма» соответствующим символом («Σ»). Возможно, это связано с тем, что в византийское время буква «сигма» часто записывалась как «С» (и надпись под фреской «Трёх Всадников» в этом отношении не является исключением), что как раз хорошо соответствует «подковообразной» форме найденных менс.

«В любом случае, в Византии или Малой Азии было найдено слишком мало таких сигмаобразных столешниц для того, чтобы я решился постулировать сигмаобразную форму наших византийских причастных столов. Но, безотносительно к их форме и размеру, не особенно существенных для нашего обсуждения, само по себе существование и использование столов для причастия в Византии не подлежит сомнению», — продолжает далее Р. Тафт [Taft 2004: 146–147].

Таким образом, не сомневаясь в существовании «паратрапез», знаменитый литургист был предельно осторожен в своих выводах относительно их формы. Кроме того, по его словам, он «не выявил этот феномен в каких-либо ранних восточных свидетельствах вне Византии» [Taft 2004: 143]. Однако здесь самое время вспомнить два очень важных замечания крупнейшего отечественного археолога-практика — Л. Г. Хрушковой: «Две группы источников, письменные и археологические, имеют различ-

ную природу, они не обязательно дают согласованные и точные свидетельства. И, безусловно, письменный источник никогда не отражает всё бесконечное разнообразие конкретных фактов, с которыми имеет дело археолог» [Хрушкова 2018: 242]. В то же время «прогресс археологических исследований по регионам показывает бесконечное разнообразие литургических устройств. Не только внутри гипотетических «литургических провинций», но и в пределах реальных церковно-географических единиц не наблюдается ни однородности архитектурного оформления литургического пространства, ни единства конкретных форм и устройств. В пределах отдельно взятых регионов скорее можно говорить о мозаичной картине, в которой сочетаются различные элементы, характерные также для других, порою отдаленных, регионов» [Хрушкова 2018: 241].

Так и в нашем конкретном случае «сигмаобразная» или «подковообразная» форма столешниц, описанная Р. Тафтом всего лишь как одна из возможных форм причастных столов, «происходивших, очевидно, из Восточного Средиземноморья», оказалась не менее важной, чем доказательство самого факта существования «вместопрестолій». Широкая верхняя поверхность «подоконника» северной арки алтарной преграды храма «Трёх Всадников» благодаря сделанной в ней овальной выемке очень хорошо согласуется с описанием «сигмообразной» менсы византийской «паратрапезы», а её местоположение в храме вполне соответствует сделанным выше предположениям об особенностях богослужения в северном компарimente последнего.

Завершить настоящую статью хочется высказыванием отца Роберта Тафта о том, что «история литургии — это мозаика в процессе сложения, напряженная целенаправленная деятельность. И не работа воображения делает возможной реконструкцию такой мозаики, а лишь восстановление, очистка и возвращение на своё место каждого её кубика» [Taft 2004: 149]. Хочется надеяться, что наследие великого литургиста помогло и автору этих строк установить на своё место крошечную деталь мозаичной картины церковных обрядов, некогда совершавшихся в пещерном храме «Трёх Всадников».

Библиография

ДНЕПРОВСКИЙ Н. В. К вопросу о каноническом смысле росписи пещерного храма «Трёх всадников» // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Севастополь — Тюмень, 2013. Вып. V. С. 108–138. Электронный ресурс. URL: <http://maiask.ru/data/documents/MAIASK5-2013.pdf>

ДНЕПРОВСКИЙ Н. В. Некоторые архитектурные особенности пещерного храма «Трёх Всадников» и малоизвестное свидетельство Д. М. Струкова о сирийской литургической практике // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6–10 октября 2020 г.). Т. 1 М.: ИВРАН, 2020. С. 54–59.

ХРУШКОВА Л. Г. Что такое солея: об одной долгой и незавершенной дискуссии // Византийский временник. М.: Издательство Московского университета, 2018. Т. 101: 2017. С. 223–247, илл.

TAFT, R. F. The Order and Place of Lay Communion in the Late-Antique and Byzantine East// Maxwell E. Johnson and L. Edward Phillips (eds). Studies in Church Music and Liturgy. Studia Liturgica Diversa: Essays in Honor of Paul F. Bradshaw.— Portland, Or.: Pastoral Press, 2004. Pp. 129–149.

Дорошко В. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь

ТОРГОВЫЕ КОНТАКТЫ ХЕРСОНЕСА I–III вв. НА ПРИМЕРЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ПОСУДЫ И СВЕТИЛЬНИКОВ ИЗ БРОНЗЫ

Doroshko V. V.

TRADE CONTACTS OF CHERSONES 1st — 3rd CENTURIES ON THE EXAMPLE OF THE RECEIPT OF DISHES AND LAMPS MADE OF BRONZE

За долгую историю раскопок Херсонеса было найдено незначительное число элементов античной бронзовой посуды и несколько светильников из бронзы, поступавших в город в первые века нашей эры. Очевидно, что в быту херсонеситов они присутствовали, но в силу того, что бронза шла на переработку, до нас дошли лишь случайно утраченные детали, либо то, что оказалось в погребальных комплексах. Однако на имеющемся материале можно сделать некоторые наблюдения относительно регионов-поставщиков Римской империи.

Посуда. В целом виде до нас дошел кувшин-ойнохоя из склепа 1014 (рис. 1, 1). Он относится к многочисленному типу сосудов Eggers 127. Как и херсонесская находка, большинство аналогичных кувшинов происходят из комплексов II — начала III вв. [Дорошко 2016: 146, рис. 2]. Традиционно их относят к итальянскому производству.

Ещё в I в. в город поступают ойнохои с шарнирными крышками (рис. 1, 5), на которые помещался выступ-ручка в виде дельфина [см. Ulbert 1959, Taf. 52, 6, 64, 6]. Начиная со II в. из нижнедунайского региона начинают поступать сосуды, крышки которых венчали выступы в виде уток, о чем свидетельствуют находки крышек и креплений к ним. Крышки были как

цельнолитые, так состоящие и из двух частей (рис. 1, 6–10). К этому ряду добавим ручку кувшина с шарнирным креплением крышки (рис. 1, 4). находка происходит из слоя с материалом II–III вв. (Белов, 1978: 9–10, рис. 20, 28, 29). По всей видимости, перечисленные детали принадлежали сосудам близким к типу Eggers 128, на основе которого мог распространиться римско-фракийский тип кувшинов [Raev 1977: 616–617].

Также в Херсонесе были найдены нижние рельефные атташи ручек (рис. 1, 2–3). Судя по их размеру, они крепились к достаточно вместительным сосудам закрытых типов. На одном помещен лик Медузы, а на втором — Эрот в образе вакханта [Дорошко 2016: 143–144, рис. 1]. Отметим детализацию изображений, что может свидетельствовать об италийском происхождении сосудов. На территории некрополя во время строительных работ были извлечены верхняя и нижняя часть столовой амфоры (рис. 1, 20), которые в большом числе обнаружены во время раскопок Помпеи [Tassinari 29, A3220].

С большой долей вероятности можно судить о том, что в город поступали ковши Eggers 140 и 142. Об этом свидетельствуют находки ножек пельтавидной формы, которые иногда крепились припоем к внешней стороне дна ковшей этих типов (рис. 1, 15, 17–19). Они были широко распространены на территории Центральной и Восточной Европы. Немалое их число найдено в Северном Причерноморье [Кропоткин 1970, карта — рис. 11; Симоненко 2011: 49–57], а с недавнего времени картография находок пополнилась пунктами в Крыму [Гущина, Журавлев 1999: 165–166, рис. 7, 7; Пуздровский 2007: 168–169, рис. 153, 2, 3, 154, 2]. В погребальных комплексах Северного Причерноморья эти ковши датируются I — первой половиной II вв., но в большинстве случаев — второй половиной I — первой третью II вв. [Гущина, Журавлев 1999: 166; Симоненко 2011: 57; Пуздровский 2007: 168–169].

Но не только ковшам принадлежали найденные ножки. Из раскопок Г. Д. Белова происходит ножка патеры (рис. 1, 16). Диаметр дна, к которому она крепилась, — не менее 14,7 см, что соответствует патерам типа Eggers 154. Аналогичный образец был найден в вилле Боскорале,

погибшей во время извержения Везувия в 79 г. н. э. [Oettel 1991: 48, Taf. 19a, 20c]. Среди находок присутствуют детали сосудов открытых типов: фигурные ножки, украшенные головами лебедя и медведя, и петля ручки (рис. 1, 12–14), которую крепили на припой [Popović at al. 1969, kat. № 230, 247; Raev 1977: taf. 34, 1; Bienert 2007, kat. № 303–305].

К раннеримскому времени относится часть ручки черпака-*simpula* типа Radnóti 43 или «Айслинген» (рис. 1, 11), распространенного в рейнских и верхнедунайских провинциях Римской империи, особенно в зонах стоянок римских войск [Ulbert 1959, Taf. 23, 6; Jovanović 2010: 208, tab. 6, 48–54; Radnóti 1938: 102, Taf. VIII. 43; Boesterd 1956: 222–223, Anm. 1357]. Время бытования определяется I–II вв. [Jovanović 2010: 208].

Светильники. К настоящему времени известны находки двух литых светильников. Первый из них найден во время раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1903 г. в центральной части городища между т. н. «Храмом с ковчегом» и Главной улицей (рис. 2, 1). Он относится к типу Loeschcke XXI, широко распространенному в приграничных территориях Римской империи, начиная от Британского острова и до Нижнего Дуная [Дорошко 2013–2014: 36, рис. 4]. Херсонесская находка дает представление о распространении ламп этого типа восточнее, чем представлялось ранее. Достаточно часто их находят в римских военных лагерях и поселениях, связанных с ними, поэтому наиболее предпочтительно считать, что херсонесский светильник когда-то был среди личных вещей римского солдата.

Ещё один светильник происходит из раскопок Г. Д. Белова в 1934 г., на Северном берегу (рис. 2, 2). Он был утрачен во время Великой Отечественной войны и в настоящее время до нас дошли только архивные фотографии и описание. Он представляет собой редкую разновидность типа Loeschcke XIX с петлями для подвешивания [Дорошко 2013–2014: 38].

Добавим, что из раскопок южного пригорода происходит украшение ручки в виде театральной маски, характерное для ламп типа Loeschcke XX [Simion 2003: 54–55].

Из раскопок западного некрополя Херсонеса происходит фрагментированный светильник, отличающийся от вышеприведенных тем, что его

тулово составлено из двух тонкостенных половин (рис. 2, 3). Обе части сформированы из листа бронзы посредством выдавливания пуансоном в матрице. Верхняя половина покрыта концентрическими бороздками. Круг аналогий ограничивается Нижней Мезией и Фракией, где и следует локализовать их производство во II — первой половине III вв. [Минчев 2003: 115–117, обр. 10–11].

Редкой находкой стала подставка-свечник (рис. 2, 4) из раскопок в северо-восточном районе Херсонеса [Дорошко 2013–2014: 38, рис. 9, 1]. В качестве аналогий наиболее близкие по виду канделябры происходят из малоазийского Амиса [Temür, Şirin 2018: 236–237, şek. 11–15].

Находки из Херсонеса хоть и немногочисленны, тем не менее, дополняют сведения о распространении посуды и ламп из бронзы в северопрichernоморском регионе. Основной приток приходится на период II в. И если в I — первой половине II вв. поступление идет из Италии и центральных провинций, то с середины II в. появляется продукция дунайских провинций, где налаживается ее местное производство. Пока у нас мало сведений о выпуске бронзовой посуды и светильников в малоазийских провинциях, с которыми Херсонес был экономически тесно связан. Поэтому нельзя исключать, что доля импорта этого региона на херсонесском рынке была весьма заметной. Также допустимо считать, что часть посуды и ламп из бронзы попадала в город вместе с римскими военнослужащими.

Библиография

БЕЛОВ Г. Д. Отчет о раскопках на Северном берегу (кварталы XXIX, XXV и XX) 1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф.1. Д. 2021.

ГУЩИНА И.И., ЖУРАВЛЕВ Д. В. Погребения с бронзовой посудой из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Российская археология. 1999. № 2. С. 157–171.

ДОРОШКО В. В. Античные бронзовые светильники из раскопок Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. 2013–2014. Вып. XVIII. С. 35–49.

ДОРОШКО В. В. Бронзовые рельефные атташи римского времени из раскопок Херсонеса Таврического // Записки ИМК РАН. 2016. Вып. 14. С. 143–148.

КРОПОТКИН В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе // САИ Д 1–27. М., 1970.

МИНЧЕВ А. Античните бронзови лампи от варненския археологически музей // Известия на народния музей Варна. 34–35 (49–50) 1998–1999. Варна, 2003. С. 104–135.

ПУЗДРОВСКИЙ А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э.— III в. н.э. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007.

СИМОНЕНКО А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья СПб.: Нестор-История, Филологический факультет СПбГУ, 2011.

BOESTERD M. The bronze vessels in the Rijksmuseum G.M. Kam at Nijmegen. Departement van Onderwijs, Kunsten en Wetenschappen. Nijmegen, 1956.

BIENERT B. Die römischen Bronzegefäße im Rheinischen Landesmuseum Trier. (Trierer Zeitschrift, 31). Trier Rheinisches Landesmuseum Trier, 2007.

EGGERS J. H. Der römische Import im freien Germanien. Hambourg: Hamburgisches Museum für und Vorgeschichte, 1951

JOVANOVIĆ J. Rimsko brončano posuđe iz Arheološkog muzeja u Splitu // Vjesnik za arheologiju i povijest dalmatinsku. 2010. Vol. 103. № 1. S. 191–232.

LOESCHKE S. Lampen aus Vindonissa. Zurich, 1919.

OETTEL A. Bronzen aus Boscoreale in Berlin. Tübingen: Antikenmuseum, 1991.

POPOVIĆ L.B., MANO-ZISI D. VELIČKOVIĆ M. Antička bronza u Jugoslaviji. Beograd: Narodni muzej, 1969.

RADNÓTI A. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien // Dissertationes Pannonicae. Ser. II. № 6. Budapest; Leipzig, 1938.

RAEV B. A. Die Bronzegefäße der römischen Kaiserzeit in Thrakien und Moesien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1977. Bd. 58. S. 605–642.

SIMION G. Opaite Greco-Romane de bronz din România. Tulcea, 2003.

TASSINARI S. Il vasellame bronzeo di Pompei. 2 vol. Roma, 1995.

TEMÜR A., ŞIRIN O. A. Amisos'tan boğa başı formunda bir kandil ve kandelabrum // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi (Journal of International Social Research). 2018. C. 11. S. 56. S. 233–242.

ULBERT G. Die römischen Donau-Kastelle Aislingen und Burghöfe // Eds. H. von Petrikovits and W. Schleiermacher. Studien zur Organisation der Römischen Reichsgrenze an Rhein und Donau. Bd. I (Römisch-germanische Kommission). Berlin: Mann, 1959.

Дорошко О. П.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь

КУХОННАЯ КРУЖАЛЬНАЯ ПОСУДА ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ I–III вв. ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Doroshko O. P.

KITCHEN CIRCLE UTENSILS OF THE WESTERN BLACK SEA REGION OF THE 1ST — 3RD CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS OF TAURIC CHERSONESE

Несмотря на отсутствие точных доказательств производства кухонной посуды на территории Западного Причерноморья в римский период, ряд исследователей допускают существование местной керамики [Suceveanu 2000; Вăjenaru 2013; Opaïț, Ionescu 2016; Noncu 2017]. По описанию К. Баженару, глина у таких сосудов комковатая, кирпичного или светло-коричневого цвета, с включениями блесок слюды и частиц белого цвета. У некоторых предметов содержание слюды более высокое, а сама глина имеет более темный цвет [Вăjenaru 2013: 64].

Среди керамического материала из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи удалось выявить несколько форм кухонных сосудов, которые могли быть привезены с территории Западного Причерноморья¹.

Из горшков отметим экземпляры с рифленным туловом в верхней части. Глина обычно оранжево-коричневого цвета, редко — коричневого цвета. Тесто с включениями мелких белых частиц, коричневых частиц, песка.

¹ Благодарю К Баженару и А. Опайца за помощь в выявлении керамики Западного Причерноморья.

При условии однородности состава глиняного теста, горшки отличаются вариантами оформления венчиков:

1) Горшки с клювовидным венчиком (рис 1, 1). Шт. Хонку предположил, что эти сосуды использовались для хранения продуктов [Нонсу 2017: 79]. На горшках из Херсонеса также не найдены следы воздействия огня. Аналогичные сосуды найдены в Хараксе [Камелина 2012: табл. 16, 6; табл. 28, 11], Ольвии [Крапивина 1993: 102, рис. 33, 12], Козырском городище [Бураков 1976: 85, табл. V, 2, 3], Истрии [Suceveanu 2000: pl. 51, 1–5], поселении Ачич Суат (Тульча) [Muşat-Streinu 2017: 290, fig. 6, 18], Никулицели, Новиодунуме [Нонсу 2017: 79–80, pl. XIII, 124–125].

2) Горшки с утолщенным, слегка заостренным венчиком (рис 1, 2). Подобные сосуды известны из раскопок Ольвии [Крапивина 1993: 102, рис. 35, 2], Истрии [Suceveanu 2000, pl. 51, 1–5], Аргаме, Ибиды, Никулицели, Новиодунума [Нонсу 2017: 53–56, pl. VI, 53–60, pl. VII, 61–67].

3) Горшки с венчиком, прямоугольным в сечении, утолщенным в верхней части (рис 1, 3). Аналогии найдены в Ольвии [Крапивина 1993: 102, рис. 34, 7–8], Томах [Văjenu 2013: 65, pl. 10, 73–79], Истрии [Suceveanu 2000: 129–130, pl. 60, 1–11], Каллатии [Opaît, Ionescu 2016: 75, pl. 14, 138–140], Аргаме, Ибиде, Никулицели, Новиодунуме [Нонсу 2017: 57–61, pl. IV, 35–40, pl. V, 41–50].

Близок по составу глиняного теста горшок без рифления с закругленным краем (рис 1, 4). Фрагменты таких сосудов обнаружены в Хараксе [Камелина 2012: табл. 20, 10–11], Пантикапее [Зеест 1957: 142, рис. 1, 4], Истрии [Suceveanu 2000: 113, pl. 48–50], Томах [Văjenu 2013: 65, pl. 10, 80]. Подобные горшки с загнутым краем были широко распространены также в Мезии и Дакии. Цвет их глины и состав керамического теста разнообразны, что свидетельствует о производстве сосудов в различных провинциально-римских мастерских [Нонсу 2017: 43–50].

Еще одна группа керамики, которая, вероятно, была привезена из Западного Причерноморья — это рифленые чаши с отогнутым венчиком, который орнаментирован накладной лентой, как у лутериев (рис 1, 5–7). Аналогичные экземпляры найдены при раскопках Истрии [Suceveanu

2000: 50-52, pl. 16-17], Том, Трои [Văjénaru 2013: 66, pl. 11, 82–86], Бейрута [Reynolds 1997–1998: 47, fig. 134, 135]. Рельефные чаши, найденные в Добрудже, датируются концом II — началом III вв. [Honcu 2017: 121–122]. Отсутствие фрагментов таких сосудов среди керамического материала пунктов римского военного базирования в Балаклаве, на высотах Казацкая и Суздальская подтверждает эту датировку.

В Западном Причерноморье, по мнению К. Баженару, местные мастера изготавливали кастрюли с биконическим туловом, которые отличаются от образцов эгейского производства [Дорошко 2021: 78–80] наличием внутреннего выступа на венчике, наклоненного вниз, а также наличием в составе белых частиц, гальки [Văjénaru 2013: 63–64, pl. 9, 68]. Фрагмент идентичной кастрюли найден и в Херсонесе (рис 1, 8). Эта кастрюля имеет серый ангоб снаружи и внутри, как и экземпляр из Том [Văjénaru 2013: 64].

В Херсонесе и его округе повсеместно встречаются фрагменты небольших сковород с венчиком, подтреугольным в сечении (рис 1, 9–10). Аналогии им известны из раскопок Харакса [Камелина 2012: 53, табл. 14, 9], Ольвии [Крапивина 1993: 103, рис. 36, 2], Пантикапея [Голофаст 2013: рис. 14, 17; Зеест 1957: с. 151, рис. 4, 5], Том [Văjénaru 2013: 67, pl. 11, 89]. По мнению Ю.-А. Илиеску и Ф.-О. Ботиш, сковороды являются продукцией Истрии II в. [Piiescu, Botiş 2018: fig. 5, 2]. К. Баженару осторожно предположил их производство в каком-то из причерноморских центров [Văjénaru 2013: 66–67].

Археологический контекст дает представление о том, что кухонная посуда производства Западного Причерноморья была распространена в Херсонесе во второй четверти II — первой половине III вв. Этим временем датируются и другие находки, привезенные в город из западно-причерноморских городов [Кадеев, Сорочан 1989:44].

Библиография

- БУРАКОВ А. В. Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К., 1976.
- ГОЛОФАСТ Л. А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 211–241.
- ДОРОШКО О. П. Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его округи: к вопросу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). М., 2021. С. 78–80.
- ЗЕЕСТ И. Б. Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. 1957. Вып. 56. С. 139–159.
- КАДЕЕВ В. И., СОРОЧАН С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989.
- КАМЕЛИНА Г. А. Керамический комплекс из раскопок нижней оборонительной стены крепости Харакс // ПИФК. 2012. № 2 (36). С. 46–90.
- КРАПИВИНА В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993.
- ВĂJENARU С. Contextes ceramiques de Tomis. (I). Un ensemble de la fin du IIe — debut du IIIe s. ap. J.-C. // Pontica. 2013. Vol. XLVI. P. 41–110.
- HONCU Ş. Ceramica romană de bucătărie din Dobrogea (secolele I–III p. Chr.). Constanța, 2017.
- ILIESCU Iu.-A., BOTIŞ F.-O. The pottery workshops from Histria // Atlas of Roman Pottery Workshops from the Provinces Dacia and Lower Moesia/Scythia Minor (1st — 7th centuries AD) (I). Cluj-Napoca, 2018. P. 193–210.
- MUŞAT-STREINU A. Early roman finds from acic suat (Caraburun, Baia, Tulcea county) // Peuce. 2017. Vol. 15. P. 279–294.
- ОРАIŢ A., IONESCU M. Contributions to the Economic Life of the City of Callatis in Light of New Ceramic Finds (2nd-6th centuries AD) // Arheologia Moldovei. 2016. Vol. XXXIX. P. 57–112.
- REYNOLDS P. Pottery production and economic exchange in second century Berytus: Some preliminary observations of ceramic trends from quantified ceramic deposits from the AUB-Leverhulme excavations in Beirut // Berytus. 1997–1999. Vol. 43. P. 35–110.
- SUCEVEANU A. La céramique romaine des Ier-IIIe siècles ap. J.-C. // Histria. Bucureşti, 2000. Vol. X. 191 p.

Дробышев Ю. И.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ОТГОЛОСКИ ЯСЫ ЧИНГИС-ХАНА В СОЧИНЕНИИ ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА

Drobyshev Yu.I.

ECHOES OF YASA GENGHIS KHAN IN THE WORK OF GEORGE PACHIMER

Георгий Пахимер (1242 — ок. 1310 гг.) — один из немногих византийских авторов, оставивших сведения о монгольском нашествии. Несмотря на то, что сама Византийская империя, к тому времени уже сильно сократившаяся в размерах, непосредственно от монголов не пострадала, угроза их вторжения держала ромеев в напряжении и вынуждала проявлять к ним интерес. Позже между Византией, с одной стороны, и осколками Монгольской империи — улусами Джучи и Хулагу, с другой, установились более или менее дружественные отношения, скрепленные династическими браками. По-видимому, обмен дипломатическими миссиями открыл византийским историкам доступ к достаточно корректной информации о монголах. В частности, у Пахимера мы находим их вполне точные характеристики и, между прочим, сведения о монгольском законодательстве, известном как Великая Яса¹. Ее автором обычно считается Чингис-хан (1162?–1227 гг.). На Южном Кавказе, более глубоко интегрированном в монгольский мир, авторство этих законов приписывали небесным посланцам, которые передавали их Чингис-хану, а грузинский анонимный «Хронограф» — даже самому Иисусу Христу, якобы удостоившему Чингис-хана аудиенции [Анонимный грузинский «Хронограф» 2005: 21].

¹ Рамки настоящей статьи не позволяют обсуждать общие проблемы Великой Ясы. См. специальные работы: [Вернадский 1939; Ayalon 1971: 97–140, 1971: 151–180, 1972: 113–158, 1973: 107–156; Rachewiltz 1993: 91–104; Morgan 2005: 291–308; Дугарова 2012: 204–213; Почекаев 2016; Pochekaev 2016: 724–733].

Основными источниками по Ясе служат сочинения Ата-Мелика Джувейни (1226–1283 гг.), Абу-л Фараджа (1226–1286 гг.), Григора Акнерци (ок. 1250 — ок. 1335 гг.) и, особенно, египетского историка и географа аль-Макризи (1364–1442 гг.), который попытался собрать и систематизировать ее разрозненные фрагменты. Некоторые установления Ясы сохранились в отчете Плано Карпини (1182–1252 гг.). Труд Пахимера, хотя давно используется историками, в этом отношении нередко оказывается незаслуженно забыт. Приведем интересующую нас цитату:

«Вообще народ тохарский² отличается простотою и общительностью, быстр и тверд на войне, самодоволен в жизни, невзыскателен и беспечен относительно средств содержания. Законодателем его был, конечно, не Солон, не Ликур, не Дракон (ибо это были законодатели афинян, лакедемонян и других подобных народов, — мужи мудрые из мудрых и умных, по наукам же ученейшие), а человек неизвестный и дикий, занимавшийся сперва кузнечеством³, потом возведенный в достоинство хана (так называют их правителя); тем не менее, однако ж, он возбудил смелость в своем племени — выйти из Каспийских ворот и обещал ему победы, если оно будет послушно его законам. А законы эти были такого рода: Не поддаваться неге, довольствоваться тем, что случится, помогать друг другу, избегать самозакония, любить общину, не думать о средствах жизни, употреблять всякую пищу, никакой не считая худою, иметь много жен и предоставлять им заботу о приобретении необходимого. Отсюда быстрое размножение этого племени и изобилие во всем нужном. У них положено было также — из вещей приобретенных ничего не усвоить навсегда и не жить в домах, как в своем имении, но передвигаться и переходить в нужде с одного места на другое. Если бы недоставало пищи, ходить с оружием в руках на охоту, или проколов коня, пить его кровь; а когда понадобилась бы более твердая

² В Византии было принято называть новые народы старыми именами согласно их месту обитания и образу жизни, вследствие чего нередко монголы Улуса Хулагу обозначались как скифы, а Улуса Джучи — как тохары, но могло быть и иначе.

³ Представление о том, что Чингис-хан в юности был кузнецом, имело широкое хождение в Евразии, но оно не подтверждается таким важнейшим источником, как «Сокровенное сказание монголов». См.: [Козин 1941].

пища — внутренности овцы, говорили, налей кровью и положи их под седло, — запекаясь немного от лошадиной теплоты, она будет твоим обедом. Кто случайно найдет кусок ветхой одежды, тот сейчас пришей его к своему платью, нужна ли будет такая пришивка или не нужна, — все равно (цель та, чтобы делая это без нужды, тохарцы не стыдились к ветхим одеждам пришивать старые заплаты, когда бы настала необходимость). Этими-то наставлениями законодатель приучал своих подданных жить в полной беспечности. Получая от женщины и копье, и седло, и одежду, и самую жизнь, тохарец, без всяких хлопот, тотчас готов был к битве с врагами. Охраняемые такими постановлениями своего Чингис-хана (я припомнил теперь, как его зовут: Чингис его имя, а хан — это царь), они верны в слове и правдивы в делах; а будучи свободными в душе и отличаясь прямою сердцем, они ту же необманчивость речи, когда кого слушают, ту же неподдельность поступков желают находить и в других» [Георгия Пахимера история 1862: 317–319].

В целом, Пахимер изобразил довольно точную, пусть и несколько идеализированную картину жизни «благородных дикарей». Практически все отмеченные им монгольские обычаи находят подтверждение у других современников, например у такого хорошо информированного автора, как папский легат Плато Карпини, ходивший в столицу Монгольской империи в 1245–1247 гг. [Плато Карпини 1997: 40–43]. Исключением является требование пришивать ненужные заплаты, не встречающееся в других источниках. Среди этих узаконений можно видеть как неписанные правила степного быта, не имеющие никакого отношения к юридическим нормам номадов, так и части Великой Ясы или, во всяком случае, того, что к ней обычно причисляют. Так, наблюдается соответствие в части постановлений о взаимопомощи, охоте и дозволенности употребления в пищу крови и потрохов, но все это, впрочем, как раз подходит под определение обычного права. Ничего имперского здесь не прослеживается. Однако для Пахимера все перечисленные им «законы» принадлежат авторству Чингис-хана, т. е. он четко следует монгольской традиции, объявлявшей своего великого хана законодателем.

Среди разрозненных фрагментов законов, зафиксированных в различных источниках и составлявших, как нередко думают, свод Великой Ясы в период монгольского владычества в Евразии, пока не найдено закона, предписывающего казнить знатных людей бескровными способами. Однако в источниках можно найти немало описаний такой казни. Одним из распространенных способов было завертывание жертвы в войлок и затаптывание лошадьми. Эта участь постигла и последнего аббасидского халифа Абу Ахмада Абдуллах аль-Мустасима (1242–1258 гг.). Таким образом, он принял смерть как человек, занимавший высокое место в монгольской имперской картине мира. Однако возникла легенда, что его победитель Хулагу (1256–1265 гг.), продержав его без еды, предложил халифу утолить голод золотом, которое он пожалел для своих войск. Византийцам была известна другая, еще более жестокая, версия этой легенды: «Тогда же Персию, будто реки, наводнили тохарцы, которых в просторечии называют атариями, и которые умертвили калифа, влив ему в горло распущенное золото. Они так поступили не для того, чтобы только убить его, а для того, чтобы наругаться над ним; ибо тогда как, употребив золото, он мог бы победить врагов, у него оказалось больше любви к золоту, чем к себе; потому от золота должна была произойти и его смерть, как бы, то есть, он сам себя таким образом осудил на нее» [Георгия Пахимера история 1862: 118–119]. Хотя в данном случае нельзя утверждать, что халиф принял смерть в соответствии с требованиями Ясы, это вполне могло быть так, и наш автор зафиксировал слухи о необычной казни, видимо, приняв их за истину.

С применением Великой Ясы довелось столкнуться и византийским монархам. Р. М. Шукуров обоснованно полагает, что именно по нормам Великой Ясы судили при дворе ильхана Абаги (1265–1282 гг.) трапезундского императора Георгия (1266–1280 гг.) за его попытку (впрочем, неудачную) вернуть захваченный сельджуками Синоп — важнейший порт на южном побережье Черного моря. Эта акция имела очевидный антимонгольский и промамлюкский характер, что и послужило основанием для привлечения Георгия к суду. Однако последний сумел оправдаться

и в 1280 г. вернулся в Трапезунд. Тремя годами ранее Абага судил Муин ад-Дина Парвана (?–1277 гг.) — всевластного румского вазира, в свое время предавшегося монголам и получившего от них ярлык на отвоевание Синопа у византийцев, а позже вступившего в тайную переписку с мамлюками. Этому повезло гораздо меньше: против него свидетельствовали его письма одному из злейших врагов ильханов — египетскому султану Бейбарсу аль-Бундукдари (1260–1277 гг.). Через этот суд, именуемый йаргу, проводились дела по государственным изменам [Bryer 1973: 332–350; Шукуров 2001: 185–186]. Следовательно, здесь речь уже идет об имперском законодательстве и делопроизводстве, а не об обычном праве кочевников.

Из вышеизложенного следует, что решение вопросов, чем могла быть Великая Яса на самом деле, какие правовые элементы в нее входили, сколько вообще их было и т. д., требует обращения к более широкому кругу источников и, видимо, обещает быть плодотворным.

Библиография

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I. Текст / Пер. Г. В. Цулая. М.: [Б.и.], 2005.

ВЕРНАДСКИЙ Г.В. О составе Великой Ясы Чингисхана. Брюссель: Les editions Petropolis, 1939.

ГЕОРГИЯ ПАХИМЕРА история о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской духовной академии. Т. I. СПб.: Типогр. Департамента уделов, 1862.

ДУГАРОВА С. Ж. Историографический обзор источников «Великой Ясы» Чингисхана // Гуманитарный вектор. 2012. № 4. С. 204–213.

КОЗИН С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

ПЛАНО КАРПИНИ. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.

ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. «Чингизово право». Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань: Татарское кн. изд-во, 2016.

ШУКУРОВ Р. М. Великие Комнины и Восток (1204–1461). СПб.: Алетейя, 2001.

AYALON D. The Great Yasa of Chingiz Khan. A Reexamination // *Studia Islamica*. Part A, 33 (1971), pp. 97–140; Part B, 34 (1971), 151–180; Part C1, 36 (1972), 113–158; Part C2 (1973), 107–156.

BRYERA. The Fate of George Komnenos Ruler of Trebizond (1266–1280) // *Byzantinische Zeitschrift*. 1973. Vol. 66. P. 332–350.

MORGAN D. The “Great Yasa of Chinggis Khan” Revisited // *Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden; Boston: Brill, 2005. P. 291–308.

ПОЧЕКАЕВ Р. Ю. Chinggis khan’s Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th-14th centuries: Legal Code or Ideal “Law and Order”? // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4. № 4. С. 724–733.

RACHEWILTZ I. de. Some Reflections on Chinggis Qhan’s Jasag // *East Asian History*. 1993. № 6. P. 91–104.

Дружинина Н. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь.

ИСТОЧНИКИ ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ (ПО ДАННЫМ АРХИВА ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ)

Druzhinina N. S.

SOURCES ON THE PROTECTION OF ARCHITECTURAL MONUMENTS (ACCORDING TO THE DATA OF THE SEVASTOPOL CITY'S ARCHIVE)

Объекты архитектурного наследия, расположенные на территории Севастополя, отражают его многовековую историю. Изучение вопросов, связанных с его сохранением, является актуальным направлением краеведческих исследований. К важной составляющей этого процесса относится выявление и анализ источников по данной теме. К вопросам охраны памятников архитектуры Севастополя во второй половине XX века в своих публикациях обращались Н. В. Бескоровайная [Бескоровайная 2021], А. Ю. Манаев [Манаев 2014], И. В. Сибиряков [Сибиряков 2016], А. А. Соколов [Соколов 2012; 2013]. Однако остается большое количество источников по этой теме, которое не введено в научный оборот. Значительная часть неопубликованных материалов содержится в фонде «Управления градостроительства и архитектуры Севастопольской городской государственной администрации» Архива города Севастополя (АГС).

Во второй половине XX в. охрана памятников архитектуры регламентировалась рядом нормативно-правовых актов, из которых можно

выделить Постановление СМ РСФСР от 22.05.1947 г. «Об охране памятников архитектуры», Постановление СМ СССР от 14.10.1948 г. «Положение об охране памятников культуры», Постановление СМ УССР от 24.08.1963 г. «Об утверждении списка находящихся под охраной государства памятников архитектуры Украинской ССР», Закон УССР от 13.07.1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры» [Законодавство 1970: 246–298, Охрана памятников истории и культуры 1973: 62–64, 68–74.].

В архивных документах фонда, отражающих правотворческую деятельность на областном уровне, содержатся решения исполкома Крымского областного Совета от 2.10.1945 г. «О мероприятиях по улучшению дела охраны памятников архитектуры в Крыму», «Об охране памятников архитектуры и исторических памятников Крыма» от 23.01.1947 г. «Об охране памятников архитектуры и истории Крыма» 25.08.1948 г. [Ф. Р-308, оп. 1, д. 116: 12; 57: 3, 38]. Эти материалы показывают функции органов власти во второй половине 1940-х годов в сфере сохранения архитектурного наследия и их взаимодействие между собой в этой области. Из нормативно-правовых актов, принятых исполкомом горсовета, следует выделить постановление от 4.07.1967 г. «О состоянии и мерах по дальнейшему улучшению охраны и сохранения памятников архитектуры, археологии и истории Севастополя». Этим документом утверждались мероприятия по охране памятников, план ремонта, реконструкции и благоустройства памятников в городе и его окрестностях [Ф. Р-308, оп. 1, д. 442: 5].

Отдельного внимания заслуживают материалы второй половины 1940-х годов, которые дают представление о состоянии памятников охранной сферы в послевоенный период. В 1947 г. отделом коммунального хозяйства города была составлена «Справка уничтоженных и разрушенных исторических и архитектурных памятниках в городе Севастополе оккупантами в период 1942–1944 гг.», в которой собраны сведения о разрушенных и поврежденных объектах за годы Великой Отечественной войны [Ф. Р-308, оп. 1, д. 87: 46–51].

В материалах Совещания Управления главного архитектора Севастополя по вопросу о мероприятиях по охране памятников, состоявшегося 16 апреля 1948 г., содержится информация о деятельности местных органов власти, связанной со взятием на учет, составлением паспортов и планов работ по реставрации памятников. В то же время в этом документе отмечен ряд проблем, характерных для этого периода, который включал в себя нехватку сторожевой охраны и отсутствие охранных досок на многих объектах, невыполнение предусмотренных работ по их ремонту, недостаточное финансирование. По итогам совещания было принято решение об обращении в горисполком с целью организации комиссии для производства паспортизации всех памятников архитектуры, расположенных в районе Севастополя, установления их технического состояния, заключения на них охранных договоров [Ф. Р-308, оп. 1, д. 57: 13–16].

Акты обследований памятников архитектуры содержат краткую историческую справку, описание технического состояния объекта, характеристику проводимых реставрационных работ, предложения по его ремонту, охране и использованию. В 1957 г. представителями инспекции ГАСК Министерства строительства УССР Е. И. Лопушинской и Е. И. Пламеницкой были проведены обследования ряда памятников архитектуры, среди которых можно выделить Акведук, Графскую пристань, генуэзскую крепость в Балаклаве, Петропавловский собор [Ф. Р-308, оп. 1, д. 87; 248; 250; 251].

Информативным источником являются материалы деятельности комиссии, созданной на основании приказа Госстроя УССР от 23 августа 1966 г. для проверки памятников архитектуры Севастополя. По итогам её работы была представлено подробное описание состояния объектов архитектуры, дана характеристика процессу проведения их ремонтно-реставрационных работ [Ф. Р-308, оп. 1, д. 426: 42–47].

Важными источниками являются предоставляемые ежегодно Госстрою УССР сведения о памятниках архитектуры города, находящихся под охраной государства, утвержденных постановлением СМ УССР

от 24.08.1963 г., — Графской пристани, крепости Каламита, генуэзской крепости в Балаклаве, Петропавловского собора, Херсонеса Таврического, Чоргунской башни. Они включали в себя информацию о месторасположении, наличии охранной документации, организации, на балансе которой находился объект, целях использования, ситуации с охраной памятника, краткую характеристику технического состояния, перечень необходимых ремонтно-реставрационных и консервационных работ [Ф. Р-308, оп. 1, д. 442: 44–45].

Сведения о выполнении консервационных и ремонтно-реставрационных мероприятиях в 1960–1980-х по памятникам архитектуры в Севастополе содержатся в различных отчетах, а также в протоколах совещаний Отдела по делам строительства и архитектуры Севастопольского горисполкома и научно-реставрационного совета института «Укрпроектреставрация». Они включают в себя информацию об организациях, ответственных за этот процесс, виды запланированных и выполненных работ, количественные показатели финансирования, проектно-сметную документацию, обсуждение специалистов хода выполнения работ и методик проведения реставрации [Ф. Р-308, оп. 1, д. 469: 16; 493: 9; 572: 52; 726: 1–6, 15].

По некоторым памятникам архитектуры в фонде собран комплекс документов. Из них следует выделить крепость Каламиту и пещерный монастырь в Инкермане. Источники по этому объекту представлены актами обследования в 1947 г., 1957 г., 1965 г., паспортом 1981 г., в которых зафиксированы его состояние, степень разрушения, даны рекомендации по реставрации. Важными документами является деловая переписка о его включении в число государственных архитектурно-археологических заповедников, решения по этому вопросу исполнительного комитета Крымского областного совета от 23.01.1947 г. и 23.01.1948 г. В мае 1948 г. комиссией областного исполкома были определены границы заповедника [Ф. Р-308, оп. 1, д. 52: 14–15; д. 57: 42–43; 403: 21; 698: 1–3]. Ещё одна группа материалов связана с проведением консервационных работ, выделением финансовых средств,

изготовлением технической документации [Ф. Р-308, оп. 1, д. 403: 10–15; 442: 3].

Можно отметить ряд документов, характеризующих ремонтно-реставрационные работы Владимирского собора, которые проводились с 1965 г. Они представлены актами обследования, проектными заданиями на реконструкцию, перепиской, связанной с планами создания музея «Истории города-героя Севастополя» [Ф. Р-308, оп. 1, д. 403: 1–3; 426: 8, 12–17; 469: 24]. Такие же группы источников показывают процесс реставрации и консервации часовни-пирамиды св. Николая на братском кладбище Первой обороны Севастополя. Из них можно получить информацию об основных этапах работ, проблем, связанных с их реализацией [Ф. Р-308, оп. 1, д. 426: 18–24; 442: 2; 515: 11–12].

Таким образом, источники по охране памятников архитектуры Севастополя во второй половине XX века дают возможность получить представление о достижениях и проблемах в этой сфере, восстановить имена государственных, научных и общественных деятелей, которые имели отношение к данной области. Важной составляющей являются документы по проведению ремонтно-реставрационных работ. Необходимо дальнейшее выявление архивных материалов по этой теме и введение их в научный оборот.

Библиография

ГКУ «Архив города Севастополя» (АГС), ф. Р-308, оп. 1, д. 52, 57, 87, 116, 248; 250; 251, 403, 426, 442, 469, 515, 698, 726.

БЕСКОРОВАЙНАЯ Н. В. Работы Евгении Ивановны Лопушинской по сохранению культурного наследия в Севастополе // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Москва, 2021. С. 43–48.

МАНАЕВ А. Ю. К вопросу о состоянии архитектурных памятников Крыма в 1944 году // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2014. № 4. С. 54–64.

Постанова Ради Міністрів УРСР від 24.08.1963 р. № 970 «Про затвердження списку пам'ятників архітектури Української РСР, що перебувають під охороною держави»

// Законодавство про пам'ятники історії та культури / під. ред. О. Н. Якименка. Київ: Політвидав України, 1970. С. 246–298.

Постановление Совета Министров РСФСР от 22.05.1947 г. № 386 «Об охране памятников архитектуры» // Охрана памятников истории и культуры / сост. Г. Г. Анисимов. М.: Советская Россия, 1973. С. 62–64.

Постановление Совета Министров СССР от 14.10.1948 г. № 3898 «Положение об охране памятников культуры» // Охрана памятников истории и культуры / сост. Г. Г. Анисимов. М.: Советская Россия, 1973. С. 68–74.

СИБИРЯКОВ И. В. Выжившие образы прошлого: судьба дореволюционных памятников в советском Севастополе // Вестник Омского ун-та. Серия: «Исторические науки». 2016. № 4. С. 63–72.

СОКОЛОВ А. А. Памятники истории и культуры Крыма: состояние, охрана, реставрация (1944–1953) // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2012. № 2. С. 204–216.

СОКОЛОВ А. А. Деятельность Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (60-е — 80-е годы XX века) // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Сер.: «Исторические науки». 2013. № 1. С. 152–166.

Дубровская Д. В.

Институт востоковедения РАН, Москва

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ОБИТАНИЯ СЕМЕЙСТВА ВЕНЕЦИАНСКИХ КУПЦОВ ПОЛО В СУДАКЕ (КРЫМ) ДО ПУТЕШЕСТВИЯ В КАТАЙ

Dinara V. Dubrovskaya,

ON THE REASONS FOR THE RESIDENCE OF THE POLO FAMILY OF VENETIAN MERCHANTS IN SUDAK (CRIMEA) BEFORE TRAVELING TO KATAI

Пространственные перемещения в XIII в., даже в сердце западного мира, были непредсказуемы и чреватые опасностями. Венецианский купец Марко Поло (Marco Polo; 1254–1324), конечно же, не был первым европейцем на Дальнем Востоке, но именно он первым донес сведения об увиденном, широкой публике. Сразу же после появления его «Книги» (именно так обычно именуют труд Марко Поло) у читателей возникли сомнения в его достоверности. Пристрастный разбор записей Поло показывает, что он был правдив, рассказывая о Китае («Катае»), но многое досочинил, описывая сопредельные страны.

В 1295 г. Марко Поло, узник генуэзской тюрьмы, незадолго до этого взятый в плен в морском сражении, вернулся из почти четвертьвекового путешествия в неведомую страну, которую назвал Катаем. Именно в заключении Поло надиктовал свои рассказы сокамернику — поэту Рустикелло из Пизы (Rustichello da Pisa; кон. XIII в.) [Hoffman 1991], не знавшему, что истории, выходящие из-под его пера, сыграют с читателями, чей мир ограничивался на Востоке Иерусалимом, коварную шутку и еще два века спустя, с точностью почти до года, и преданный

читатель «Книги» Поло Христофор Колумб [Landström 1967: 27] отправится на поиски восточных стран, описанных венецианским купцом.

Венецианские братья-купцы Маффео (Maffeo Polo; ок. 1230 — ок. 1309) и Никколó Поло (Niccolò Poli; ок. 1230 — ок. 1294), отец и дядя Марко, стали людьми, отправившимися в судьбоносную экспедицию. В год, когда у Никколо родился сын, названный Марко (1254), во Францию вернулся из неудачного VII крестового похода король Людовик IX Святой (Louis IX; 1214–1270) [Le Goff 2009]: Людовик попытался войти в Каир, попал в окружение, потерял армию в битве при Аль-Мансуре (1250), с трудом заключил перемирие, а собственную свободу выкупил у сарацин за грандиозную сумму — четыреста тысяч ливров (*livres tournois*; «турские ливры») [Tuerman 2006: 796].

В середине XIII в. Никколо и Маффео Поло обитали в Константинополе, наслаждаясь политическими и налоговыми привилегиями, положенными венецианцам за поддержку, оказанную торговой республикой крестоносцам при создании Латинской империи (1204) [Zorzi 1982], при завоевании византийской столицы во время Четвертого крестового похода под управлением XLI дожа Венеции, Энрико Дандоло (Enrico Dandolo; ок. 1107–1205) [Madden 2003].

В 1261 г., после того как правитель Никейской империи (1204–1261) Михаил VIII Палеолог (1224/1225–1282) вернул под свой скипетр Константинополь и поджег Венецианский квартал [Geanakoplos 1959, p. 47–49], опасавшиеся за свою жизнь братья Поло свернули бизнес и переселились в Крым, в город Судак (тогдашнюю Сугдею, или Солдайю) [Polo 1920: 12–13], где ситуация была не легче. Старинный порт, освоенный европейцами с 1203 г. и вскоре завоеванный монголами, подвергался все большим притеснениям со стороны Золотой орды. Братья решили не убегать от тайфуна, а двигаться в его центр и отправились в Сарай, ко двору пятого ордынского хана Берке (1209–1266) [Enkhbold 2019].

В первое путешествие к монголам Никколо и Маффео прожили в ханской столице на Волге (Сарай-Берке) всего год, поняли, что более

не вернуться в Крым, раздираемый усобицей Берке с двоюродным братом — ханом Хулагу, первым монгольским правителем (ильханом) Персии, и двинулись испытанными торговыми путями в Бухару, где остались на три года. Это путешествие можно считать началом широко известной экспедиции Марко Поло в «монгольский» Китай эпохи Юань.

Библиография

ДУБРОВСКАЯ Д. В. Все пути ведут из Рима. Христианские миссии в Поднебесной империи от несториан (VII в.) до папы Франциска. М.: ИВ РАН, 2020. С. 96–97.

ENKHBOLD E. The Role of the Ortoq in the Mongol Empire in Forming Business Partnerships // *Central Asian Survey*. 2019. 38 (4). Pp. 531–547.

GEANAKOPOLOS D. J. Emperor Michael Palaeologus and the West. Cambridge: Harvard University Press, 1959.

HOFFMAN D. L. Rusticiano da Pisa. N. Lacy (ed.) // *The New Arthurian Encyclopedia*. New York: Garland, 1991. P. 392.

LANDSTROM B. Columbus: The Story of Don Cristóbal Colón, Admiral of the Ocean. New York: Macmillan, 1967.

LE GOFF J. Saint Louis. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2009.

MADDEN TH. F. Enrico Dandolo and the Rise of Venice. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2003.

POLO M. The Travels of Marco Polo. Tr. by H. Yule. Ed. and ann. by H. Cordier. London: John Murray, 1920.

TYERMAN Ch. God's War: A New History of the Crusades. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2006.

ZORZI A. Vita di Marco Polo veneziano. Milan: Rusconi Editore, 1982.

Евдокимова А. А.

Институт языкознания РАН, Москва

СИСТЕМА АКЦЕНТУАЦИИ В НАДПИСЯХ НА ФРЕСКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ АРТЕЛЕЙ ХУДОЖНИКОВ

Evdokimova A. A.

THE SYSTEM OF ACCENTUATION IN THE INSCRIPTIONS ON THE FRESCOES AS A REFLECTION OF THE MOVEMENT OF ARTISTS' ARTELS

Данная статья продолжает целую серию наших исследований, посвященных системам акцентуации и использованию акцентных знаков в разных типах надписей [Евдокимова 2008, 2009а, 2009б, 2009в, 2010, 2019а, 2019б, 2021, 2022]. Для этого исследования было проанализировано больше 500 надписей на фресках из разных регионов византийской империи. Как известно, выбор художниками сюжета определял текст подписей к изображениям святых и надписей в свитках во фресках, при этом, несмотря на то, что надписи на свитках часто были цитатами из литургических текстов, орфография и палеография их отличались, также могла отличаться акцентуация. Несмотря на наличие канонов изображения, не все надписи и подписи подчинялись ему, встречались различные вариации, в том числе, существовало параллельно две традиции: согласно первой, знаки акцентуации проставлялись сразу тем же писцом, кто писал надпись, согласно второй, знаки проставляли позже и иногда это делал другой человек краской другого цвета.

Как показал анализ, акцентуация в этих надписях часто была выдержана в одной или нескольких системах в росписях одного времени

и памятника, в некоторых случаях в рамках одного региона [Евдокимова 2022]. Что позволяет предположить, что акцентуация является таким же вспомогательным показателем для датировки надписей и возможного определения авторства, как особенности палеографии и орфографии. Например, росписи из Касторьи XII века церкви св. Неимущих сочетание системы сдвига ударения вправо и сдвига ударения влево, перекликается с некоторыми примерами из росписей других регионов, например, с надписями Кипра.

Рассмотрим на примере нескольких церквей, начнем с храма Честного креста на Кипре [Αρχυρού Χ., Μυριανθεύς Δ. 2009], согласно ктиторской надписи фрески были сделаны в конце XV в. В этом храме часть ударений в надписях сдвинуты влево, чаще всего в дифтонгах попадают на первый элемент дифтонга. Некоторые ударения при этом сдвинуты вправо и попадают на согласный или между гласной и согласной. Некоторые ударения пропущены. Облеченное ударение в окончаниях часто смещено влево и попадает на согласный ν или ς , как на фреске Отречения Петра. А внутри слова облеченное ударение смещено над омегами влево и попадает на другие согласные. Ударения на сокращениях чуть смещены вправо и при этом они сохраняют свой тип, как на тех словах, которые сокращены. В некоторых случаях сокращение соединено с обличенным ударением как на фреске Рождества или с акутом как над сокращением «στ(αυ)ρού», как в ктиторской надписи. Придыхания также могут быть смещены вправо и попадать на пространство между словами или влево и попадать между буквами. На изображении Рождества в центральном нефе трема стоит над йотой между двумя согласными в слове «Γέννησις», под изображением располагается ктиторская надпись, где трема стоит над начальной йотой в слове «ἱστορία», а густое придыхание над тремой, и трема перед гласной в прилагательном: «τιςῶ». На той же стене на фреске Вхождения Богородицы во храм, на йоте перед гласной: «Ἀγία». На фреске Отречения Петра трема на конце слова ὀτι, за которым идет глагол, начинающийся с гласной. А придыхание с акутом над этим словом написаны слитно, как один знак. На изображении евангелистов Матфея и Луки в центральном

нефе на северной стене, часть надписи не дописана, так как Матфей ее пишет в книге и видно, что в этом храме акцентуация ставилась сразу. Так как она не отличается по цвету краски от цвета самих букв, а над словом в этой недописанной надписи стоит ударение.

В сравнении с фресками кипрской церкви Св. Параскевы в Иероскипу [Staurou 2017], фрески которой датируют X, XI, XII, XV вв., по палеографии знаки очень похожи на уже разобранные надписи на фресках храма Честного креста. Однако, есть ряд различий: ударения над сокращениями в некоторых надписях пишутся над, а не рядом. Также наблюдается сдвиг влево и акут попадает на первую часть дифтонга или на 4 слог от конца, что свидетельствует скорее об использовании александрийской системы акцентуации. А в части фресок, чаще XV в. нет сдвига влево, скорее небольшой вправо. Трема в надписях на фресках этой церкви не встречается.

В третьем памятнике с Кипра, в монастыре св. Неофита [Παπαγεωργίου 2004], подписи на поздних фресках очень похожи по акцентуации и по палеографии на надписи из храма Честного креста. Такое же употребление тремы, смещение части ударений вправо, а на свитках часть ударений смещено влево и попадает на первую часть дифтонга. Однако, в ктиторской надписи 1503 г., знаки акцентуации имеют другую палеографию (более тонкое очертание, другая форма придыхания и циркумфлекса). На фресках 1204 г. другая палеография и акцентуация: ударение на первой части дифтонга, смещение ударений влево. В алтарной части на фресках 1181 г. надписи полустертые, часть акцентных знаков, которые видны, чуть смещены влево. На свитке, который располагается на фреске Девисиса у ног Христа тоже знаки смещены влево, часть из них попадают на первую часть дифтонга, на согласные, а знаки при сокращениях написаны слитно со знаками сокращения.

Сравнение с надписями фресок XIII в. Митрополии Мистры [Χατζηδάκης 1995] показывает, что отличается не только палеография самих надписей, но и акцентуация. Часть надписей без акцентных знаков, в то время как у кипрских знаков была последовательная акцентуация.

Знаки придыхания скорее отсутствуют, иногда встречаются, но без ударений в случае начальных гласных. В монастыре Богородицы Одигитрии на фресках XIV в. знаки ударения другой палеографии (более короткие акуты и грависы, а циркумфлексы длинные округлой формы) и использованы более последовательно. Сами знаки стоят скорее над гласными, некоторые из них смещены влево и попадают на согласные. А в надписях церкви Богородицы Пантанассы XV в. палеография надписей и система использования знаков акцентуации похожа на кипрские. Часть из них смещены влево, часть вправо, ударения на сокращениях написаны слитно со знаками сокращений. Трема написана над юпсилоном между двух согласных. Что говорит о том, что возможно, этот храм расписывала та же артель, что и храм на Кипре, но необходимо провести и сравнительное исследование самих фресковых надписей и манеры написания изображений святых и сюжетов.

На данном этапе исследования мы можем говорить о следующих хронологических границах использования систем акцентуации в надписях, что позволит нам в дальнейшем предложить некоторые уточнения по сужению датировки надписей согласно их акцентуации:

1) Самая ранняя александрийская система акцентуации, элементы которой наблюдаются с 200 г. и продолжившая свое существование в памятниках и в византийское время.

2) Византийская система (впервые засвидетельствованная в 400 г.) используется последовательно в памятниках с X века, частичное использование встречается в надписях и ранее, в VIII–IX веках, особенно, в минускульных надписях. Рассвет ее наблюдается в XIII–XV веках.

3) Сдвиг вправо как система развивается в противопоставлении со системой сдвига влево с X века, наибольший рассвет приходится на X–XIII века.

4) Довольно частотно используется и смысловая система акцентуации с выделением ряда лексем логическим ударением, обычно имен и значимых сокращений. Существует на всем протяжении традиции написания надписей с акцентами.

5) Использование знаков акцентуации для украшения получает широкое распространение с XIII века.

Поскольку подписи к изображениям святых и надписи на свитках не входят в корпуса надписей, например, РНІ7, как обычно бывает с ктиторскими надписями и с некоторыми граффити, то изучение особенностей этих памятников затруднено недоступностью в полной мере материала, так как часто в изданиях фресок изображения надписей нечеткие и не все фрески храмов последовательно представлены в подобных изданиях. Однако, просмотренный материал позволяет нам прийти к выводу, что акцентуация не только может быть подспорьем при сужении датировки, как и палеография, но и показывать сходство между фресками разных памятников, тем самым, являясь возможным указанием на выполнение их одними и теми же артелями мастеров.

Библиография

ΑΡΓΥΡΟΥ Χ., ΜΥΡΙΑΝΘΕΥΣ Δ., Ο ναός του τιμίου σταυρού του αγιάσματος. Λευκοσία: 2009

ΠΑΠΑΓΕΩΡΓΙΟΥ Α. Ιερά μονή Αγίου Νεοφύτου. Ιστορία και Τέχνη (Σύντομος οδηγός). Λευκοσία: 2004.

ΧΑΤΖΗΔΑΚΗΣ Μ. ΜΥΣΤΡΑΣ. Η μεσαιωνική πολιτεία και το κάστρο. Αθήνα: 1995.

STAUROU S. Hatzikyriakou. I ekklesia tis agias Paraskevis Geroskipou. Nikosia, 2017.

ЕВДОКИМОВА А. А. К вопросу об акцентуации в византийских греческих граффити // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (23–25 июня 2008 г.). СПб.: 2008. С. 158–161.

ЕВДОКИМОВА А. А. Палеография акцентуированных греческих надписей: разные системы акцентуации // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009. М.: 2009. С. 155–159.

ЕВДОКИМОВА А. А. Византийские системы акцентуации на материале акцентуированных надписей // Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический» 25–31 мая 2009 г. Севастополь: 2009. С. 24–26.

ЕВДОКИМОВА А. А. Акцентуированные греческие надписи в Грузии: византийская или александрийская системы акцентуации или влияние понтийского диалекта? // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология. Материалы конференции. М.: 2009. С. 39–43.

ЕВДОКИМОВА А. А. Гравис и его функции в греческих оксиринских папирусах в сопоставлении с византийскими надписями. // II Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический» 31 мая- 4 июня 2010 г. Севастополь: 2010. С. 10–11.

ЕВДОКИМОВА А. А. Переход с александрийской на византийскую систему акцентуации с лингвистической точки зрения. // V международная конференция по эллинистике памяти И. И. Ковалевой. Тезисы и материалы конференции. М.: 2019. С. 39–45.

ЕВДОКИМОВА А. А. Диалог византийской и александрийской систем акцентуации в греческих граффити из разных балканских памятников. // Балканский тезаурус: коммуникация в сложно-культурных обществах на Балканах. М.: 2019. С. 31–38.

ЕВДОКИМОВА А. А. Знаки акцентуации в разных типах памятников в византийское время (на примере памятников сфрагистики, эпиграфики, папирологии). // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (г. Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). М.: 2021. С. 96–98.

ЕВДОКИМОВА А. А. Системы акцентуации в византийских надписях на фресках богородичных церквей Троодоса (Кипр). // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XIV Международный Византийский Семинар (Севастополь — Балаклава, 29 мая — 3 июня 2022 г.). Материалы научной конференции. Симферополь: 2022. С.

Ефремов Н. В.

Институт истории университета г. Грайфсвальда, Германия

Колесников А. Б.

Институт археологии РАН, г. Москва

Болонкина Е. В.

Восточно-Крымский историко-культурный музей заповедник, г. Керчь

«НОВЫЕ» КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА С ТЕРРИТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Efremov N. V.

Kolesnikov A. B.

Bolonkina E. V.

«NEW» CERAMIC HALLMARKS FROM THE TERRITORY OF THE BOSPORAN KINGDOM

Коллекция керамических клейм ВКИАМЗ в Керчи, насчитывающая более 35 000 оттисков, относится к крупнейшим собраниям этого рода в мире. Большинство клейм принадлежит продукции хорошо известных в Северном Причерноморье производственных центров, Родоса, Фасоса, Синопы, Гераклеи Понтийской и т. д., являя собой массовый материал хорошо известных штампов. Лишь незначительная часть материала опубликована. Экземпляры, выбранные для темы данного сообщения — результат работы последних трёх лет, выявившие керамические клейма, редкие или совершенно новые для региона, которые обычно относят к категории *incertorum locorum*.

При обработке клеймённого амфорного материала мы исходили из формы ручек, их размеров, состава глиняного теста, сходства с глиной со-

судов известных производственных центров, сравнения эмблем клейм с монетными типами, данных легенд, ономастики и, наконец, палеографических особенностей в сравнении с атрибутированными экземплярами. Работа в запасниках Керченского музея подтвердила по большей части высказанные ранее предположения относительно раннекиндской группы [Болонкина и др. 2019: 274–317], но также частично опровергла их. Здесь мы ограничимся лишь четырьмя центрами, оттиски клейм которых уникальны для Северного Причерноморья.

1. Энос (Αίνοσ) (Рис. 1–2). Амфоры этого центра, середины V — первой половины IV в. до н.э. [Karadima 2004: 155–161; Monakhov 2003: 78, 282, Tabl. 52, 4; Monakhov et al. 2019: 138 f, An.1–3; Monakhov et al. 2020: 150 f., An.1–2], представлены двумя матрицами. Первая из них (Рис. 1) — известна также на целой амфоре „фасосского типа“ из коллекции Эрмитажа [Монахов и др. 2019: 168, Th-с. 3]. Второй оттиск (ВКИАМЗ, ККК 9380) (Рис. 2) — содержит, очевидно, сокращённый этникон полиса (ΑΙ).

2. Родосская Перея (Рис. 3). Кроме собственно территории острова Родос обладал владениями в Малой Азии — континентальной Переей [Fraser, Bean 1954: 123–131; Debord 2001: 215–217]. В эллинистический период, с конца IV до начала I в. до н.э. там производились и клеймились амфоры [Empereur, Tuna 1989: 277 ff.; Held, Şenol 2010: 175–183; Sankardeş Şenol 2015: 233–241], пока экологическая катастрофа с уничтожением флоры и последующими эрозией и засухой не привели к гибели виноградников в регионе [Held, Şenol 2010: 180]. Наш экземпляр (Ἰεροτέλευσ: ВКИАМЗ КП 169188 ККК 23496) относится к раннему типу т.н. „пуговичных клейм“ [Jöhrens 1986: 498, 501, № 10, Fig. 15; Empereur, Tuna 1989: 277 ff.] и датируется ок. 269–225 гг. до н.э. [Finkielsztejn 2001: 74 ff., 181 f., 188].

3. Милет (Рис. 4–6). Выделенные сравнительно недавно клейма [Jöhrens 2009; Idem 2014; Idem 2019] и амфоры Милета [Монахов 2003: 30 ff., 247 ff., Tab. 17–22], представлены в нашей коллекции 12 матрицами (+ 4 под вопросом). Из них — 1. (ВКИАМЗ, КП 98700 ККК 8021): лев, остатки имени [...]ουλα или [...]ουουλα, возможно, Πυρούλας. Монетный

тип [см.: Mørkholm 1991: 252, № 262–263, Pl. XVI; Marcellesi 2004: 173 f., Pl. 1: 9–10, 3: 41, 46–48, 51, 53] ок. 310–300 гг. до н.э; 2. Βίων (в рамке): ВКИАМЗ, КП 189109; [Jöhrens 2009: 208, № 3–4; Idem 2014: 182, № 14–16].

4. Памфилия (Рис. 7). $\Phi\epsilon\chi\mu\beta\acute{\alpha}\varsigma$ | $\text{Μοσκί}\omega$. Амфоры и клейма Памфилии известны сравнительно давно и датируются от начала II — до начала I в. до н.э. [Grace 1973: 188, Fig. 4: 189, Fig. 5, 194; Brixhe 2012: 16–17, 23, 157 f.]. В понтийском регионе — это первая находка, представляющая новую, не учтённую до сих пор пару имён, которые известны в отдельности или иных сочетаниях по находкам в Средиземноморье [Brixhe 2012: 106, № 189, 149, № 292, 254 f., № 522–524, 276, № 563, 277, № 564, 355, № 711].

5. Карфаген (Рис. 7) „Крест в круге“ (Нимфей-2012. ВКИАМЗ КП 182426 ККК 26298). Схоже: Torres 1995, Fig. 224, 846 f.

Библиография

- БОЛОНКИНА Е.В., ЕФРЕМОВ Н.В., КОЛЕСНИКОВ А. Б. Новые варианты керамических клейм раннеэллинистического Книды // АМА 19. 2019, 274–317.
- МОНАХОВ С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье, Саратов, 2003.
- МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ЧИСТОВ Д.Е., ЧУРЕКОВА Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н.э. Каталог Керчь-Саратов, 2019.
- МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ТОЛСТИКОВ В.П., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н.э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2020.
- BRIXHE P. Timbres amphoriques de Pamphylie. Paris, 2012.
- CANCARDEŞ ŞENOL G. 2015. Astos: A Wine Producer in the Rhodian Peraea // A. Diler, K. Şenol, Ü. Aydınoglu (eds.). Olive and Wine Production in Eastern Mediterranean during Antiquity. Izmir, 2015, 233–241.
- DEBORD P. 2001. Les Pérées des îles voisines de l'Asie Mineure // REA 103. 2001, 205–218.
- EMPEREUR J.-Y., TUNA N. 1989. Hiérotélès, potier rhodien de la Pérée // BCH 113, 1989, 277–299.
- FRASER P.M., BEAN G. E. The Rhodian Peraea and Islands. London–Oxford, 1954.

GRACE V. Imports from Pamphylia. BCH. Suppl. I, 1973, 183–208.

HELD W., ŞENOL A.K. 2015. „Rhodian Wine“ from Karia. // A. Diler, K. Şenol, Ü. Aydınoglu (eds.). Olive and Wine Production in Eastern Mediterranean during Antiquity, Izmir 2015, 175–184.

JÖHRENS G. Zur Herkunft der Amphorenstempel aus dem Heraion von Samos // Empereur J.-Y., Garlan Y. (eds.) Recherches sur les amphores grecques. (BCH Suppl. XIII). Paris, 1986, 497–503.

JÖHRENS G. Amphorenstempel in Nationalmuseum von Athen. Mainz, 1999.

JÖHRENS G. Funde aus Milet XXVII. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007 // AA 1, 2009, 205–235.

JÖHRENS G. Funde aus Milet XXIX. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007, 2. Teil. AA 2, 2014, 177–219.

KARADIMA Ainos: An Unknown Amphora Production Centre in the Evros Delta // Eiring J., Lund J. (eds.) Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Aarhus, 2004, 155–161.

MARCELLESI M.-Ch. Milet des Hécatomnides à la domination romaine. Mainz, 2004.

MØRKHOLM O. Early Hellenistic Coinage from the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 1991.

PANAGOULI T.M. Η σφραγίση των αρχαίων ελληνικών εμπορικών αμφορέων: Κέντρα παραγωγής και συνθετική αξιολόγηση. Athenai, 2010.

TORRES J.R. Las ánforas fenicio-púnicas del Mediterráneo central y occidental. Barcelona, 1995.

Список сокращений

ВКИАМЗ	Восточно-Крымский историко-археологический музей –заповедник. Керчь
AA	Archäologischer Anzeiger, Berlin
BCH	Bulletin de correspondance hellénique, Paris
CIL	Corpus inscriptionum latinarum
LGPN Va	2010. A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford.
REA	Revue des études anciennes, Talence

Жигалова Н. Э.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ГРЕКИ В АНАТОЛИИ: ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКИХ БЕЙЛИКАХ В XIV В¹

Zhigalova N.

GREEKS IN ANATOLIA: THE POSITION OF THE CHRISTIAN POPULATION IN MUSLIM BEYLIKS IN THE 14th CENTURY

К концу XIV в. малоазийские владения византийцев практически полностью перешли под власть правителей тюркских бейликов. Так, еще в начале века Византия утратила Эфес, Пергам и Смирну, а в последующие десятилетия были захвачены Пруса, Никея, Никомедия и Филадельфия [Vryonis 1971: 137]. Однако значительная часть местного греческого населения осталась проживать в этих городах, не желая или не имея возможности покинуть завоеванные земли. В настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотреть положение христианского греческого населения в Малой Азии на покоренных тюрками территориях.

По свидетельству арабского путешественника Ибн Баттуты, посетившего в 1330-х гг. Анатолию, «Рум является превосходнейшим краем; в нем Бог собрал воедино все хорошее, что только можно встретить в других землях. Его обитатели — самые милостивые по своей наружности люди, опрятно одеты, пища их самая вкусная» [Ibn Battuta 1957: 416]. Совсем иную характеристику Малой Азии мы находим в письмах Мануила II Палеолога, который в 1391 г. был вынужден участвовать в совместном

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект № МК-4816.2022.2 «От сотрудничества к конфронтации: проблемы византийско-османских отношений в первой половине XV в.».

с османами рейде против западно-анатолийских эмиров [См.: Reinert 1993]. По словам василевса, он обнаружил в тех краях много городов, однако «большинство городов этих сейчас лежат в руинах — жалкое зрелище для тех, чьи предки когда-то владели ими. От них не сохранилось даже имен, так давно они были разрушены» [Manuel II Palaeologus 1977: 24, ep. 16. 25–30]. Мануил отмечал, что виденные им края были слабо заселены, а этнический состав населения менялся: ромейское прошлое, по мнению автора, как и греческие названия селений, забывались, а города приходили в упадок и запустение [Куц 2018: 153]. Расхождения в данных писателей, вероятно, можно объяснить тем, что те города, о которых повествовал Ибн Баттута, — это, как правило, крупные административные центры различных тюркских бейликов, в то время как маршрут Мануила, находившегося в военном походе, по всей видимости, не включал в себя посещение таковых.

В произведении Ибн Баттуты содержатся ценные сведения об этно-религиозном составе малоазийских городов. К примеру, о южных городах, в частности, об Алайе (современная Аланья) и Анталье, путешественник писал с большим восхищением, отмечая, что это процветающие и богатые города, населенные правоверными мусульманами, «преданными Сунне — нет [среди них] ни кадаритов, ни рафидитов, ни мутазилитов, ни хариджитов» [Ibn Battuta 1957: 416]. Писатель особенно выделял превосходную организацию городского пространства Антальи: «Каждая часть ее жителей живет сама по себе <...>. Так, купцы-христиане² живут в части его, называемой аль-Мина, и окружены стеной, ворота которой запираются для них [извне] ночью и во время пятничного молебна; румелийцы (греческие христиане. — Н. Ж.), которые были ее жителями в прежние времена, живут сами по себе в другой части, также окруженной стеной; евреи в другой части, окруженные стеной <...>. Остальное население, мусульмане, живут в главном городе, в котором есть соборная мечеть, медресе, множество бань и великолепно организованные обширные базары» [Ibid.: 418]. Обращает на себя внимание факт, что

² Имеются в виду торговцы из западных стран.

прежние жители Рума, т. е. греки, а также евреи, несмотря на то, что жили обособленно, не были обязаны запира́ть на ночь ворота своего квартала в отличие от купцов из западных стран, что говорит об их особом положении внутри мусульманского городского социума.

Согласно рассказу византийского интеллектуала и богослова Григория Паламы, который в 1354 г. попал в турецкий плен и около года провел в Анатолии, когда пленников доставили в Пиги, их отдали на содержание христианам. Паламе и его товарищам был предоставлен кров и одежда, также они «были избавлены от общения с варварами» [Gregory Palamas 1980: 416]. Палама, кроме прочего, получил возможность проповедовать в местной церкви, «утешая духовно как местных христиан, так и приводимых туда пленников» [Ibid.: 416]. Данный эпизод показывает, что в захваченных мусульманами городах греки жили обособленно, имея возможность исповедовать свою веру, и не были притесняемы со стороны тюрок. Похожую ситуацию мы видим в Бурсе, столице Османского бейлика: там Григорий свободно встречался с христианами и вел с ними долгие беседы, но лишь с теми, кто «отличался мудростью и был готов встретиться с нами» [Ibid.: 416]. Можно предположить, что христиане, которые, по мнению Паламы, «не обладали мудростью», были не особенно заинтересованы в общении с соотечественниками. Причин этому, разумеется, может быть множество, однако кажется вполне вероятным, что эти греки были из числа тех, кто был уже достаточно интегрирован в турецкий социум и сжился с турецкими обычаями.

В Кютахье, еще одном из крупнейших и богатейших городов Малой Азии, значительную часть населения составляли греки, которые были обязаны выплачивать джизью и носить отличительные знаки: «высокие остроконечные шляпы; одни [носили] красные, другие — белые. А греческие женщины, в свою очередь, носят просторные тюрбаны» [Ibid.: 425]. По словам Ибн Баттуты, Кютахья славилась своим производством высококачественных хлопковых тканей, причем ремеслом были заняты преимущественно гречанки. Кроме того, многие горожане «покупали греческих рабынь и принуждали их заниматься проституцией, и каждая девушка была обязана отдавать плату своему хозяину» [Ibid.: 425].

Также путешественник сообщал о том, что сохранились селения, где проживало только греческое население — таковым, например, был Гейнюк на юге полуострова, «который представлял собой небольшой город, населенный неверными греками, находившимися под властью мусульман. В этом месте было только одно хозяйство мусульман, и они являлись правителями этих греков» [Ibid.: 456]. Согласно рассказу Ибн Баттуты, он со своими спутниками попросил ночлега у пожилой гречанки и дал ей немного денег. Она же, в свою очередь, «принесла нам большое количество шафрана, думая, что мы купцы и купим его у нее» [Ibid.: 456]. Очевидно, старая женщина не знала турецкого (и, тем более, арабского) языка, на котором говорили ее гости — в противном случае она бы наверняка поняла цель их визита. Этот факт говорит о том, что в отдаленных и малонаселенных районах Анатолии процессы тюркизации и исламизации протекали очень медленно, в то время как в крупных городах, таких как Бурса или Кютахья, греки довольно быстро осваивали язык и обычаи иноверцев, стремительно интегрировались в экономическую систему мусульманских городов, занимая важные ниши в сфере ремесленного производства, и даже принимали ислам, стремясь избежать уплаты джизьи.

Библиография

КУЩ Т. В. Судьба утраченных территорий: взгляд византийского императора Мануила II Палеолога // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 5. С. 147–156.

GREGORY PALAMAS. Letter which He Sent to His Church from Asia while Captive / Sahas D. J. Captivity and dialogue: Gregory Palamas and the Muslims // Greek Orthodox Theological Review. 1980. Vol. 25. № 25. P. 409–436.

LETTERS OF MANUEL II PALAEOLOGUS / ed. by G. T. Dennis. Washington, 1977.

REINERT S. W. The Palaiologoi, Yildirim Bāyezīd and Constantinople: June 1389 — March 1391 // ΤΟ ΕΛΛΕΝΙΚΟΝ: Studies in Honor of Speros Vryonis / ed. by J. S. Langdon, S. W. Reinert, J. Allen, Ch. Ioannides. New Roshelle; New York, 1993. Vol. 1. P. 289–366.

VRYONIS S. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamisation from the Eleventh through the Fifteen Century. Berkeley; Los Angeles, 1971.

Журавлев Д. В.

Юнева Д. С.

Государственный исторический музей, г. Москва

О НЕСКОЛЬКИХ ПРЕДМЕТАХ ИЗ РАСКОПОК Ю. А. КУЛАКОВСКОГО В КЕРЧИ В 1894 г.

Zhuravlev D. V.

Yuneva D. S.

ABOUT SEVERAL ITEMS FROM THE EXCAVATIONS OF Y. A. KULAKOVSKY IN KERCH IN 1894

В отделе археологических памятников Государственного исторического музея хранятся неопубликованные коллекции из раскопок Ю. А. Кулаковского в окрестностях Керчи в 1894 г. Часть материалов происходит из некрополя к северу от Керчи, за садом С. С. Езерского, рядом с Городским садом [Кулаковский 1895: 43], где прослеживаются «едва заметные возвышения в десятки сажень в поперечнике» [ОАК за 1894 г.: 89]. На месте одного такого «возвышения» было заложено несколько раскопов общей площадью 15х20 сажень (27,4х36,6м).

Здесь Ю. А. Кулаковским было открыто 25 могил, которые он отнес по находкам монет ко второй половине III в. н. э., а сам могильник назвал «семейным некрополем» [Кулаковский 1895: 43]. Все погребения были совершены в деревянных гробах с ориентацией на СВ, исключение представляет мужское погребение № 2 с ориентацией на Ю (из инвентаря в нём — только точильный камень), которое Ю. А. Кулаковский считал более поздним.

Из общего числа захоронений автор раскопок 8 определяет как мужские, 4 — как женские и 13 — как детские [ОАК за 1894 г.: 90]. По каким параметрам были выделены детские погребения, сохранились ли костя-

ки и каков примерный возраст ребенка автор раскопок, к сожалению, не упоминает.

В 16 могилах были зафиксированы каменные перекрытия, в трех из которых над перекрытием было найдено по одному «кувшину простой формы»; 7 из общего числа были подбойными, 5 из которых перекрыты не было, а в двух других плиты закрывали подбои [ОАК за 1894 г.: 90].

Среди находок в насыпи могильника выделяются бронзовая фибула типа «Авцисса» [Амброз 1966: 26] и медный тетрахалк Спартока III, что может говорить о одновременном функционировании этого некрополя, вопреки мнению самого Ю. А. Кулаковского [ОАК за 1894 г.: 90].

В нашем докладе речь пойдет о нескольких предметах из детских захоронений. Нумерация погребений далее приводится по данным музейной коллекционной описи Б 27 (ГИМ 34405).

В детском погребении № 1 в составе погребального инвентаря находилась терракотовая погремушка (рис. 1) в виде колыбели с тремя выступами на передних гранях. Сам Ю. А. Кулаковский описывает погремушку, как «с уродливым изображением на крышке женщины с ребенком на руках» [ОАК за 1894 г.: 91]. Очевидно, что погремушка относится к широко распространенному типу погремушек-колыбелей или “Kind auf Bett/Wiege” [Романовская 1974: рис. 3–4; Кат. Москва 2002: 65, № 233; Журавлев 2004: рис. 3]. На её верхней стороне весьма обобщенно изображен лежащий Эрот (?) с подогнутыми в коленях ногами. В правой руке он держит животное, на голове Эрота венок, за спиной — крыло. Верхняя сторона оттиснута в профилированной матрице, в передней стенке имеется круглое отверстие, внутрь помещен шарик.

Аналогичная погремушка, но с более проработанными деталями, хранится в Государственном Эрмитаже, и П. Ф. Силантьева предполагает, что предмет, который держит в руке изображенный на верхней крышке ребенок, представляет собой фигурку оленя [Силантьева 1974:36]. Исследователи предполагают местное производство этих погремушек, хотя они известны и в других регионах античной ойкумены [Романовская 1974: 163–168; Журавлев 2004: 275].

На многих предметах этого типа присутствуют отверстия в торцовой стенке или на донце, сомнения в функциональности которых были высказаны М. А. Романовской [Романовская 1974: 165]. Можно осторожно предположить, что в отверстия, по крайней мере, на торцовой стене могли быть вставлены деревянные или костяные рукояти [Hautala 2015: fig. 2].

Назначение подобных «погремушек» точно неизвестно. Далеко не всегда они происходят из детских погребений [Журавлев 2004], а иногда их находят и вовсе на поселениях [Романовская 1974: 160]. Исследователями высказывались предположения, что некоторые из данных предметов могли быть «символом погремушки» ввиду своей хрупкости [Романовская 1974: 168], или же, что они служили апотропеями [Журавлев 2004: 276]. Однако на античных сосудах встречаются изображения детей с объемными погремушками на рукояти [Dasen 2017: fig. 1, 3], что может быть свидетельством применения таких изделий и в воспитании детей.

В этом же погребении № 1 были обнаружены бронзовая лучковая фибула III в. н. э. (серия I, вариант 5 [Амброз 1966: 51]), а также фрагментированный глиняный лепной поильник или гуттус из красной глины довольно грубой работы.

Из детского погребения № 5 происходит терракотовая статуэтка с подвесными конечностями (рис. 2). Статуэтка вылеплена довольно грубо: на лице намечены большой нос и массивные брови, оттопырены полукруглые уши. На лице и колоколовидном корпусе сохранились следы грунтовки и краски красного (?) цвета. В правой руке статуэтки — частично сохранившийся авлос (?). И. Д. Марченко выделяет отдельную группу марионеток с музыкальными инструментами, без головных уборов и с оттопыренными ушами, которые она относит к I–II вв. н. э. [Марченко 1974: 41]. В этой же детской могиле № 5 находились фрагментированный железный нож и разбитый стеклянный сосуд с ручкой, не дающие возможность уточнить датировку комплекса. Статуэтки с подвесными конечностями встречались в Северном Причерноморье и в более раннее время. М. М. Кобылина отмечает, что в эллинистический период они еще

имели пластическое исполнение, а к поздней античности становятся более схематичными [Кобылина 1961: 163].

Многие исследователи предполагали варварское происхождение боспорских статуэток, отмечая отсутствие аналогий и прототипов на античных памятниках вне Северного Причерноморья [Гайдукевич 1950: 202; Иванова 1953: 166]. Их прототипом, возможно, являются терракотовые изображения мимов из Южной Италии, распространившиеся по всей античной ойкумене в I в. до н.э.— I в. н.э. [Сазанов 1985: 20–21] и в I–II вв. н.э., получившие переосмысление в виде боспорской статуэтки с новыми стилистическими чертами [Марченко 1974: 39–40]. А. П. Иванова обращает внимание на гротескный характер боспорских марионеток и предполагает их апотропическое значение [Иванова 1953: 166]. Многие исследователи связывают их с культом синкретического Верховного женского божества, характерного как для греческого, так и для варварского населения Северного Причерноморья [Иванова 1953: 166; Сазанов 1985: 21; Ханутина, Хршановский 2019: 53].

Ю. А. Кулаковский упоминает, что в другом детском погребении (номер он не указывает) была найдена еще одна терракота с подвесными конечностями, но она была разбита и, возможно, в связи с этим не передана в музей) [ОАК за 1894 г.: 91]. Трудно сказать, с какой целью марионетки были помещены в погребения детей — в связи со своим апотропическим значением или ввиду причастности захороненных к культу Верховного женского божества.

В детском погребении № 7 вместе с обломком серьги из витой проволоки из белого металла, обломками бронзовых игл и ожерельем из стеклянных бус черного цвета находилась терракотовая шкатулка с подвижной крышкой (рис. 3). Передняя стенка шкатулки украшена сильно стилизованным рельефом, состоящим из двух арок на трех колоннах. В боковых стенках имеются отверстия для крепления крышки. На поверхности, а также во внутренней части, прослеживаются остатки грунтовки и красной краски [Кат. Москва 2002: 75, № 281]. Ю. А. Кулаковский описывает этот предмет как «рабочий ящик в виде сундучка» [ОАК за 1894 г.:

91]. По мнению И. И. Сокольского, шкатулка попала в погребение сразу по изготовлению, поскольку отверстия для крышки не разработаны [Сокольский 1960: 127]. Близкие аналогии этой шкатулки хранятся в Эрмитаже и происходят из Керчи (одна найдена при случайных раскопках на Глинище и приобретена В. В. Шкорпиллом, другая — покупка у Эльтермана), все они, по предположению И. И. Сокольского, были изготовлены в одной мастерской и относятся к III в. н. э. [Сокольский 1960: 127–128].

Многие исследователи называют такие глиняные шкатулки моделями саркофагов из-за сходства арочного орнамента [Watzinger 1905: 60; Пятшьева 1949: 12; Кат. Москва 2002: 75, № 281]. И. И. Сокольским была выдвинута версия о том, что это скорее подражания деревянным сундукам, и глиняными шкатулками в III в. н. э. стали заменять более дорогие деревянные и костяные шкатулки [Сокольский 1960: 131]. Г. А. Цветаева также предполагает использование таких шкатулок для туалетных целей, причем хронологические рамки их использования расширяет до I–III вв. н. э. [Цветаева 1984: 228].

Представленный в докладе материал, более 100 лет хранящийся в музейном собрании, может дать новую информацию о топографии позднеантичных некрополей в ближайшей округе Пантикапея. Терракотовые изделия из детских погребений представляют собой весьма яркий материал и заслуживают специального изучения.

Библиография

- АМБРОЗ А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.— IV в. н. э. САИ. Д1–30. М., 1966.
- ГАЙДУКЕВИЧ В. Ф. Боспорский город Илурат // СА. XIII, 1950. 173–204.
- ЖУРАВЛЕВ Д. В. Терракотовая «погремушка» из могильника Бельбек IV // БИ. VII. Симферополь–Керчь, 2004. 271–287
- ИВАНОВА А. П. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953. Кат. Москва. На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая — 15 августа 2002 г. Ред. Д. В. Журавлев. М., 2002.

- КОБЫЛИНА М. М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- КУЛАКОВСКИЙ Ю. А. Раскопки в Керчи и Анапе летом 1894 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 9. Киев, 1895.
- МАРЧЕНКО И. Д. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея // САИ. Г1–11. Терракотовые статуэтки. Ч. 3. М., 1974. 38–46
- Отчет Императорской археологической комиссии за 1894 г. СПб, 1896.
- ПЯТЫШЕВА Н. В. Таманский саркофаг. М., 1949.
- РОМАНОВСКАЯ М. А. Две терракоты из Ново-Отрадного // СА 1974, № 1. 160–170.
- САЗАНОВ А. В. Происхождение одной группы боспорских ритуальных терракот // КСИА. 182. М., 1985. 18–23.
- СИЛАНТЬЕВА П. Ф. Терракоты Пантикапея // САИ. Г1–11. Терракотовые статуэтки. Ч. 3. М., 1974. 5–37
- СОКОЛЬСКИЙ И. И. Боспорские глиняные шкатулки // ЗОАО. Том 1 (34), 1960. 124–132
- ХАНУТИНА З.В., ХРЩАНОВСКИЙ В. А. Терракоты в погребально-поминальной обрядности (по материалам раскопок некрополей Илуратского плато) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 1. 46–58
- ЦВЕТАЕВА Г. А. Бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // АГСП. Археология СССР. Т. 9. М.: 1984.
- DASEN V. Archytas's rattle: A toy with which to grow up // Annales de Bretagne et des pays de l'Ouest 124(3), 2017. 89–108
- HAUTALA SV. Why Did the Ancient Romans Put Toys in their Children's Graves? Interpretations from the Era of Antiquarianism to 20th Century Anthropology // Agents and Objects. Children in Pre-Modern Europe. Roma, 2015. 179–199
- WATZINGER C. Griechische Holz Sarkophage Aus der Zeit Alexanders der Großen. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1905.

Зайцев Ю. П.

Историко-археологический музей заповедник
«Неаполь Скифский», г. Симферополь

Толмачева Е. Г.

Российский православный университет Иоанна Богослова,
Центр палеоэтнологических исследований, г. Москва

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЛОВЕЦКОГО ВОИНА НА ПЕРЕВАЛЕ АДЖИЛАР В КРЫМУ

Zaitsev Yu.P.

Tolmacheva E. G.

ARCHAEOLOGICAL TEXTILES FROM THE BURIAL OF THE POLOVTSIAN WAR AT THE AJILAR PASS IN THE CRIMEA

В 2017 г, в процессе охранно-спасательных работ, предваряющих строительство федеральной трассы «Таврида», экспедицией историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» было исследовано богатое средневековое погребение.

Курган, в котором оно было совершено, входил в группу из 14-ти курганов, расположенную на перевале Аджилар, в 6,2 км к северо-востоку от г. Белогорска (Центральный Крым).

Грунтовая яма прямоугольной формы была впущена в центральную часть кургана № 1, сооруженного в эпоху бронзы. При ее устройстве был использован внутренний объем каменного склепа IV–III вв. до н.э., содержавшего разрозненные останки нескольких погребенных и малочисленный погребальный инвентарь.

Большая часть объема ямы, до горизонтальных плит перекрытия, оказалась плотно забутована камнями и плитами. Ниже был устроен

заклад из массивных известняковых обработанных плит, уложенных на материковые продольные заплечики.

На дне могилы находились останки взрослого мужчины, уложенного на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ноги разведены и незначительно согнуты в коленях. Инвентарь: За головой находился железный шлем мисюрка и костяная пластина от лука. Вдоль правой руки лежала изогнутая железная сабля в ножнах с металлическими деталями и железный нож. Под саблей был положен обрубленный и выпрямленный фрагмент витой серебряной гривны. На сабле и на правой половине туловища размещалась частично сложенная железная кольчуга, поверх которой лежал длинный кожаный предмет неопределенного назначения (колчан?, пара сапог?). В него было вложено две стрелы с железными черешковыми наконечниками, остриями вверх.

Другая группа предметов находилась у стоп, в юго-восточной части могилы. Здесь были найдены: круглодонная амфора с приподнятыми ручками, железный втульчатый инструмент в виде тесла или мотыги, железные оковки деревянного сундучка (?) и бронзовый котелок с железной ручкой. При расчистке котелка на его стенках открылась гравированная арабская надпись.

Всю верхнюю часть костяка (особенно правую его половину) покрывал довольно выразительный органический тлен, по всей видимости, от какой-то ткани, элемента одежды или накидки. После фиксации и снятия железной кольчуги в районе правой и левой руки были обнаружены две тканевые ленты хорошей сохранности. Еще две ленты меньшего размера были найдены в районе правого и левого бедра, поперек костей. В районе стоп также зафиксированы фрагменты выделанной кожи, вероятно остатки обуви.

Исходя из состава инвентаря и особенностей обряда погребение может быть определено как половецкое и датировано XIII в. н. э.

Особый интерес в силу своей сохранности представляют фрагменты двух лент, которые располагались в погребении параллельно, соответственно, правой и левой руке (рис. 2). Длина ленты 1–42 см,

ширина 2,6 см. Лента 2 имеет практически идентичные размеры: длина 41,5, ширина 2,6 см. Обе ленты имеют одинаковые технологические характеристики.

Ленты сотканы на 60 дощечках с четырьмя отверстиями (рис. 3, 4). Дощечки поворачиваются последовательно — Z, S, Z, S и т.д. (рис. 3в). На основании микроскопии удалось определить природу нитей¹, из которых были сотканы ленты: основа шелк (рис. 3а), крутка — средняя S,2z, толщина нитей 0,1–0,2 мм. При тканье ленты 1 и 2 было использовано 240 нитей основы. Плотность по основе 84 н/см. В ленте два утка — базовый, формирующий тканное переплетение, и узорный — золотные нити, за счет которых создается декор. Базовый уток — шелковая нить со слабой Z-круткой, толщина — 0,2–0,3 мм. Узорный уток — пряде-ные золотные нити, которые практически не сохранились (рис 3 б, в, г). Полоска метала шириной 0,2–0,3 мм (рис. 3г) навита в Z-направлении на сердечник, который не сохранился. Плотность по утку 24 н/см.

Контурный рисунок на лицевой стороне ленты создается за счет нитей основы, перекрывающих дополнительный золотный уток (рис. 3в, 4). Рапорт 16×16 (рис. 4б). На золотом или серебряном фоне тонкими красными нитями основы выткан декор в виде плетенки. Поскольку золотный уток практически утрачен, в настоящее время частично сохранившийся на ленте орнамент (рис. 4а) «читается» в «негативе»: нити основы, которые некогда перекрывали золотные, со временем обесцветились, те же, что были под золотными нитями — потемнели. На основании изучения сохранившихся фрагментов декора нами представлена схема орнамента тканной ленты (рис. 4б).

Начальные и конечные кромки лент отсутствуют. По боковым кромкам обеих лент сохранились остатки шва вперед иглой с шагом 0,3–0,5 см, выполненного шелковой нитью (рис. 3д). Один конец ленты 1 был подогнут и прошит швом в подгибку с открытым срезом с шагом 0,2–0,3 см. Другой конец обрезан под небольшим углом. С торца ленты 2 сохранились фрагменты нитей, вероятно,

¹ Исследование выполнено на оборудовании Программы развития Московского государственного университета.

принадлежавших другой сотканной на дощечке ленте (рис. 3е). Противоположенный торец ленты 2 обрезан аналогично ленте 1. Также из этого погребения происходят скрученные «шнуры» (рис. 2б), которые представляют собой остатки еще одной сотканной на дощечке ленты, нити базового утка которой были полностью утрачены. Вероятно, эта лента была прикреплена к торцу ленты 2.

Исходя из расположения лент относительно костяка, а также известных аналогий можно предположить, что найденные в погребении ленты были пришиты по всей длине рукава какой-то плечевой одежды. Их могли использовать для украшения и укрепления шва рукава.

В литературе высказывается предположение, что подобного рода ленты служили своеобразным знаком отличия вельмож и воинов [см. например, Бережинский 2005], однако этот вопрос достаточно дискуссионен и нуждается в дополнительном изучении. Следует заметить, что золототканые ленты на дощечках были найдены на различных памятниках Древней Руси XI–XIII вв. н. э., причем не только в погребальном контексте [Яковчик 2018, Титова, Орфинская, Чуткина 2015 и др.]. М. С. Яковчик, исследовавшая золототканые ленты из коллекции Государственного исторического музея приводит примеры лент, найденных в разных могильниках, например, на лобных костях черепа женщины (налобный венчик (повязка)), в районе шеи покойной (окантовка края воротника), на рукавах костюма, в котором был погребен мужчина. По мнению автора, подобная практика декорирования элементов костюма золототкаными лентами было обычным для Древней Руси XI–XIII вв. н. э. [Яковчик 2018: 258]. Более того, многие ленты были обнаружены в погребениях рядового населения.

Также актуальным остается вопрос об определении места изготовления текстильных изделий с золотными нитями и самих металлических нитей. Практически все золотные ленты данной группы, к которым, несомненно, относятся и публикуемые нами памятники, обладают сходными технологическими характеристиками и декором (в основном, плетенка и зигзаг). Традиционно, местом их производства считают Византию и регион Восточного Средиземноморья, однако нельзя исключать и другие гипотезы.

Библиография

БЕРЕЖИНСКИЙ В. Г. Вооружение половцев. Киев, 2005.

ТИТОВА Л.А., ОРФИНСКАЯ О.В., ЧУТКИНА С. С. Домонгольские тканые золотные ленты и фрагменты золотной вышивки из археологических раскопок в Старой Руссе. Результаты исследования // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация. Материалы VI научно-практической конференции 9–11 декабря 2014 года. Великий Новгород. Выпуск 6. Санкт-Петербург, 2015. С. 110–119.

ЯКОВЧИК М. С. Золототканые ленты на дощечках на территории Древней Руси (из собрания государственного исторического музея). Вестник Брянского государственного университета. 2018(2), 258–269.

Зайцев И. В.

Институт востоковедения РАН, Москва

Чхаидзе В. Н.

Институт востоковедения РАН, Москва

ДВЕ ЭПИТАФИИ ИЗ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ

Zaytsev I.

Chkhaidze V.

TWO EPITAPHS FROM THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF ADYGEA

Одной из категорий памятников черноморского побережья Кавказа являются надгробные камни XVIII–XIX вв. с эпитафиями (к сожалению, зачастую они фрагментарны, расколоты). Язык эпитафий — классический османский, почерки — насх и сулус. Техника рельефная [см.: Berk 2006: 24–25; Sipahi, Çetin 2010: 233–235]. Аналогичные надгробия известны на османских памятниках Турции, Болгарии, Крыма.

В собрании Таманского археологического музея хранятся 11 надгробий [Волков 2009: 51–52; 2018а: 104–108, рис. 1, 1–7; Зайцев, Чхаидзе 2015: 161–162, рис. 1; 2019: 41–46, рис. 1–6; Горошников, Чхаидзе 2020: 234–235, рис. 1–3]. 17 эпитафий представлено в Анапском археологическом музее [Зайцев, Новичихин, 2021: 244–254, рис. 1–8]. Пять надгробий находятся в Музее истории города-курорта Сочи [Зайцев 2017: 72–76, рис. 1, 1–2, 2, 1–3]. Два — в Краснодарском историко-археологическом музее [Зайцев, Чхаидзе 2019: 46, 49, рис. 7–8]. Три надгробия, видимо, привезенные из Тамани или Анапы, хранятся в Новочеркасском музее [Волков 2018б: 391–379, рис. 8–10].

Подобные надгробия известны и на территории Предкавказья.

В лапидарии Национального музея Республики Адыгея (г. Майкоп) хранятся два надгробия с эпитафиями, датируемые 1812 и 1861 гг.¹

1. Мраморная стела, увенчанная тюрбаном. Сохранилась целиком (Рис. 1). Общая высота (с тюрбаном) — 128 см. Толщина — 12 см. Высота надписи в регистрах — 87 см. Общая ширина — 23–24,5 см. Ширина тюрбана — 27,5 см. Происхождение стелы не известно.

Края стелы сильно разрушены, отчего начала и окончания строк не сохранились. Впрочем, текст основной части эпитафии написан в рифму и благодаря аналогиям мы можем полностью восстановить его.

Текст. Надпись в 9 регистрах²:

Hüve-l Baki

[Çün] ecel geldi ona olmaz a[man],

[Cürmünü] affeyle, ya Rab el-min[nan],

[Ma]ğfiret kıl olmasın hali yaman,

[Muzahir n]uri şefa'at kıl her zaman

[Mer]hum ve mağfur el-Haci

[...]rhab bin Sam ruh

içün el-Fatiha

sene 1227

Перевод:

Он, Вечный!

Потому что пришел день назначенный, нет ему пощады.

Да пребудет прощение (Божие), О, Господь Податель!

Да не останется дурное без прощения,

(и) Сохранится свет исцеления на все времена.

Покойный и прощенный Хаджи

...рхаб сын Сама, духу

его Фатиха

Год 1227 [1812 г.]

¹ Авторы выражают благодарность директору Музея Ф. К. Джигуновой за возможность ознакомиться с экспонатами.

² Для удобства приводим латинизированную транскрипцию текста.

Тюрбан на надгробии высотой 18 см, наибольший диаметр — 27 см, шея — 12 см. Относится к тюрбанам типа 5 [Çal 2007: 304, ек. 6. № 53; Dogan 2009: 824–825, 878, №№ 163, 185, 198]. Подобные тюрбаны известны в XVIII–XIX вв.

2. Хорошо обработанная мраморная стела Т-образного сечения, увенчанная тюрбаном (без паспорта). Сохранилась целиком (Рис. 2). Общая высота (с тюрбаном) — 132 см. Толщина — 14 см. Высота надписи в регистрах — 93,5 см. Общая ширина — 31–32,5 см. Ширина тюрбана — 27 см. Происходит из бжедугского аула Глюстенхабль (в настоящее время большая часть затоплена водами Краснодарского водохранилища).

Эпитафия была опубликована Л. И. Лавровым (1909–1982 гг.) по фотографии и эстампажу, полученным от Н. Г. Волковой (1931–1997 гг.) [Лавров 1980: 83, 114, № 877, табл. XV]. Прочтение Л. И. Лаврова касалось лишь части эпитафии: “...Умерший, получивший прощение, [прибегающий] к милости своего всепрощающего господа ‘Арймобе-зәдэ Дашнүкэ. [Прочти] Фәтиху за его душу! 1227 год. 15 [рамадā]на”.

Текст. Надпись в 7 регистрах:

Hüve-l Baki

Meskenim dağlar başı, sahraya hacet kalmadı.

İçtim ecel şerbetini, Lokman'a hacet kalmadı.

Her onuldu yârelerim, cerraha hacet kalmadı.

Merhum ve mağfur ila rahmeti Rabbi el-ğafur

Arimba-zade Doşuko

Ruhiçün el-Fatiha

Sene 1277 fi 15 n

Перевод:

Он, Господь Вечный

Обитель моя — вершина горы, нет пути в долину.

Испил я напиток вечности, и нет нужды в Лукмане,

Залечены раны мои, нет нужды во врачевателе.

Покойный и прощенный милостью Господа прощающего

Аримба-заде Дошуко

Душе его Фатиха

15 (рамадана) 1277 года [26 марта 1861 г.]

Тюрбан на надгробии высотой 14 см, наибольший диаметр — 25 см, шея — 10 см. Он также относится к тюрбанам типа 5 [Çal 2007: 304, ек. 6, № 112; Dogan 2009: 824–825, 878, № 336], которые известны в XVIII–XIX вв.

Тексты таких поэтических эпитафий находят многочисленные аналогии на османских землях: в XIX в. подобная немудреная кладбищенская поэзия была там довольно востребована [Akataş Yasa, Kaşa, Yazar 2011; Çal 2015; Yarış 2019]. Есть полные аналогии майкопскому тексту и на Кавказе. В архиве Н. И. Веселовского в РГАЛИ сохранилась запись точно такой же эпитафии с именем хаджи Арслан-бея сына Атисок(о)...Хусейна из племени, название которого утрачено [РГАЛИ. Ф. 118, оп. 1. Ед.хр. 490, л.199–200]. Имя отца погребенного (عطصوق) говорит о его кавказском (адыгском) происхождении, и камень, скорее всего, происходит из окрестностей Анапы (где на даче периодически жил Н. И. Веселовский).

Османские поэтические тексты эпитафий, изящный почерк и высокое качество исполнения майкопских стел говорит об их заморском происхождении: вероятнее всего, они заказывались в трабзонских или стамбульских мастерских. Следует полагать, что появление в Предкавказье надгробий, сделанных османскими каменотесами, связано с распространением ислама среди местных черкесских племен, проводником чего являлась Оттоманская Порта.

Теофиль Готье, побывавший в 1852 г. в Стамбуле, так описывает работу мастерских, где изготовлялись надгробия: «На улице, вьющейся вдоль Золотого Рога, между новым и старым мостом, находятся мастерские по обработке мрамора. В них как раз и обтесывают колонны, увенчанные тюрбанами. Словно белые призраки, вставшие из могилы, они заполняют многочисленные константинопольские кладбища. Из мастерских доносится непрекращающийся стук молотков; облако сверкающей пыли рассеивается вокруг нетающим снежным покровом. Миниатюристы,

расставив вокруг себя горшочки с зеленой, голубой и красной краской, наносят ровный цветной фон для надписей и выводят золотом имя покойного или покойной, сопровождая его изречением из Корана или орнаментом. Женским надгробиям обычно достаются виноградная лоза или гроздь — символ благодати, мягкости и плодородия» [Готье 2000: 150]. Из этого, кстати, следует, что мраморные майкопские памятники также изначально могли быть раскрашены (подобно тому, как раскрашивались бахчисарайские стелы, на некоторых из которых следы этой раскраски сохранились).

Библиография

- ВОЛКОВ И. В. Турецкая эпитафика из Таманского археологического музея // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: КубГУ, 2009. С. 50–52.
- ВОЛКОВ И. В. Надгробия османского времени из Таманского археологического музея // ЛЕПТОН. Сборник научных статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова. Армавир; Краснодар: ИП Шурыгин 2018а. С. 104–109.
- ВОЛКОВ И. В. Заметки по мусульманской эпитафике Ростовской области // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Вып. 30. Азов: Азовский музей, 2018б. С. 379–398.
- ГОРОШНИКОВ А. А., ЧХАИДЗЕ В. Н. Новые фрагменты османских надгробий из Тамани // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 18. Армавир; Краснодар: Наследие Кубани, 2020. С. 234–240.
- ГОТЬЕ Т. Путешествие на Восток. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 344 с.
- ЗАЙЦЕВ И. В. Памятники османской эпитафики в собрании Музея истории города-курорта Сочи // КСИА. 2017. Вып. 248. С. 72–78.
- ЗАЙЦЕВ И. В., НОВИЧИХИН А. М. Памятники османской эпитафики из собрания Анапского археологического музея // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 14. Ставрополь: Печатный Двор, 2021. С. 241–264.
- ЗАЙЦЕВ И. В., ЧХАИДЗЕ В. Н. Эпитафия Батыр-Гирея-оглу из Таманского археологического музея // РА. 2015. № 1. С. 160–163.
- ЗАЙЦЕВ И. В., ЧХАИДЗЕ В. Н. Османская эпитафика Тамани // Вопросы эпитафики. Вып. X. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2019. С. 40–56.

ЛАВРОВ Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. На арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X–XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова [Памятники письменности Востока. II, 3]. М.: Наука, 1980. 167 с.

AKATAŞ YASA A., KAYA YİĞİT B., YAZAR T. Bolu Müzesinde Bulunan Osmanlı Dönemi Mezar Taşları // 21. Yüzyılda Körođlu ve Bolu Arařtırmaları Uluslararası Körođlu, Bolu Tarih ve Kültürü Sempozyumu Bildirileri (17–18 Ekim 2009 Bolu, Dörtdivan/ Türkiye). Aibü Bamer Yayınları. No: 9. Bolu, 2011. S. 68–107.

BERK S. Zeytinburnu'nun Tarihi Mezar Taşları. Zamani. Aşan. Taşlar. İstanbul: Zeytinburnu Belediyesi, 2006. 520 s.

ÇAL H. Göynük (Bolu) Şehri Mezar Taşları // Vakıflar Dergisi, XXX. Ankara, 2007. S. 297–283.

ÇAL H. Türklerde Mezar — Mezar Taşları // Aile Yazıları, 8, TC. Aile Ve Sosyal Politikalar Bakanlığı Yayını. Ankara, 2015. S. 295–332.

DOĞAN B. Edirne Gazi Mihal Camisi Haziresi'ndeki Mezar Taşları. Yüksek Lisans Tezi. Edirne, 2009. 915 s.

SİPAHI B., ÇETİN A. 1697–1910 Yılları Arasında Osmanlı Kültüründe Muhasebecilerin Mezar Taşlarının Karakteristik Özellikleri // Muhasebe ve Finansman Dergisi, 48. Bursa, 2010. S. 232–240.

YARIŞ S. Üsküdar Solak Sinan Paşa Camii ve Sinan Paşa Camii Hazirelerindeki Mezar Taşları // Uluslararası Üsküdar Sempozyumu X Bildirileri (19–20–21 Ekim 2018) III. İstanbul, 2019. S. 13–86.

Зайцева Е. С.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РИМА С ВОСТОЧНЫМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ: УРОЖЕНЦЫ ВОСТОКА НА ЗАПАДЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ¹

E. S. Zaitseva

ROME'S POLITICAL RELATIONS WITH THE EASTERN MEDITERRANEAN: ORIENTALS IN THE WEST IN LATE ANTIQUITY

Вопрос о присутствии сенаторской аристократии Рима на Востоке в позднеантичный период неоднократно привлекал внимание исследователей. Некоторые полагали, что в новую столицу переместилось значительное число римской знати, которая составила ядро сената Константинополя [Jones 1964: 132–133]. В действительности же, по подсчетам А. А. Чекаловой, только 17 уроженцев Запада в IV — первой половине VII вв. входили в константинопольский сенат на время исполнения должностей в восточной части империи [Чекалова 2010: 286–287]. По мнению исследовательницы, «делали они это под влиянием варварской опасности, по долгу службы или по иным обстоятельствам» [Чекалова 2010: 76–77]. Вопрос же о направлении миграции сенаторов с Востока на Запад в период поздней Античности в работах исследователей не поднимался.

Уроженцы Востока появились в римском сенате в правление императора Веспасиана (69–79 гг.). Спустя столетие их количество в составе римского сената стало весьма значительным: 157 из 937 (16,8%) — при императорах Септимии Севере (193–211 гг.) и Каракалле (198–217 гг.), 72 из 471 (15,2%) — в правление принцепсов Элагабала (218–22 гг.)

¹ Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2.

и Александра Севера (222–235 гг.). За вторую половину III в. данных о сенаторах значительно меньше. Известно только 548 аристократов за все столетие. Однако среди них встречается 86 уроженцев Востока, что составляет 15,7% от общего числа сенаторов [Hammond 1957: 77]. Таким образом, в процентном соотношении на протяжении II–III вв. количество уроженцев Востока в римском сенате оставалось неизменным и достаточно высоким.

Создатель системы домината Диоклетиан (284–305 гг.) радикально изменил социальную опору императорской власти, к управлению государством он широко привлекал представителей всаднического сословия и армейских кругов, следовательно, в его интересы не входило целенаправленное пополнение римского сената провинциалами. Среди служащих периода тетрархии присутствуют «новые люди», вошедшие в сенат, как Руфий Цейоний Волузиан или Арадий Руфин, однако они происходили из западных провинций [PLRE I 1971: 976–978].

Ряд «новых людей» сумели получить титул клариссима при императоре Константине I (306–337 гг.) и создать и аристократические династии. Однако ни о каких миграциях с Востока на Запад в среде «новых сенаторов» сведений нет — западными территориями империи обычно управляли уроженцы этих регионов.

Можно предположить, что с 330 г. подобные перемещения оказываются еще менее вероятны — был создан второй сенат, и уроженцы Востока получили возможность записаться в ряды представителей нового учреждения. Тем не менее, восточная знать не спешила воспользоваться предоставленной возможностью, поскольку, сыну Константина, Констанцию II (324–337 гг.) для активизации процесса пришлось выпустить специальное постановление, причем, по мнению А. Джонса, истинное создание сената на Востоке началось именно с издания закона от 12 августа 357 г.: «Если станет очевидно, что какие-либо лица в полной мере выполнили обязанности магистрата в городе Риме, они не обязаны проводить какие-либо игры. Кроме того, если какие-либо лица будут искусно избегать членства

в курии города Рима, хотя и наделены титулом клариссима, Мы издаем указ, чтобы их разыскивали по всей Ахайе, Македонии и Иллирику, поскольку они редко или никогда не посещают место, [подобающее. — Е. З.] своему достоинству [сенатскую курию. — Е. З.]. Возможно, приятное соседство этих мест было бы для них привлекательным, так что достоинство, лишенное проволочки долгого пути, станет для них горячо желанным» [CTh. VI.4.11].

Исследователи не единогласны в трактовке приведенного закона Констанция II. В частности, А. Джонс полагал, что Констанций II предписывал римским сенаторам, имевшим поместья в Ахайе, Македонии и Иллирике, в обязательном порядке принимать участие в заседаниях константинопольского сената [Jones 1964: 132–133]. П. Пети, напротив, считал, что закон не обязывал римских сенаторов переселяться в Константинополь [Petit P. 1957: 357]. А. А. Чекалова довольно убедительно подтвердила точку зрения А. Джонса [Чекалова 2010: 75]. С другой стороны, сенаторы, видимо, не обязаны были перерегистрироваться в константинопольском сенате, поскольку на просопографическом материале исследовательница показала, что значительного переселения римских сенаторов в новую столицу не последовало [Чекалова 2010: 76–77].

Принимая указанную точку зрения, необходимо отметить, что постановление Констанция II скорее носило не обязательный, а рекомендательный характер. Этим, например, воспользовался некий Менандр, уроженец Коринфа, который предпочел оставаться куриалом в родном городе, чем принимать участие в заседаниях римской курии [Jones 1971: 106–107]. Однако были и те, кто отказался действовать в соответствии с законом Констанция II. Так поступили представители рода Кассиодоров. Сирийское происхождение имени Кассиодор обосновано Дж. О’Донеллом. Исследователь определил связь имени с культом Зевса Кассия, который был распространен на территории между Антиохией и Средиземным морем. На основании этого О’Донелл сделал вывод, что семья проживала на территории Греции, и лишь в IV в. переселилась в Италию [O’Donnell 1979]. Так или иначе, семья имела греческие корни, еще и потому, что их

фамильное поместье располагалось в Сквилачче, на юге Италии, некогда являвшемся территорией Великой Греции. Восточного происхождения был и сенаторский род Опилионов.

Таким образом, необязательный характер постановления Констанция II подтверждается конкретными примерами, и восточные аристократы, пользуясь этим, переселялись в Рим. Однако, если причины пребывания римских сенаторов в восточной части империи многочисленны — должностные назначения, матримониальные союзы, религиозные паломничества, военные действия на Западе империи или конфронтация с западным правителем, то относительно миграций в обратном направлении такой вариативности в причинах не наблюдается. Порой в течение длительных периодов сведений о присутствии восточных аристократов на Западе в источниках вообще нет. Главным образом, это годы, когда в западной части империи появлялся очередной узурпатор.

Случался и иной вариант развития событий, когда уроженцы Востока переезжали не навсегда, а присутствовали на Западе временно, с конкретной миссией, главным образом, внешнеполитической. Так было в случае с Татианом, внуком Флавия Аблабия, который по просьбе италийцев в 464 г. был отправлен императором Львом в посольство к вандалам [Prisc. fr. 31, 32]. Правда, посольство не достигло своей цели: Татиан «без успеха, потому что Гейзерих не принял его [Татиана.— Е. З.] представлений» [Prisc. fr. 32].

Таким образом, постановление Констанция II от 357 г. окончательно не ограничило уроженцев Востока в их перемещениях. В рядах римской сенаторской аристократии встречаются представители восточной знати. Однако чаще целью таких перемещений было выполнение кратковременной миссии, а не окончательная смена места жительства. К тому же переезд на Запад для жителей Востока, вероятно, был не слишком привлекательным из-за отсутствия возможности построить карьеру эквивалентную восточной, поскольку в Риме при продвижении по карьерной лестнице ключевыми критериями выступали знатность и богатство.

Библиография

ЧЕКАЛОВА А. А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV — первая половина VII века. М.: Наука, 2010. — 341 с.

HAMMOND M. Composition of the Senate, A.D. 68–235 // *The Journal of Roman Studies*. 1957. Vol. 47. № 1–2. P. 74–81.

JONES A. H. M. *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford: Basil Blackwell, 1964. Vol. 1. — 522 p.

JONES A. H. M., MARTINDALE J. R., MORRIS J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. T. I. A.D. 260–395. — 1152 p.

MARTINDALE J. R. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. T. II. A.D. 395–527. — 1342 p.

O'DONNELL J. J. *Cassiodorus*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1979. URL: <https://faculty.georgetown.edu/jod/texts/cassbook/toc.html>.

The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / ed. By R. C. Blockley. Liverpool: Cairns, 1981. — 196 p.

The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / ed. by C. Pharr. Princeton: Princeton University Press, 1952. — 643 p.

Зедгенидзе А. А.

НИУ Высшая школа экономики, г. Москва

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ: СИСТЕМА ПОЛИСА В КОНЦЕ V–IV вв. до Н.Э.

Zedgenidze A. A.

TAURIC CHERSONESE: THE POLICY SYSTEM AT THE END OF THE 5TH – 4TH CENTURIES BC.

Херсонес, обладая уникальной (до последнего времени) сохранностью хоры, позволяет характеризовать главные элементы полиса — город и хору — в их взаимосвязи и на различных этапах их существования. Поэтому исследование Херсонеса даёт возможность целостного описания полиса, благодаря чему он предстаёт моделью греческого полиса и является, в том числе, примером освоения территории древними греками. Особенностью освоения территории Херсонесом является то, что оно происходило с нуля: на этой территории не было предшествующей инфраструктуры, которая могла бы служить непосредственной основой той пространственной системы, которую создал Херсонесский полис. Поэтому эта система в её базовых элементах — не результат эволюции, происходившей на данной территории, а результат плана, принесённого колонистами. Кроме того, создание полиса происходило в условиях присутствия варварского населения, являвшегося источником потенциальной угрозы. Следовательно, создание полисной инфраструктуры определялось двумя факторами: как демографической ситуацией на Гераклеийском полуострове в рассматриваемый период, так и особенностями ландшафта. Реконструкция процесса освоения территории греками является основной задачей изучения Херсонеса в начальный период его истории. Для решения этой задачи необходимо

установить основные элементы инфраструктуры полиса и их взаимосвязь. В этой работе мы охарактеризуем основные территориальные элементы полиса, основное внимание уделив назначению укрепленного пункта на западной оконечности Гераклейского полуострова.

Основатели Херсонеса избрали для создания полиса — города и хоры — полуостров, именуемый ныне Гераклейским. Херсонес можно отнести к числу тех городов, о которых Фукидид писал: «Города, основанные в последнее время, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей)» (Thuc. I. 7. 1; пер. Г. Стратановского). Город колонисты расположили в центральной части полуострова, на достаточно высоком мысу, спускающемся к глубокой и узкой бухте; выбранное место обеспечивало перспективу роста полиса, рациональной организации его территории на начальном и последующих этапах. Вокруг города и для него создаётся дальнейшая инфраструктура, и прежде всего база для его существования — хора, а также система защиты города и хоры. Базовыми территориальными единицами полиса в начальный период являлись: город; укрепление на западной оконечности Гераклейского полуострова, отождествляемое с «древним Херсонесом» «Географии» Страбона (VII, 4, 2); дорога между городом и укреплением; размежёвка на Маячном полуострове; более поздняя размежёвка на основной части Гераклейского полуострова.

Территория Гераклейского полуострова во время прибытия греков была заселена народом, именовавшимся в античной литературной традиции таврами; с таврами у греков были связаны крайне мрачные представления. По словам Геродота (IV, 103) тавры жили «[награбленной] добычей и войной», и, безусловно, представляли собой серьёзную опасность в глазах херсонеситов. Существование какого-либо неукрепленного греческого поселения рядом с такими соседями кажется совершенно невозможным. В связи с этим, параллельно с созданием города, на северо-западной оконечности Гераклейского полуострова, на перешейке Маячного

мыса было возведено укрепление. К первым работам на Гераклейском полуострове относится также строительство так называемой Большой херсонесской дороги от главных ворот города к воротам в восточной стене укрепления. Дорога была проложена по наиболее краткому маршруту между двумя пунктами, её линия определила в дальнейшем конфигурацию размежёвки на Гераклейском полуострове. Результаты изучения пространственной организации укрепления и учёт возможных аналогов в Греции привели нас к выводу о том, что из всех типов древнегреческих фортификаций ближе всего к укреплению на перешейке Маячного п-ова находится *φρούριον* [Зедгенидзе 2019: 634]. В литературе указываются следующие черты *φруриона*: это укрепление является постоянным, находится в определённом удалении от города, возводится в местности с враждебным варварским населением [Lawrence 1979: 137, 172–173]. *Фрурион* является комплексом строений, представляет собой укрепленный пункт, может иметь башни и использоваться как сторожевой пост; назначение *φруриона* прежде всего военное, как оборонительное, так и наступательное [Nielsen 2002: 50]. Укрепление на Маячном полуострове вполне соответствует этим признакам. Оно расположено на узком перешейке, который был отгорожен колонистами непрерывными стенами с обеих сторон — западной и восточной; на возвышенном месте, позволявшем обозревать и Маячный, и Гераклейский полуостров. В результате возведения в укреплении поперечной стены в самой высокой его части был сформирован акрополь, где мог располагаться гарнизон [Зедгенидзе 2019: 632]. В задачи *φруриона* входила защита границ хоры; он служил убежищем для жителей прилегающей территории в случае нападения. Его созданием устанавливалась северо-западная граница Херсонеса на Гераклейском полуострове, что обеспечивало владение всей территорией хоры.

Демографическая ситуация на Гераклейском полуострове в связи с основанием Херсонеса изменяется. Во второй четверти IV в. до н.э. жизнь в варварских поселениях полуострова прекращается, что связывается исследователями с началом освоения Херсонесом территории

полуострова. Отмечается также, что существование варварских поселений в Инкерманской, Бельбекской, Балаклавской долинах продолжалось, и это подтверждает предположение о том, что прекращение жизни в поселениях Гераклейского полуострова явилось следствием колонизационной деятельности греков [Савеля 1996: 14; Савеля 1997: 88–89; Кравченко 2010а: 53–55, 59–60; Кравченко 2010b: 140]. С. А. Коваленко [1999: 127] предположил, что победа над таврами была ознаменована херсонеситами специальным выпуском монет, относимых к 70-м годам IV в. до н.э. с изображением богини Девы, увенчанной лавровым венком, — символом одержанной победы.

Маячный полуостров, простиравшийся за западной крепостной стеной укрепления был размежеван на наделы после возведения крепостных стен на перешейке. Таким образом, все базовые элементы полиса — и город, и фрурион, и дорога, и обе размежёвки — имеют смысл только во взаимосвязи и при условии их одновременного функционирования (с конца V в. до н.э.; понятно, что на размежевание Гераклейского п-ова потребовалось определённое время). Следовательно, эти элементы полиса являются продуктом единого плана, при этом следует учитывать, что регулярная планировка хоры едва ли могла быть древнее регулярной планировки города. С. Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 2018: 496] относит ее к рубежу 1-й — 2-й четверти IV в. до н.э. К этому времени регулярная планировка в том или ином виде должна была существовать и в городе, а значит к этому же времени функционировала система полиса в целом.

Итак, важнейшим элементом истории полиса было освоение территории. Понимание логики и хода этого освоения является пониманием истории полиса.

Библиография

- ЗЕДГЕНИДЗЕ А. А. Херсонес Таврический: пространственная организация и назначение Укрепления на перешейке Маячного полуострова // ВДИ. 2019. № 3. С. 608–639.
- КОВАЛЕНКО С.А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Т. XVI. С. 108–131.
- КРАВЧЕНКО Е. А. Таври і Херсонес // Археологический альманах. 2010а. № 22. Древняя и средневековая Таврика. С. 51–70.
- КРАВЧЕНКО Е. А. До історії вивчення тубільного населення Криму доби раннього заліза // Боспорские исследования. 2010b. № 23. С. 133–154.
- САВЕЛЯ О. Я. Археологические материалы к истории Гераклейского полуострова доколониционного периода // Херсонесский сборник 7. 1996. С. 13–18.
- САВЕЛЯ О. Я. Новые материалы к истории Гераклейского полуострова и его окрестностей доколониционного и античного периодов // Проблемы греческой культуры. Симферополь, 1997. С. 87–89.
- САПРЫКИН С. Ю. Древнее Причерноморье. М.; СПб., 2018.
- LAWRENCE A. W. Greek Aims in Fortification. Oxford, 1979.
- NIELSEN T.H. A Phrourion. A Note on the Term in Classical Sources and in Diodorus Siculus // Even More Studies in the Ancient Greek Polis. Stuttgart, 2002. P. 49–64.

Зиганьшин Р. М.

Институт востоковедения РАН

**ПРЕДПОСЫЛКИ ВЕЛИКОЙ
ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ПОЛИСА МЕГАРЫ,
VIII –VI вв. до Н.Э.**

Ziganshin R. M.

**BACKGROUND TO THE GREAT GREEK
COLONIZATION
ON THE EXAMPLE OF THE POLIS OF MEGARA,
VIII–VI CENTURIES B.C.**

*Греки расширялись
В апойкии, эмпории.
Они за земли дрались
И за акватории.*

Эпоха Великой греческой колонизации охватывает VIII–VI вв. до н.э., последовавшая после Тёмных веков (или гомеровской эпохи) (XI–IX вв. до н.э.) и совпавшая со становлением греческих полисов. Ранее основывать многочисленные колонии стали финикийцы, вслед за ними колониальную экспансию стали осуществлять греки. Именно благодаря колонизации греческий мир расширил свои границы и оказал огромное влияние на народы, населяющие бассейны Средиземного и Черного морей. Колонизация, в свою очередь, обогатила также саму греческую культуру и цивилизацию. Появление большого количества новых полисов повлекло за собой развитие градостроительства и архитектуры. Многочисленные контакты с местным населением позволяли изучать их традиции, религию, обычаи, некоторые из которых осмысливались

и перенимались греками. Характер греческой колонизации и взаимоотношения колонистов с местным населением оценивается неоднозначно. Одни авторы видят в греках предшественников европейских конкистадоров и колонизаторов Нового времени. Другие настаивают на мирных отношениях и даже сотрудничестве греков и варваров. Третьи занимают нейтральную позицию, не впадая ни в какую крайность.

Что касается Мегар (Μέγαρα), то при основании ими, например, Византии, происходило противостояние греческих поселенцев и фракийцев. Об этом говорят мощные оборонительные стены Византия, особенно неприступные со стороны суши. Гезихий сообщает о возведении стен как о первоочередном деле, с которого началось строительство города. В дальнейшем колонисты перешли в наступление, финалом которого стало порабощение фракийского племени вифинов. Афиней, ссылаясь на Филарха, автора III в. до н.э., пишет: «Византийцы так же господствовали над вифинами, как лакедемоняне над илотами» [Пальцева 1999: 187–188]. Но общую систему социально-экономических, политических и культурных связей греческих колоний с варварским окружением нельзя однозначно уложить в какие-либо простые схемы. В зависимости от времени и от конкретной социально-политической обстановки периоды крайней конфронтации сменялись относительно мирным периодом. В это время осуществлялись торговые и иные контакты колонистов с окрестными варварами. Возникали новые для варваров экономические отношения, их знакомство с достижениями греческой культуры и цивилизации. В свою очередь, они также оказывали обратное культурное воздействие на греческих колонистов. Наряду с эллинизацией варваров происходил также варваризация греков.

Процесс проникновения варварских культурных элементов в эллинские общины, как отмечает И. Ю. Шауб, носил постоянный характер с самого начала существования греческих апоекий. На этом фоне Плиний Старший писал, что Херсонес Таврический «был самым блестящим пунктом на всем этом пространстве благодаря сохранению греческих обычаев» (Plin. HN. II, 85) [Шауб 2010: 10]. Кстати говоря,

крайняя враждебность не всегда является препятствием для культурных и прочих контактов. Известно, например, заимствование древним Римом в процессе своего развития греческих, а также этрусских и египетских культов и богов. Чему не мешали их конфронтация и военное противостояние. Здесь важно отметить, что представление о тесной связи божества с его местом обитания вообще характерное для верований древних, породило эллинский обычай, находясь в чужих краях, чтить местных богов. Стремление сохранить связь с отеческими богами и одновременно заручиться поддержкой богов местных приводило при переселении к объединению культов [Свенцицкая 1985: 44]. Эта особенность греков не могла не способствовать их интересу к местным религиям и обычаям.

Первопричиной греческой колонизации считается кризис, вызванный стенохорией (греч., от *stenos* — узкий, и *chora* — пространство) — недостаточностью территориальных ресурсов хоры многих полисов для жизнеобеспечения быстро растущего населения во время архаической эпохи. Как одна из причин греческой колонизации она отмечается уже античными авторами. Колонизации способствовало также бурное развитие ремесла и торговли в Греции, что требовало поиска новых торговых путей и рынков сбыта. Великая греческая колонизация решала в этом смысле многие проблемы метрополии, способствовала самому становлению греческого полиса, как суверенной гражданской общины, воплощавшей в себе органическое единство города и окружавшей его сельской территории.

Начало Великой греческой колонизации совпало со временем процветания Мегары. По своему уровню социально-политического развития в это время они были вполне сравнимы с наиболее развитыми полисами — такими, как, например, Коринф, Халкида, Афины и Милет. Важным показателем высокого уровня развития социальных и экономических процессов в Мегарах в данный период является, как отмечает Л. А. Пальцева, активное участие города в Великой колонизации VIII–VI вв. до н.э. [Пальцева 1999: 3–4].

Внутренние импульсы, побуждавшие греческие метрополии к выведению колоний, были различны. В случае с Мегарами, там стремились удалить из полиса избыточное население, не имеющее средств к жизни и создающее, вследствие этого, угрозу для стабильности внутренней обстановки в полисе. Так возникали колонии аграрного типа, где сельскохозяйственное производство, по крайней мере, на начальном этапе, превалировало над другими видами хозяйственной деятельности (Мега-ры Гиблейские, Селимбрия, Гераклея Понтийская). Колонизация Мегар будучи порождением экономических и социальных процессов в свою очередь была важнейшим катализатором ускоренного развития новых отраслей экономики. Высвобождение людей из сферы сельскохозяйственного производства, связанное с ограниченностью земельных ресурсов и ростом численности населения, создавало предпосылки для выселения части этих людей за пределы Мегариды, в то время как другая часть их оседала в Мегарах и других городах, переходя к новым видам деятельности — ремеслу, торговле, морскому делу. Потребность в сырье для нужд собственного производства, а также возможность выгодной перепродажи его в другие районы греческого мира заставляли мегарских торговцев инициировать выведение колоний в те районы, которые открывали доступ к сырьевым рынкам (Астак, Калхедон, Византий, возможно, Месембрия). [Пальцева 1999: 273–274]. Мегары основали колонии, которые впоследствии достигли значительного процветания и оказали огромное влияние на социально-политическую жизнь близлежащего региона. Например, Халкидон и Византий на Босфоре, Гераклея Понтийская в Малой Азии, Мегары Гиблейские в Сицилии.

Ещё одной предпосылкой колонизации называют постоянный стасис — борьбу за власть между различными аристократическими группировками в греческих полисах, которые становились непосредственным поводом к выведению колонии. Для «проигравших» зачастую просто не оставалось иного выхода, кроме как покинуть родной полис, иначе их судьба была плачевной: политическая борьба архаической эпохи отличалась крайней жестокостью и беспощадностью, ее исходом могло

стать даже полное, поголовное истребление побежденных победителями. Группировка, не сумевшая добиться успеха «у себя дома», всегда имела хорошую возможность — уйти в апойкию и там утверждать свою власть уже беспрепятственно. Лидер такой группировки становился основателем и руководителем нового поселения — ойкистом (ктистом). Группировка политиков-аристократов могла основать жизнеспособную колонию только в том случае, если ее сопровождала достаточно значительная группа рядовых граждан, по той или иной причине заинтересованных в переселении, либо ситуация должна была быть крайне острой, просто не оставлявшей для какой-то части населения реальной возможности остаться на родине. При этом не всегда колонизационная акция была централизованным, организованным полисными властями мероприятием. Нередко была и частная инициатива кого-либо из аристократических лидеров, который рекрутировал будущих апойков, очевидно, из числа своих политических приверженцев и отправлялся с ними в колонизационную экспедицию. Внешнеполитические факторы колонизации могли действовать и независимо от внутренней междоусобной борьбы, в отсутствие последней [Суриков 2010: 22–24]. Политические причины каких-либо исторических явлений, как известно, тесно взаимосвязаны с социальными и экономическими причинами.

Колонизационная деятельность Мегар явилась заметным явлением в общей греческой колонизации. Они были среди первых городов, основавших свои колонии на Западе и на Северо-востоке. Хотя по числу своих колоний уступали таким городам, как Халкида и Милет, Мегары, несомненно, могут быть отнесены к числу крупнейших и наиболее значительных греческих метрополий. В хронологическом плане мегарская колонизация четко распадается на три этапа, каждый из которых характеризуется освоением определенного региона. Первый этап, относящийся ко второй половине VIII в. до н.э., ознаменовался выведением колонии в Сицилию (Мегары Гиблейские). Вторым этапом, продолжавшимся около пяти десятилетий (711–660 гг. до н.э.), увенчался основанием в северной части Пропонтиды четырех апойкий (Астак, Калхедон, Селимбрия,

Византий), а также небольших поселений, примыкающих к ним. После основания Византия (ок. 660 г. до н.э.) колонизационная деятельность Мегар надолго прекращается. Лишь столетие спустя Мегары вновь выводят свои колонии, направившись теперь к берегам Черного моря. Начинается третий этап мегарской колонизации, в течение которого появились Гераклея Понтийская (около 560 г. до н.э.) и Месембрия (вторая половина VI в. до н.э.) [Пальцева 1999: 97]. Уже в V в. до н.э. Гераклея становится одним из самых значительных и процветающих полисов Причерноморья. Менее заметной была другая мегарская апоikia — Месембрия, основанная на западном побережье Черного моря, которая была последней колонией, выведенной из Мегар [Пальцева 1999: 205–206]. Третий этап мегарской колонизации, начавшийся столетие спустя после основания Византия, ознаменовался выведением колоний в Причерноморье. К этому времени на берегах Черного моря существовало уже немало колоний, основанных по преимуществу Милетом. Среди греческих городов южного побережья Черного моря наиболее значительными были Синопа и Гераклея. Синопа, вторично основанная милетянами в 631 г. до н.э., являлась самой ранней греческой колонией в Южном Причерноморье. Появившаяся позднее, Гераклея смогла тем не менее довольно скоро утвердиться в качестве одного из самых могущественных и богатых городов Причерноморья [Пальцева 1999: 191–192]. Свидетельства античных авторов об основании Гераклеи можно разделить на две группы. Ксенофонт, Диодор и Арриан однозначно называют Гераклею мегарской колонией. Вторая группа источников причисляет к основателям Гераклеи также беотийцев [Пальцева 1999: 194–195].

Начальный период Великой греческой колонизации совпал по времени также с Лелантской войной, что не могло не наложить на нее свой отпечаток. На стороне Халкиды воевали Самос, фессалийцы, халкидские колонисты с фракийского побережья, Эрифры, Коринф, а на стороне Эретрии — Милет, Хиос, Эгина и Мегары. Конфронтация, в которой участвовали многие ведущие греческие метрополии, была перенесена и в районы колонизации, где во второй половине VIII в. до н.э. происхо-

дят столкновения между колонистами двух враждующих групп полисов. Именно противодействие Халкиды и Коринфа явилось причиной того, что после основания Мегар Гиблейских в Сицилии мегаряне вынуждены были изменить направление колонизации. Выбор нового северо-восточного направления предопределялся в некоторой степени тем обстоятельством, что в районе черноморских проливов в период, когда здесь появились мегарские колонисты, не было ни одной колонии Халкиды и ее союзников [Пальцева 1999: 157]. Таким образом, греческие колонисты враждовали не только с местным населением, но и с враждебными им греческими метрополиями и колониями, что предопределяло характер и направление колонизации. Например, борьба Мегар с соседними Афинами за остров Саламин также отразилась на её колонизации. Саламин, имевший важное стратегическое положение и сельскохозяйственное значение, в итоге остался за Афинами, хотя на первых порах мегарцы побеждали афинян.

Со времени правления Феагена Саламин служил тем клапаном, с помощью которого полису удавалось в какой-то степени разряжать внутреннюю напряженность, вызванную нехваткой земли. Видимо, не случайно на протяжении ста лет после появления Византия Мегары не вывели ни одной колонии. После того как около 565 г. до н.э. Саламин окончательно отошел к Афинам, в Мегарах сложилась непростая ситуация. Мегарские поселенцы, потерявшие земельные наделы на Саламине и вернувшиеся в город оказались лишенными средств к жизни и в какой-то степени представляли опасность для стабильного существования полиса. Выведение колонии в подобной ситуации являлось лучшим средством для того, чтобы разрядить обстановку в метрополии [Пальцева 1999: 198]. Потеря Саламина имела для Мегар чрезвычайно важные последствия. Долгое время остров был для Мегар своеобразным резервным земельным фондом, позволявшим в какой-то степени решать сложные социально-экономические проблемы (или, по крайней мере, несколько ослаблять их негативное воздействие). В течение столетия, отделяющего основание Византия (660 г. до н.э.) от основания Гераклеи Понтийской (560 г. до н.э.), мегаряне не вывели ни одной колонии, что в значительной

степени связано с возможностью использовать земельные ресурсы острова. После завоевания Саламина афиняне выводят на остров собственных клерухов, вытеснив, мегарских поселенцев. Последовавшее вскоре основание Гераклеи Понтийской явилось попыткой Мегар компенсировать утрату острова и разрядить таким образом обострившуюся социально-политическую обстановку, которая в течение рассматриваемого периода и без того была крайне нестабильной [Пальцева 1999: 256–257]. Вскоре Гераклея стала основывать свои собственные колонии. На западном побережье Черного моря ею была основана Каллатида. Позднее в Крыму основали вторую колонию Гераклеи — Херсонес Таврический, который располагал удобной гаванью. Л. А. Пальцева считает, что в обоих случаях важное значение для колонистов имело наличие пригодных для сельского хозяйства земель. Однако И. Е. Суриков утверждает, что непосредственной причиной выведения обеих апоекий была не стенохория, а политическая борьба в Гераклеи [Суриков 2002: 74–75].

К концу VI в. до н. э. Мегары постепенно утратили прежние позиции среди городов архаической Греции. Причиной постепенного упадка Мегар явилась, по-видимому, дестабилизация экономики, вызванная сначала бурными событиями первой половины VI в. до н. э., а затем установлением персидского контроля над черноморскими проливами. После скифского похода Дария I в конце VI в. до н. э. прервалась связь Мегар с Византием и Калхедоном, оказавшимися в руках персов (такая же участь постигла, вероятно, Астак и Селимбрию). Это подорвало морскую торговлю Мегар, опиравшуюся, прежде всего, на связи с собственными колониями. И хотя в V в. до н. э. Мегары все еще обладали значительным флотом, окончание эпохи Великой колонизации оказалось вместе с тем и концом самого блестящего периода в истории города [Пальцева 1999: 275].

Таким образом, Мегары хоть и не занимали лидирующего положения в Великой греческой колонизации, но сыграли в ней немаловажную роль, оказавшую существенное влияние на колонизируемые ими регионы в культурно-историческом и социально-политическом плане. Одно

основание Византия, ставшего позднее Вторым Римом — Константинополем, говорит о многом. В истории часто можно проследить причинно-следственные связи между, казалось бы, далекими друг от друга явлениями и событиями. Без участия Мегар в Великой греческой колонизации, Херсонес Таврический несомненно существовал бы как полис, поскольку располагал удобной бухтой, но совершенно в другом виде и скорее всего под другим названием.

Библиография

ПАЛЬЦЕВА Л. А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.: Изд-во С.— Петерб. Ун-та, 1999. 302 с.

СВЕНЦИЦКАЯ И. С. Некоторые особенности религиозного синкретизма в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюз. симпоз. по древ. истории Причерноморья. Тбилиси: 1985. С. 41–49.

СУРИКОВ И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи понтийской. // Проблемы истории, филологии, культуры, 12, 2002. С. 72–82.

СУРИКОВ И. Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин). // Античный мир и археология, 14, 2010. С. 20–48.

ШАУБ И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н.э.). Дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.06. СПб.: 2010, 483 с.

Зинько А. В.

НИЦИАК Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

Зинько В. Н.

НИЦИАК Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

ТИРИТАКА — ДРЕВНИЙ ГОРОД-ПОРТ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

Zinko A. V., Zinko V. N.

TIRITAKA — AN ANCIENT PORT CITY ON THE CIMMERIAN BOSPORUS

С 2002 г. нами в рамках многолетнего научно-исследовательского проекта «Боспорский город» проводятся комплексные археологические и палеогеоморфологические исследования городища и прилегающей территории. Материалы этих исследований не только внесли коррективы в прежние датировки и представления о ранней истории Тиритаки, но позволили совершенно по-новому представить процесс основания и урбанизации этого боспорского города, а также дальнейшего его развития.

Изначально древний город был основан в глубине одной из лучших бухт европейского побережья Боспора Киммерийского. Однако за прошедшие тысячелетия приморская часть претерпела большие изменения (рис. 1). Изучением геоморфологии в ближайших окрестностях Тиритаки занимается исследовательская группа под руководством А. В. Поротова. В ходе проведения комплекса научных геофизических исследований городища Тиритака и его окрестностей при помощи многопроцессорного кластера и рабочих станций, были сделаны профильные разрезы (рис. 2). С учетом ранее полученных данных геологических бурений, построена модель реконструкции древней дневной поверхности при-

портовой территории древнего города. Произошедшие за последующие тысячелетия изменения конфигурации береговой линии под влиянием изменений относительного уровня моря, размыва берегов, выдвижения речных устьев, а так же интенсивным антропогенным преобразованием приморских территорий привели к тому что, ряд поселений оказались либо размыты, либо оказались в настоящее время на значительном удалении от современной береговой линии, а их приморские районы либо располагаются в полосе прибрежного мелководья, либо перекрыты мощными покровом более поздних отложений. В условиях антропогенного изменения приморской территории, реконструкция палеотопографии прибрежной территории предполагает проведение комплексных археолого-палеогеоморфологических работ, сравнительно немногочисленными примерами которых на Европейском Боспоре являются южная часть побережья Керченского пролива [Поротов, Зинько, 2013; Зинько В., Зинько А., 2017].

Подводные археологические исследования, проводимые в Камыш-бурунской бухте специальным отрядом под руководством А. В. Зинько, позволили установить расположение и примерные очертания гавани Тиритаки, которая в настоящее время в значительной степени скрыта речными наносами. На входе в гавань выявлен, ныне затопленный из-за поднятия уровня моря, небольшой каменный островок. Все элементы окружающего рельефа местности, наличие дельты большой реки с пресной водой, а также выявленные очертания древнего морского берега, находятся в полном соответствии со сложившимися у древних эллинов к VII в. до н.э. требованиями к морским портам. Все это обеспечило функционирование порта Тиритаки на протяжении более чем тысячи лет [Зинько А., Зинько В., 2018]. Этот порт служил не только для обслуживания судов каботажного плавания и рыболовной ловли, но, как мы видим по материалам раскопок, в первую очередь, для прямых морских торговых связей с различными портами Понта и Средиземноморья.

На основании наших исследований Тиритака предстает как значительный ранний городской центр европейского Боспора, основанный

не позднее 565–560 гг. до н.э. На I-м этапе застройки, который датируется второй третью VI в. до н.э., возводились небольшие углубленные неприязательные однокамерные постройки, вероятно временного характера. Постройки и археологические слои этого времени нам удалось впервые выявить за всю историю раскопок этого городища. Для II-го этапа (последняя треть VI — первая четверть V вв. до н.э.) характерны уже сырцово-каменные дома площадью 160–170 кв. м. Закладываются основные градостроительные оси города. После какого-то военного нападения и пожара в конце VI в. до н.э. город был укреплен крепостными стенами, охватившими кварталы с сырцово-каменными домами на площади не менее 5 га [Зинько, 2014]. Исследование западной крепостной стены позволило не только установить ее новую точную дату, но и впервые открыть архаические постройки, перекрытые этой стеной. В результате пожара эти постройки пострадали, и над ними была построена крепостная стена. На основании новейших исследований строительство стены можно датировать в пределах последних 2-х десятилетий VI в. до н.э.

Возле западной крепостной стены располагался священный участок, ограниченный с севера постройкой с 3-мя помещениями, где В. Ф. Гайдукевичем были найдены различные культовые предметы, включая терракоты Деметры и Коры. С юга этот участок ограничен другой постройкой, в одном из помещений которой исследована самая ранняя на Боспоре косторезная мастерская. Располагавшийся между ними участок занят местами сожжений и комплексом различных ям со столовой посудой, светильниками и жертвоприношениями коней.

Новому нападению город подвергся в конце первой четверти V в. до н.э. Судя по открытым комплексам, кочевники были отбиты, но для реконструкции дальнейшей жизни Тиритаки во второй половине V в. до н.э. пока не имеется ни одного археологического комплекса.

Постройки эллинистического периода были исследованы в северной части города. Здесь на значительном протяжении открыты северные городские крепостные сооружения (куртины с боевой калиткой, башни). Начало строительства северной крепостной стены Тиритаки на основа-

нии раскопок последних лет можно датировать временем не ранее конца IV- начала III вв. до н.э.

Кроме крепостных стен, других построек эллинистического времени длительное время не удавалось выявить. Это связано, в первую очередь, с тем, что в I в. н.э. Тиритака подвергается тотальной перестройке, при которой были сnivelированы все предшествующие строения, вплоть до слоев первой половины V в. до н.э. Лишь на отдельных участках удалось выявить небольшие фрагменты эллинистических стен, а также небольшую постройку I в. до н.э. — святилище Диониса-Гарпократа [Зинько В., Зинько А., 2020].

В первые века Тиритака становится большой хозяйственной базой по производству рыбной продукции и вина, которую благодаря своему хорошему порту поставляет римским легионам, расквартированным в припонтийском регионе. В ранневизантийскую эпоху город является единственным боспорским портом в южной причерноморской части пролива и напрямую поддерживает морские связи с Византией. Об этом свидетельствуют доставленные из Малой Азии мраморные детали и плинфы для строительства византийскими зодчими в припортовой части города большой трехнефной базилики.

Библиография

ЗИНЬКО А. В., ЗИНЬКО В. Н. Новые сведения о гавани Тиритаки // «Боспорский феномен: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира». С-Пб, 2018. С. 234–239.

ЗИНЬКО В. Н., ЗИНЬКО А. В. Древние гавани западного побережья Керченского пролива. Боспорские чтения. Вып. XVIII. Симферополь-Керчь, 2017. С. 180–185.

ЗИНЬКО В. Н., ЗИНЬКО А. В. Сакральный комплекс из раскопок боспорского города Тиритака // БИ. Вып. XLI. Керчь-Симферополь, 2020. С. 133–146.

ПОРОТОВ А. В., ЗИНЬКО В. Н. Изменение уровня моря и рельеф приморской полосы хоры Тиритаки и Нимфея в античное время (Западное побережье Керченского пролива) // БИ. Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013. С. 3–20.

Ибнеева Г. В.

Казанский федеральный университет, г. Казань

ЕКАТЕРИНА II И КРЫМСКИЕ ЭЛИТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЦЕРЕМОНИАЛАХ В 80-е гг. XVIII в.

Ibneeva G. V.

CATHERINE II AND THE CRIMEAN ELITES IN STATE CEREMONIES IN THE 80-ths OF 18th CENTURY

Вторая половина XVIII в. в истории России — это эпоха расширяющейся полиэтнической империи. Российская экспансия в этот период распространялась в направлении Чёрного моря, Северного Кавказа и Центральной Азии. Включение территорий с этнически и конфессионально многообразным населением, отличными типами экономики, социального устройства и культуры осуществлялось в разных формах. Важным направлением имперской политики Екатерины II в этих новых условиях являлся поиск оптимального режима интеграции в общеимперский организм включаемых чужеродных социумов. После присоединения Крыма к России (1783 г.) политическая ситуация там была непростой. Поэтому центральной задачей для правительства Екатерины II в деле укоренения подданства крымских татар стала организация его взаимодействия с местными элитами.

В этом отношении представляется значимым показать место коммуникации российской власти и местных элит в процессе утверждения российской власти на полуострове. Современные исследователи отмечают, что важным методом поддержания имперской идентичности являлась экспансия политической символики и установление общеимперского пространства верований [Rieber 2001: 261–268]. Среди факторов, обеспечивающих существование империи, выделяют не только имперскую

бюрократию, способность защитить границы государства, но и имперскую идею. В направлениях изучения имперской идеи на первый план выдвигаются «языки политики, артикулированные в изобразительных и письменных текстах, церемонии и ритуалы, создающие реальные и символические связи правителя с элитой и массами» [Кундакбаева 2005: 78–79]. Среди средств утверждения имперской символики рассматриваются деньги, политические церемонии, политические тексты, дарование почетных отличий [Каспэ 2001: 49, 51]. В данной статье обращается внимание на церемониальную сторону коммуникации российской власти и местных элит Крыма в 80-е гг. XVIII в.

Важное значение в утверждении власти на полуострове имело принятие присяги в верности российской императрице [Конкин 2020: 21]. В докладе рассматривается церемониал присяги, состав присягающих, показывается значение данного церемониала [РГВИА. Ф.52. Оп. 1. Ч. 1. Д.72]. Символическое утверждение российского господства над полуостровом нашло свое выражение и в изменении титулатуры российской императрицы [Храпунов 2006: 580]. 2 февраля 1784 г. вышел указ, в котором к полному титулу императрицы Екатерины II добавился ещё один «Царица Херсониса Таврического».

Стабилизации ситуации в крае должна была также служить интеграция Крыма в правовое и административное пространство империи. 11 июля 1784 г. было учреждено новое правительство — Таврическое областное правление, главой которого стал генерал-аншеф В. В. Каховский (В. В. Коховский). Наряду с русскими чиновниками в состав правительства чуть позднее вошли представители крымской татарской знати. 18 мая 1785 г. Мегметша-мурза Ширинский, Мегметша-мурза Аргинский, Аджи-Казы ага, Джаум-ага, Темир-ага и другие чиновники крымско-татарского происхождения принесли присягу на верность службе российской императрице [Прохоров 2017: 99]. Принесение присяги чиновниками-крымскими татарами была организована с учетом уже установившихся традиций государственной службы в России, что свидетельствовало о начавшейся административной интеграции Крыма.

В докладе рассматривается церемониальная сторона открытия присутственных мест в Таврической губернии 29 января 1787 г., благодарственное письмо Таврического общества, преподнесенного Г. А. Потемкину, а также состав и цель делегации от татар в Киев для информирования Екатерины II и приглашения ее в Крым [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 2. Л. 13–15 об.]. Подобные церемонии должны были приобщать элиту к имперской политической культуре, вытеснять традиционные местные обряды и менять сознание жителей, существующих ранее в совершенно ином культурном и политическом укладе.

В 1787 г. Екатерина II совершила путешествие в южную Россию, в ходе которого она имела возможность убедиться в больших успехах в деле освоения Новороссийского края и Крыма. Как известно, путешествия Екатерины II по стране имели важную роль в формировании ее имперской политики [Ибнеева 2009].

В докладе анализируется коммуникация российской императрицы с представителями татарских элит во время ее пребывания в Крыму в 1787 г., анализируются дары Екатерины II [РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 5]. Подобные церемониалы являлись средством универсализации имперского пространства.

В докладе показываются мероприятия Г. А. Потемкина в деле подготовки церемониалов встреч местного населения (в том числе и старейшин) с императрицей, «сцен» верноподданности и лояльности. Местные власти позаботились о том, в каком виде будут ей представлены татарские чиновники Крыма [Маркевич 1891: 38]. Распоряжения Г. А. Потемкина были направлены на демонстрацию высокой степени интеграции татарского населения в официальное бюрократическое пространство империи.

Пребывание в Крыму предполагало встречи коронованной особы с представителями татарской знати, что должно было способствовать большему взаимопониманию верховной власти с этой важной частью местного населения. В докладе анализируются встречи Екатерина с представителями дома Гиреев, с татарскими мурзами, а также монаршьи дары. [РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 15 об.].

Понимая влияние в Крыму мусульманского духовенства, российская государыня занимает по отношению к ним патерналистскую позицию: не раз она приглашала их представителей, а также отдельных лиц из числа татарской аристократии, к столу [Храповицкий 1787: 84]. В докладе рассматривается состав приглашенных представителей местных элит (светских и духовных), показывается символическое значение их привлечения к российской церемониальной трапезе.

Ритуалы путешествий Екатерины II иногда неожиданно позволяли менять «сценарий» коммуникации власти и местных татар. Так, часть татар обратилась к государыне с просьбами разрешить выселиться с полуострова [Письма императора Иосифа 1880: 363]. Императрица поручила Г. А. Потемкину разобраться с этими бумагами. В докладе реконструируется исторический контекст подачи данных прошений, анализируются следственные мероприятия Г. А. Потемкина, а также принятое решение по данному делу. [РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 2. Л. 31–33 об.].

Коммуникация российской власти с представителями крымских элит играли важную роль в становлении имперской идентичности. Участие представителей местных элит в государственных церемониалах являлось средством приобщения местной элиты к политической культуре Российского государства. Оно также рассматривалось элитами как свидетельство прочности их положения в социальной структуре империи. Таким образом, взаимодействие власти с представителями местных элит посредством государственных церемониалов явилось важным аспектом имперской политики Екатерины II: оно совершенствовало взаимоотношения верховной власти с ними, закладывало принцип сотрудничества с этой иерархически важной частью интегрируемых сообществ.

Библиография

Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб.: тип. В. Н. Майкова., 1865.

ИБНЕЕВА Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009.

КАСПЭ С. И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001.

КОНКИН Д. Ж. Формирование органов государственной власти в Крыму: административно-территориальные и институциональные изменения // Российская империя и Крым / Под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 19–56.

КУНДАКБАЕВА Ж. Б. «Знаком милости Е. И. В. ...»: Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО–XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005.

МАРКЕВИЧ А. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым. Симферополь, 1891.

Письма императора Иосифа к фельдмаршалу гр. Ласси во время путешествия в Херсон и в Крым в 1787 г. // Рус. архив. 1880. Кн. 1. С. 356–372.

ПРОХОРОВ Д. А. Участие крымских татар в работе государственных учреждений Таврической области и их роль в укреплении российского влияния в регионе // Проблемы интеграции Крыма в состав Российской империи, 1783–1825 / Под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 95–108.

РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 5.

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 2.

Храповицкий А. Журнал путешествия в полуденные страны. М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1787.

Храпунов Н. И. О древнем названии города: Херсонес Таврический или Херсонес в Таврике? // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. научн. тр. 2006. № 12. С. 571–584.

Rieber A. From the reform to empire. Russia's «new» political history // Kritika. 2001. Vol.1, № . 2. P. 261–268.

Иванов А. В.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Воробьев В. Е.

Русское географическое общество, г. Севастополь

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ Г. СЕВАСТОПОЛЯ. НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПРОЖЕКТ ПОТЕМКИНА-КОРСАКОВА

Ivanov A. V.

Vorobyov V. E.

FROM THE EARLY HISTORY OF THE CITY OF SEVASTOPOL. UNREALIZED CONSTRUCTION PROJECT OF POTEMKIN-KORSAKOV

«В замену всех наших забот и издержек назначаем Мы только удержание во владении нашем Ахть — Ярской гавани (...). Присоединение сея гавани поставляем Мы выше всякого сомнения или спора с чьей бы то стороны не было».

Екатерина II Императрица

и Самодержица Всероссийская¹.

Среди массива документов, связанных с деятельностью Инженерного управления РИА, хранящихся в фонде № 349 РГВИА, наше внимание привлек ранее не публиковавшийся документ «Карта Севастопольской пристани и ее окрестностей» (рис. 1)². Примечательно, что

¹ Из «секретнейшего» рескрипта Екатерины II к Екатеринославскому наместнику князю Г. А. Потемкину от 14.12. 1782 г. «О необходимости присоединить к России Крым при первом к тому поводе; в случае же мирного поведения Турции, ограничиться впредь до времени овладением Ахтиарской гаванью» // РИО. СПб. 1880. — Т. 27. с. 224.

² РГВИА. ф.349, оп. 37к № 3487.

представленный интереснейший картографический источник должного внимания исследователей не привлекал, ссылка на него присутствует только в работе В. И. Тимофеенко [Тимофеенко 1984:175], и тем более не рассматривался в контексте историографии вопросов, связанных с основанием г. Севастополя, в комплексе с цитируемыми в публикации документами.

О самом чертеже. Рукописная карта размерами 130 на 110 см в масштабе 200 саж. в дюйме и общепринятой ориентации по сторонам света, выполнен пером, в основном черной тушью на плотной бумаге, по периметру оклеен зеленой шелковой тесьмой, по сгибам имеются незначительные повреждения. Элементы рельефа переданы штриховкой разной плотности, абрис береговой черты подчеркнут тонкими параллельными линиями, повторяющими очертание берегов. Кварталы городской застройки, проектируемые береговые и морские форты, мол, абрисы стен городищ Херсонес и Инкерман, мосты и колодцы подцвечены красной тушью. Изображение заключено в декоративную рамку, оформленную дентикулами, название карты помещено в картуш, выполненный в виде стилизованной розы ветров. Экспликация отсутствует, вся текстовая информация присутствует непосредственно на плане. В правом нижнем углу присутствует подпись «полковник Корсаков» автора карты Н. И. Корсакова и автограф «князь Потемкин» Г. А. Потемкина, заверившего документ, выполненные темно-коричневыми чернилами.

Об обстоятельствах появления документа. Военно-стратегическое значение Ахтиарской гавани, где возник Севастополь, было осознано правительством России еще до официального присоединения Крыма. Однако топография формирующегося поселения складывалась в известной мере стихийно. Зимовавший в Ахтиарской гавани в 1782–83 гг. отряд кап. 1 ранга И. М. Одинцова использовал для стоянки акваторию Севастопольского рейда против совр. Сухарной бухты, а экипажи фрегатов разместились в строениях покинутой жителями деревни Ахтиар и временных казармах. Соответственно, в донесении на имя начальника Херсонского порта И. А. Ганнибала, Одинцов указал прилежащий к се-

лению район, обозначенный на прилагавшийся карте, составленной кап. лейт. Берсенывым, литерой F³, как наиболее предпочтительный «для строения казарм, офицерских покоев и магазинов» [Головачев 1872: 68].

Прибывший летом 1783 г. назначенный командующим флотом в адм. Ф. А. Клокачев счел предложение Одинцова неудачным по причине открытости акватории «большого залива» для ветров западных направлений и избрал для стоянки флота наибольшую из бухт на его южном берегу (совр. б. Южную). Соответственно, все служебные и жилые строения было предписано ставить в возможной близости к избранному месту стоянки эскадры, что и определило основы исторической топографии современного Севастополя. О планировке будущего города Ф. А. Клокачев высказал лишь самые общие суждения, исходя из естественной топографии бухт, ему представлялось желательным его разделение на военную и купеческую части [Веселаго 1895: с. 7].

Обстоятельства и характер первоочередных строительных работ под руководством начальника эскадры и *de facto* главного командира основанного порта Ф. Ф. Мекензи достаточно широко освещены в литературе [Головачев 1874: 73–96, Неделин 1954: 15–24, Скориков 1997: 15–18]. Примечательно, что данные о сопутствующих им топографических и землемерных работах, как, кстати, и формальных мероприятиях, сопутствующих закладке нового города, в опубликованных источниках отсутствуют. Я. Ф. Сухотин, сменивший Ф. А. Клокачева в должности командующего флотом, писал главе адмиралтейств — коллегии гр. И. Г. Чернышеву: «Мекензи пишет мне, что его светлость (Потемкин) произведенные им строения одобрил и похвалил. Но я о них донести вашему сиятельству ничего не имею и какое о том месте сделано положение ничего не знаю»⁴.

Как следует из переписки Ф. Ф. Мекензи, светлейший князь Г. А. Потемкин впервые посетил строящийся при Ахтиарской гавани порт уже

³ РГАВМФ ф. 846, оп. 16, № 23332 «Карта морская аккуратная специальная. Часть Черного моря от реки Бельбек до Херсонесского мыса берег положен со впадающими внутрь берега гаванями с описи капитан — лейтенанта Берсенева в 1783 г.», F — бывшая деревня Ахтыр, где имеются фруктовые деревья.

⁴ РГА ВМФ. Фонд 172, Описание 1, Ед. Хр.39 л. 31об.

летом 1783 г., его следующий, более обстоятельный, визит состоялся в июне 1784 г. «...я встречал Его Светлость в Севастополе изволил пробыть два дня осматривая береговое строение и расположение эскадры в великом удовольствии отсюда отбыл» [Головачев 1872: 77; Материалы... 1895: 28]. По итогам указанных поездок у Новороссийского генерал — губернатора сложились собственные представления о топографии и планировке формирующихся порта, крепости и городского поселения и регламентации работ, связанной с их строительством. К проектированию Г. А. Потемкин привлек инженер — полковника Н. И. Корсакова⁵, одного из наиболее квалифицированных и ответственных отечественных военных инженеров, пользовавшегося личным доверием светлейшего [Мурзакевич 1881: 327–328].

Разработанный Н. И. Корсаковым проект учитывал личные впечатления и пожелания самого Г. А. Потемкина, свидетельством чему его рапорт от 26 ноября 1784 г. «В Севастополе место под крепость наивыгоднейшее то, которое Ваша светлость сами в Вашу бытность назначить изволили. Оно прикосновенно к самому ходу в гавань, батарея или блокгаус на противной стороне пролива к нему всех ближе и оборонять с его можно Херсонскую гавань, которую Вы для купеческих судов определить изволили. Сие место можно защитить от бомбардирования и во внутренности оного иметь для перетембирования обветшалых кораблей доки, так как и все главные магазины, вода в оное, хотя чрез удаленное разстояние, однако привести можно, а сверх сего, я не теряю надежды, чтоб и не оставить оную в самых градских стенах чрез колодцы. Где старой Херсонес, тут может быть купеческой форштат, как для удобства выгрузки товаров, так довольствия в пресной воде»⁶.

⁵ Корсаков Николай Иванович (1749–1788) — инженер-полковник, кавалер орденов Св. Георгия и Св. Владимира. Строитель набережной р. Фонтанка в СПб., руководитель реконструкции Кинбурнской крепости, с 1784 г. руководитель строительства Херсонской крепости, автор первых проектов гг. Севастополя и Симферополя, участник российско-турецкой войны 1787–1791 гг., погиб в результате трагической случайности при осаде крепости Очаков, похоронен в Херсоне на некрополе собора Св. Екатерины.

⁶ Рапорт полковника Н. И. Корсакова 1 князю Г. А. Потемкину с отчетом об осмотре Севастополя, Феодосии, Керчи, Яникуле, Балаклавы и других мест

10 августа 1785 г. на основе подготовленных Н. И. Корсаковым документов Г. И. Потемкин представил пространный доклад на высочайшее имя, в котором он системно и весьма обстоятельно изложил и обосновал свои предложения относительно планируемого строительства [Всепопданейший ... 1894: 121–134]⁷. К докладу прилагалась смета работ, включавшая «Севастопольскую крепость со внутренним строением Адмиралтейством, морскими магазейнами, с каменною плотиною (mole) на глубине от 1 1/2 до 3 1/2 сажень, длиною 150 сажень, и с тремя отдельными замками» составила 4628474 руб. 37 ¼ коп., заверенная подписью Г. А. Потемкина, и уже 13 августа 1785 г. утвержденная соответствующим пунктом именного рескрипта ЕИВ⁸. 14 февраля 1786 г. Н. И. Корсаков представил план строительных работ, рассчитанный на десятилетний срок с началом работ в 1787 г. и «сдачей объекта» в 1796 г.,⁹ количество занятых на строительстве рабочих инженер оценил в 500 мастеровых и 3000 подсобных рабочих из воинского контингента.

К «Всепопданейшему докладу» прилагался «увеличенный всея крепости чертеж, на котором назначены все прилежащие горы и лощины с показанием высоты мест от морской поверхности»¹⁰, однако при публикации документа в 1894 г. в примечании было отмечено что «Чертежа этого при деле нет» [Всепопданнейший... 1894: 129]. Полагаем очевидным, что представленная в настоящем сообщении карта и есть «отсутствующий при деле чертеж». Основные его элементы во всей полноте согласуются с положениями доклада Г. А. Потемкина и плана работ Н. И. Корсакова.

Доклад Г. А. Потемкина начинается со сжатого физико-географического обзора Севастопольской бухты и окружающего ее ландшафта, упоминается о древнем Херсонесе «где надобно думать наш великий князь

Таврической области РГВИА.ф. 52. оп. 1. Ч. 1. Д. 160 (Ч. 2). Л. 160–162.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Д. 799 (Ч. 1). Л. 89–90 об.

⁸ «По поданным от вас планам назначены: Строительство крепости с Адмиралтейством и со всем нужным в полезным в Севастополе» ПСЗ, т. 22, № 16239. 11.

⁹ РГВИА. Ф. 52. оп. 1. Ч. 1. Д. 160 (Ч.3). Л. 57–58 об.

¹⁰ Абсолютные высотные отметки пунктов на плане отсутствуют, они приведены в тексте доклада.

Владимир принял святое крещение». Далее следует краткий, однако весьма информативный, экскурс в практические аспекты фортификации существующих приморских крепостей, и приводится подробная аргументация выбора места и основных параметров планируемого строительства.

Есть основание полагать, что при визите Г. А. Потемкина в Севастополь дискутировался вопрос о самих принципах обороны Севастопольского порта, учитывая огромную площадь подлежащей защите акватории и сложность прилежащего к порту рельефа. Г. А. Потемкин тактично не указывает имен своих оппонентов, отметив, что «многие почитали всякое долговременное от земли укрепление невозможным и предлагали только построение батарей для защищения его устья против морских неприятельских сил. Но его светлость высокоповелительный г-н. фельдмаршал и раз. орд. кавалер кн. Гр. Ал. Потемкин в 784 г. обозревая лично сие пристанище разрешил сомнение и назначил под крепость место на котором и проект оныя здесь прилагается».

Для строительства нового города была выбрана территория между Херсонесским (совр. бух. Карантинная) и Артиллерийским заливами. Единственным сооружением, существовавшим здесь к моменту составления плана, был не обозначенный на нем и уже пришедший в упадок редут, возведенный по инициативе А. В. Суворова в 1778 г. для контроля акватории совр. Карантинной бухты¹¹.

В публикации В. И. Тимофеевко присутствует утверждение, что при составлении плана «на пересеченный рельеф не обращалось внимания» [Тимофеевко 1983: 175], однако анализ связанных с картой документов, свидетельствует, что к данному вопросу авторы проекта отнеслись вполне ответственно «Сие место находясь при устье главного залива имеет довольно ровную поверхность (...) она имеет пологость и на низком ея берегу могут быть для строения корабельныя доки иля эллинги», «Улицы

¹¹ План Инкерманской гавани РГВИА ф. 846, оп. 16 № 2439. Укрепление отмечено литерой Д.; Генеральный план Севастополя с набережными батареями построенными от открытия работ в 1794 г. (...) сочинен (...) 1797 г. копия архив авт. Под литерой t «Старый развалившейся редут».

назначены таким образом чтобы в них крутизна мест сколько меньше была чувствительна», подробно рассмотрен вопрос о приспособлении к местности оборонительных сооружений, признается немаловажным, что господствующие над крепостью высоты удалены от ее верков далее чем на пушечный выстрел.

В целом проект укреплений опирается на положения «простой системы» Вобана, дополненные новациями инженеров Мезьерской школы, распространявшимися к кон. XVIII в. [Яковлев 1931: 62, 69]. В адресованном императрице тексте Г. А. Потемкин счел необходимым привести одиннадцать важнейших правил фортификации, отраженных в проектируемом комплексе укреплений. Наиболее принципиальными из них представляются два: «Укрепление располагать следует не сколько по образцу (*maniere*) какого ни будь писателя, а больше по свойству места, искусству и силе неприятеля против которого оно строится» и «Не ту крепость следует почитать регулярною у которой все углы и линии одного звания равны, но ту у которой все места подверженные неприятельскому нападению равносильны».

Площадь укрепленной территории оценивается приблизительно в 100 десятин [Тимофеевко 1984: 175]. Крепостной полигон включает четыре фронта ориентированных исходя из особенностей топографии и рельефа местности. Сомкнутые верки крепости составляют главную крепостную ограду бастионно-кремальерного начертания. В горжах пяти больших бастионов предполагались пороховые погреба. Периметр укреплений окружен рвом с рavelинами, прикрывающими куртины, и контргардами, расположенными против исходящих углов бастионов. Ров в свою очередь окружен широким гласисом тенального начертания с прикрытым путем, усиленным входящими плацдармами. Передовую позицию перед сухопутными фронтами крепости составляют десять люнетов, вынесенных к подножию гласиса. На южном, исходящем углу крепостного полигона «по хребту горы, что идет от крепости» планировалось устроить мощный редан с крыльями, с тем, чтобы отодвинуть исходные пункты возможных неприятельских осадных работ как можно дальше от крепостных верков.

Укрепления предполагалось снабдить необходимым числом казематов и капониров на фланках бастионов и прикрытом пути. Рассматривалось заблаговременное создание системы подземных коммуникаций и закладка минных горнов. Гарнизон предполагалось разместить в постройках прилежащих к крепостной ограде. Ворота пригодных для колесного транспорта планировалось только двое, одни «от юга по хребту горы», вторые «на западе к херсонесскому заливу», на чертеже присутствуют аппарели, ведущие к ним через гласис. В прочих местах, где рельеф был признан неподходящим для движения повозок, предполагалось устроить калитки для пешего сообщения с предпольем.

Для городской застройки внутри укреплений предлагался регулярный план с плотной сеткой мелких прямоугольных кварталов, образованных улицами, ориентированными ЮЗ — СВ и ЮВ — СЗ, наиболее значимые из них выделялись большей шириной. Композиционным центром города была принята круглая площадь, расположенная в его южной части, очевидно, здесь предполагалось разместить административный центр, к СЗ и СВ от нее проектировались две квадратные площади с церковными зданиями. СВ часть городской территории, прилежащую к совр. Александровскому мысу и одноименной бухте, занимает комплекс построек адмиралтейства и принадлежащая ему инфраструктура с наливными доками, снабженными камерами для шлюзования, цейхгаузами и военной пристанью.

Отдельно рассматривался вопрос о водоснабжении поселения. Основной объем воды, предназначенный для нужд гарнизона и обывателей, а также функционирования комплекса наливных доков представлялось возможным провести только из источников, расположенных в «невесьма близком расстоянии» по водоводу сечением 3 на 5 футов с дебетом в 150 тыс. куб. футов в сутки. Главное водохранилище, представляющее собой дугообразный в плане резервуар, располагалось к северу от круглой площади, дополнительные «водохранилища» планировалось устроить во рвах приморских куртин. Запас воды планировался в 6000 куб. саж. из расчета снабжения 20.000 человек на протяжении 3 месяцев. В качестве

вспомогательных источников водоснабжения рассматривались колодцы на городской территории, во всех обывательских домах планировалось устройство водосборных цистерн.

Особенно амбициозно выглядели планы обороны города с моря, помимо обращенного к морю бастионного фронта крепости планировалось возведение каменного мола длиной в 150 саж., идущего в направлении фарватера от совр. м. Александровского, с тем, чтобы радикально защитить гавань при адмиралтействе от ветров западных румбов. На оконечности мола предполагалось построить двухъярусную казематированную батарею (замок). Аналогичное сооружение планировалось возвести на противоположном северном мысу (совр. м. Константиновский), «замки будут защищать себя взаимно и оборонять пристань перекрестными выстрелами». Ширина оставшегося прохода предполагалась в 300 саж. и позволяла надежно контролировать его артиллерией. К западу от входа на рейд «на случившихся в море при крепости мелких местах» проектировались два форта на насыпных основаниях, «один из них будет защищать Херсонский залив, и оба служат к тому, чтобы не допустить близко судов бомбардирских»¹². Глубины, на которых предстояло вести гидротехнические работы, оценивались от 1 до 3,5 сажений. При корне мола предполагалось построить маяк (фарос): «Место для светильника назначается при плотине на скале ближайшего к крепости мыса»¹³.

Результаты трудов предпринятых в 1783–85 гг. Ф. Ф. Мекензи и его подчиненными отражены на рассматриваемом плане как «нынешнее жилище морских чинов», включавшее застройку, складывающуюся вдоль Балаклавской дороги (позже ул. Екатерининской), строения, относящиеся

¹² В рассматриваемый период определенный опыт подобных инженерных работ имелся только на Балтике, применительно к Кронштадтской крепости, однако каменные казематированные форты на насыпных основаниях появились там значительно позже.

¹³ В тексте «Всеподданнейшего доклада» приводятся размеры крупнейшего на тот момент в Европе Кордуанского маяка (Франция, деп. Жиронда) построенного на рубеже XVI–XVII вв., причем в его сравнении с легендарным Александрийским Фаросом, складывается впечатление, что светлейший желал бы видеть в Севастополе исключительно эффектное строение, размеры круглого основания маячной башни на плане сопоставимы с площадью проектируемых морских фортов.

к адмиралтейству, отдельно стоящую усадьбу самого начальника эскадры и госпитальные постройки в верховье совр. Корабельной бухты. Похоже, что особого значения в дальнейшем развитии города авторы им не предавали, при этом Г. А. Потемкин вполне осознавал перспективы роста городского поселения, и в принципе не возражал против освоения территории вне пределов проектируемой цитадели: «Матросы на корабли распределенные могут иметь собственные жилища при берегах главного и меньших заливов, дабы они во всякое время были в близости от судов своих». «В случае надобности корабельное строительство производиться может не токмо в крепости но и в разных местах при главном и меньших заливах, ибо как выше сказано, находятся пологие и способные для эллингов берега».

Севастопольские бухты при основании города не имели устоявшихся названий, традиция использования существовавшей ранее топонимики была прервана [Иванов 2020: 111–115]. Есть основания полагать, что была предпринята не слишком настойчивая попытка директивно ввести некую номенклатуру их названий, на карте фигурируют Хотинский залив (совр. Килен-бухта), Госпитальный залив (б. Корабельная), Большой залив (б. Южная) и Херсонесский залив (б. Карантинная). Впрочем, уже к середине 90-гг. XVIII в. картографические источники фиксируют в основном сформировавшуюся топонимию, сохраняющуюся в употреблении до настоящего времени.

В границах охваченной картой территории зафиксирован ряд существовавших на тот момент поселений — неназванная деревня на правом берегу в нижнем течении р. Бельбек¹⁴, расположенная южнее на берегу моря дер. Кучкуй (Уч-Кую), дер. Ахтиар на исторически соответствующем ей месте. Западнее ее в районе современной бухты Голландия обозначен хутор без названия¹⁵. Лагеря русских войск отмечены в Инкермане к Северу от крепости и к Ю-В от устья р. Бельбек.

¹⁴ Дер. Тамак, обозначенная на карте подп. Патрушева РГВИА ф.84, оп.16, д. 23569, по данным бар. Игельстрома — Бельбек-Тамак.

¹⁵ Очевидно, дача Ф. Ф. Маккензи появившаяся едва ли не одновременно с первыми строениями города [Арцимович 1855: 135], еще до пожалования ему угодий в р-не. Инкермана.

Периметр укреплений крепости Инкерман отображен вполне реалистично, показаны все шесть ее башен, плотная внутрикрепостная застройка представлена одиннадцатью небольшими кварталами. К СВ от укрепления отмечены строения верхнего форштадта, вдоль подножия Монастырской скалы и в устье балки Гайтани, показаны многочисленные постройки еще населенного нижнего форштадта Инкермана. Река Черная (на карте р. Кирман) изображена впадающей в акваторию бухты двумя рукавами, на каждом из них отмечены мосты.

Два поселения отмечены в верховьях совр. Килен-балки и расположенного западнее Докового оврага, одно из них поименовано как «Старое греческое селение». На более ранней карте подп. А. Патрушева они зафиксированы в качестве хуторов, очевидно, что указанные поселения существовали до присоединения региона к Российской Империи, однако в османских фискальных документах данные о них отсутствуют, а исторические названия не известны¹⁶.

В качестве основных сухопутных коммуникаций выделены: «дорога к реке Каче и в Козлов», пересекающая «речку Бельбек или Кабарту» по мосту, обозначенному в ее нижнем течении, спускающаяся в Бельбекскую долину «дорога в Бахчисарай», «дорога из Балаклавы», ведущая в Инкерман и «дорога в Балаклаву», начинавшаяся от современных Южной и Карантинной бухт. Наряду с ними обозначена и местная дорожная сеть.

Отметим также присутствие на плане археологических объектов. В первую очередь это достаточно реалистично, хотя и без желательной детализировки, отображенное городище Херсонеса, обозначенное как «старый Херсонес», выделены наиболее значительные круглые башни крепостной ограды совр. № VIII (не сохр.) и № XVII (Зенона), в западной оборонительной линии отмечены два воротных проезда, внутри стен схематично обозначены следы городской застройки. Также представляется любопытным факт отображения на карте межевания хоры

¹⁶ В ведомостях бар. Игельстрома присутствует не локализованное поселение Тжедире — вероятно искаж. Джеузде — Отар, традиции севастопольского краеведения связывают топоним, с верховьями совр. Хомутовой балки.

античного Херсонеса, схематическими переданными изображениями наделов покрыты территории к ЮЗ от херсонесского городища¹⁷. Кроме наделов, на водоразделе между верховьями Стрелецкой и Карантинной балками отмечены развалины неких древних построек, очевидно усадебных комплексов.

Обстоятельства начавшейся Русско-Турецкой войны 1787–1791 гг. и последовавшая вскоре безвременная смерть обоих авторов проекта, лишила его каких-либо перспектив быть осуществленным. К сожалению, объем настоящего сообщения не позволяет оценить его сильные и слабые стороны. Отметим, что отдельные проектные предложения, в частности строительство казематированных фортов на входных мысах Севастопольского рейда были осуществлены ближе к середине XIX в., а строительство мола при входе на Севастопольский рейд уже фактически в наше время.

Библиография

АРЦИМОВИЧ А. А. Адмирал Дмитрий Николаевич Сенявин // Морской сборник. 1855. Т. 16, № 5. С. 113–171.

ВЕСЕЛАГО Ф. Ф. Материалы для истории русского флота. Документы Черноморского флота с 1783–1796 г. СПб., 1895. — Т. XV. 598 с.

Всеподданейший доклад кн. Потемкина 10 августа 1785 г. // Сборник военно-исторических материалов. СПб.— 1893. Вып. VI. С. 121–134.

ГОЛОВАЧЕВ В. Ф. История Севастополя, как русского порта. СПб. 1872, 264с.

ИВАНОВ А. В. Город Чурч и пролив Андал. Бухты Севастополя и Гераклеийский полуостров накануне присоединения Крыма к России историческая топография и топонимика // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со средиземноморским регионом и странами Востока:

¹⁷ Впервые факт размежевки Гераклеийского полуострова зафиксирован на упомянутом плане квартирмейстера подп. А. Патрушева выполненном между 1778–83 гг., однако, автор полагал их остатками застройки городских предместий, в экспликации к плану указано «Где опунктировано красною краскою значит белый камень также от развалин пространного форштадта под литерою О». Есть основания полагать, что на рассматриваемом чертеже Корсакова строительные остатки на хоре интерпретируются именно как следы землепользования — аналогичным образом выделены современные снятию плана возделанные территории в р-не. Инкермана и вдоль русла р. Бельбек.

Материалы IV международной научной конференции, Севастополь — Москва, 2020. С. 111–117.

МУРЗАКЕВИЧ Н. Н. Распоряжения князя Г. А. Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 г. // ЗООИД. Одесса 1881. Т. 12. С. 249–329.

НЕДЕЛИН А. И. Севастополь. Симферополь, 1954. 99с.

СКОРИКОВ Ю. А. Севастопольская крепость. СПб, 1997. 320с.

ТИМОФЕЕНКО В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. Киев. 1984. 219с.

ЯКОВЛЕВ В. В. История крепостей. М. 1931,— 312с.

Список сокращений

ЗООИД — Записки Одесского общества любителей истории и древностей.

ПСЗ — Полный свод законов Российской империи.

РИА — Российская Императорская армия

РИО — Русское историческое общество.

РГВА — Российский Государственный военно-исторический архив

РГДА — Российский Государственный архив древних актов

Калинина Т. М.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

КАРТА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ «КНИГИ ЧУДЕС» XI в. КАК ОТРАЖЕНИЕ МОРСКОЙ ПОЛИТИКИ ФАТИМИДОВ

Kalinina T.

A MAP OF THE MEDITERRANEAN SEA IN THE 11th CENTURY «BOOK OF CURIOSITY» AS A REFLECTION OF FATIMID MARITIME POLICY

В июне 2002 года Бодлеанская библиотека приобрела иллюстрированную рукопись конца XII — начала XIII века неизвестного арабского трактата «Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulaḥ al-'uḡūn» («Книга чудес наук и диковины виденного воочию»), составленного в первой половине XI века в Египте. В Интернете на сайте Бодлеанской библиотеки появилась электронная репродукция оригинального текста и его иллюстраций, которые можно было читать и просматривать при наведении курсора мыши на арабский текст и английский перевод. Эта трудная работа была выполнена исследователями Э. Сейвидж-Смит, Й. Рапопортом и другими [www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities] (март 2007)]. В 2017 г. сайт был закрыт по истечении срока действия. В 2014 г. трактат с арабским текстом, английским переводом, комментариями и иллюстрациями был опубликован теми же исследователями [An Eleventh Century 2014].

Автор трактата, работавший между 1020–1050 гг. в фатимидском Египте, не известен [Rapoport, Savage-Smith 2018: 18–19]. Труд состоит из книги I — О Небе и книги II — О Земле. В книгу II включены прямоугольная и круглая карты мира, а также карты отдельных регионов

и водных объектов. Среди них имеется десятая глава о «Западном море, оно же Сирийское море, его гавани, острова и якорные стоянки» (ал-Бахр ал-Гарби ва хуа аш-Шами ва маваних ва джаза'ир ва марасийух) [An Eleventh-Century 2014: 447].

Это — Средиземное море, которое прочие арабские географы именовали бахр ар-Рум или ар-Руми, т. е. морем Римлян (Византии). Возможно, Аноним изменил привычное название моря, желая продемонстрировать военно-морскую силу Фатимидов [Bramoullé 2017: 56].

Море представляет собой замкнутый симметричный овал темно-зеленого цвета, ориентированный на север. По берегам овала показана 121 якорная стоянка, гавани и порты; часто есть сведения о ветрах, арсеналах, вместимости для размещения кораблей. Внутри моря изображено 118 круглых островов одинакового размера, но Сицилия и Кипр выглядят как вытянутые треугольники.

Автор писал, что не считает нужным показывать очертания береговых линий в текущий момент, поскольку они постоянно меняются: часть бывает затоплена, становится непроходимой и необитаемой, часть, напротив, выходит из-под воды и бывает заселена [An Eleventh-Century 2014: 442]. Поэтому привычного извилистого изображения береговой линии нет, но при перечислении некоторых прибрежных пунктов стоит частица ила, т. е. «в сторону, в направлении», что указывает на их местоположение не на берегу Средиземного моря, а глубже, на материке. Названия сильно искажены, но некоторые удалось идентифицировать по схожим греческим наименованиям.

В левой части овала тонкой красной линией обозначен Гибралтарский пролив, Атлантический океан не показан. По часовой стрелке от Гибралтара имеется семь якорных стоянок на атлантическом побережье Марокко, пятая по счету — это Танжер. Выше к северу указаны прибрежные якорные стоянки Андалусии, Галисии, франков, славян, лангобардов. Славяне (сакалиба) указаны здесь почему-то между франками и лангобардами, хотя в другом фрагменте, в главе 16 «Об изображении проходов, т. е. бухт, а именно, заливов (ахвар) страны ар-Рум» славяне упоминаются как жители Пелопоннеса [An Eleventh-Century 2014: 485–487]. Далее вдоль берега

овала отмечен «халидж (залив или пролив) бурджан «с тридцатью стоянками для лодок бурджан». Бурджанами в большинстве случаев арабские географы именовали придунайских болгар, поэтому здесь может подразумеваться Черное море. Поскольку употреблен термин халидж, то может подразумеваться т. наз. Константинопольский пролив, который на карте Ибн Хаукала X в. отходит от моря Рума на север в Окружающий океан и заменяет Черное и Азовское моря, показывая общее представление Ибн Хаукала о связи Средиземного моря и Окружающего океана на севере [Калинина 2006: 151–159]. Зависимость от информации карт и текста книги Ибн Хаукала четко прослеживается у Анонима [Bramoullé 2017: 60–64; Rapoport, Savage-Smith 2018: P. 97; Cahlaoui 2018: P. 123–126].

Далее по северному, восточному и юго-восточному берегу овала следует подробный список византийских якорных стоянок, где иные соответствуют неопознанным городам и местностям, которые имеют определения — «маленькая гавань», «большая якорная стоянка», «арсенал», «вместимость флота или кораблей», «защищающий от всех ветров», и т.п. Похоже, что они были расположены вблизи или на берегах Эгейского моря или Дарданелл. Идентифицированы Сигеон, Сестос, Костеларе, Галлиполи, Кустан-Нинийя — «крепость, в которой есть башня и арсенал» — вероятно, Константинополь, Атенеус. Далее перечислены названия, слабо поддающиеся расшифровке, до военно-морской заставы Стробилос, после которой указано более тридцати якорных стоянок южного побережья Анатолии, включая главные византийские порты Анталию и Тарсос. Все названные или угаданные порты находились в это время под контролем Византии. Это самый подробный список византийских якорных стоянок вплоть до портоланов XIII в.

Аноним продолжает подробный перечень гаваней, крепостей и городов на юге и востоке овала; приведены 35 названий, от Латакии до сирийского и палестинского побережий, в том числе известные: крепость Антартус или Тартус на сирийском побережье, город (мадина) Триполи, защищающая от южного ветра, после пропуска нескольких названий — Бейрут, Сайда, которую автор охарактеризовал как «плохую» или «вредную», якорная стоянка Сур, т.е. Тур — «гавань в гавани, защищающая от всех

ветров», Искандарийа, «не оберегающая от ветров», Яффа, «закрывающая от ветра Борей», Аскалон «с проточной водой». Перечисление идет до крупного порта Искандарийи (Александрии), где находился арсенал. К западу от Александрии побережье Северной Африки представлено менее детально: гавань Барка, «на расстоянии в один день плавания от Александрии, где можно разместить 100 кораблей»; гавань Триполи в Ливии, якорная стоянка Махдийа «с воротами и цепью». Овал западного побережья Средиземного моря подходит к стоянке Тунис, где находился арсенал Ифрикийи. Далее перечислены несколько не поддающихся расшифровке названий; оканчивается описание упоминанием некоего пролива, который по положению и последовательности наименований является, вероятнее всего, Гибралтаром, хотя текст здесь не поддается прочтению.

Указания размера или вместимости гаваней предусмотрены для якорных стоянок и бухт на побережьях Анатолии и Северной Африки, но не для гаваней Египта и Сирии, которые находились под контролем Фатимидов. По-видимому, автор «Книги чудес» использовал некий военно-морской источник, демонстрируя интерес к возможной военной перспективе и подчеркивая желание и способность Фатимидов держать под контролем море [Bramoullé 2017: 65–66].

Помимо своеобразного описания берегов Средиземного моря, в «Книге чудес» есть отдельные главы и карты его островов, отдельно — описание Сицилии, цветная карта и описание Крита, а также подробный обзор и цветная карта бухт и гаваней Византии, на самом деле — Эгейского моря. Однако эти данные заслуживают отдельного исследования.

Итак, якорные стоянки и гавани Западной Европы и Византии занимают почти всю верхнюю половину овала, а мусульманские — нижнюю. От Латакии проходила граница между византийцами и фатимидами в первой половине одиннадцатого века, но карта никак не показывает эту политическую границу, несмотря на явную военно-морскую ориентацию интересов «Книги чудес», источником которых могли быть записи как командиров флота Фатимидов, так и моряков, и купцов. Не исключено, что отсутствие такой демаркационной линии между византийскими

и фатимидскими владениями могут быть связаны с увеличением торговли между Египтом и Византией в начале XI в. Мирные договоры предусматривали коммерческую свободу, в результате которой в Каире и Александрии появились византийские купцы, а в Константинополе – мусульманские [Rapoport 2009: 202–204].

Несмотря на присутствие военно-практической информации, по мнению некоторых исследователей, «Книга чудес» носит не научный, а литературный, развлекательный характер, поскольку включает в себя большие разделы о небе и звездах, о диковинках и чудесах, а также яркие разноцветные карты и иллюстрации [Rapoport 2011: 186].

Библиография

КАЛИНИНА Т. М. Константинопольский пролив по воззрениям арабских средневековых ученых (до ал-Идриси)//АДСВ 2016. Вып. 44: 137–162.

The Book of Curiosities: A Critical Edition / E. Savage-Smith, Y. Rapoport. Wide-Web publication: (www.bodley.ox.ac.uk/bookofcuriosities) (March 2007).

BRAMOULLÉ D. Représenter et décrire l'espace maritime dans le califat Fatimide. L'exemple des cartes de la Méditerranée et de l'océan Indien dans le Kitāb ġarā'ib al-funūn // Cartes & géomatique (Comité français de cartographie). 2017, № 234 (234). P. 55–68.

САХЛАОУИ Т. Creating the Mediterranean: Maps and the Islamic Imagination. Leiden; Boston, 2018.

An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The “Book of Curiosities”/ Ed. with an annotated translation by J. Rapoport., E. Savage-Smith. Leiden, Boston, 2014.

РАПОРОТ Y. The View from the South: Maps of the Book of Curiosities and the Commercial Revolution of the Eleventh Century// Histories of the Middle East: studies in Middle Eastern society, economy and law in honor of A. L. Udovitch. Leiden, Boston, 2011. P. 183–212.

РАПОРОТ Y., SAVAGE- SMITH E. Lost maps of the Caliphs: Drawings the World in Eleventh-Century Cairo. Chicago; London, 2018.

Список сокращений

АДСВ — Античная древность и средние века. Екатеринбург.

Карашайски К. М.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

«ЭТЕРИЯ СКИФОВ ИЗ ТАВРИКИ»: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Karashaisky K. M.

«ETHERIA OF THE SCYTHIANS FROM TAVRIKA»: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

С середины IX в. в военно-административной структуре Византийской империи происходят изменения, связанные с ростом значения института военного наёмничества. Данный процесс нашел отражение в материальных и письменных источниках нарративного и правового характера. Одним из свидетельств пребывания варваров в качестве гвардейского подразделения на императорской службе является упоминание в сочинении «Βασιλείαι» Иосифа Генесия «этерии скифов из Таврики» («τὸς ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἑταιρείαν Σκύθας») в связи с событиями переворота 856 г. По приказу императора Михаила III (842–867 гг.) «скифы»-этериоты убивают фаворита и фактического соправителя его матери, Феодоры, логофета дрома Феоктиста.

Разумеется, вопрос этнического происхождения данного контингента породил множество версий, относящих «скифов из Таврии» к росам, варангам, хазарам, крымским готам. Б. С. Бенедикз был склонен видеть в них варангов-северян (Northmen), отмечая, что скандинавы уже присутствовали на византийской службе в правление Феофила (829–842 гг.) и были известны, исходя из данных саги об Ингваре Путешественнике и пряди о Торвальде Кодранссоне, как хорошие воины [Benedikz 1969: 21]. По военной и придворной службе известен скандинав Ингер/Ингвар (Ἰνγυρός Μαρτινάκιος; ок. 814–870 гг.) [Кузенков 2003: 6].

П. Карлин-Хейтер отмечала, что эпизод убийства Феоктиста воином-этериотом присутствует во всех хрониках, связанных с традицией Продолжателя Феофана (и только в них), но лишь Генесий опосредованно указывает на этническое происхождение. Данный пассаж исследовательница считает позднейшим добавлением переписчика в XI в., когда на гвардейской службе уже находилась масса росов [Karlin-Hayter 1971: 236–237]. Однако, принимая во внимание тот факт, что и Генесий, и Продолжатель Феофана, работая при дворе Константина VII, судя по всему, черпали информацию из общих источников, следует предположить, что детали, включенные в сочинение Генесия, вполне могли быть купированы в «Жизнеописаниях византийских царей».

Хазар видела в генесиевых «скифах из Таврики» Э. Арвейлер [Ahrweiler 1971: 45]. Действительно, хазары (Χαζάροι) фигурируют во множестве конфликтов VIII–X вв. в качестве наёмников/союзников империи (например, участие в болгаро-византийской войне (894–896 гг.) в качестве гвардии императора Льва VI (886–912 гг.)); были представлены в дворцовых войсках и помещаются исследователями в состав либо Средней, либо Третьей (Малой) Этерии.

Данные «Эскуриальского тактикона» свидетельствуют о существовании четвертого корпуса — Этерии пехоты, возглавляемой этериархом пехоты (ὁ ἐταρειάρχης τῶν πεζῶν). Н. Икономидис предполагал, исходя из сообщения Генесия, что контингент этого подразделения составляли либо хазары, либо росы [Oikonomidès 1972: 271, 327–328]. Последние, якобы традиционно сражались в качестве пехоты, что соответствует концепции В. Г. Васильевского: «Русский служил пехотинцем, потому что это было выше и почетнее, то есть, это была русская пехотная гвардия» [Васильевский 1908: 202]. М. В. Бибиков также склонен характеризовать «скифов» Генесия и состав пехотной этерии как «наемных выходцев с территории Руси» [Бибиков 1976: 89]. Действительно, необходимо отметить, что наиболее близкие хронологически и стилистически источники упоминают о «скифах» напрямую в связи с народом росов: «набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое)» (Продолжатель

Феофана); «запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос» («Житие патриарха Игнатия») [Бибиков 2004: 58, 45]; «флот так называемых бореиских скифов» [Тактика Льва 2012: 305].

С другой точкой зрения выступил Х.-Ф. Байер, отождествив «скифов из Таврики» с крымскими готами, указывая, что нахождение контингента крымских готов на имперской военной службе характерно как для IX в., так и для более позднего времени. Исследователь указывал даже возможную численность отряда в период 856 г. — 2300 человек. Х.-Ф. Байер полагал, что росы в Византии должны отождествляться исключительно с именем варангов (Βάρανγοι). В то же время сам исследователь указывал на противоречия «готской» версии в связи с сообщениями Льва Диакона о «захвате Херсона тавроскифами» и отправке Калокира «к тавроскифам, которых обычно называет разговорный язык русами» [Байер 2001: 107–109]. Здесь следует отметить, что, во-первых, о каких-либо готских контингентах из Таврики в составе византийских войск за пределами полуострова и тем более дворцовой гвардии в IX–XI вв. неизвестно; а, во-вторых, византийская традиция разделяет этнонимы «росы» и «варанги», хотя опосредованно и указывая на их близость. Говоря об особом положении фемы, Херсона и его жителей, значительных, «дотационных» тратах казны на регион с середины IX в. С. Б. Сорочан намекает на их причину — возможность некой благодарности со стороны центрального правительства за участие воинов-этериотов в столичных политических акциях [Сорочан 2005: 1121]. Полагаем, что в данном тезисе можно усматривать отнесение контингента «скифов из Таврики» либо к крымским готам, либо к боевой единице, состоящей непосредственно из херсонитов, либо же к другим варварам-«скифам», дружественным/подчиненным феме. В то же время открытым является вопрос военных сил собственно Херсонской фемы в середине IX-начале X вв. [Науменко 2014: 492] и соответственно возможности предоставления ею отдельной этерии в Константинополь.

Отметим наиболее важные историографические аспекты вопроса: во-первых, военные контингенты «скифов»/«тавроскифов» на имперской службе

фигурируют не исключительно в сочинении Генесия, но практически во всех византийских письменных источниках, касающихся варваров-наёмников в IX–XII вв.; во-вторых, дискуссия, связанная с данной проблемой, помещает состав этерии в разные точки этнического спектра «византийского мира», определяя их в качестве росов, варангов, варанго-росов, славян, хазар, крымских готов и прочих варваров; и, в-третьих, на сегодняшний день в рамках полемики доминирует версия о росском, скандинавском и славяно-скандинавском, происхождении «этерии скифов из Таврики».

Библиография

AHRWEILER H. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe siècle // Bulletin d'information et de coordination de l'Association internationale des Études byzantines. T. 5. Athenes-Paris, 1971. P. 44–71.

BENEDIKZ B. S. The Evolution of the Varangian Regiment in the Byzantine Army // Byzantinische Zeitschrift. Vol. 62 (1). 1969. P. 20–24.

KARLIN-HAYTER P. Les Tauroscythes de Génésios // Byzantion. Vol. 40. 1970. P. 236–237.

OIKONOMIDÈS N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972. 403 p.

БАЙЕР Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001. 500 с.

БИБИКОВ М. В. Byzantinorossica: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. 736 с.

БИБИКОВ М. В. Новые данные Тактикона Иконоmidиса о Северном Причерноморье и русско-византийских отношениях // ДГ СССР. М., 1976. С. 87–89.

ВАСИЛЬЕВСКИЙ В. Г. Труды В. Г. Васильевского. Том 1. СПб., 1908. 403 с.

КУЗЕНКОВ П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГВЕ. М., 2003. С. 3–169.

ЛЕВ VI МУДРЫЙ. Тактика Льва. СПб., 2012. 368 с.

НАУМЕНКО В. Е. От фемы климатов к феме Херсон: особенности византийской военно-административной модели в Таврике в середине IX-начале X в. // ДГВЕ. М., 2016. С. 475–506.

СОРОЧАН С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.): очерки истории и культуры. Часть 2. Харьков, 2005. 1645 с.

Катасонова Е. Л.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

КРЫМСКАЯ (ЯЛТИНСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 г.: БЫЛА ЛИ НЕИЗБЕЖНОЙ СОВЕТСКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА?

Katasonova E. L.

CRIMEAN (YALTA) CONFERENCE IN 1945: WAS THE SOVIET-JAPANESE WAR INEVITABLE?

В этом году исполнилось 77 лет послевоенной системе международных отношений, закреплённой договорами и соглашениями Ялтинской и Потсдамской мирных конференций. Эта так называемая Ялтинско-Потсдамская система определила границы послевоенной Европы, создала формат послевоенного мироустройства, в основу которого были положены принципы и нормы международного права, направленные на то, чтобы исключить крупные войны и конфликты между государствами, ведущие к глобальной мировой катастрофе. Но, как с абсолютной наглядностью демонстрируют события последних месяцев, связанные с миротворческой миссией российских войск на Украине и реакцией стран Запада, миропорядок Ялты — Потсдама в большей части на сегодняшний день разрушен, на что все послевоенные годы направлялись всевозможные усилия западных государств.

Какие уроки мы можем извлечь из этого нашего прошлого, чтобы последовательными усилиями обеспечить России надёжную безопасность, защиту национальных интересов и достойное место в формирующемся многополярном мироустройстве? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте вновь вернёмся к важнейшим решениям Ялтинской конференции, которая состоялась в Крыму в феврале 1945 г. с участием глав великих

держав — СССР, США и Великобритании. И одно из наиболее значимых из них касалось подготовки к завершающему этапу Второй мировой войны — войне с Японией.

По сути дела в Ялте были разрушены надежды Германии и Японии на развал коалиции союзных держав, на что рассчитывал Гитлер и даже открыто заявлял об этом в своем ближайшем кругу. Хорошо понимая опасность подобных настроений, Ф. Рузвельт предпринимал решительные шаги по противодействию попыткам разрушить созданную в годы войны коалицию. Это нарушало расчеты не только немцев, но и японцев, с одной стороны, а, с другой, укрепляло доверие к американскому президенту со стороны И. В. Сталина, который, отдавая должное уважение У. Черчиллю как лидеру Великобритании, все-таки предпочитал решать главные вопросы с американским президентом.

При этом важно напомнить, что вопрос о вступлении СССР в войну с Японией возник еще задолго до августа 1945 г. А именно, 8 декабря 1941 г., на следующий день после нападения японского флота на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, президент США Ф. Рузвельт обратился к советскому правительству с просьбой выступить на стороне США. Однако И. В. Сталин в дипломатической форме ответил на это отказом, понимая, что это предложение чревато обострением советско-японских отношений и большой вероятностью начала советско-японской войны, что поставило бы СССР перед необходимостью вести борьбу на два фронта. Кстати говоря, этот ответ был сделан буквально три дня спустя после начала битвы под Москвой. При этом советский руководитель оставлял за собой право принятия такого решения в любое благоприятное по своему усмотрению время, но ставил его, в первую очередь, в зависимость от хода военных действий на советско-германском фронте.

Ф. Рузвельт тогда с должным пониманием отнесся к доводам советской стороны. И только после победы в Сталинградской битве вопрос об участии СССР в войне против Японии стал рассматриваться в практической плоскости. Впервые Сталин открыто заявил о готовности СССР начать военные действия против Японии на Тегеранской конференции 1943 г.,

при этом особо подчеркнув, что это станет реальным только после капитуляции Германии и при условии увеличения своих сил на Дальнем Востоке в 3 раза. «Тогда — общим фронтом против Японии» [История Японии 1999:466]. Черчилль в беседе со Сталиным 30 ноября 1943 г. назвал это решение историческим. Позже, в феврале 1945 г. детали и условия предстоящей военной операции были детально обсуждены руководителями США, Великобритании и СССР на Ялтинской конференции.

Суть ялтинских секретных договоренностей по этому вопросу сводилась к тому, что Москва практически подтвердила ранее высказанное Сталиным обещание присоединиться к войне на Тихом океане через два-три месяца после капитуляции Германии. Правда, на сей раз были четко обозначены условия нашего участия: возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и прилегающих к нему островов Курильской гряды, а также сохранение существующего статуса Монгольской Народной Республики, порта Порт-Артура и интернационализация порта Дайрен, совместная с Китаем эксплуатация Восточно-Китайской и Южно-Маньчжурской железных дорог и т. д. [История Японии 1999:467].

Союзники же тогда не формулировали открыто своих условий, но с большой долей очевидности можно утверждать, что помимо главной общей цели — скорейшего завершения Тихоокеанской войны, а вместе с ней и Второй мировой, США и Великобритания усматривали в совместных действиях с СССР против Японии свои особые геополитические планы. Прежде всего, Япония представляла в те годы прямую угрозу политическим и экономическим интересам США и Великобритании в Китае, а также в их многочисленных признанных и непризнанных колониях и сферах влияния в азиатском регионе. Для ликвидации этой опасности в условиях сложившейся расстановки сил в мире было вполне логичным использовать огромный международно-политический потенциал СССР. С другой же стороны, ни для кого не секрет, что на Западе в это время часть политических лидеров, обеспокоенных ростом авторитета СССР в мире и наращиванием его военного потенциала, считала целесообразным столкнуть в большой войне Советский Союз с Японией

с целью ослабить СССР. На действия Советского Союза делался расчет и в Китае, где японская экспансия приобретала все большие масштабы, и руководство Китая понимало, что остановить этот процесс может только прямое противостояние Японии со стороны СССР и других стран антигитлеровской коалиции и т. д.

Но все это, сложные геополитические комбинации, естественно, остались за скобками переговоров. На повестке дня у союзников стояло подписание итогового документа, который бы закрепил все основные договоренности стран в отношении Японии и побудил бы официальный Токио к скорейшей добровольной капитуляции, обозначив при этом ее основные условия, а также принципы послевоенных мирных преобразований в этой стране. Все эти моменты в дальнейшем были окончательно сформулированы в Потсдамской декларации, подписанной 26 июля 1945 г. США, Англией и Китаем. СССР же, несмотря на участие в конференции в Потсдаме советской делегации во главе с И. В. Сталиным, не был среди ее подписантов, так как в то время еще не находился в состоянии войны с этой страной. Такая расстановка сил во многом способствовало тому, что все основные руководящие инициативы по организации этой конференции исходили от американской стороны, начиная с подготовки проекта Потсдамской декларации, которой был составлен американцами еще до начала встречи.

Совершенно очевидно, что американцы, которые вплоть до Потсдамской конференции активно стремились вовлечь СССР в Тихоокеанскую войну, еще весной и летом 1945 г., на завершающем ее этапе с приходом к власти Г. Трумена стали предпринимать отчаянные попытки, чтобы добиться капитуляции этой страны еще до развертывания боевых действий советских войск.

В Белом доме прекрасно отдавали себе отчет в том, что после завершения Тихоокеанской, а вместе с ней и Второй мировой войны речь пойдет о послевоенном переустройстве мира. И здесь явно опасались, что русские в очередной раз перехватят у них инициативу по примеру Восточной Европы, правда, на сей раз в азиатском регионе. Вот почему

американцы кардинальным образом поменяли свою стратегию, стремясь отстранить СССР от участия в войне с Японией, а в дальнейшем исключить и права решающего голоса в формировании послевоенного порядка на Дальнем Востоке.

До сих пор можно услышать критику в сторону И. В. Сталина за то, что он, вступая в войну против Японии, якобы, руководствовался исключительно интересами союзников, и что это военное столкновение на тот момент было бы целесообразнее всего избежать, учитывая те огромные материальные и человеческие потери, которые незадолго до этого понесла наша страна в Великой Отечественной войне. Однако не следует забывать, что, вступая в войну с Японией, СССР во главу угла ставил свои национальные интересы, которые коротко можно сформулировать следующим образом:

способствовать скорейшему завершению Второй мировой войны;

обеспечить безопасность своих дальневосточных границ;

взять своеобразный реванш за поражение царской России в войне 1904–1905 гг. и вернуть потерянные тогда территории;

расширить территориальные завоевания и сферу своего политического и идеологического влияния на Востоке.

Что же касается наших союзников, то после достижения общей с СССР победы над Японией США и Великобритания поставили перед собой новые стратегические задачи, где нашей стране была уготовлена совершенно иная роль — основного соперника в уже маячившей на горизонте холодной войне. Вот почему сегодня часто пишут о том, что события августа 1945 г. во многом диктовались обозначившимся уже тогда противостоянием двух великих держав — СССР и США, оспаривающих лавры победителя во Второй мировой войне и главенствующую роль в политическом переустройстве мира. Именно в этом контексте следует рассматривать и непрекращающиеся споры среди историков, политологов и политиков разных стран по поводу вклада наших стран в разгром Японии. Одни уверяют, что капитуляция Японии была вызвана вступлением СССР в войну, остальные события — то есть использование

ядерного оружия Соединенными Штатами, существенной роли не сыграло. Другие же утверждают, что, наоборот, применение американцами ядерного оружия решило исход войны, а прочее было второстепенным. Задача современных российских историков — дать аргументированный ответ на этот вопрос, который уже давно перешел из области истории в область политики.

Библиография

История Японии. Москва, ИВ РАН, 1999 г.

Катюшин А. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

**«НЕЗАВИСИМОЕ»
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО —
ОБЪЕКТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
УСТРЕМЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ
И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЙ**

Katyushin A.

**“INDEPENDENT” CRIMEAN KHANATE
AS AN OBJECT OF FOREIGN POLITICAL ASPIRATIONS
OF THE RUSSIAN AND OTTOMAN EMPIRES**

Кючук-Кайнарджийский мирный договор, заключенный 10 (21) июля 1774 г. подтвердил, в числе прочих договоренностей, независимость татар и ногаев, находящихся «под самодержавной властью хана Чингисского поколения» и право Российской империи на приморские крепости Керчь, Еникале и Кинбурн. В трактате декларировалась суверенность крымского хана и обозначались границы его владений в Северном Причерноморье, Крыму и на Кубани. При этом сама «независимость» ханства фактически была объектом договоренностей между Российской империей и Оттоманской Портой, никакого согласования с родоплеменной татарской элитой не предусматривавшая. За султаном, как верховным калифом, договором признавалось право участия в духовных обрядах подданных мусульман крымского хана [Дружинина 1955: 278 сл., 350–351].

Турецкие власти не спешили публиковать для широкой общественности результаты невыгодного для них мира. В правящих кругах распространялись реваншистские настроения. После затянувшейся ратификации и утверждения договора султаном 13 января 1775 г. тайная борьба Порты

против положений Кючук-Кайнарджийского трактата продолжилась. Весной 1775 г. на крымский престол взошел Девлет-Гирей, ярый сторонник возврата прежних отношений ханства с Оттоманской Портой [Дружинина 1955: 316 сл.; Смирнов 1889: 153]. Русскому корпусу под непосредственным командованием А. А. Прозоровского удалось к весне 1777 г. вытеснить Девлет-Гирея с территории Крымского полуострова. Ханом стал прорусский ставленник Шагин-Гирей, присягу которому татарская знать принесла 21 апреля 1777 г. Крымское ханство вступило в заключительный период своего существования.

Новый хан с большой энергией приступил к преобразованиям в своём государстве. Поспешные дорогостоящие нововведения, усиливавшиеся поборы и явный деспотизм Шагин-Гирея вызывали раздражение в татарском обществе. Осенью 1777 г. в ханстве начался антиправительственный мятеж. Бунт вспыхнул 3 октября под Бахчисараем в недавно набранном Шагин-Гиреем татарском войске. Мятежники отправились через крымские степи к Перекопу, распространяя по деревням «всякие непристойные слухи как противу хана, так и всех чиновников». Очень скоро народные волнения широко распространились по полуострову [Дубровин 1885 Т. 1: 784–790; Смирнов 1889: 182]. Шагин-Гирею под защитой отрядов А. А. Прозоровского пришлось покинуть Бахчисарай. 17 октября при Салгирском ретраншементе состоялась первая крупная стычка с восставшими. Положение А. А. Прозоровского было незавидным: он признавался, что и представить себе не мог такого в здешнем народе возмущения, поэтому разместил провиантские склады на зиму по городам. Теперь они были в руках повстанцев. В воинских подразделениях был некомплект личного состава, кони изнурены [Дубровин 1885 Т. 1: 794–795; 808; 811 сл.]. Если в начале октября бунт был направлен против ханских чиновников и самого Шагин-Гирея, то уже к концу месяца повстанцы требовали вывода русской армии из Крыма [Дубровин 1885 Т. 1: 799]. Мятеж перерос в полноценные боевые действия. «Все до последнего татарина в Крыму взбунтовались, исключая хана и правительство и, выбравшись из своих деревень с именем, женами и детьми частью

в горы, а частью к Сивашу, скопились повсюду вооруженными толпами, и начали не только меня с собранным корпусом окружать, но и все отделённые ещё части...» Несмотря на значительные потери в стычках, татарские «толпы» упорно сражались с регулярными войсками [Дубровин 1885 Т. 1: 803, 821 сл.].

Бунт татарского общества против пророссийского хана, конечно же, поддерживали и разогревали османы [Смирнов 1889: 188 сл.], «устраняясь от пламени, непосредственно их пожирающего» — П. А. Румянцев с самого начала не сомневался, что это «работа турецкая» [Дубровин 1885 Т. 2: 18; ЧОИДР 1866 Кн I. Ч. II: 259].

В декабре 1777 г. в Крым из Очакова переправился Селим-Гирей, объявленный повстанцами ханом. К берегам Крыма подошла турецкая эскадра. Впрочем, к активному вмешательству в крымские события турки в этот раз так и не перешли. Османы в переписке с А. А. Прозоровским сообщили, что прибыли с целью наблюдения за действующим мирным трактатом и войны начинать не желают. В это время в правящих кругах Османской империи велись жаркие дискуссии по поводу будущей войны с Россией, однако финансовые возможности Порты явно не позволяли ввязываться в новый конфликт [Смирнов 1889: 190, 199 сл.]. На прибывших в Крым турецких кораблях со временем вообще воцарился голод. Несколько сот янычар, не выдержав тяжелых условий жизни в их экипажах, сбежали на берег и обратилось к Шагин-Гирею с прошением принять их в ханское подданство [Дубровин 1885 Т. 2: 407, 424].

Ещё в январе нового 1778 г. А. А. Прозоровский в своих рапортах Румянцеву продолжал сетовать, что и теперь татары, «теряя множество людей, скот, имение, жен и детей своих», продолжают сопротивляться [Дубровин 1885 Т. 2: 10]. Восстание, длившееся четыре месяца, было подавлено только в начале февраля 1778 г. [Дубровин 1885 Т. 2: 216].

Примечательный контраст представляет сложившаяся ситуация по сравнению с прежними действиями русской армии в Крыму в конце 1776 — первой четверти 1777 гг., когда удалось почти бескровно изгнать протурецкого хана. В то время военачальникам прямо предписывалось

удерживаться от кровопролития и заставляя подчиненных проявлять деликатность к местному населению под страхом суровых взысканий [Дубровин 1885 Т. 1: 210–211, 271–272]. Теперь же против открытого мятежа стали применять силу [Смирнов 1889: 194].

В сравнительно недавних работах историков распространено справедливо обоснованное мнение, что Российский двор сразу после Кючук-Кайнарджийского мира не имел последовательной стратегии, направленной именно на присоединение Крыма к России, как это считалось ранее. Несостоятельность «нейтрального» статуса крымского хана и провал екатерининской политики, направленной на поддержание «независимости» ханства, лишь со временем привели к этому решению [Орешкова 2008; Мальгин 2013; Храпунов 2021: 49–50].

Однако во время мятежа 1777–78 гг. в официальной российской переписке смутно проявляются уже поиски решений конкретных задач в контексте именно присоединения полуострова к империи [Дубровин Т. 1: 835; Дубровин 1885 Т. 2: 97]. Екатерина II, ещё не зная о подавлении восстания А. А. Прозоровским, в указе графу П. А. Румянцеву от 11 февраля 1778 г. рекомендовала отвести войска к Орской линии, забрав также с собой крымских христиан под защиту русского оружия (идея о переселении этих христиан в южные губернии России возникла, по-видимому, несколько позже) [Дубровин 1885 Т. 2: 221–225]. 2 июля 1778 г. императрица высказывается уже именно по поводу присоединения полуострова: «войска наши, находящиеся в Крыму и на Кубани, можете приблизить к нашим границам, оставя в последнем месте нужное число ради охранения наших границ... буде же турки оставленный Крым наполнят своими войсками, то тем самым подадут они нам случай стремительным изворотом... себя в Крыму... разбить и уничтожить. По даровании от Всевышнего такого успеха Крым и Очаков остаются в наших руках за долг, турками не выплаченный и в удовлетворение за... понесенные убытки, коих в несколько десятков годов весь Крым выплатить не в состоянии» [Дубровин 1885 Т. 2: 528].

Присоединение Крыма к России рассматривалось, по-видимому, в 1778 г. как альтернативный вариант в большой имперской стратегии на южных рубежах государства. При этом некоторое время поддерживался также и проект «независимого» ханства с Шагин-Гиреем во главе, несмотря на абсолютную непопулярность этого деятеля среди татар и ненависть к нему у османов. Успехи русской дипломатии в Стамбуле и заключение Айналы-Кавакской конвенции, подтвердившей, в основном, статьи Кючук-Кайнарджийского трактата, касавшиеся статуса Крымского ханства, отсрочили включение Таврического полуострова в число русских земель на несколько лет.

Библиография

ДРУЖИНИНА Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

ДУБРОВИН Н. Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. 1–2. СПб., 1885

МАЛЬГИН А. В. Присоединение Крыма к России в конце XVIII в. в свете мотивов имперской экспансии // История и современность. № 1. 2013. С. 45–68.

ОРЕШКОВА С. Ф. Крымское ханство в 70-е годы VIII в. // Вопросы истории. № 7. 2008. С. 121–127.

СМИРНОВ В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889.

ХРАПУНОВ Н. И. Размышления о необходимости присоединения Крыма к России в трудах отечественных и зарубежных авторов XVI–XVIII вв. // Ислам в России и Евразии (памяти Дмитрия Юрьевича Арапова). СПб., 2021. С. 28–51.

ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1866.

Кладченко О. В.

Южный научный центр, г. Ростов-на-Дону,

ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА СТЕПНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КРЫМА ЭПОХИ НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЯ КЕНЕГЕЗ ВОСТОЧНОЕ

Kladchenko O. V.

THE PLANNING STRUCTURE OF THE STEPPE SETTLEMENTS OF THE CRIMEA OF THE MODERN AGE ON THE EXAMPLE OF THE SETTLEMENT KENEGEZ VOSTOCHNOYE

Поселение Кенегез Восточное, исследованное в 2017 году, расположено в Ленинском районе республики Крым, рядом с селом Красногорка. Согласно письменным источникам, период существования татарского села Кенегез ограничивается 1784–1864 гг. — всего около 80 лет¹. Результаты раскопок подтверждают эти данные.

В ходе исследований поселения Кенегез Восточное было установлено, что это однослойный памятник с точечной усадебной застройкой. Усадьбы располагались вдоль склонов и отрогов балки и были хорошо видны в рельефе местности по невысоким пепельным всхолмлениям. Дворы

¹ Впервые село Кенегез упоминается в Камеральном Описании Крыма 1784 года, в соответствии с которым Кенекес входил в Арабатский кадылык Кефинского каймаканства. Впоследствии упоминание села встречается в связи с изменениями административного деления Крыма в результате его присоединения к России 8 (19) апреля 1783 года. Население деревни было небольшим, в ней числился 21 двор и 100 жителей. В 1817 году упоминается 13 дворов в деревне, в 1842 году — уже 5 дворов. К 1864 гг. поселение было окончательно покинуто вследствие массовой эмиграции Крымских татар в Турцию [Шарапа, 2018: 12–13].

располагались на расстоянии от 30 до 200 м друг от друга, между ними отсутствовали признаки культурного слоя. Это свидетельствует об обособленности жизни отдельных подворий, которые были бессистемно расположены на уплощенных и удобных для проживания участках между отрогами балки. Довольно сложной задачей является реконструкция жилого пространства поселения: из-за дефицита камня и дерева старые кладки разбирались для новых построек, сохранились только фрагментарные участки оснований стен. Такая ситуация типична для степных поселений Крыма эпохи Нового времени.

Два участка на раскопе с высокой степенью достоверности могут быть идентифицированы как отдельные подворья, кроме того, был обнаружен искусственный водоем, современный поселению.

Самый яркий комплекс (рис. 1) состоит из Г-образного дворика с навесом, включающего четыре постройки, и комплекса хозяйственных ям. Две конструкции прямоугольной формы располагались перпендикулярно друг другу. В пространстве между постройками располагались шесть столбовых ямок, которые поддерживали навес. На верхнем уровне зачистки этот объект был перекрыт слоем известкового раствора, перемешанного с мелким щебнем. Во внутренней части дворика прослежены постройки с очажками открытого типа в центре.

На территории усадьбы (постройка 4) располагались две печи, обложенные камнем (очаги 5, 8), дно и стенки которых сильно обожжены в результате долгосрочного использования. Возможно, находящиеся рядом ямы неправильной формы (очаги 1, 6, 7) с обожженными стенкам и дном служили для сбора золы и углей. Печи использовались для приготовления пищи и хозяйственных нужд.

Отдельно стоит отметить целую серию ям и небольших ровиков прямоугольной формы с ровными отвесными стенками и ровным дном, на которых фиксируются следы прокала толщиной до 0.02–0.03 м. Глубина их составляет около 0.25 м, в заполнении много древесных угольков, а на дне прослойка древесного угля толщиной до 0.02–0.03 м. Вероятно, они использовались по несколько раз для

запекания мяса на углях — способ известный из этнографии кочевых и полукочевых народов.

Наибольшая концентрация археологического материала отмечена в местах скопления хозяйственных ям, по которым возможно выделить отдельные подворья, где располагались жилые и хозяйственные постройки или, по крайней мере, осуществлялась хозяйственная деятельность. О том же свидетельствует и прослойка пепельного грунта, читающаяся в профилях над группами ям. Эта прослойка образована высыпанной на поверхность золой от камыша и рогоза, которыми в безлесной степи отапливались помещения вплоть до середины XX века. Часть пепла и мусора высыпали со склона в балку, где мощность слоя достигает 1.5 м.

С хозяйственной деятельностью связаны также ровики, как правило, вытянутые по линии север-юг, с уклоном в сторону балки. Можно предположить, что их использовали для отвода воды.

Объект, идентифицированный как искусственный водоем (рис. 2), расположен в южной части раскопа, на искусственно уплотненном участке у склона балки. На момент проведения археологических работ в русле балки было два современных искусственных водопоя для скота, которые пересохли только к началу августа, что помогает составить представление о сезонности функционирования исследованного искусственного водоема.

Водоем зафиксирован на глубине от 2.81 до 4.51 м и представляет собой каменную наброску в виде овального кольца. Размеры конструкции около 25.0 x 37.5 м. Ширина этой «вымостки» в разных частях конструкции варьируется от 4.1 м на западе до 5.9 м на юге. В северо-восточной, восточной и юго-восточной частях кольца камни практически отсутствуют. Крупные камни и плиты уложены более тщательно и плотно вдоль обреза склона существующей балки. Дно водоема с укрепленной береговой частью понижается на юго-восток, к руслу существующей балки. В весенние месяцы пруд подпитывался талыми водами, и мог достигать глубины до 1.2 м. В заполнении между камней фиксируются отдельные фрагменты керамики и кости животных. Аналогичные объекты, принадлежащие татарским деревням Биюк-Коджалар и Кармыш-Келечи XVIII–

XIX вв. (поселения Королево 3 и Фонтан 6), описаны А. В. Куликовым [Куликов и др., 2016: 109–113].

Планировка поселения Кенегез Восточное тождественна современным ему татарским поселениям Крыма и Таманского полуострова. Жилые подворья приспособлены для ведения автономного образа жизни, но присутствуют также крупные хозяйственные конструкции, требовавшие усилий значительной части населения для поддержания их в действующем состоянии.

Библиография

ШАРАПА А. В. Научный отчет об охранных археологических раскопках, проведенных на объекте культурного наследия поселении «Кенегез Восточное» в Ленинском районе Республики Крым в 2017 году. В девяти томах. Краснодар, 2018 г.

КУЛИКОВ А.В., СМЕКАЛОВ С. Л., ЯНИШЕВСКИЙ Б. Е., МОКРОБОРОДОВ В.В., ПЛЕХАНОВ Ю. В. Позднесредневековые земляные гидротехнические сооружения в Восточном Крыму. Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М., 2017, С. 108–119.

Иллюстрации к статье Аргун А. В. Типы черепиц из объектов Раннесредневековой Абхазии, проблема хронологии

<p>1. Конха Анакопийского храма. Конец VI в. н.э.</p> <p>2. Базилика Себастополиса. V в. н.э.</p>	<p>?; ?; 23; 1,5; 4,5; 44; 33; 30; 2,5; 4</p>	<p>Изготовлена лицевым способом, желобчатая поверхность, имеет слабовыраженное сужение, с внешней стороны борта прямоугольный вырез глубиной 0,3-0,5 мм.</p>	
<p>3. Отвал у Анакопийской цитадели.</p>		<p>Изготовлена лицевым способом. Имеет гребенчатый расчес на внешней стороне.</p>	
<p>4. У второй линии обороны Анакопии. Конец VI в. н.э.</p>		<p>Изготовлены тыльным способом, с поперечным валиком и без него. Вырез в узкой части борта снаружи подпрямоугольный.</p>	
<p>5. Храмовый комплекс Аилага абыку, с. Бамбора. X в. н.э.</p>	<p>? ? ? 3 6,5</p>	<p>Внешняя сторона покрыта гребенчатым расчесом, изготовлена лицевым способом¹</p>	
<p>6. Храм-крепость Монастырь (бассейн р. Мзымты) IX-X вв. н.э.</p>	<p>?: 30 ? 2,3 5</p>	<p>Изготовлена лицевым способом, на всем поле продольные гребенчатые расчесы. Без поперечного валика.</p>	

Рис.1. Типы раннесредневековой черепицы из объектов Абхазии и Сочи.

¹ Образец выполнен в той же технике, что и найденные в Анакопийской цитадели образцы с расчесом, сходство проявляется и в цвете. Однако присутствуют различия: образец из Бамборы имеет подрезки углов по длине с тыльной стороны.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Байбуртского А. М. О находке китайского селадона на поселении Мал-Муз в Юго-западном Крыму на поселении Мал-Муз в Юго-западном Крыму

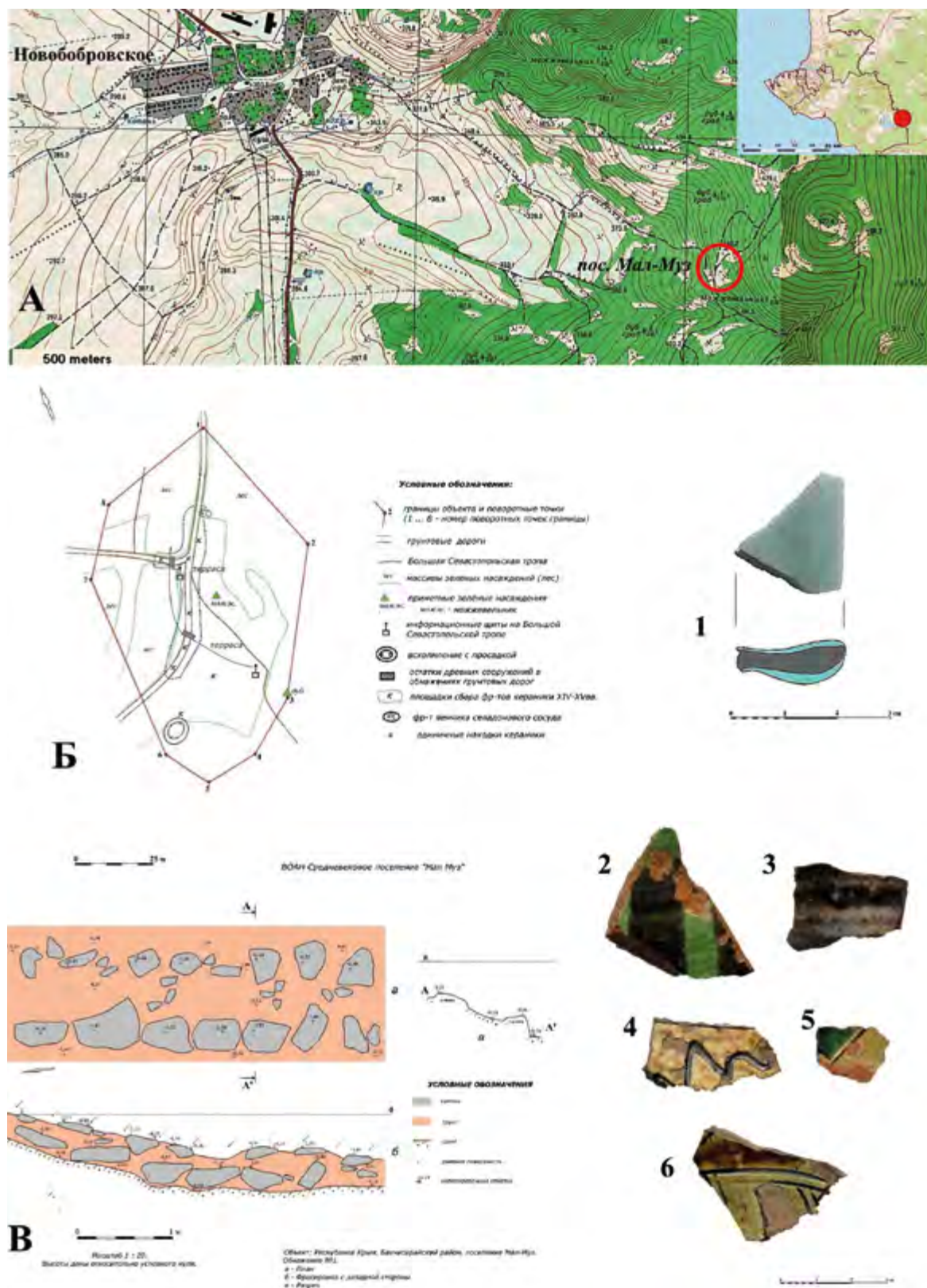

Рис. 1. Поселения Мал-Муз XIV–XV вв. А — ситуационный план местонахождения; Б — план-схема; В — кладка 1, план, фасировка, разрез; 1–6 — подъемный материал (поливная керамика).

Иллюстрации к статье Гинькут Н. В. Погребение девочки с подвеской-кораллом из раскопок консульской церкви гезуэзской крепости Чембало (XIV в.)

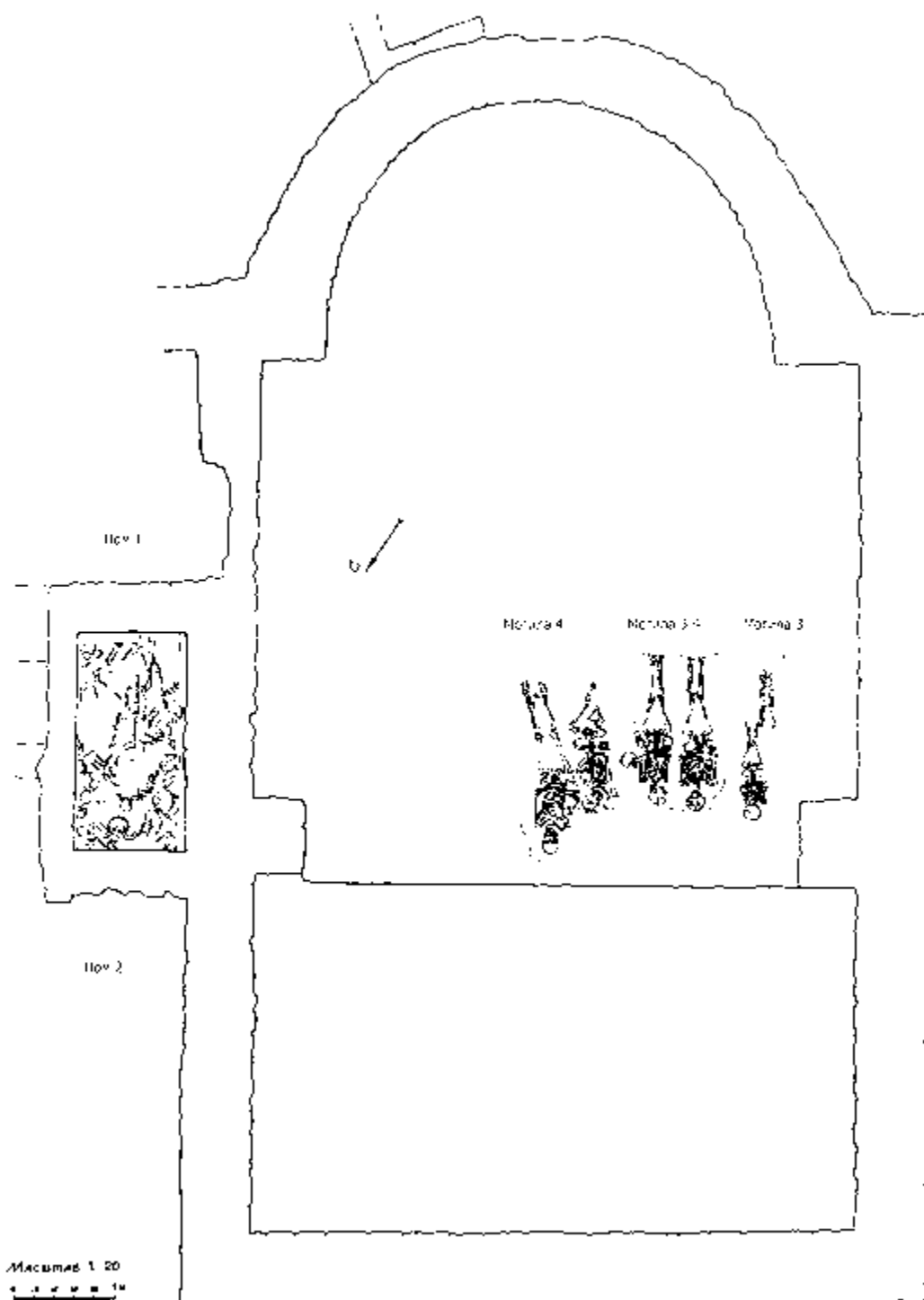

Рис. 1. Консульская церковь. Могилы 3, 4, 3-4. План. (По Алексеенко и др. 2005: рис. 5).

Рис. 2. Захоронения могилы 3, 1-2 ярусы. Погребальный инвентарь из могилы 3, 1 ярус (1-4 – раковины каури, 5-6 – пуговицы – подвески, 7-8 – серьги, 9 - коралл, 10-12- монеты).

Иллюстрации к статье Денисовой Е. А. К вопросу о технике земледелия в античных поселениях Северного Причерноморья

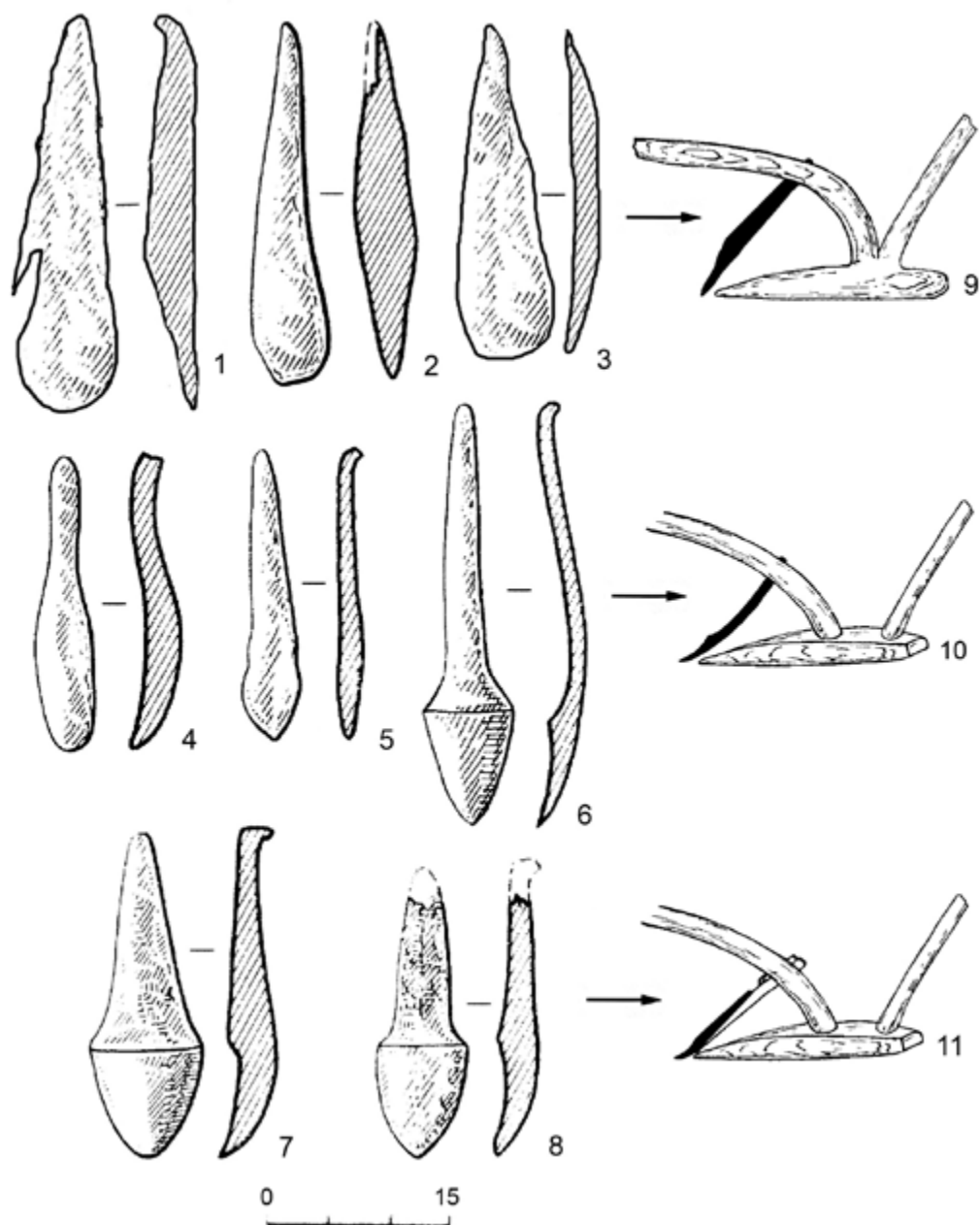

Рис. 1. Орудия для обработки почвы.

1–8 — Наральники из Боспора и Северо-Западного Крыма [по: Зинько 2007, рис. 83.1; Кругликова 1984, табл. LV.1,4–7,9; Латышева 2010, рис. 1.1]:

1 — Нимфей, IV в. до н.э.; 2 — пос. Панское I, III в. до н.э.; 3 — пос. Маслины, III в. до н.э.; 4 — городище Чайка, I в. до н.э.— I в.н.э.; 5, 6 — хут. Рассвет, I в. до н.э.— I в.н.э.; 7 — пос. Семеновка, III в.н.э.; 8 — хут. Батарейка I, IV в.

9–11 — Графические реконструкции однорукоятчных кривоградильных рал с дополнительным ральником.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Днепровского Н. В. Об одном литургическом устройстве Пещерного храма Трёх Всадников: Восточно-средиземноморский след

Рис. 1. Выборка в северо-восточной стене алтарной преграды храма «Трёх Всадников». Фото автора.

Рис. 2. Изображение креста в нише над выборкой в стене алтарной преграды храма «Трёх Всадников». Фото автора.

Иллюстрации к статье Дорощко В. В. Торговые контакты Херсонеса I–III вв. на примере поступления посуды и светильников из бронзы

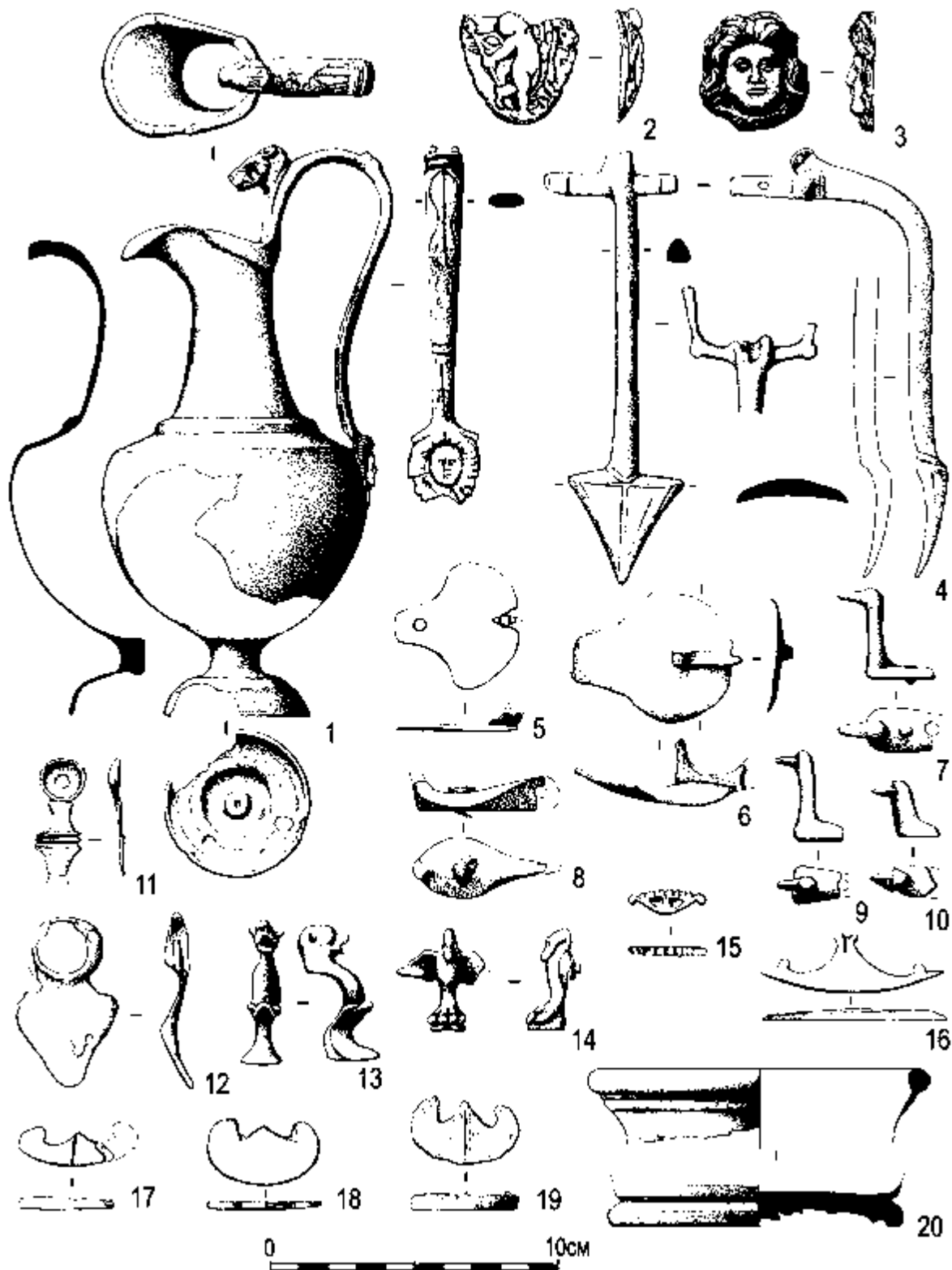

Рис. 1. Кувшин-ойнохоя и детали бронзовой посуды из раскопок Херсонеса Таврического.

Иллюстрации к статье Дорощко О. П. Кухонная кружальная посуда Западного Причерноморья I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического

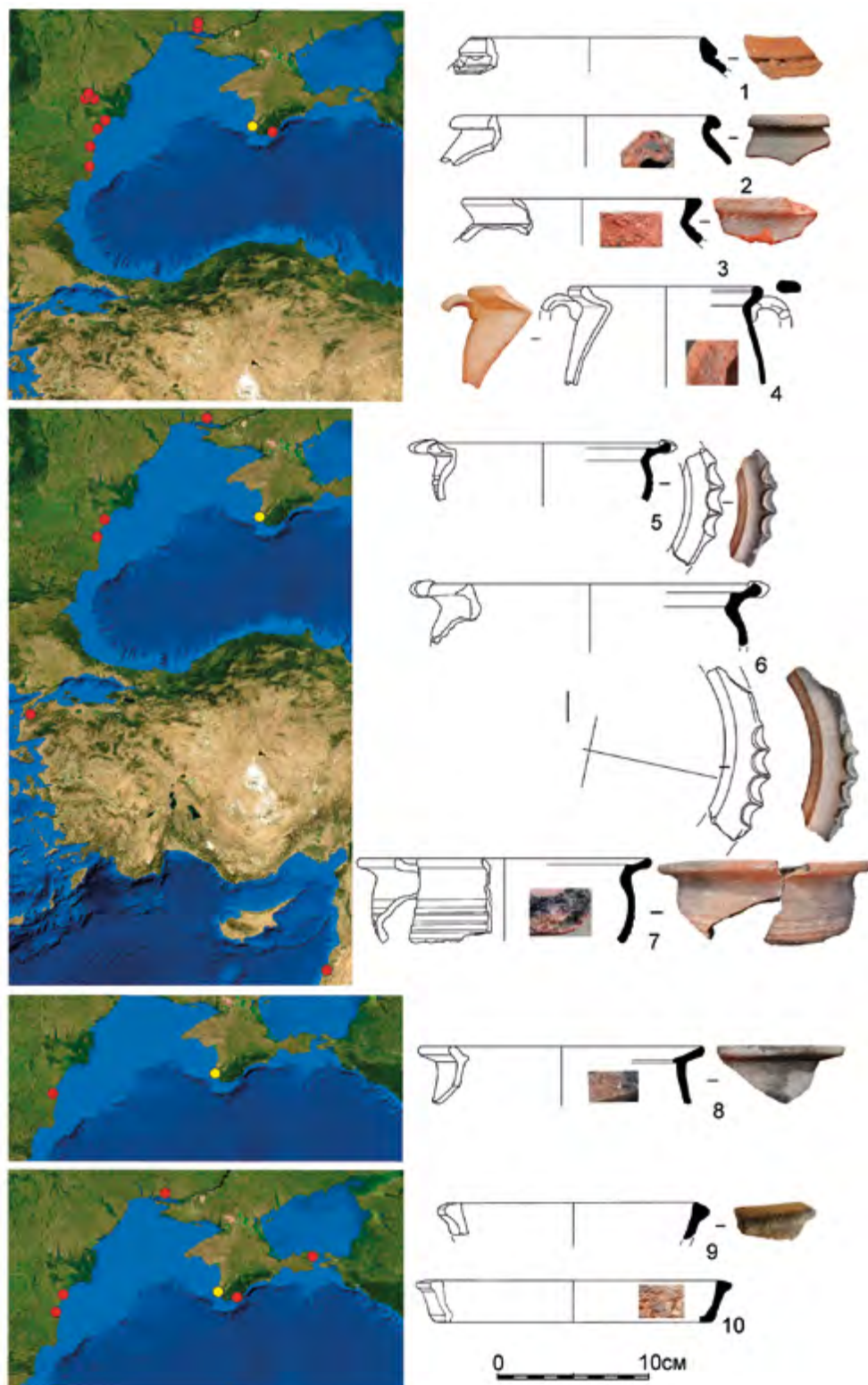

Рис. 1. Кухонная кружальная посуда Западного Причерноморья из раскопок Херсонеса Таврического и его окрugi.

**Иллюстрации к статье Ефремова Н. В., Колесникова А. Б.,
Болонкиной Е. В. "Новые" керамические клейма с территории
Боспорского царства**

1

2

3

4

5

6

7

8

Керамические клейма, обнаруженные в Крыму и хранящиеся в фондах
Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

1, 2 - Аинос, 3 - Родосская Перея, 4-5 - Милет, 6 - монета Милета,
7 - Памфилия, 8 - Карфаген.

Иллюстрации к статье Журавлева Д. В., Юневой Д. С.

О нескольких предметах из раскопок Ю. А. Кулаковского в Керчи в 1894 г.

Рис. 1. Терракотовая погремушка с изображением Эрота.

Рис. 2. Терракотовая статуэтка-марионетка

Рис. 3. Терракотовая шкатулка.

Иллюстрации к статье Зайцева Ю. П., Толмачевой Е. Г.

Археологический текстиль из погребения половецкого воина на перевале Аджилар в Крыму

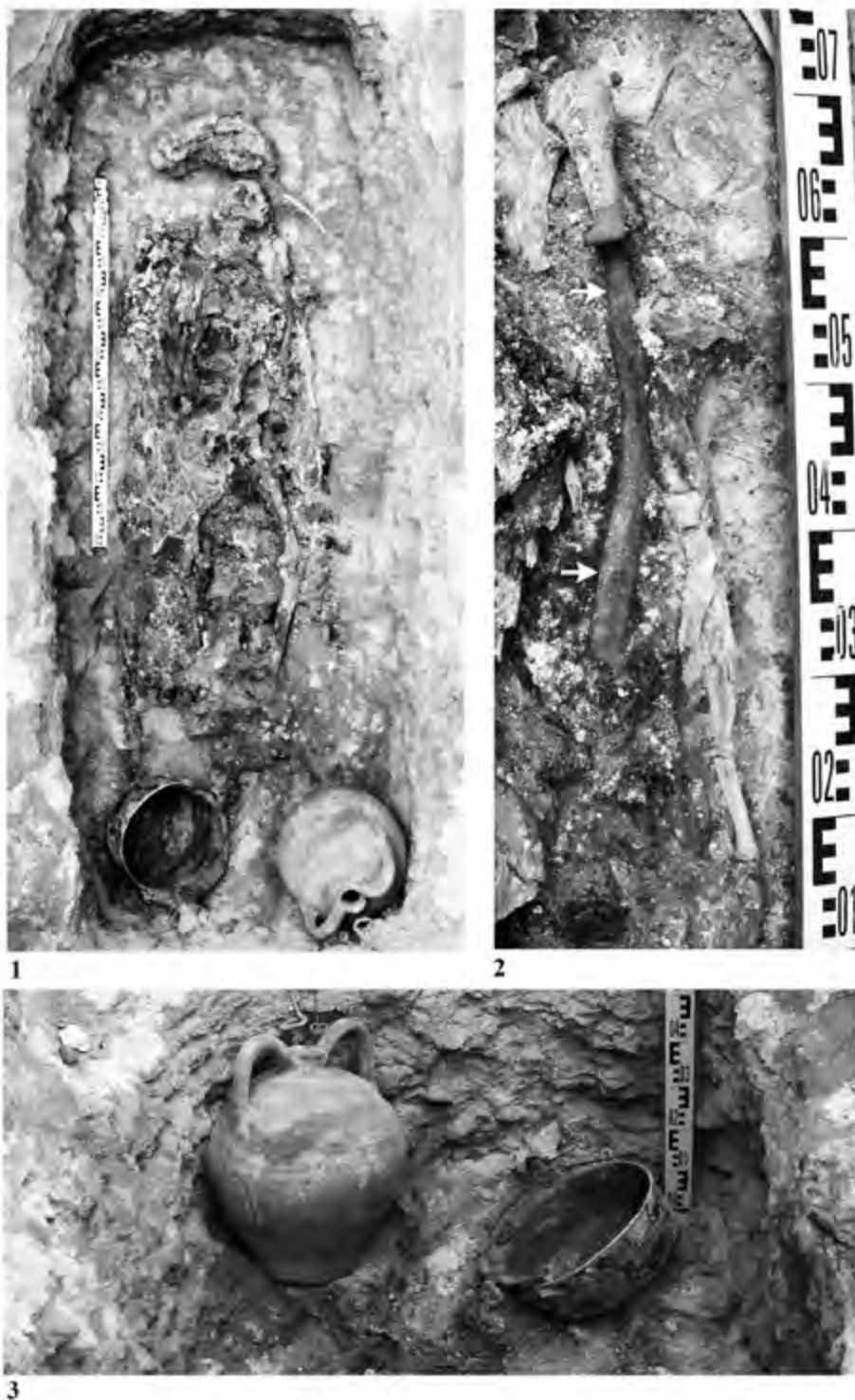

Рис. 1. 1.1. Фотоплан погребения. 1. 2. Деталь: текстильная лента вдоль левой руки. 1. 3. Деталь: амфора и бронзовый котелок.

Рис. 2 Общий вид предметов археологического текстиля из погребения.

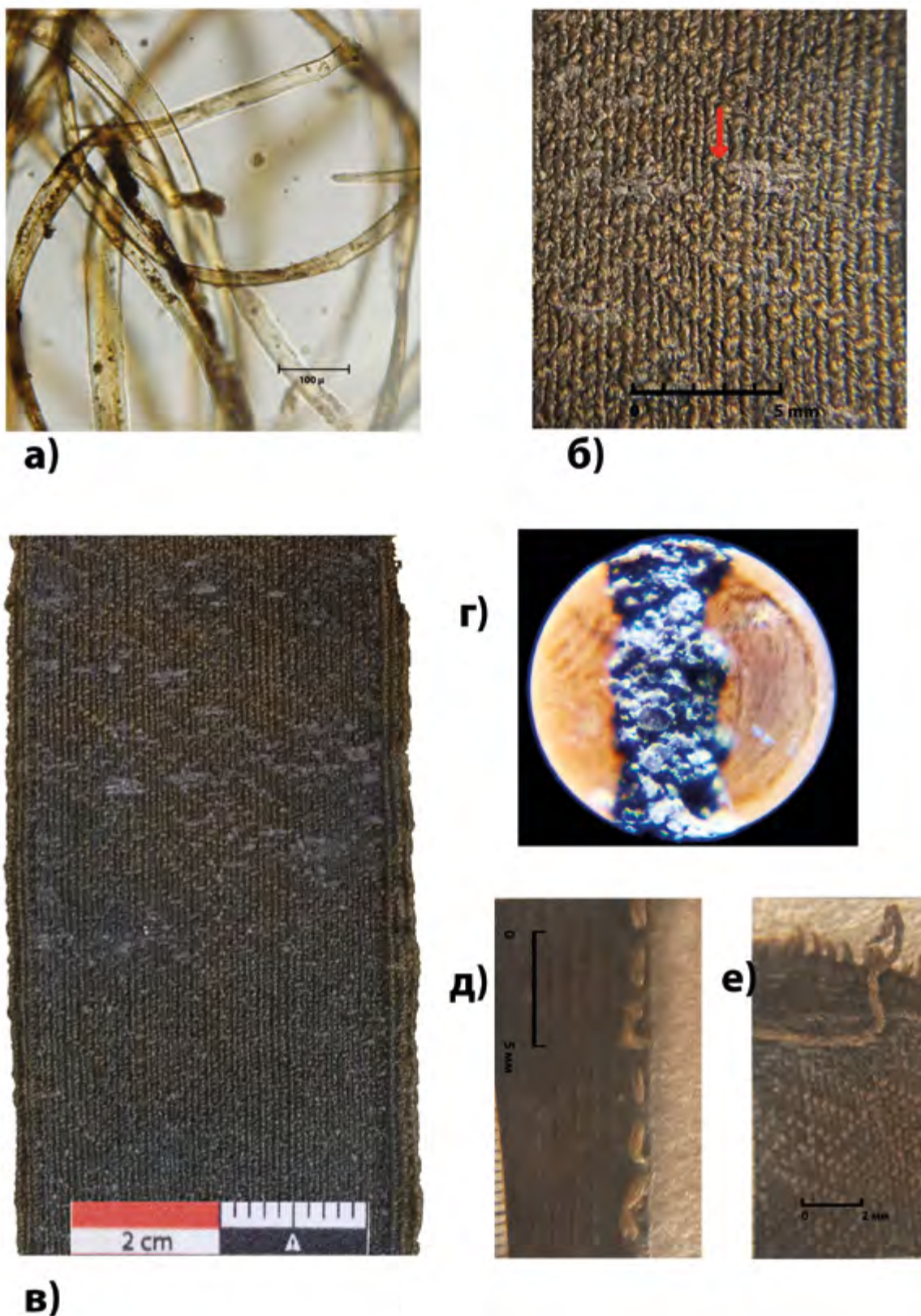

Рис. 3. Технологические характеристики лент. а) Волокна шелковой ленты под микроскопом, б) микрофотография ленты с обозначением (красная стрелка) фрагментов золотной нити, в) общий вид фрагмента ленты, г) фото золотной нити под микроскопом ($\times 250$), д) микрофотография остатков шва по боковой кромке ленты, е) микрофотография торца ленты 2.

Иллюстрации к статье Зайцева И. В., Чхаидзе В. Н. Две эпитафии из Национального музея Республики Адыгея

هو الباقي
لعلك كما اطار
في قول الله المنة
قر قبال للبحر الى
اور عقا قباله
رو و غفور
حبيب بن سلم
بجون الفاء
لا الله

0 10cm

موالتي
مسكوا على ابي صحرا جليل
ابجد م ال شرفي جليل
هب او فولدي باهر صرا جليل
مروم و مغفول حرمه ربه الغفور
عابره زاده دشنوقه
رو چون الفاتحه
ده ۲۲۷

0 10cm

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Зедгенидзе А. А. Херсонес Таврический: система полиса в конце V–IV вв. до н.э.

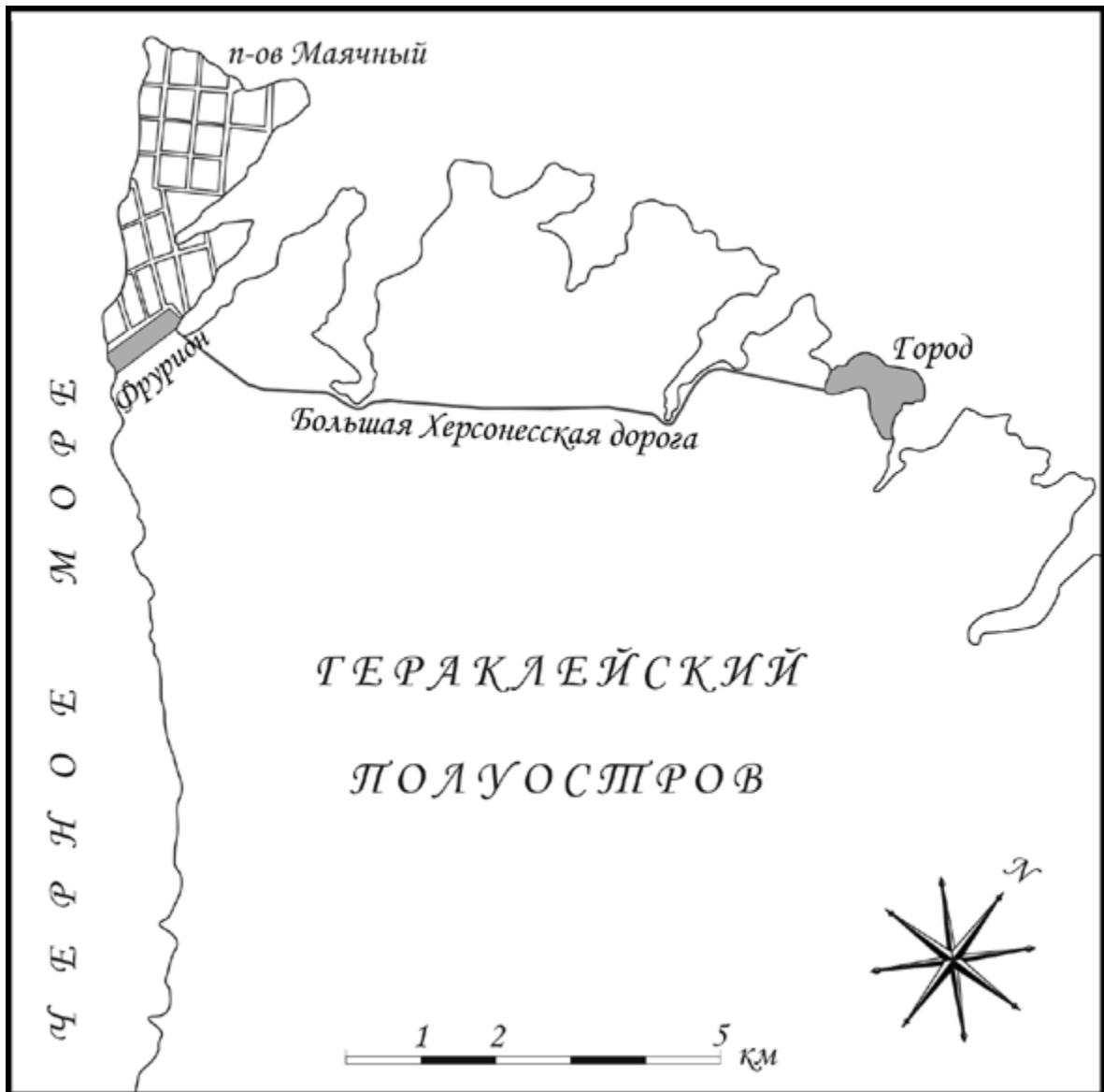

Рис. 1: Схематический план Херсонесского полиса в начальный период.

Иллюстрации к статье Зинько А. В., Зинько В. Н. Тиритака — древний город-порт на Боспоре Киммерийском

Рис.1. Городище Тиритака с прилегающей частью морского побережья. Фото 2018 г.

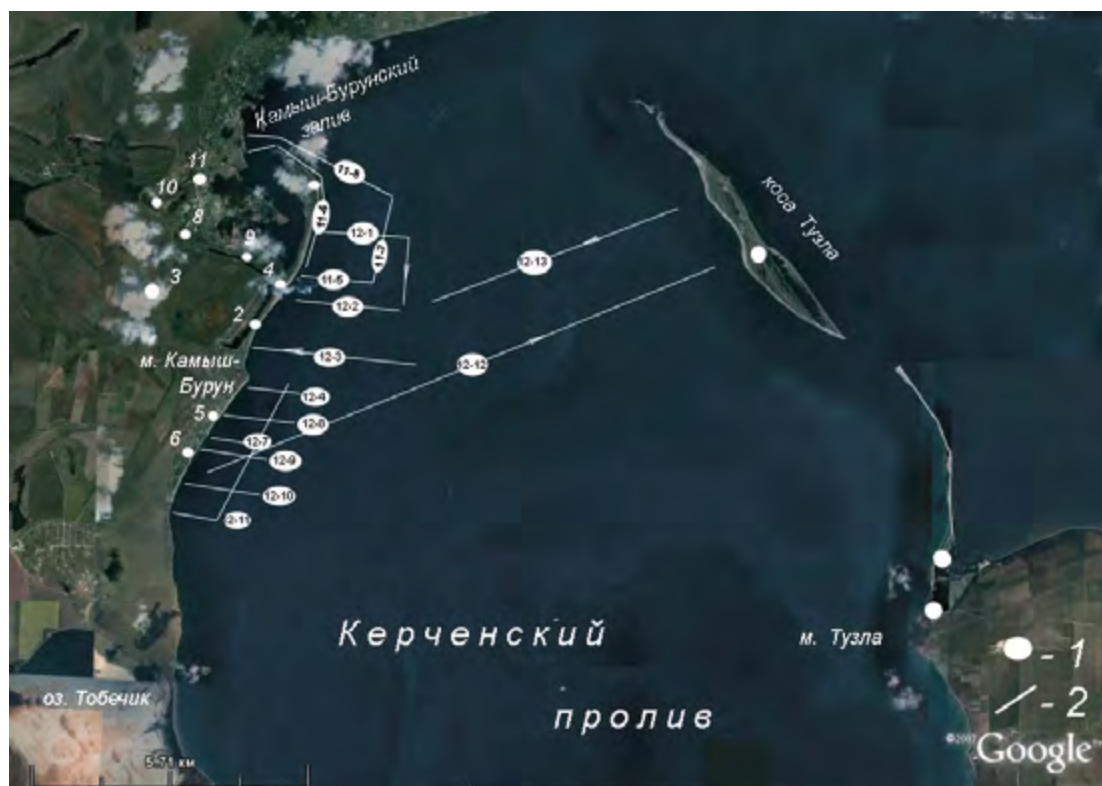

Рис. 2. Расположение буровых скважин и сейсмоакустических разрезов.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Иванова А. В., Воробьева В. Е. Из ранней истории г. Севастополя. Нереализованный строительный прожект Потемкина-Корсакова

Рис. 1 Фрагмент «Карты Севастопольской пристани и ее окрестностей» Корсакова-Потемкина.

Иллюстрации к статье Калининой Т. М. Карта Средиземного моря Книги чудес XI в. как отражение морской политики Фатимидов

Рис. 1: <http://bibliodyssey.blogspot.com/2007/04/book-of-curiosities.html> (April 06, 2007).

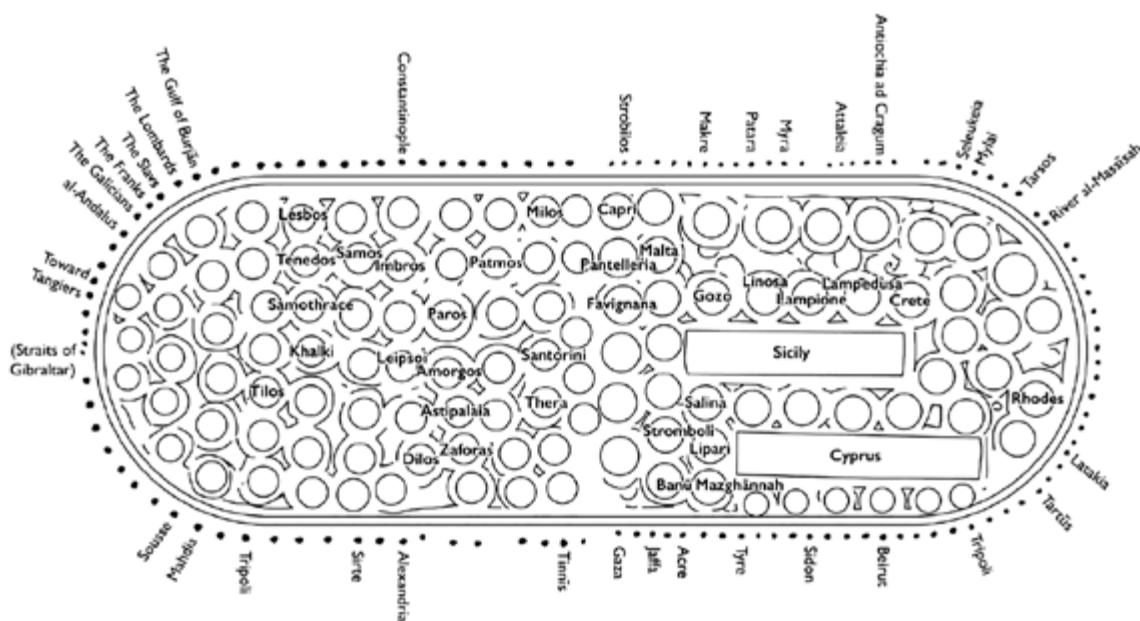

Рис. 2: Raporot, Savage-Smith 2014: 184.

Иллюстрации к статье Кладченко О. В. Планировочная структура степных поселений Крыма эпохи Нового времени на примере поселения Кенегез Восточное.

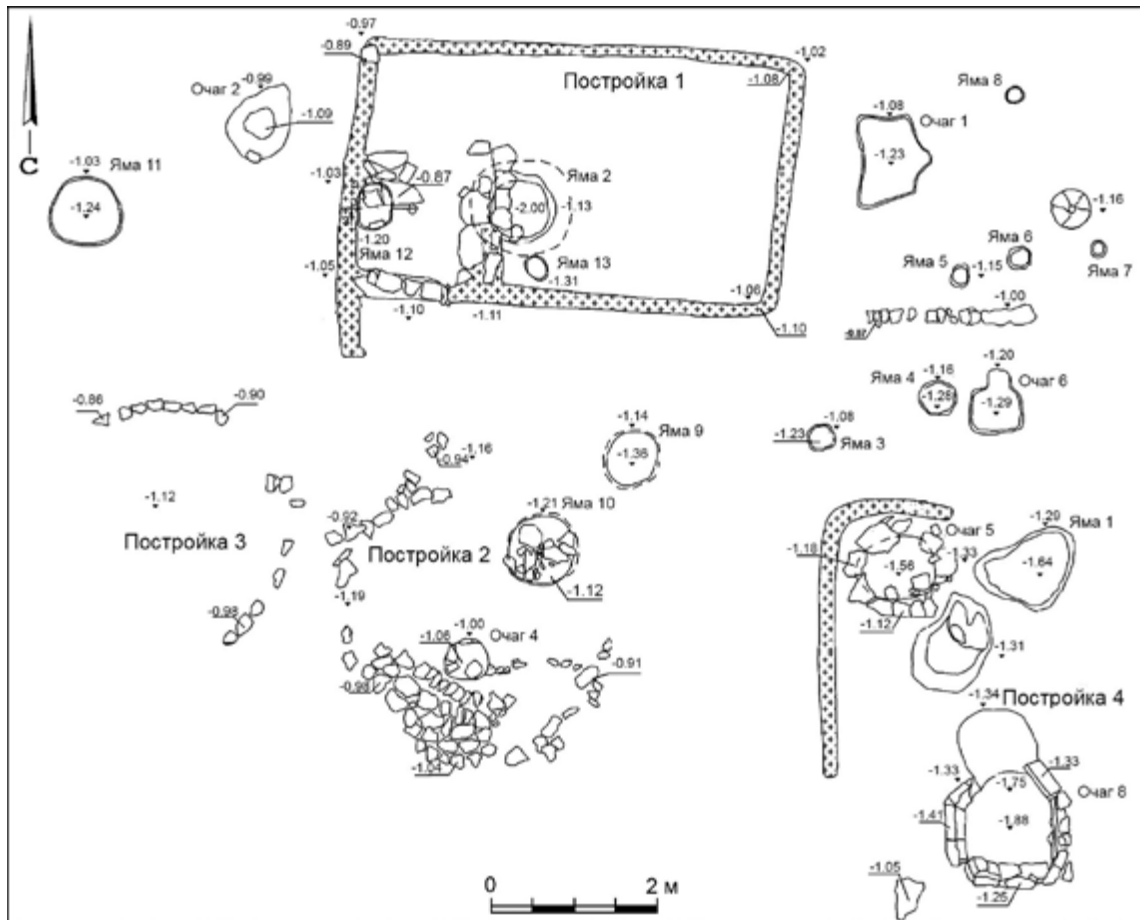

Рис. 1. Поселение Кенегез Восточное. Комплекс из четырех построек, план.

Иллюстрации к статье Коваль В. Ю. Новые данные об испанском керамическом импорте в Крыму

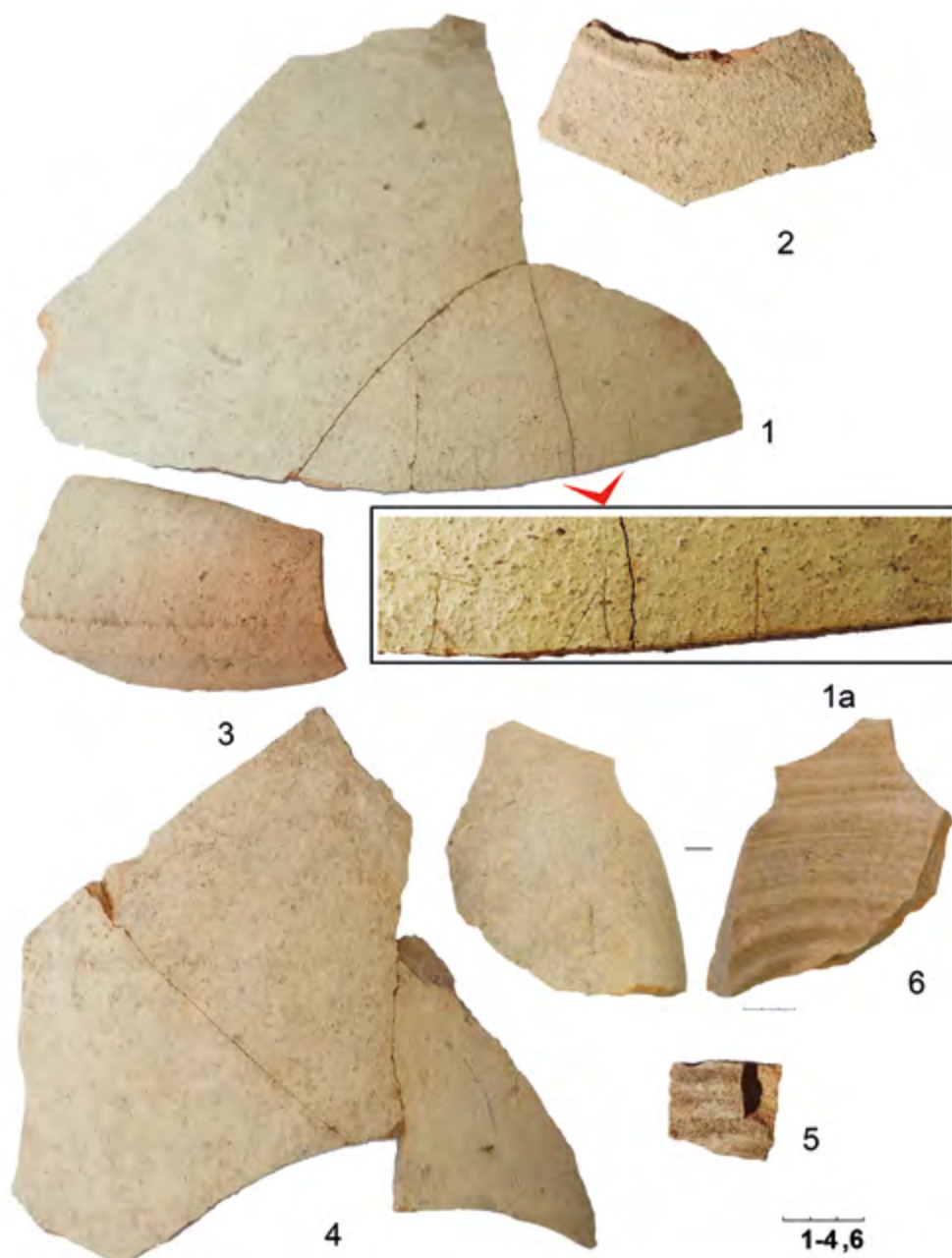

Рис. 1. Обломки пифосов и амфоры из раскопок поселения Жемчужина-1.

Рис. 2. Пифосы типа «Santa Maria Descubierta VII» из Испании (1), поселения Жемчужина-1 (2) и акватории Каффы (3).

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

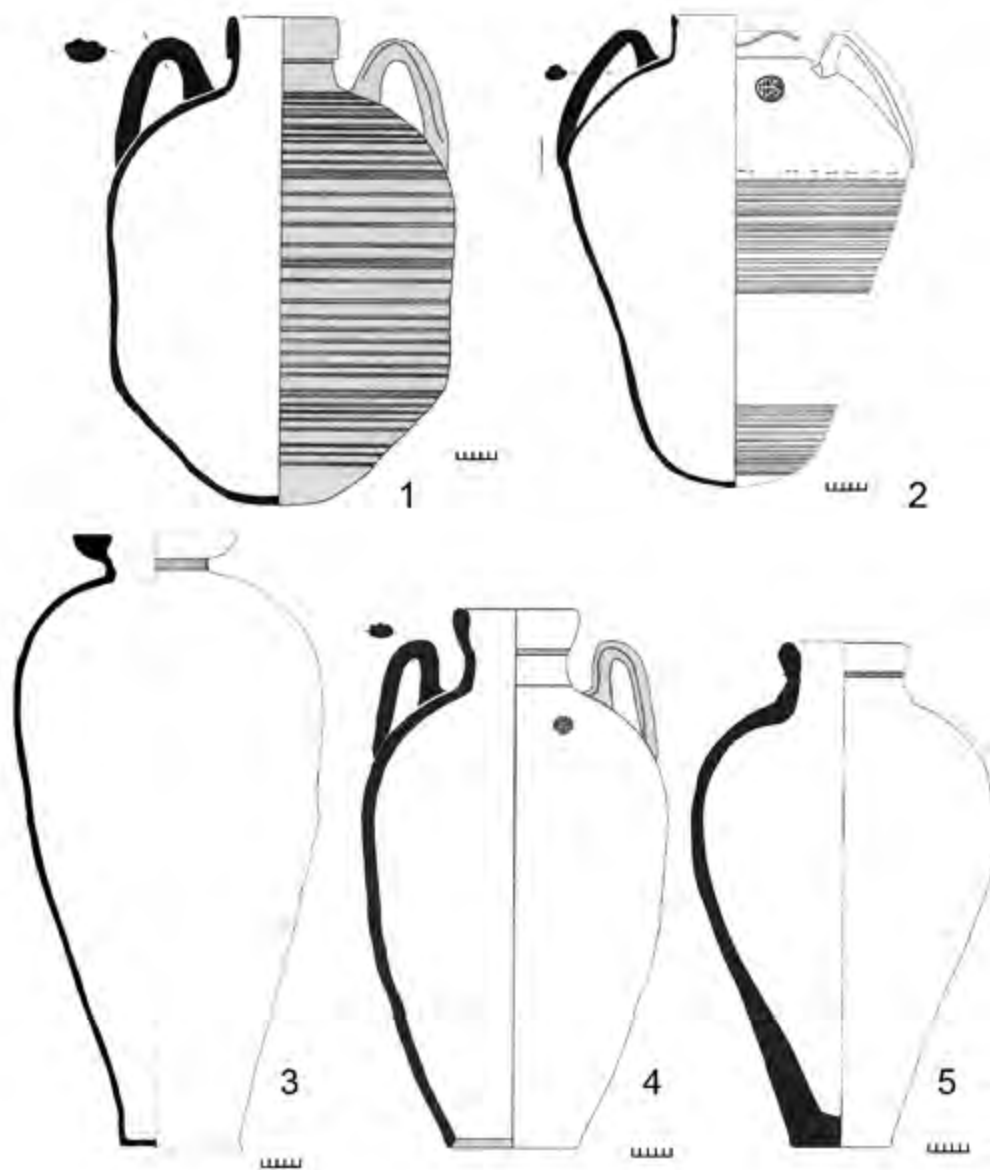

Рис. 3. Испанские амфоры и пифосы разных типов, обломки которых найдены в Восточной Европе.

Иллюстрации к статье Кропотова В. В. Фибулы из склепа 1/2015
Кульчукского некрополя в контексте кросскультурных связей
Северо-западного Крыма

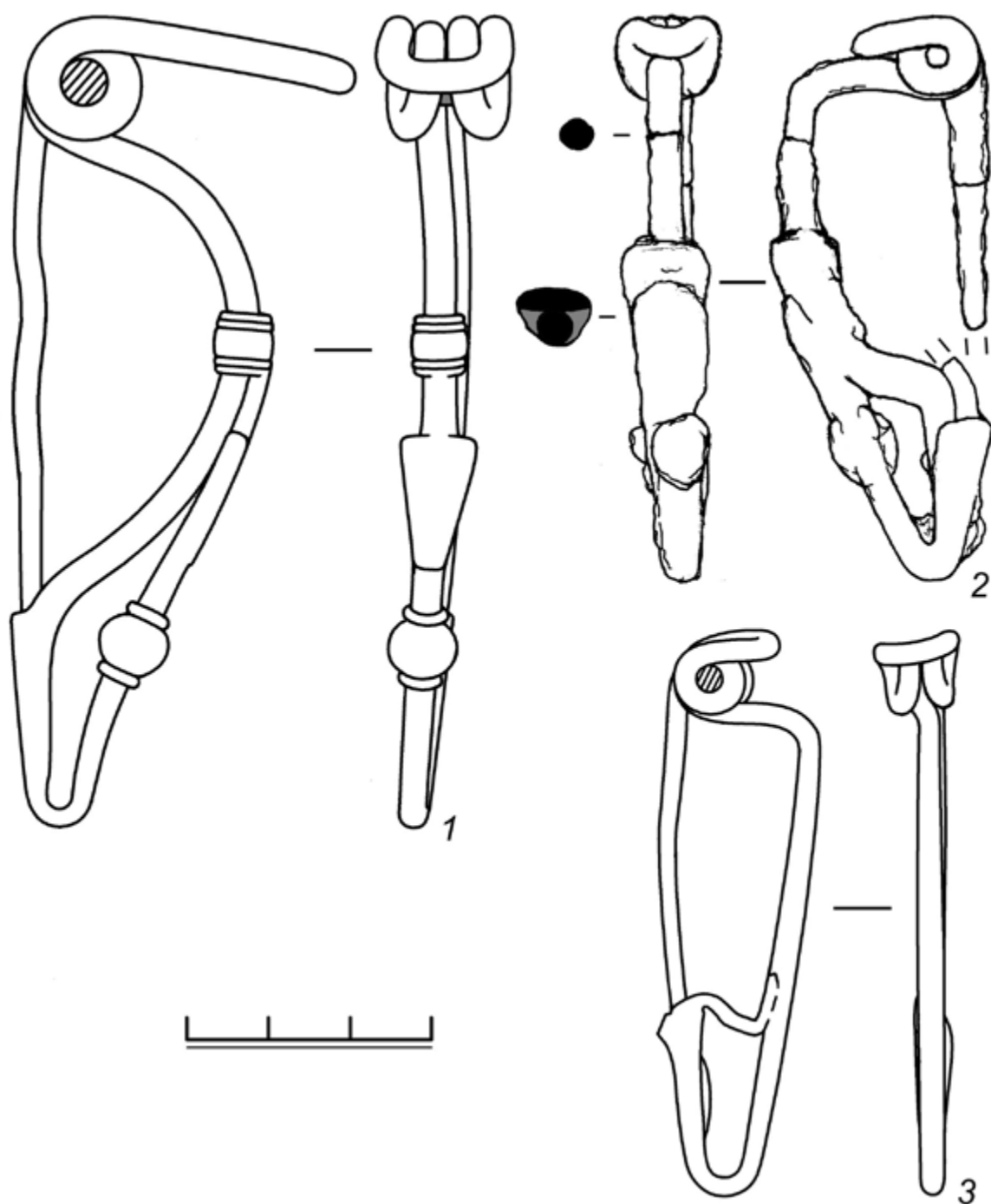

Рис.1. Фибулы из склепа 1/2015 Кульчукского некрополя: 1 – погребение 1; 2, 3 – погребение 3.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Лебединского В. В., Татаркова Д.Б., Двухшерстнова В.И. Результаты экспедиционной деятельности университетско–академического консорциума «Россия в большом Средиземноморье» в 2021–2022 гг.

Рис. 1. Два сравниваемых изображения: ортофотопланы одного и того же кораблекрушения в разные годы. Автор: А.Д. Карнаушенко.

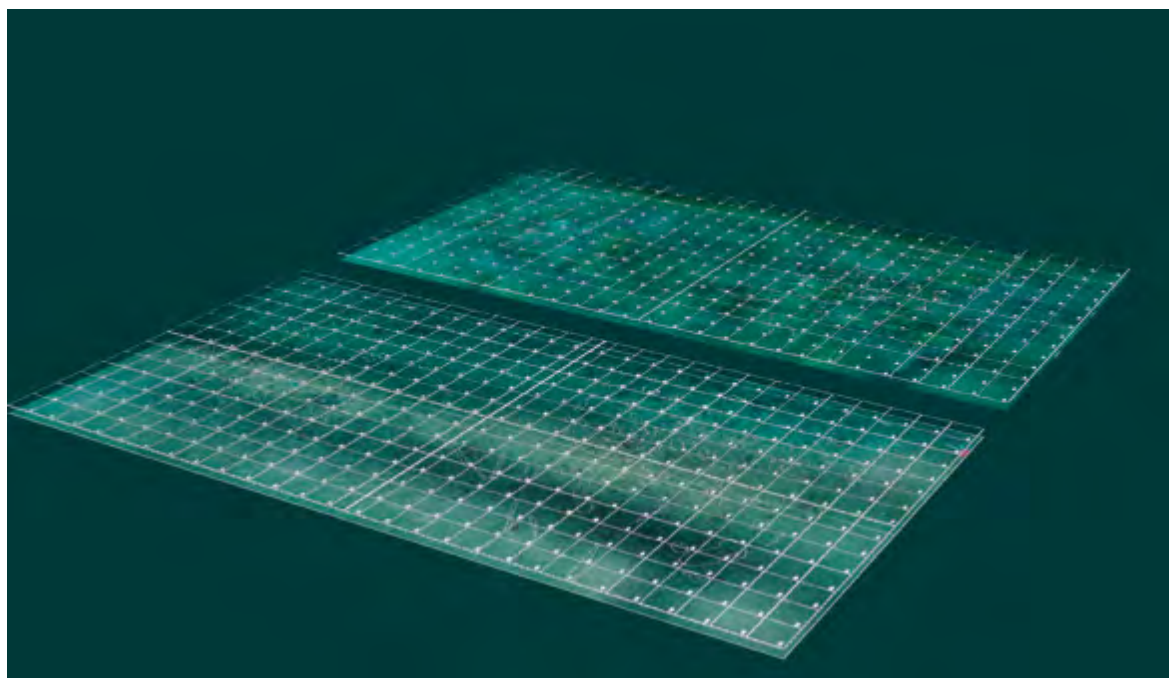

Рис. 2. Изображения разбиты на квадраты, это дает возможность отсечь части изображений не имеющие значимых отличий и провести повторное сканирование выбранных квадратов. Автор: А.Д. Карнаушенко.

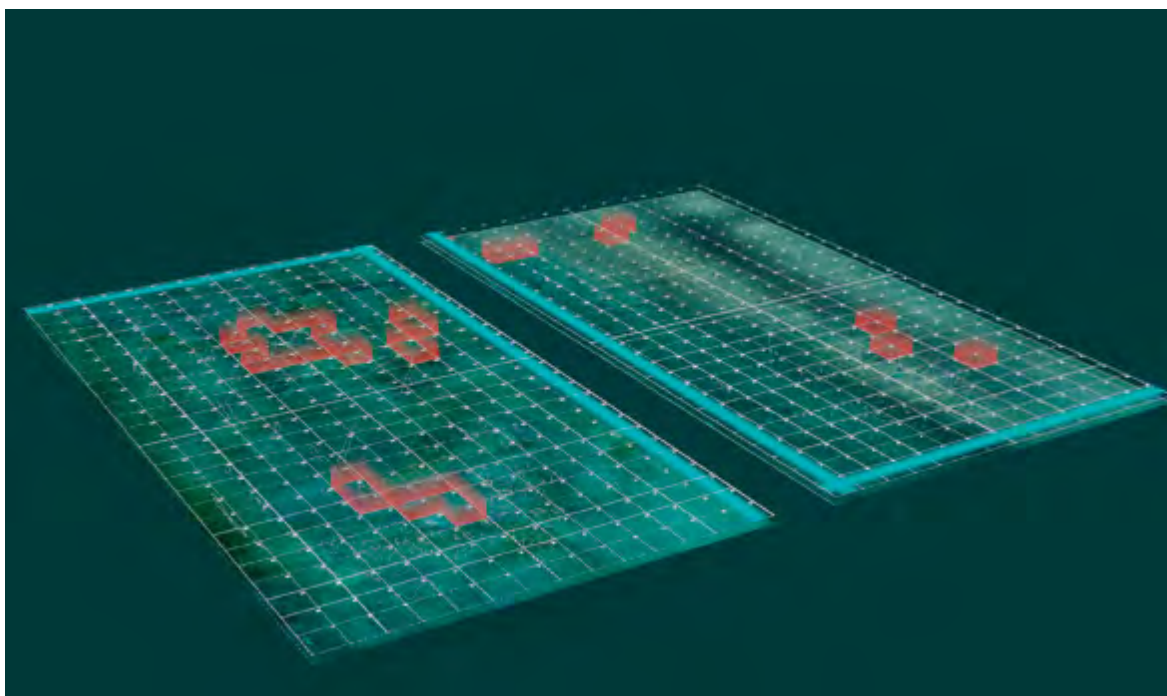

Рис. 3. Первичное сканирование изображений с низкой чувствительностью дает общие пятна с отличиями и выявляет квадраты с изменениями. Автор: А.Д. Карнаушенко.

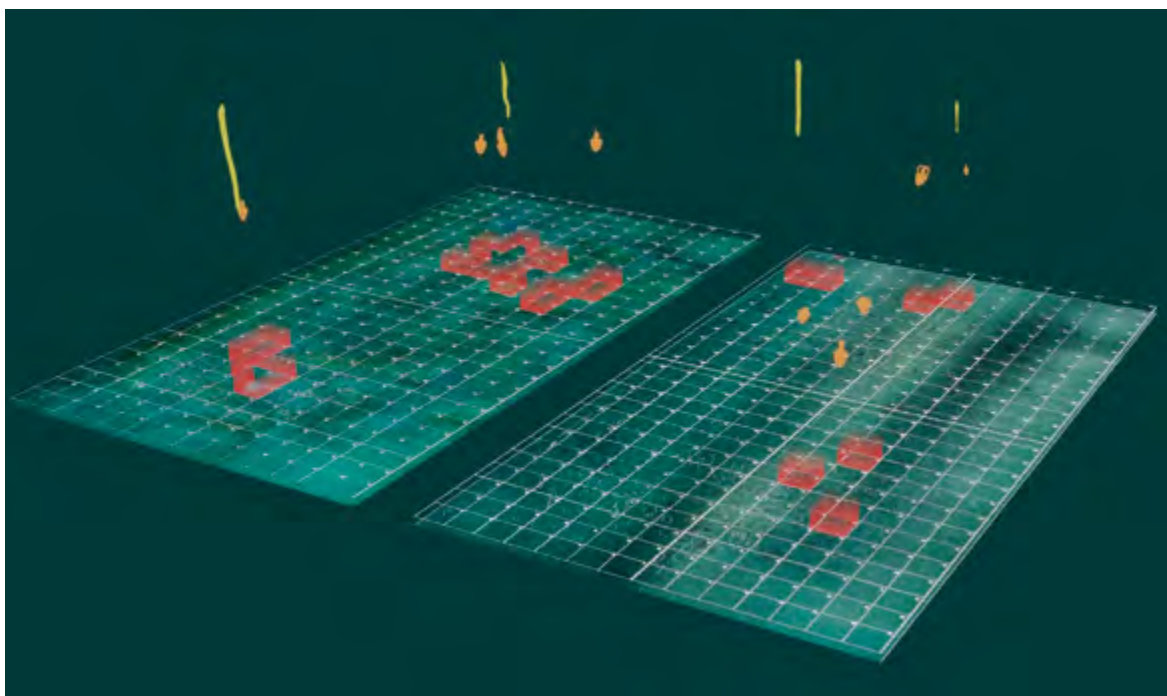

Рис. 4. Вторичное сканирование с повышенной чувствительностью, сопоставление с силуэтами образцами позволяет найти и идентифицировать изменённые объекты - фрагменты корабельных конструкций (желтые) и керамику (оранжевые). Автор: А.Д. Карнаушенко.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Лебединского В. В., Тюрина М. А., Прониной Ю. А. Результаты исследований международной сирийско-российской подводно-археологической экспедиции в акватории провинции Тартус в сезон 2021–2022 гг.

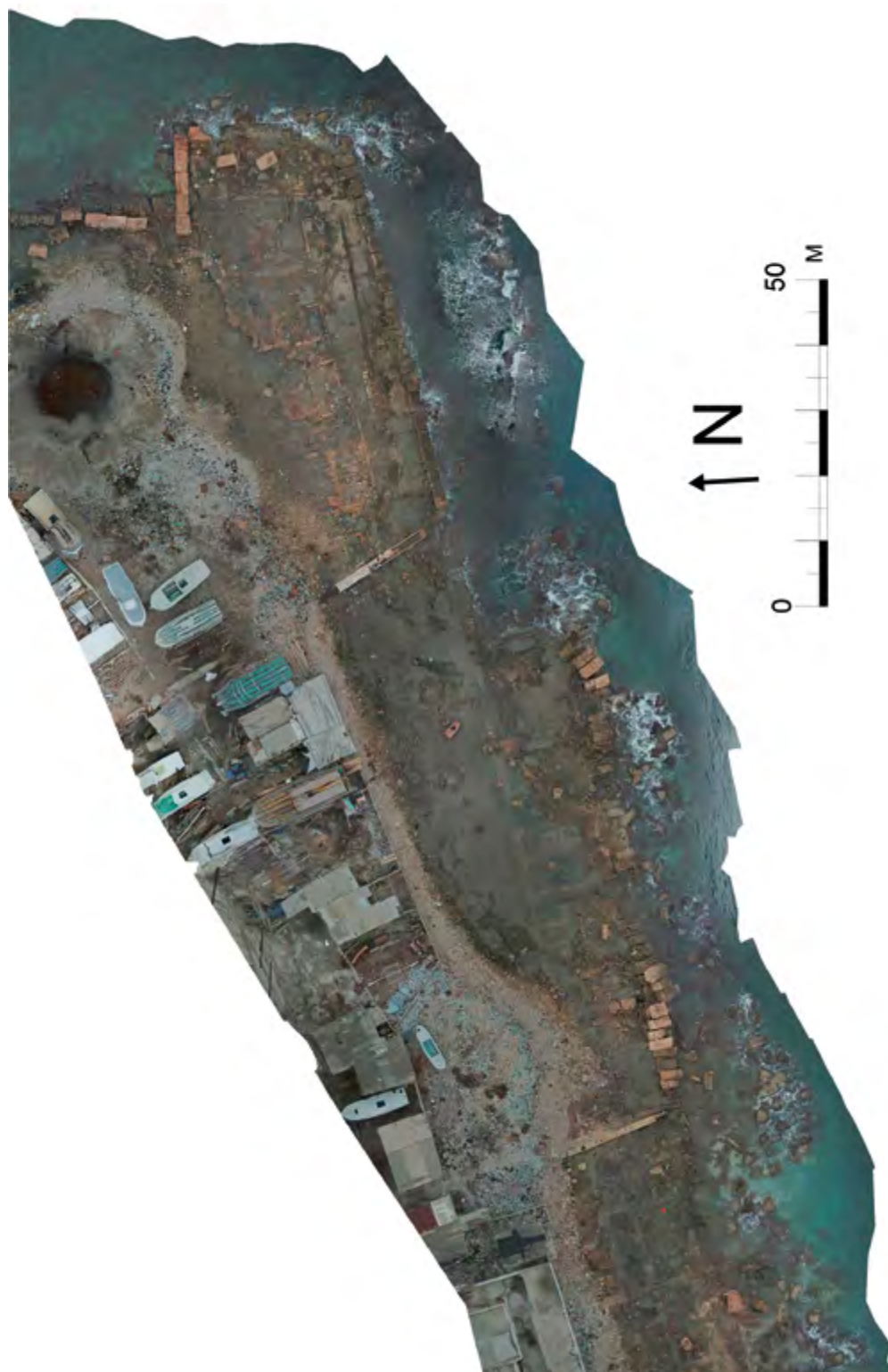

Рис. 1. Юго-восточная часть острова Арвад. Автор: М. Ю. Тюрин.

Рис. 2. Ортофотоплан острова Эль Фанар. Автор: М. Ю. Тюрин.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

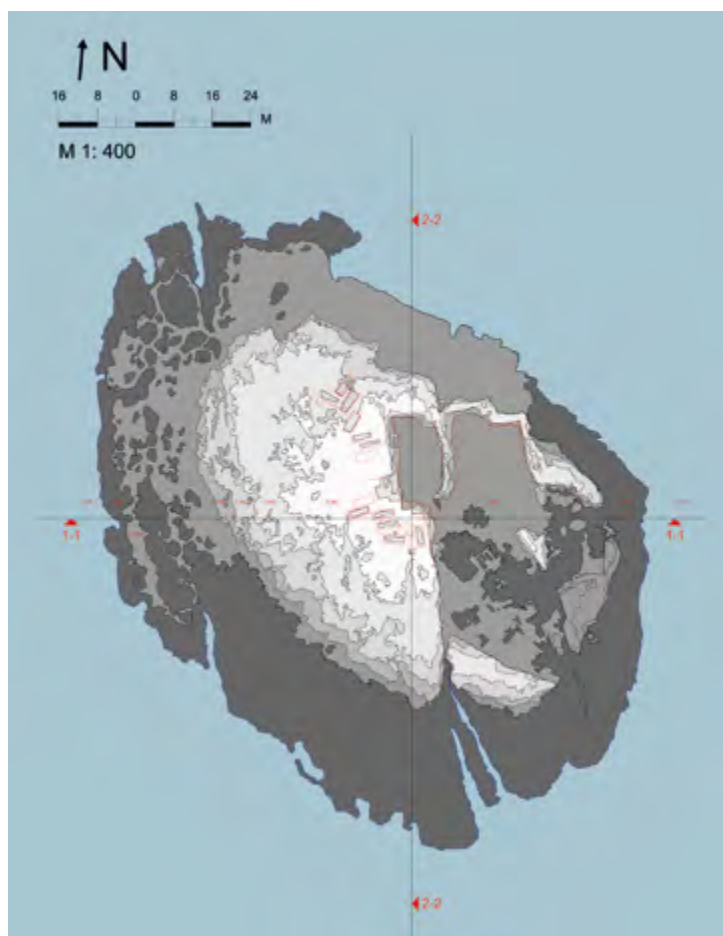

Рис. 3а. Общий план острова Эль Фанар.
Автор: А. А. Башенкова.

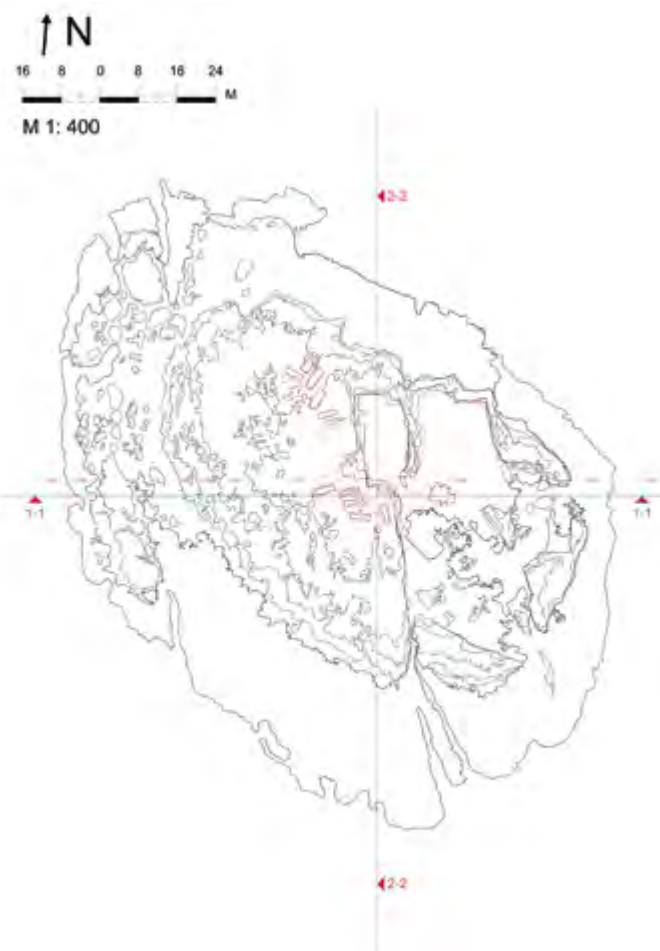

Рис. 3б. Общий план острова Эль Фанар.
Автор: А. А. Башенкова.

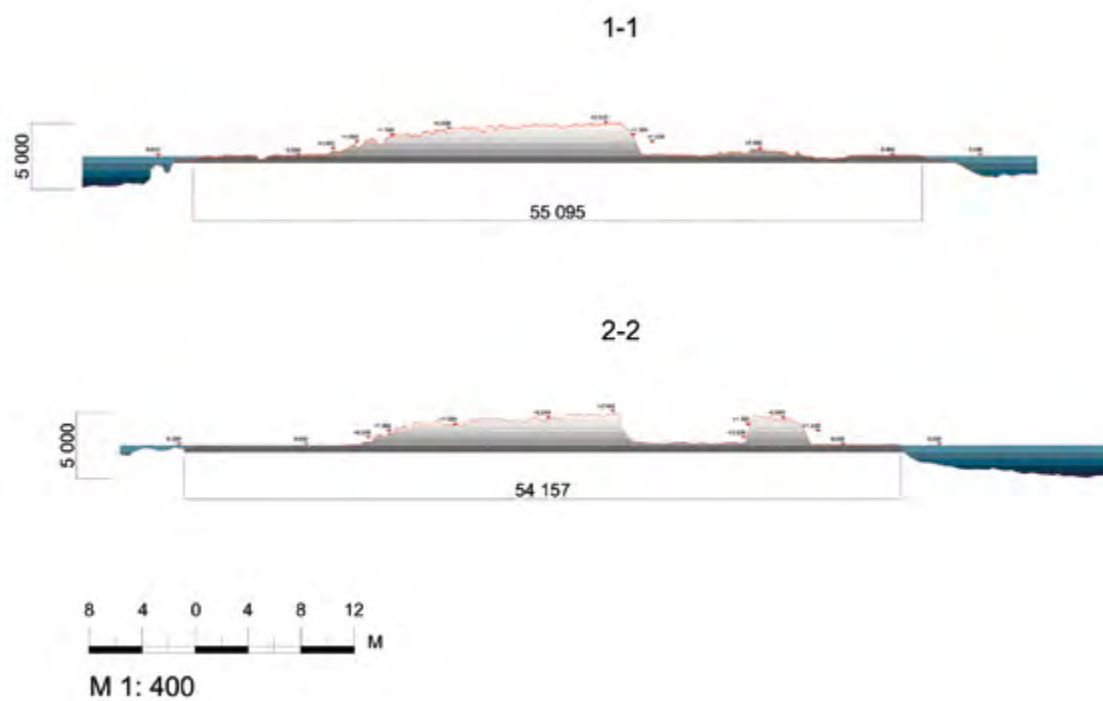

Рис. 4. Профильный разрез острова Эль Фанар.

Рис. 5. 3D-модель острова Эль Фанар. Автор: М. Ю. Тюрин.

Иллюстрации к статье Поповой Е. А. О населении в Северо-Западном Крыму в бронзовом и раннем железном веке (по материалам памятников округа Евпатории)

1

2

3

4

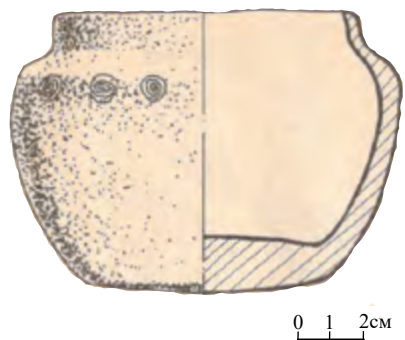

5

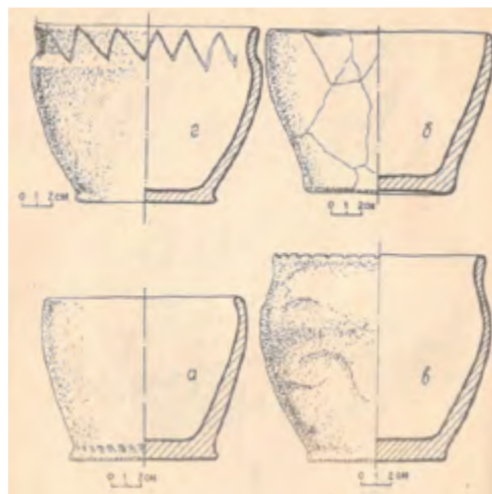

6

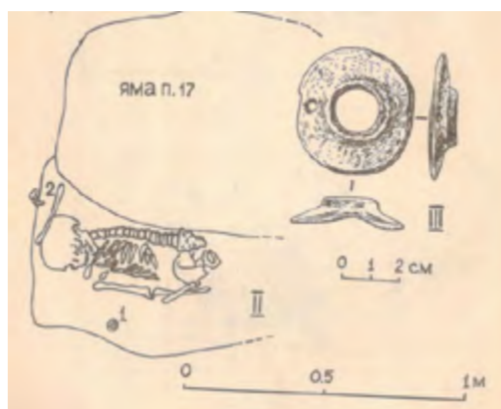
Рис. 1 – керамика из погребений некрополя у пос. Заозерное
1 – сосуд ямной культуры; 2,3,4 – сосуды катакомбной культуры;
5 – сосуд срубной культуры; 6 – сосуд белозерской культуры.

1

2, 3, 4, 5

6

Рис. 2 – керамика и погребение из кургана у села Песчаное.

- 1 – сосуд катакомбной культуры;
- 2,3,4,5 – сосуды срубной культуры;
- 6 – погребение бабинской культуры.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

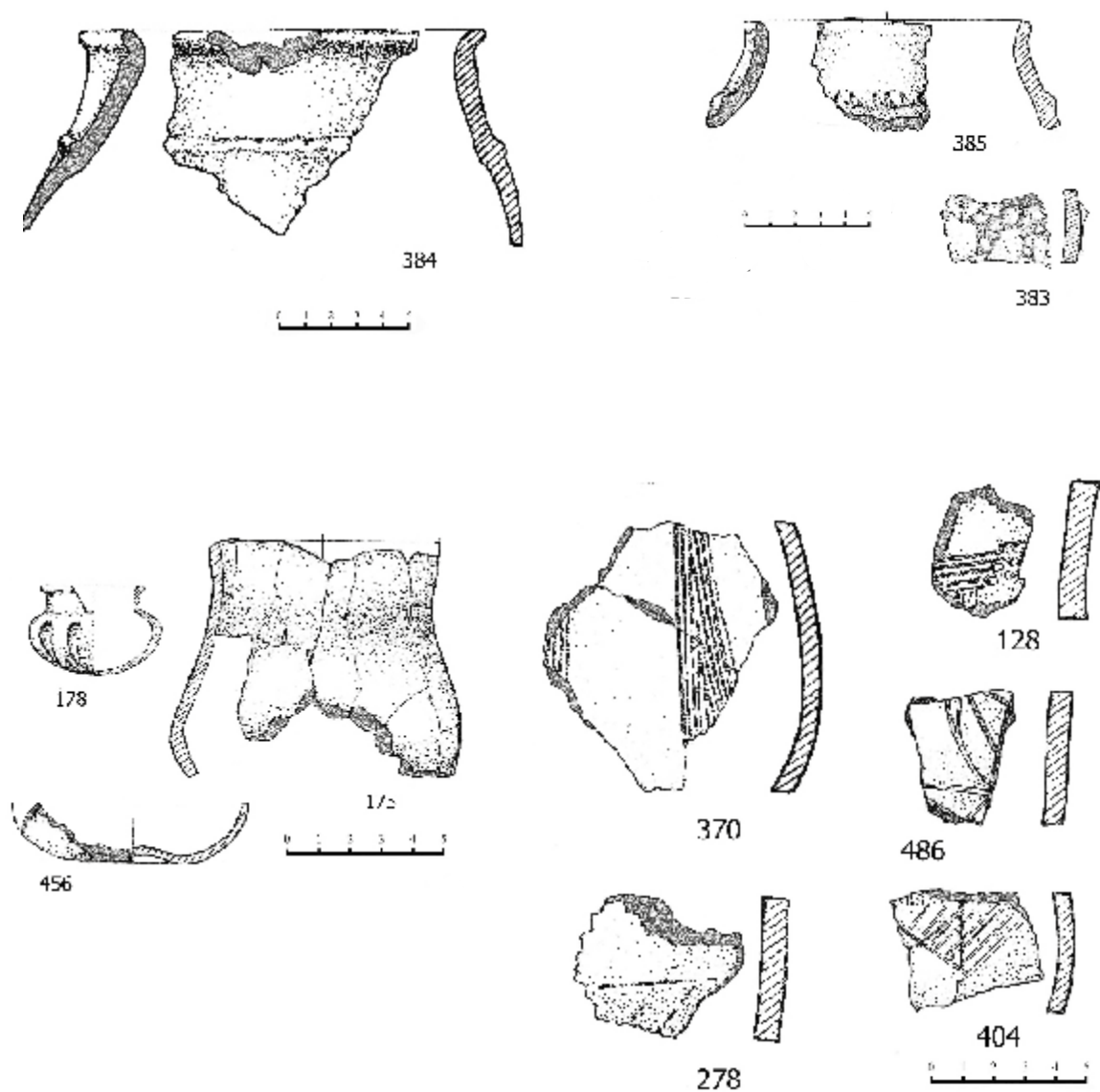

Рис.3 – Керамика с поселения Маяк-3

Иллюстрации к статье Сазанова А. В. Амфоры A SNP I.

Типология и хронология

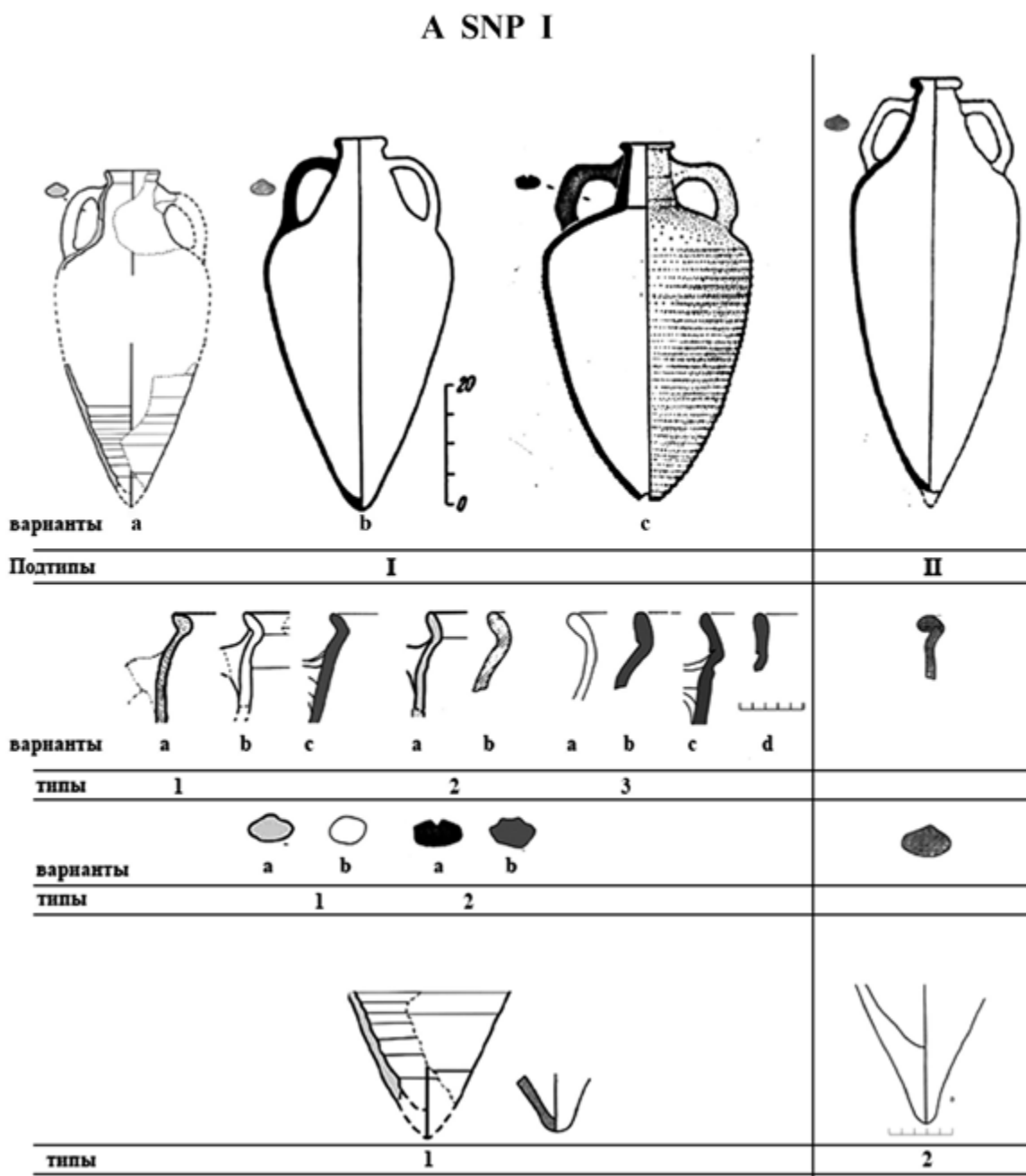

Рис. 1. Типология амфор C Snp I. [Kassab Tezgör 2010: Pl. 21, 1, 2. Pl. 34, 1, 2; Зеест 1960: Табл. XL,102 б. С. 121; Bottger 1982: Taf. 23, 18; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2004.Табл. IV, 2].

ОСТАТКИ ПЕЧИ ДЛЯ ОБЖИГА АМФОР A Snp I И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ НАХОДКИ
(по Д. Кассаб-Терзгор)

Contexte A. I a. 1 : four A. I, I

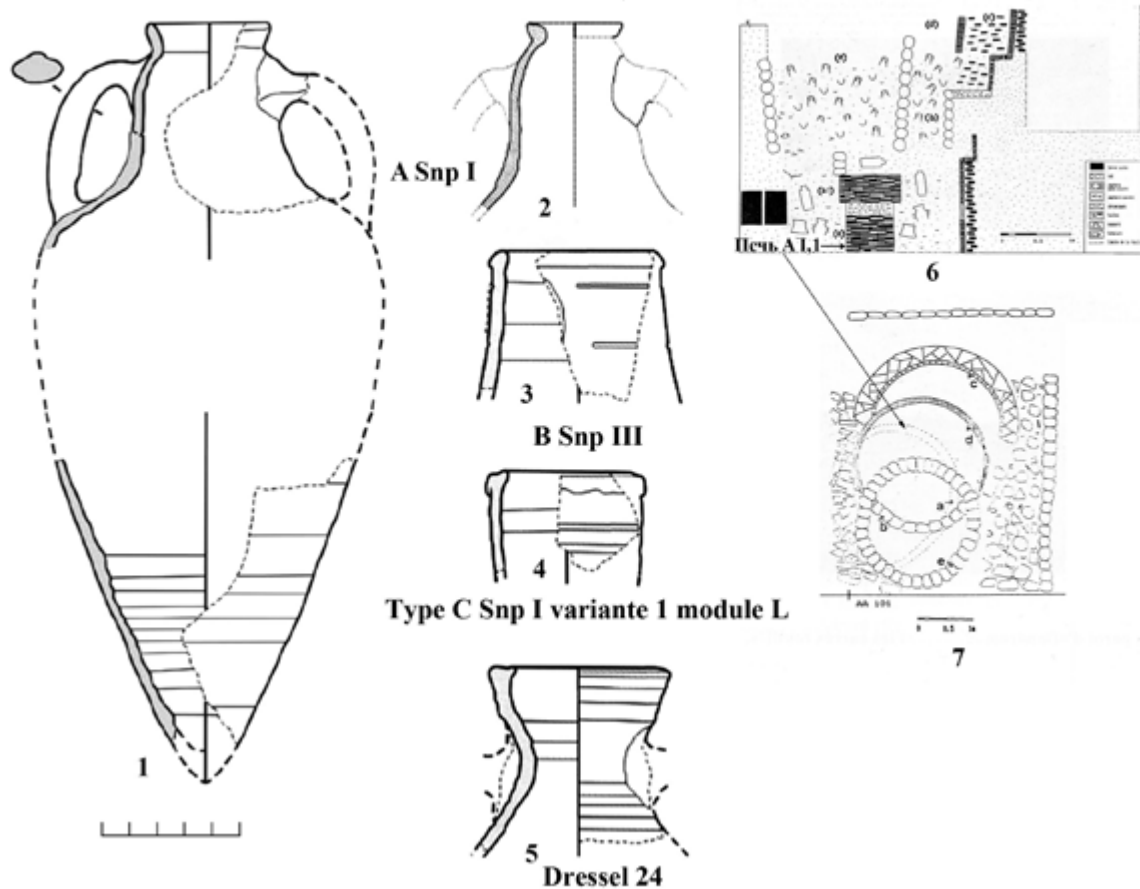

Рис. 3. Комплекс печи А. I,1 для обжига амфор А Snp I [Kassab-Terzgor 2010: 124, 145, 146, Tabl. 1; Kassab Terzgor 1996: Fig. 3, Fig. 4].

Иллюстрации к статье Сейдалиевой Д. Э. Сероглиняные сфероконические сосуды городища Солхат по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа

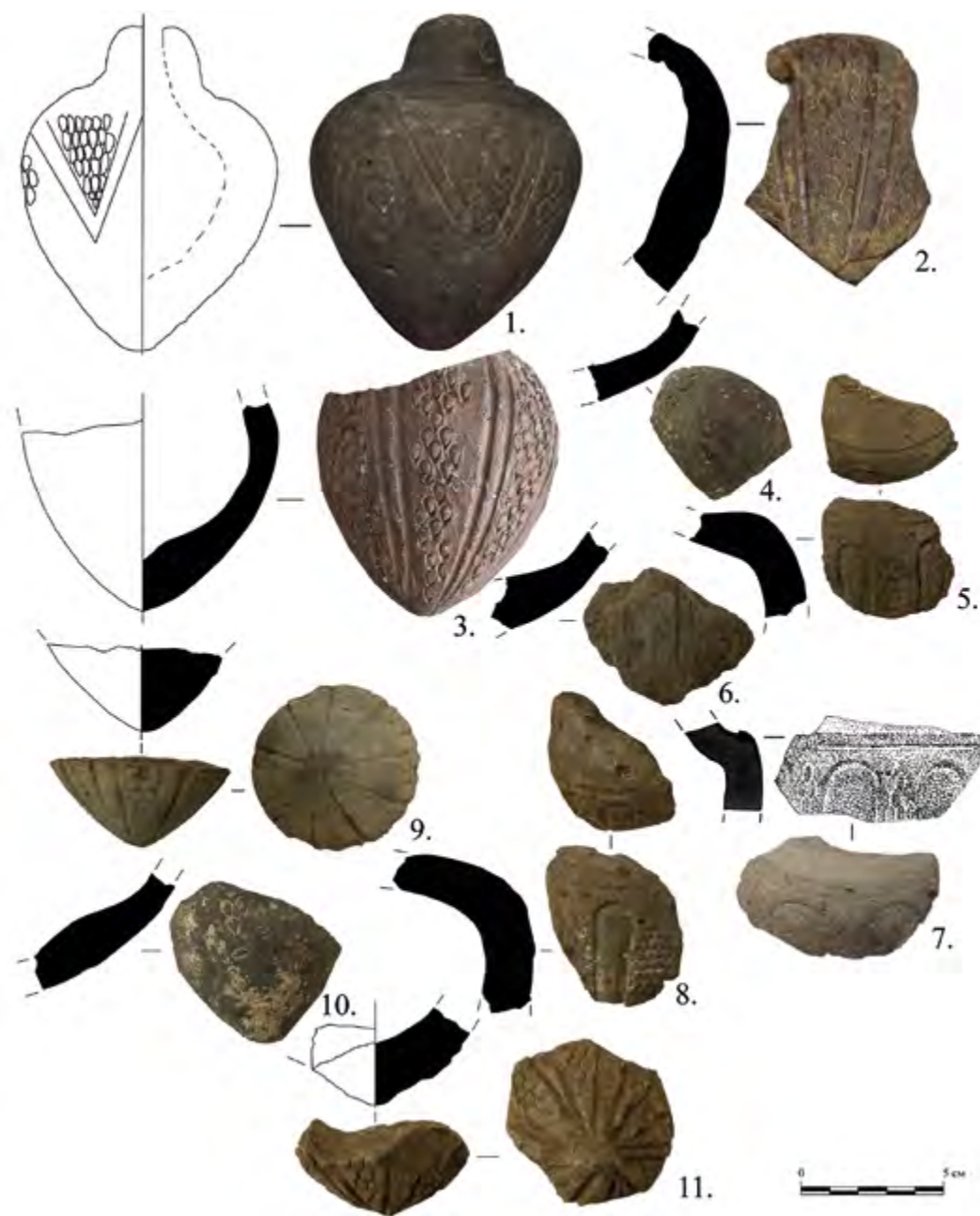

Рис. 1. Сероглиняные сфероконусы с кольчужным орнаментом

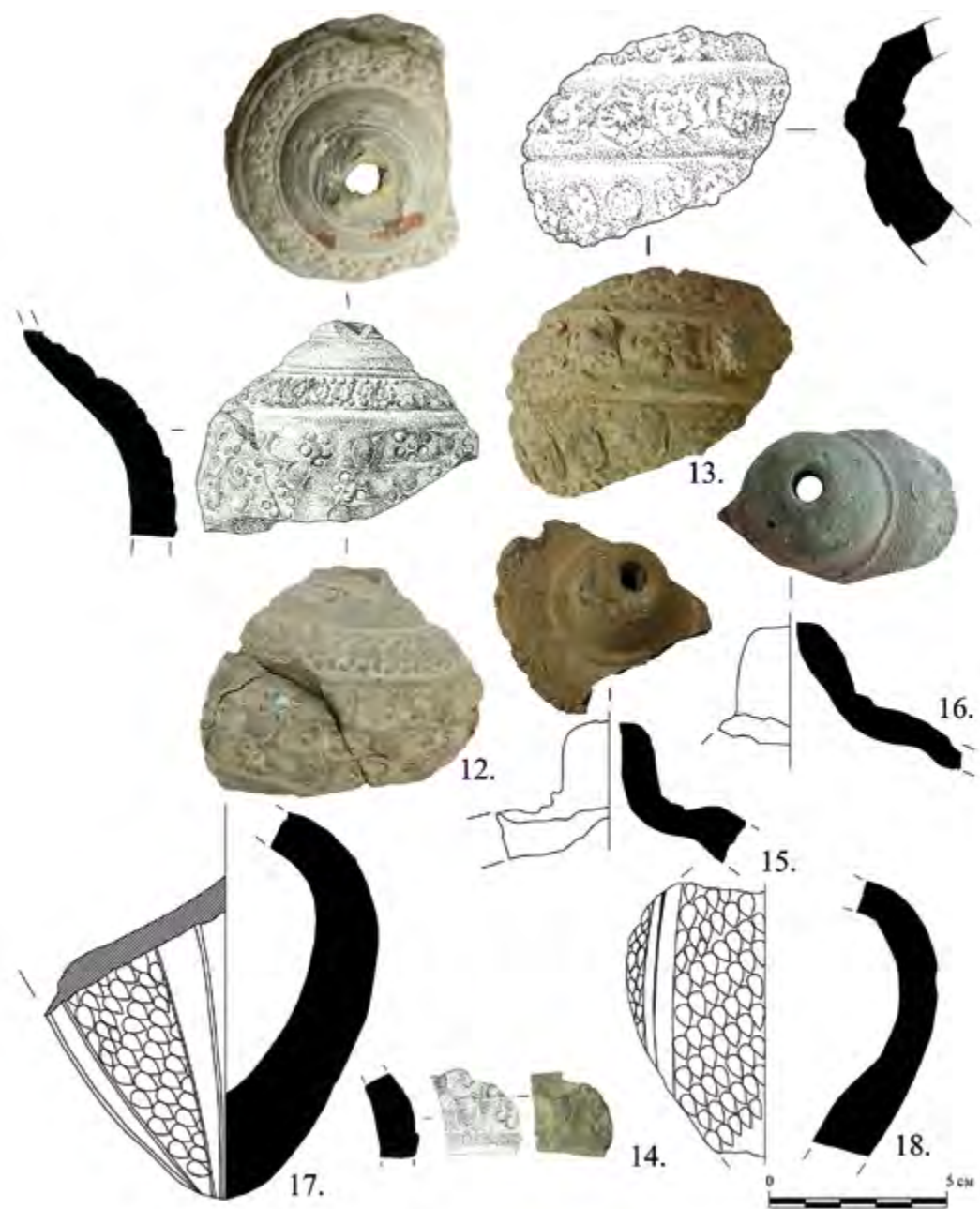

Рис. 2. Сероглиняные сфероконусы кольчужным орнаментом и налестями

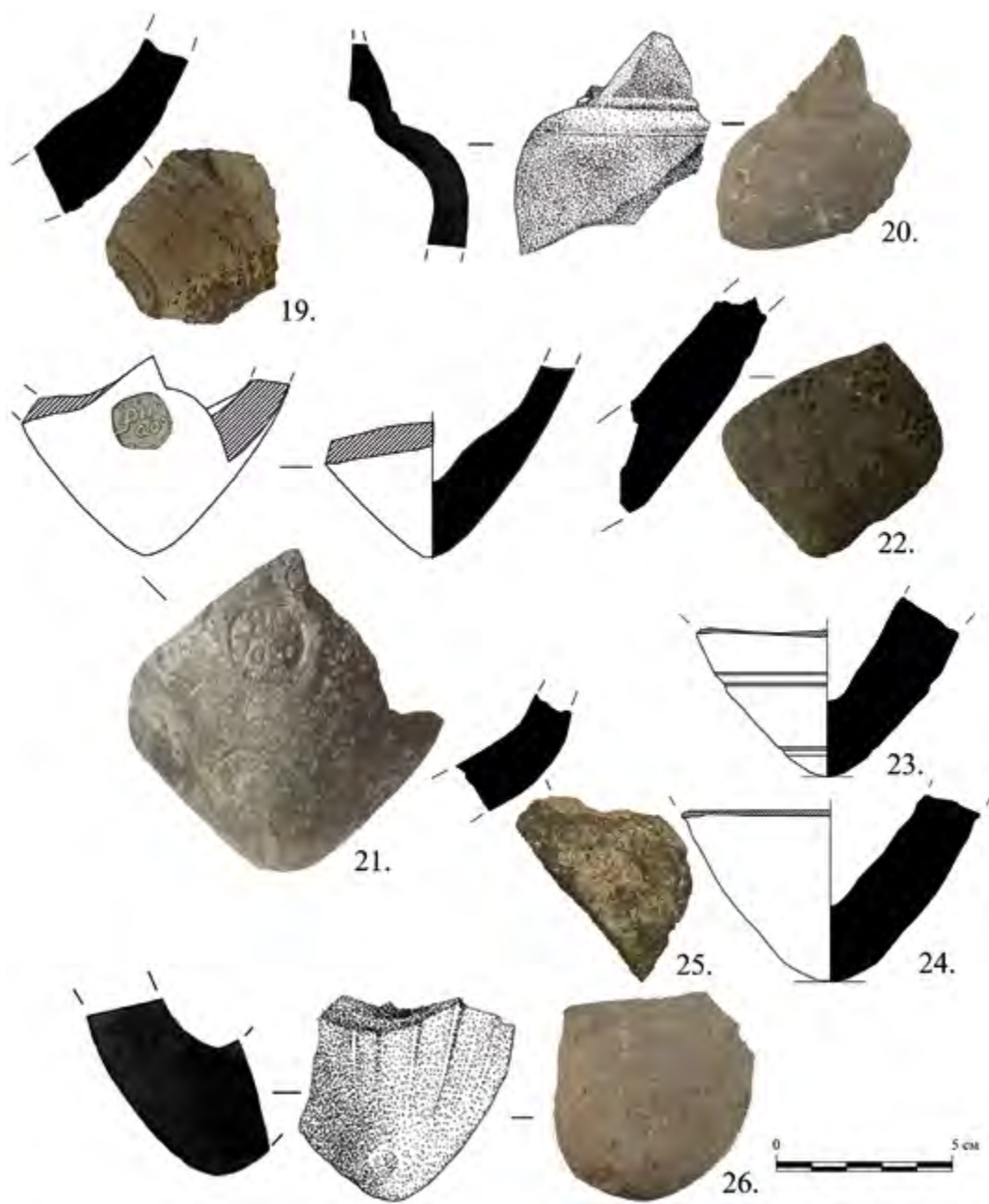

Рис. 3. Сероглиняные сфероконусы без орнамента и со штампом.

Иллюстрации к статье Супренкова А. А., Топоривской М. А.

О “малых” фокейких колониях Северо-Запада.

Письменная традиция и археологические реалии.

На примере Родэ

Рис. 1 Массалия, Эмпорион и прибрежные суб-колонии Северо-западного Средиземноморья [Dedet 2018: 144].

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Рис. 2.1 La cittadella Roses на космическом снимке

Рис. 2.2 La cittadella Roses — вид с запада на руины монастыря Санта Мариа де Росес. На переднем плане – археологические строительные остатки.

Рис. 3. Монеты округа Родэ. 1-5, 8-10: драхмы; 6: tritetartemorion (1/8 драхмы); 7: trihemitetartemorion (1/16 драхмы) [Самро 2018: 329].

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Иллюстрации к статье Ушакова С. В. Археологические исследования центрального нефа базилики Крузе: к хронологии строительства храма

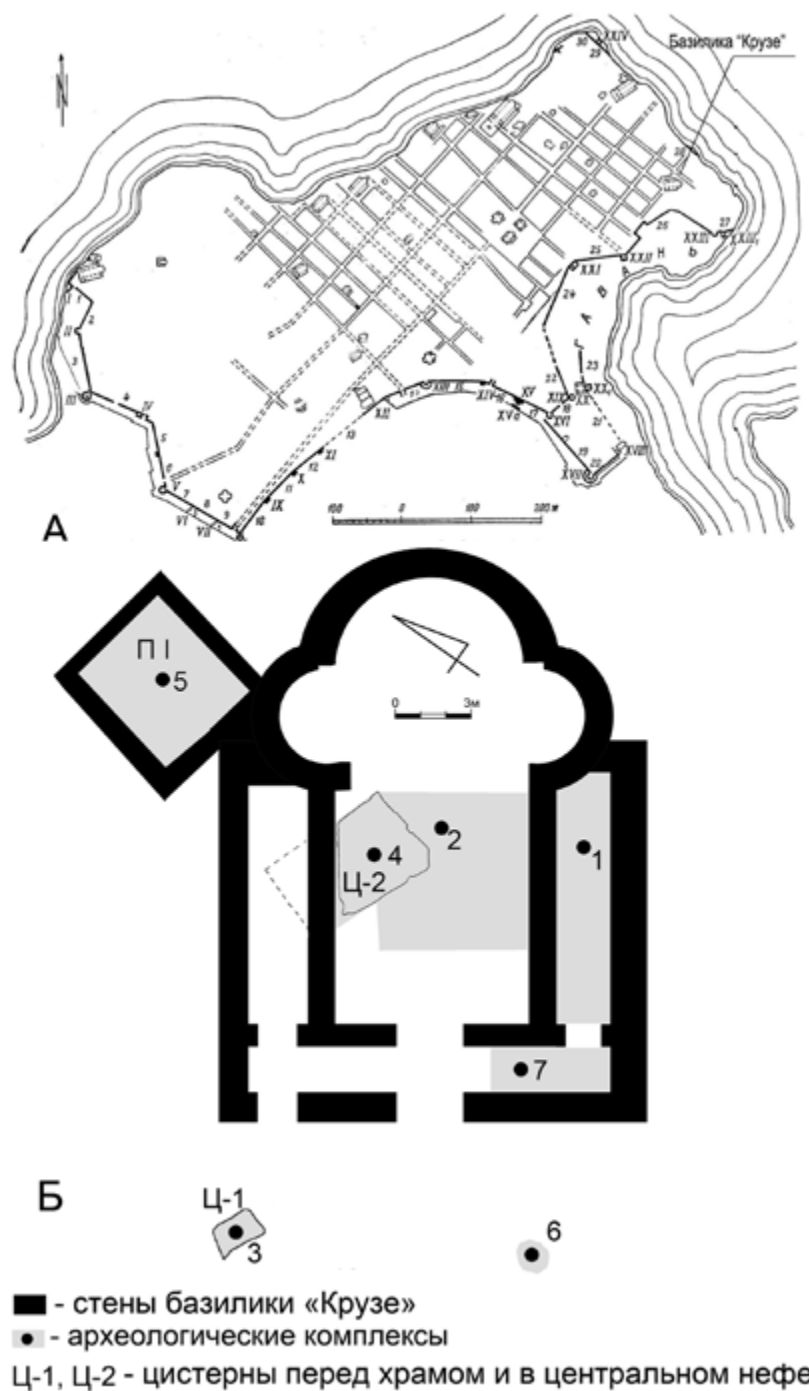

Рис. 1. А — Схематический план Херсонеса Таврического (по А. Л. Якобсону, 1959) с указанием места расположения базилики «Крузе»; Б — Схематический план базилики с исследованными комплексами, 1 — южный неф, 2 — центральный неф, 3 — цистерна перед храмом, 4 — цистерна в центральном нефе, 5 — помещение I, 6 — печь на продольной улице, 7 — нартекс (южная часть).

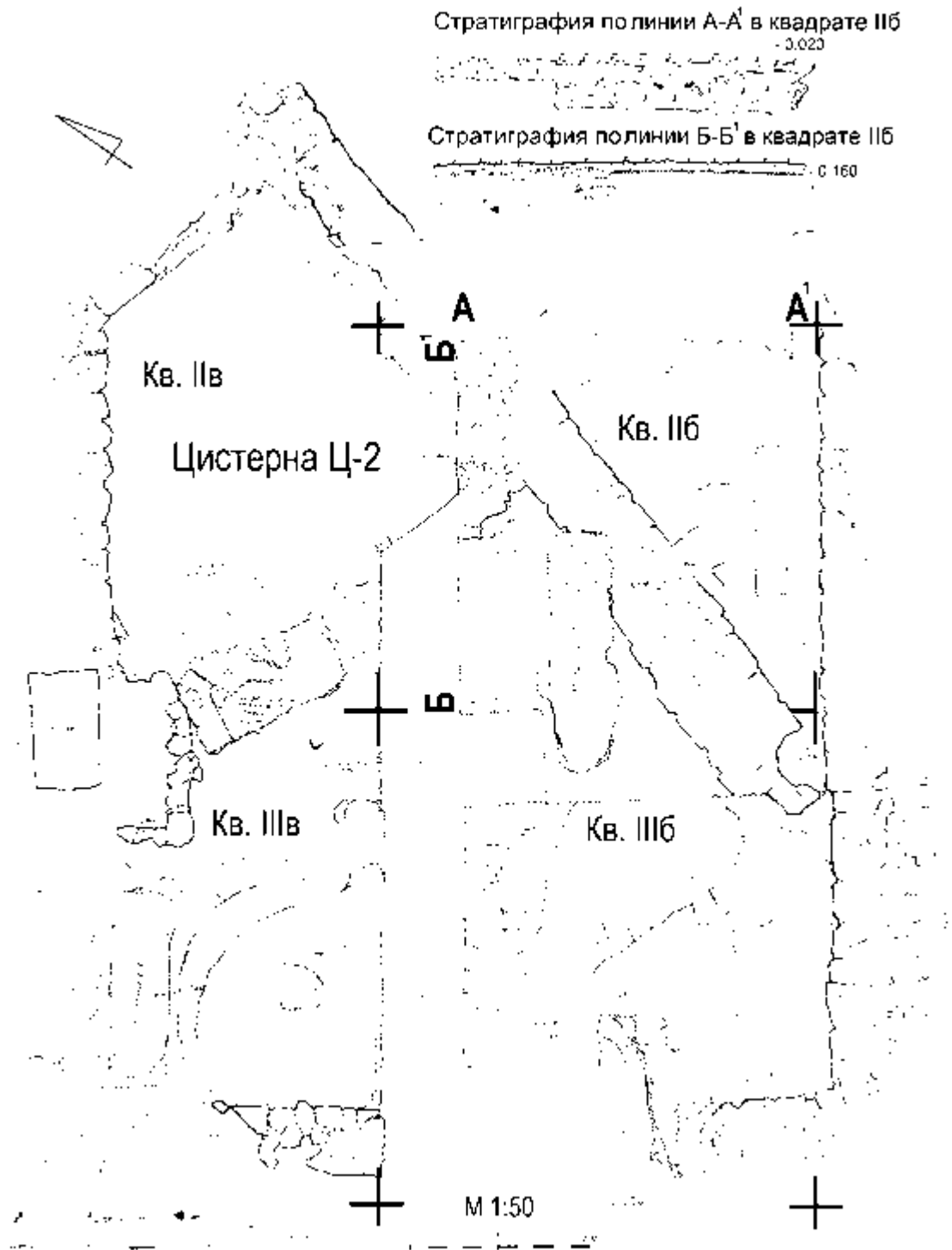

Рис. 2. План раскопа центрального нефа базилики.

Рис. 3. Фрагменты амфор из засыпи под полом центрального нефа. 1–5, 31 — I тип по АДСВ-71; 6–10 — LRA 3; IV тип по АДСВ-71; 11–17 — Зеест-100; 18–28 — LRA 1; IX, X типы по АДСВ-1971; 32–34 — с воронковидным горлом; 35–45 — Зеест-95; 46–49 — светлоглиняные узкогорлые; 50 — Зеест-72 (мирмекийские); 51–58 — V тип по АДСВ-71.

Климович В. В.

Белорусский государственный университет, г. Минск

КУЛЬТ БОГИНИ-МАТЕРИ В ЦИВИЛИЗАЦИЯХ ОСЕВОГО ВРЕМЕНИ: СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И КИТАЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Klimovich V. V.

THE CULT OF THE MOTHER GODDESS IN THE AXIAL TIME CIVILIZATIONS: THE MEDITERRANEAN AND CHINA IN A COMPARATIVE ASPECT

Космогонические представления являются важнейшими для древних культур, так как они определяют представления о мире в целом и принципах его функционирования, обществе и человеческой жизни. В различных цивилизационных центрах сформировались различные подходы к описанию процесса появления мира, наиболее универсальным является культ богини-матери, символизирующей плодородную всепорождающую землю. Несмотря на то, что наиболее архаичные пласты этого культа сходны во многих регионах мира, однако, их трансформация в период развитой мифологии и их переосмысление в эпоху перехода от мифологического мышления к философскому крайне различаются. Особенно показателен в данном случае пример греческого и китайского культа.

Культ богини-матери был распространен в Китае еще с эпохи неолита. Подтверждением этому служат как археологические находки (например, в провинции Шаньси в 1989 г. были обнаружены наскальные изображения богини плодородия [8, с. 96]), так и более поздние философско-

религиозные трактаты. С формированием единого китайского этноса, произошло слияние этих многочисленных божеств в мифы о Нюйва, дошедшие до наших дней.

Краткая запись в «Шовэнь цзецзы» (9, I в. н. э.) зафиксировала наиболее архаичные представления о Нюйве: «Нюйва — древняя богиня, превращающая все сущее» [7, с. 724]. Это прекрасно иллюстрирует специфику наиболее характерного для мифологии Китая процесса космогенеза: данный процесс обозначается иероглифом 化 huà, который в современном языке имеет значение ‘превращаться’, однако в древних текстах он имел более богатое содержание: ‘порождать’, ‘вскармливать’, а также ‘смерть’. Это подчеркивает амбивалентную природу женского порождающего божества и специфику жизненного цикла мироздания как постоянной трансформации.

Важность Нюйвы как богини, порождающей мироздание подчеркивает и этимология ее имени. Китайский исследователь Лю Юйцин (刘毓庆), проанализировал значения примитивов, входящих в состав иероглифа 媪 wā и восстановил наиболее древнее значение иероглифа — ‘женское лоно’ [8, с. 94].

Народностям юга Китая, где лучше сохранились архаичные космогонические представления, также были известны культы богини-матери. Например, в мифологии вьетов встречается богиня Ны Оа, символизирующая мать-природу, ведающей не только началом, но и концом жизни. А народу яо, было известно божество с подчеркнутыми женскими половыми органами, которое не только порождало мир, но и способно было затягивать в свое лоно все сущее [2, с. 65].

В античной традиции наиболее ранним письменным памятником, освещающим вопросы космогонии, является «Теогония» Гесиода (Ἡσιόδος, кон. VIII — нач. VII вв. до н. э.), в котором также встречается образ богини, персонифицирующей дуализм всепорождающей природы — Гея.

В первую очередь он выражается в том, что Гея является одной из четырех первопотенций, появившихся из хаоса, которые в последствие играют важнейшую роль в космогенезе и теогенезе.

Во-вторых, хотя Гея в отличие не отождествляется с первозданным хаосом, но она связана с ним генетически и многие из порождаемых ей существ и чудовищ далеки от идеалов упорядоченного Космоса.

В-третьих, Гея является источником неиссякаемой жизненной энергии. Что раскрывается в более поздних мифологических сюжетах. Например, в мифе о Гере, которая зачала Тифона без участия Зевса, лишь хлопнув ладонью по земле и, вознеся соответствующую просьбу. Или в сюжете о сыне Геи Антее, который во время битвы с Гераклом черпал силу от контакта с землей.

В-четвертых, Гея не только способна породить, она и запирает сущее в своем лоне, например, так она поступила с неугодными Крону и породёнными от него сторукими чудовищами и киклопами [1, с. 25]. Этот мотив амбивалентной природы матери-земли был активно воспринят и развит в философской традиции. В частности в трудах Платона: «Наша мать-земля» [4, с. 100] или Эпихарма (Ἐπίχαρμος; конец VI — первая половина V века до н.э.): «Я - труп. Труп же есть навоз, навоз же есть земля. Если же земля есть бог, то я не труп, но бог» [3, с. 77].

Таким образом, мы можем отметить, что в основе как греческого, так и китайского культа богини-матери, лежат представления о порождающей способности земли и ее амбивалентной природы, которая включает в себя и смерть, задавая таким образом цикл жизненных трансформаций мира. Однако, в греческой традиции, богиня-мать не творит мироздание в одиночку. Бесконечный творческий и созидательный потенциал дает ей союз с Ураном, который символизирует Небо как бесконечное творческое начало. Тогда как наиболее архаичные пласты китайской космогонии лишены этого мотива союза пассивного и активного начал и представляют собой саморазвитие изначального хаоса.

Дальнейшее развитие образа Нюйва представлено в философских трактатах, где она упоминается не в космогонических, но и производных от них эсхатологических сюжетов. Например, в мифе о починке неба, из трактата «Ле-цзы» (列子, III в. до н.э.): «Небо и земля всего лишь вещи, а все вещи имеют изъян. Поэтому в древности Нюйва расплавила

камни пяти цветов и залатала небо, отрубила лапы черепахи и установила четыре предела» [7, с. 108]. Данный миф демонстрирует эволюцию образа Нюйва: она берет на себя функции активного творящего начала, тогда как в космогонических мифах персонифицировала изначальный хаос как хтонические силы земли. Починка неба, усмирение катаклизмов и другие деяния Нюйвы — это классическая метафора упорядочивания хаоса, приведения его к космосу. Однако миф сохраняет и идею саморазвития хаоса. Змееподобный облик богини, связь с водной стихией и параллелизм эсхатологического сюжета с мифом об образовании мира великаном Паньгу позволяют предположить, что Нюйва не утратила своей хтонической природы и, возможно, является порождением хаоса [5, с. 132].

С развитием античной мифологии культ Геи отошел на второй план, она уступила свое место таким богиням как Афродита, Гера, Персефона, Деметра. Каждая из них берет на себя отдельные аспекты ее функций, в то же время, лишаясь мрачных хтонических черт и ярко выраженной амбивалентной природы. Наиболее близким оказывается образ Афродиты, которая заимствовала многие атрибут изначального культа.

Во-первых, мрачный мотив появления из окровавленной Ураном морской пены отсылает нас не только логически к эпохе первых богов, но и связывает богиню с водной стихией, которая так же выступала символом первозданного хаоса.

Во-вторых, Афродита обладает властью и над богами, и над людьми, в силу того, что той космической любви, которую она олицетворяют подвластны даже бессмертные.

В-третьих, кипарис как атрибут Афродиты всегда также считался символом погребального траура, таким образом, оставляя в ее образе связь и со смертью, хотя и не в таком ярко выраженном виде.

Таким образом, в период развитой мифологии Античная Греция и Древний Китай как два культурных центра своих регионов продемонстрировали разные способы интерпретации древних культов. Если в Китае образ матери-богини Нюйвы трансформировался и она

принимала на себя новые, более актуальные функции, то образ Геи так и остался статичным. Вместо этого ее функции были перенесены на других богинь, более космической, а не хтонической природы, что лучше соответствовало запросу своего времени.

Библиография

- Гесиод. Полное собрание текстов.— М.: Лабиринт, 2001.— 256 с.
- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Российская академия наук, Институт Дальнего Востока. [Т. 2]: Мифология, религия / редакторы: М. Л. Титаренко [и др.].— М.: Вост. лит.— 2011.— 869 с.
- ЛОСЕВ, А. Ф. Мифология греков и римлян.— М.: Мысль, 1996.— 975 с.
- ПЛАТОН. Диалоги.— М.: Мысль, 1986.— 607 с.
- ЯНЬШИНА, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии.— М.: Наука, 1984.— 248 с.: ил
- 風俗通義 // 中國哲學書電子化計劃 [Электронный ресурс].— 2021.— Режим доступа: <https://ctext.org/fengsutongyi/zhs> — Дата доступа: 20.04.2017.
- 列子/ 景中译注.— 北京: 中华书局, 2007.— 281 页.
- 刘毓庆. “女娲补天”与生殖崇拜 // 文艺研究.— 1998.— № 6. 页 93–103.
- 说文解字 / 柴剑虹编著. — 北京:九州出版社, 2001.— 900 页.

Коваль В. Ю.

Институт археологии РАН, г. Москва

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИСПАНСКОМ КЕРАМИЧЕСКОМ ИМПОРТЕ В КРЫМУ¹

Koval V. Yu.

NEW DATA ON SPANISH CERAMIC IMPORTS IN CRIMEA

Испанский керамический импорт до недавнего времени был известен в Крыму преимущественно по находкам столовой посуды с люстровой росписью [Teslenko 2007: 857–868], но в последние годы все чаще удается атрибутировать обломки неполивной тарной керамики, произведенной в испанских центрах. Впервые на территории России испанская тарная керамика была обнаружена в городах Золотой Орды (Азак, Укек, Болгар, Сарай), где поначалу ее обломки атрибутировались производству Крита [Масловский 2006: С. 435; Волков, Губайдуллин 2012: 190–203]. Испанское происхождение нескольких групп таких импортов было установлено по материалам раскопок в Болгаре [Коваль 2016: 101–124]. Первая находка целой испанской амфоры была сделана при исследованиях в бухте Нового Света (близ средневековой Сугдеи) остатков пизанского корабля, сожженного генуэзцами в последней трети XIII в. [Морозова, Зеленко 2012: 83–86], затем на дне моря у берегов Феодосии (генуэзской Кафы) был найден целый испанский пифос [Зеленко и др. 2016: 13, рис. 4, 6]. Однако при раскопках таких крупных средневековых городских центров как Херсонес, Инкерман, Мангуп, Каффа обломки испанских тарных

¹ Исследование проведено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266–3). Благодарю также С. М. Зеленко за помощь в подготовке этой работы.

сосудов исследователями не фиксировались. Исключение составляет Чембало (совр. Балаклава), где были зафиксированы несколько обломков от двух типов пифосов и одной разновидности амфор испанского производства [Гинькут 2021: 304, 305]. По мере накопления знания об испанской тарной керамике удалось атрибутировать некоторые находки прошлых лет. Так, удалось установить, что пифос, развал верхней части которого нашли при раскопках 2006–2010 гг. в портовом районе Судака, принадлежал к числу испанских импортов [Тесленко, Майко 2020: 297, рис. 7, 1].

Вновь обнаружить обломки испанских сосудов удалось при охраняемых раскопках 2017 г., связанных со строительством трассы «Таврида», на поселении Жемчужина-1 в Кировском районе Республики Крым, в окрестностях средневековой Каффы (в 20 км к северо-западу от города). Исследования памятника проводились под руководством С. Ю. Внукова, А. Н. Хохлова и В. Р. Мельковой. В ходе раскопок удалось зафиксировать 22 обломка, принадлежавших трем различным сосудам испанского производства [Коваль и др., 2021: 127–135]. Одному из них (пифоидному сосуду), изготовленному из глины телесного (местами — нежно-розового) цвета, насыщенной песком средней фракции (с диаметром зерен до 1 мм), единичными темными включениями (шамот?), крупными случайными зернами гематитной породы и очень редкими включениями мелких карбонатов, принадлежали обломки венчика и тулова (рис. 1; 2, 2). Пифос был сформован вытягиванием на ножном гончарном круге, составлен из двух частей, со стыком на уровне максимального диаметра, прошел полный окислительный обжиг. На уровне максимального диаметра тулова имелись две линии отпечатков крученой веревки (рис. 1, 3). На плече пифоса после обжига было нанесено граффито, от которого сохранились верхние части трех букв (рис. 1, 1а), на другом обломке того же пифоса замечены следы красной краски, что позволяет предполагать, что когда-то на этом пифосе находилось еще и дипинто. По всем своим характеристикам рассматриваемый сосуд принадлежал к той разновидности испанских пифосов (испанские исследователи предпочитают называть такие сосуды «кувшинами»), которую при систематизации сосудов из потолочных пе-

рекрытий базилики Санта-Мария в Аликанте выделили в тип VIII [Bevia Garcia, Azuar Ruiz 2005: 89, 90, 209, 218, fig. 3, 2, 3; Menendez Fueyo 2012: 192, 193, 209–213, 276] (рис. 2, 1). Пифосы этого типа изготавливались с середины XIV по XVII в., имели грушевидный корпус и большинство из них несли на уровне максимального диаметра отпечаток крученой веревки. К этому же типу принадлежал упомянутый выше пифос, найденный на дне моря у Феодосии (рис. 2, 3).

Еще один маленький обломок сосуда из аналогичной формовочной массы с грубыми примесями, выступающими на поверхности сосудов, нес на внешней поверхности глубокое рифление (рис. 1, 5). Такой облик имели авсфоры из кораблекрушения «*Les Sorres X*», исследованного на окраине Барселоны и датированного второй половиной XIV в. На поверхности этих амфор также встречаются отпечатки крученой веревки [Raurich et al. 1992: fig. 33–38; Beltran, Bercero 2012: lam. 2, 1]. По мнению ряда испанских исследователей, такие амфоры привозились из Андалусии, вероятно, из Севильи [Beltran, Bercero 2012: 82, 84]. Можно думать, что оттуда же происходили и пифосы рассмотренной выше разновидности, имевшие очень близкий состав формовочной массы.

Четыре обломка принадлежали сосуду иного типа, изготовленного из очень чистой глины, в обжиге — от телесного цвета до нежно-розового, в которой имеются единичные мелкие зерна красного шамота, гематитных пород и карбонатов. Внешняя поверхность сосуда высветлена. Рифление вытягивания четко видно на всех внутренних поверхностях, на изломе черепка заметна центральная полоса, имевшая более яркий красный цвет (рис. 1, 5). Все эти признаки характерны для продукции Патерны (близ Валенсии), датирующейся XIV–XV вв. В материалах базилики Санта-Мария в Аликанте они были выделены в типы II и III.

Таким образом, сегодня известно о 5 или 6 разновидностях испанской керамической тары, обнаруженной в городах Крыма и Золотой Орды:

1) Амфоры типа «*Barcelona II*» (рис. 3, 1). Находки их известны в Новосветской бухте [Морозова, Зеленко 2012: 83, 84, рис. 1] и Болгаре [Коваль 2016: 116, 117, рис. 10].

2) Амфоры типа «*Les Sorres X*» (рис. 3, 2), производившиеся в Андалусии (вероятно, в Севилье). Находки — в Болгаре [Коваль 2016: 117–120, рис. 11, 12], Чембало [Гинькут 2021: рис. 1, 4] и на поселении Жемчужина-1.

3) Пифосы типа «*Santa Maria Descubierta VIII*» (рис. 2), производившиеся, вероятно, в Андалусии. Находки известны в акватория Каффы [Зеленко и др. 2016: 13, рис. 4, 6], на поселении Жемчужина-1.

4–5) Пифосы типа «*Barcelona V*» (или «*Santa Maria Descubierta III*») (рис. 3, 3), а также, возможно, амфоры типа «*Barcelona IV*» (некоторые с клеймами) (рис. 3, 4), производившиеся, вероятно, в Барселоне. Находки известны в Болгаре [Коваль 2016: 99–108, рис. 1–6], Азаке [Масловский 2006: рис. 51] и на Селитренном городище [Волков, Губайдуллин 2012: рис. 9].

6) Пифосы типа «*Santa Maria Descubierta II*» (рис. 3, 5), происходившие из Патерны (близ Валенсии). Находки — в Судаке [Тесленко, Майко 2020: рис. 7, 1], Чембало [Гинькут 2021: рис. 1, 1, 2], на поселении Жемчужина-1.

Трудно сомневаться в том, что при внимательном отношении к массовому керамическому материалу могут быть обнаружены и другие разновидности испанской амфорной тары, ранее не известные в Восточной Европе.

Библиография

ВОЛКОВ И.В., ГУБАЙДУЛЛИН А.М. Редкие группы керамического импорта в Болгарах // Поволжская археология. № 1. 2012.

ГИНЬКУТ Н. В. Некоторые группы тарной керамики XIV–XV вв. из раскопок генуэзской крепости Чембало (предварительный обзор) // XIII Международный Византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Симферополь, 2021.

ЗЕЛЕНКО С.М., ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., КУЗЬМИНОВ В.В., НОВИЦКАЯ Р.С., ЦАРЕНКО С.А., МОРОЗОВА Я.И., ПРОНИНА Ю. А. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г. Феодосия, 2016.

КОВАЛЬ В. Ю. Испанская керамика в средневековом Болгаре // Поволжская археология. № 4. 2016.

КОВАЛЬ В.Ю., МЕЛЬКОВА В.Р., ХОХЛОВ А. Н. Новые находки испанской керамической тары в Крыму // Мир Средневековья: познавая прошлое. М., 2021.

МАСЛОВСКИЙ А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006.

МОРОЗОВА Я.И., ЗЕЛЕНКО С. М. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття). Київ, 2012.

ТЕСЛЕНКО И.Б., МАЙКО В. В. Керамический комплекс позднесредневековых усадеб в портовой части Судака (по материалам раскопа VI, 2006–2010 гг.) // История и археология Крыма. Т. XII. Симферополь, 2020.

BELTRAN J., BERCERO H. Les gerres de transport marítim: producció i comerç a Barcelona // Quaderns d'arqueologia i història de la ciutat de Barcelona. Quarhis. Època II. Num. 8. Barcelona, 2012.

BEVIA GARCIA M., AZUAR RUIZ R. Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceràmica. Alicante, 2005.

MENENDEZ FUEYO J.L. La ceràmica medieval de la Basílica de Santa Maria de Alicante // BAR International Series. № 2378. Oxford, 2012.

RAURICH X., PUJOL, M., MARTÍN, A., JOVER, A., IZQUIERDO, P., GARRIDO, E. Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olímpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat). Barcelona, 1992.

TESLENKO I. Spanish lusterware in the Crimea (Ukraine) // Actas del VIII Congreso Internacional de Ceràmica Medieval en el Mediterráneo. T. 2. Madrid, 2007.

Конкин Д. В.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

СИСТЕМА КЮЛЛИЕ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДОВ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ¹

Konkin D. V.

THE CULLIE SYSTEM AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE INFRASTRUCTURE OF CITIES IN THE CRIMEAN KHANATE

Кюллие — в османской традиции — комплекс построек различного назначения, сосредоточенных, как правило, вокруг мечети, который единовременно формировался в рамках общего социального и архитектурного пространства, функционирующего взаимосвязано [Goodwin 1986: 366]. Являясь, прежде всего, религиозно-социальным проектом, кюллие включало в себя элементы, служащие установленным задачам учредителя-спонсора и отвечавшие потребностям мусульман города и округи. Помимо мечети, это могли быть учебные заведения, мавзолеи (дюрбе), столовые-имареты, больницы, постоялые дворы, торговые ряды, лавки, общественные бани (хамам), фонтаны, колодцы и др. [Çobanoğlu 2002: 542].

Кюллие являлся важным элементом формирования и развития городской среды в османской Турции [Кононенко 2016]. О влиянии османских

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время»)

традиций на внутренний уклад общества, материальной культуры, в том числе архитектуры, Крымского ханства неоднократно упоминалось в научной литературе [Зайцев 2015: 118; Кирилко 2018: 239; История крымских татар 2021: 694]. Об организации комплекса кюллие по отношению к Крыму впервые сказано в монографии Н. А. Гаврилюк и А. М. Ибрагимовой. Исследовательницы, в частности, отмечали, что с конца XV в. «в Кырк-Оре формируется наиболее раннее кюллие Бахчисарая — столицы крымскотатарского средневекового государства» [Гаврилюк, Ибрагимова 2010: 13], имея в виду комплекс архитектурных объектов, расположенных в Салачике (восточное предместье совр. Бахчисарая). В связи с чем небезлюбопытно проследить, стали ли подобные комплексы развиваться непосредственно в Бахчисарае.

Как известно, будущая столица Крымского ханства стала отстраиваться при Сахиб Герае. О ранней истории застройки Бахчисарая, прежде всего ханского дворца и его округи, крайне мало археологических данных. Но информацию можно черпать и из письменных источников. В одном из самых подробных описаний правления Сахиб Герая, сделанного его современником и подчиненным Кайсуни-заде Мехмедом Нидаи (Реммаль Ходжа), сказано, что ханом недалеко от дворца была построена мечеть, в которую был назначен мюдеррис, рядом с которой Сахиб Герай возвел бани [Абдуземилев 2018: 187–188; см. также: История крымских татар 2021: 661]. Эвлия Челеби сообщал, что баня Сахиб Герая «находится рядом с ханским дворцом», над входной дверью которой был высечен тарих с датой основания 939 г. х. (т. е. 1532/33 г.). [Эвлия Челеби 2008: 109]. Еще одним важным объектом комплекса первоначальных построек Бахчисарая стало медресе Сахиб Герая [Эвлия Челеби: 105; Халим Гирай 2004: 34]. Н. Абдульвапов, со ссылкой на кадиаскерские тетради, отмечает, что медресе Сахиб Гирея находилось в комплексе с Хан-Джами, и, вероятно, в XVIII в. было перестроено Арслан Гераем и затем уже стало известно под его именем [Адульвапов 2020: 81]. О медресе Арслан Герай-хана известно, что оно располагалось сразу за восточной стеной ханской мечети и являлось действующим еще в к. XIX в. Само здание

было разрушено в годы ВОВ [Свод памятников 2016: 94]. В завершении рассказа о Бахчисарае Реммаль Ходжа сообщал, что напротив дворца «беки выстроили себе павильоны, и в несколько месяцев возник красивый город, устроились два ряда лавок и началась торговля» [История крымских татар 2021: 661].

Таким образом, видно, что помимо резиденции правителя в Бахчисарае одновременно возводились религиозные и общественные постройки — мечеть, медресе, бани, торговые ряды — комплекс зданий, функционально схожий с объектами, в османской традиции получившие название кюллие. Все эти строения стали городским ядром и позволили поселению быстро развиваться. Турецкий исследователь и переводчик Реммаля Ходжи Ö. Gökbilgin в подтверждение того, что Сахиб Герай в рамках политики седентаризации татарского населения Крыма целенаправленно стремился создать в Бахчисарае не просто одну из резиденций правителя, а городское поселение, приводит цитату из другой османской рукописи: «Он построил дворцы, бани, крытые рынки и мечеть в Багче Сарае, чтобы сделать город» [Tarih 1973: 163 (прим. 2)]. О том, что Сахиб Герай «долину Багче Сарая хотел сделать городом», для чего возвел «большие дворцы и двойные хаммамы, красивые мечети и прилавки», сообщал Абдулгаффар Кырыми спустя почти 200 лет от описываемых событий [Абдулгаффар Кырыми 2018: 91]. О постройках Сахиб Герая с целью «придать Бахчисараю вид города» писал и Халим Герай султан [Халим Гирай 2004: 34].

Реммаль Ходжа, предваряя описание строительства Бахчисарая, сообщал еще об одной ханской резиденции — Улаклы Сарае, где Сахиб Герай «построил прекрасную мечеть и медресе, назначив мюдеррисов, которым положил содержание» [Tarih 1973: 162]. В упомянутом довольствии мюдеррисам можно усмотреть учреждение духовного вакуфа, предназначенного для содержания наставников-преподавателей в учебном заведении. Что являлось традиционной практикой, и, по-видимому, было необходимо в условиях малочисленности поселения и отсутствия достаточного количества прихожан, способных осуществлять

традиционные пожертвования в нужном объеме. У Кырыми также сказано, что «уважаемый хан во дворце Улаклы построил высокую мечеть и медресе» [Абдулгафар Кырыми 2018: 91]. Что интересно, в тексте оригинала у Рем-маля Ходжи, помимо мечети, медресе, упомянут еще и имарет [«Bir latif cami' / ve bir medrese binā edüb, müderris ta'yin edüb, 'imāret ètdi»; см.: Tarih 1973: 25] — то есть традиционная общественная столовая (вероятно, при учебном заведении), или же приют для странников. Имарет также являлся необходимым и часто встречающимся элементом, формирующим единый комплекс кюллие. Следует заметить, что по поводу значения данного термина существуют разночтения [см.: Kuran 1987: 132; Tarim 2002: 219].

В целом же, в Улаклы Сахиб Гераем также единовременно формировался комплекс многофункциональных построек, включая мечеть, медресе, имарет-столовую, схожий с тем, что возводился в Бахчисарае, и тем, что был построен ранее в Салачике. Необходимо отметить, что во всех трех упомянутых поселениях — Салачик, Улаклы, Бахчисарай — центральным элементом застройки становится резиденция правителя, рядом с которой затем формируется общественно-религиозный комплекс-кюллие.

Библиография

АБДУЖЕМИЛЕВ Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан». Часть 1 // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.

АБДУЛЬВАПОВ Н.Р. К вопросу о количественном составе медресе в период Крымского ханства // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 10. С. 79–88.

АБДУЛГАФАР КЫРЫМИ. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод / Пер. с османского Ю. Н. Каримовой, И. М. Миргалеева; общ. и науч. ред., предисл. и комм. И. М. Миргалеева. Казань, 2018.

ГАВРИЛЮК Н.А., ИБРАГИМОВА А. М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев-Запорожье, 2010.

ЗАЙЦЕВ И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 103–128.

История крымских татар. В 5 т. Т. III. Крымское ханство XV–XVIII вв. / Отв. ред. И. В. Зайцев. Казань, 2021.

КИРИЛКО В. П. Архитектура мечетей османского города Кефе (по материалам письменных и графических источников) // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2018. № 1. С. 222–241.

КОНОНЕНКО Е. И. Роль куллие в планировке раннеосманской Бурсы // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 6. С. 133–148.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том I. Бахчисарай. Симферополь, 2016.

ХАЛИМ ГИРАЙ СУЛТАН. Розовый куст ханов, или История Крыма / Транскрипция, перевод переложения А. Ильми, составление приложений и пояснения Кемалья Усеинова. Под общ. ред. Н. С. Сейтягьяева. Симферополь, 2004.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествий. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Симферополь, 2008.

ÇOBANOĞLU A. V. Külliye // *Islam Ansiklopedisi*. 2002. С. XXVI. S. 542–544.

GOODWIN G. Külliyye // *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden: E. J. Brill, 1986. Vol. V. P. 366.

KURANA. Form and Function in Ottoman Building Complexes // *Environmental Design: Journal of the Islamic Environmental Design Research Centre* 1–2. Rome, 1987. No. 5–6. *Mimar Sinan: The Urban Vision*. P. 132–139.

Tarih-I Sahib Giray Han / Edition Critique, Traduction, Notes et Glossaire Dr. Özalp Gökbilgin. Ankara, 1973.

TARIM Z. Imaret // *Islam Ansiklopedisi*. 2002. С. XXII. S. 219–220.

Косых Т. А.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ОБРАЗ АНДАЛУСИИ В БРИТАНСКОЙ ПРЕССЕ И МЕМУАРАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ИСПАНИИ (1808–1810 гг.)¹

Kosykh T.

THE IMAGE OF ANDALUSIA IN THE BRITISH PRESS AND MEMOIRS OF TRAVELERS AT THE BEGINNING OF THE PENINSULAR WAR (1808–1810)

В годы Наполеоновских войн Пиренейский полуостров стал не только ареной для таких кровопролитных битв как сражения при Ла-Корунье 1809 г. или при Ла-Альбуэре 1811 г., длительной осады Кадиса 1810–1812 гг., многократных изнурительных боев вблизи Бадахоса в 1811–1812 гг. и др. Территория полуострова превратилась в место столкновения европейских народов — британцев, испанцев, португальцев и французов — друг с другом, привела к межкультурным контактам между врагами и союзниками за кромкой поля боя. Однако стоит иметь в виду, что на взаимоотношения между военными и гражданским населением огромную роль оказывали уже существовавшие представления о «Других»: «всякой встрече с «Чужим» предшествует некое предзнание, будь оно неосознанным, архетипическим или же формируемым целенаправленно «сверху» и плохо отрефлексированным «снизу» стереотипическим

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-78-00078 «Образы врага и союзника в восприятии британских участников военных кампаний в Западном Средиземноморье и на Пиренеях 1793–1814 гг.».

представлением» [Гладышев 2019: 8]. На примере одного из регионов Испании, Андалусии, оказавшейся оккупированной французскими солдатами в 1810–1812 гг., можно убедиться в том, что влияние «предзнания» об Испании сыграло крайне важную роль при встрече британских солдат и офицеров с местными жителями.

У оказавшихся на Пиренейском полуострове британских солдат, как и у многих жителей туманного Альбиона, существовал ряд стереотипов и предубеждений об Испании в целом и Андалусии в частности, которые повлияли на дальнейшее восприятие этой страны и взаимодействие с местными жителями в ходе военных действий. На «воображаемой» карте Европы XVIII в. Испания занимала место периферийного государства, выходявшего за пределы маршрутов Гран-тура для юных отпрысков аристократических семейств. Более того, в Британии и Франции по-прежнему господствовала «черная легенда» об Испании как стране упадка и декаданса, обители инквизиции, религиозного фанатизма, королевского деспотизма и родины жестоких конкистадоров [The Black Legend 1971: 18–27]. Ситуация изменилась лишь во второй половине XVIII в.: с началом эпохи предромантизма Испания стала восприниматься как живописное и таинственное королевство, посещение которого казалось рискованным, но увлекательным приключением для любого путешественника. Так, прошлое Андалусии стало особенно привлекать незаурядных туристов, отправлявшихся на юг Иберийского полуострова в поисках руин исламской цивилизации и экзотической культуры, сохранившихся на пограничье Европы и Африки. Подтверждением этого могут служить заметки путешественника Генри Суинберна, опубликованные в 1779 г. [Swinburne 1779]. В центре внимания сочинения оказались описания памятников римского и маврского прошлого, поскольку именно обломки канувших в лету цивилизаций привлекали наибольшее внимание британского читателя.

В 1808–1810 гг., несмотря на активное участие британских солдат в военных действиях на полуострове, англо-португальская армия находилась в отдалении от Андалусии, сражаясь за Вимейру и освобождение

Португалии летом 1808 г., либо вынужденно отступая на север Галисии зимой 1808–1809 гг. В этой связи, в качестве источников, ставших основой для складывания у сражавшихся в годы Войны за независимость Испании 1808–1814 гг. на стороне испанских патриотов британских солдат образа средиземноморского юга Испании, могут рассматриваться материалы прессы, освещавшие события на полуострове, а также заметки путешественников, относящиеся к 1808–1810 гг.

Значение газет и журналов как одного из важнейших ресурсов по формированию представлений об Испании у британцев трудно переоценить. В начале XIX в. пресса по праву считалась «властительницей умов», определявшей общественное мнение на Британских островах. Доходившие до британских читателей сведения об обстановке в Испании воздействовали на складывание образа Андалусии. Весьма показательными являются сообщения из британских газет, опубликованные по случаю победы испанцев при Байлене 16–23 июля 1808 г. В таких изданиях, как *Courier*, *Morning Post*, *Sun*, *London Gazette* и др. практически сразу после сражения начали выходить новости о храбрости испанских солдат, победивших французских завоевателей. Безусловно, такие новости были направлены на поддержку действий британской армии на полуострове, воюющей бок о бок с испанскими патриотами против французского господства.

На восприятие Андалусии оказывали влияние не только газеты, на страницах которых описывались подвиги испанской армии под командованием графа де Кастаньоса. Еще одним важным источником стали заметки путешественников, побывавших на юге Испании в 1808 — начале 1810 гг. Уже в первые годы Войны за независимость Испании большое влияние на образ жителей Пиренейского полуострова оказало поэтическое наследие Дж. Г. Байрона. Посещение поэтом Андалусии в период с 22 июля по 16 августа 1809 г. [Martín Párraga 2009: 366], в условиях боевых действий на полуострове, и написание знаменитой поэмы «Паломничество Чайлда-Гарольда» и стихотворения «Девушка из Кадикса» способствовало созданию романтического ореола вокруг южной Испании,

который впоследствии обнаруживается во многих воспоминаниях британских солдат и офицеров. Упоминание чернооких местных жителей стало общим местом в британских мемуарах, написанных по окончании Наполеоновских войн.

К числу других отважных путешественников можно отнести английского торговца Уильяма Якоба [Jacob 1811] и врача Фрэнсиса Дарвина [Darwin 1927]. Дневники последнего были опубликованы лишь в начале XX в., однако путевые заметки У. Якоба стали популярны у читающей публики практически сразу после их публикации в 1811 г. В тексте У. Якоба встречаются подробные описания андалусийских городов и достопримечательностей. Так, он упоминает Кадис, посещенный в сентябре 1809 г.: «Белизна домов, великолепие общественных сооружений, аккуратность и регулярность построек создают поразительную картину... В лучших домах есть кирпичный пол и мраморные ступени. (...) Улицы... хорошо вымощены, причина чего может быть в наличии небольшого количества карет. (...) Экипажи не используются, поскольку большинство улиц слишком узкие» [Jacob 1811: 8–12]. Подобные характеристики будут встречаться в дальнейшем в британских мемуарах, опубликованных британскими солдатами и офицерами после Пиренейской кампании. Каждый мемуарист считал необходимым подробно расписывать природно-географические особенности посещенных территорий или городов. Это подтверждают тексты генерал-майора Эндрю Томаса Блейни, который писал о переходе между Малагой и Антекерой следующим образом: «Пейзажи чрезвычайно романтичны и разнообразны: крутые скалы, укрытые деревьями, сменяются плодородными долинами с многочисленными фруктовыми деревьями, особенно миндальными, и обширными полями с дынями» [Blayney 1814: 63].

Таким образом, важную роль в формировании британского образа Андалусии в начале XIX в. оказывали архетипные представления об Испании как пограничья между Европой и Африкой, страны, хранившей исламское наследие. В то же время, следует учитывать влияние прессы и путевых заметок, вышедших в начале Пиренейской кампании Напо-

леона. Вести из Испании, публиковавшиеся на страницах британских газет, говорили о патриотическом подъеме испанцев, их храбрости и готовности вместе с британскими солдатами сражаться за независимость своей страны. Свидетельства путешественников, оказавшихся на юге Испании в самом начале боевых действий, оказали не меньшее воздействие на образ Андалусии и Испании в целом. По сути, образ Испании, сформировавшийся вплоть до момента встречи британских комбатантов с «другими» испанцами, определял специфику восприятия британцами их союзников. Более того, заметки путешественников в будущем послужили основой для создания британскими военными собственных мемуаров по окончании Наполеоновских войн.

Библиография

ГЛАДЫШЕВ А.В. 1814 год: «Варвары Севера» имеют честь приветствовать французов. М., 2019.

The Black Legend: Anti-Spanish Attitudes in the Old World and the New / Ed. by Ch. Gibson. New York, 1971.

BLAYNEY A. T. Narrative of a Forced Journey through Spain and France, as a Prisoner of War, in the Years 1810 to 1814. Vol. I. L., 1814.

DARWIN F. S. Travels in Spain and the East, 1808–1810 / ed. by F. S. Darwin. Cambridge, 1927.

JACOB W. Travels in the South of Spain, in the Letters written A.D. 1809 and 1810. L., 1811.

MARTÍN PÁRRAGA J. La Guerra de la Independencia a través de los ojos de Lord Byron // Andalucía en la Guerra de la Independencia (1808–1814) / coord. por J. M. Cuenca Toribio. Córdoba, 2009. P. 365–371.

SWINBURNE H. Travels Through Spain, in the Years 1775 and 1776. L., 1779.

Кропотов В.В

НОЦ «Археологические исследования» Института общественных наук
и международных отношений Севастопольского государственного
университета. г. Севастополь

ФИБУЛЫ ИЗ СКЛЕПА 1/2015 КУЛЬЧУКСКОГО НЕКРОПОЛЯ В КОНТЕКСТЕ КРОССКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Kropotov V. V.

FIBULAS FROM CRYPT 1/2015 OF THE KULCHUK NECROPOLIS IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL RELATIONS NORTHWESTERN CRIMEA

Металлические застежки-фибулы функционально предназначены скреплять между собой различные части верхней одежды. Являясь важной деталью костюма древнего населения Европы, они также служили эффектным наружным украшением, которое было тесно связано с модными течениями того времени и демонстрировало эстетические вкусы своих владельцев. Именно поэтому углубленное изучение фибул открывает широкие возможности для реконструкции культурных соотношений между отдельными памятниками и даже целыми регионами древнего мира.

Одним из примеров такого культурологического анализа может послужить исследование набора фибул из склепа 1/2015 Кульчукского некрополя, исследованного Донузлавской археологической экспедицией Института археологии Крыма РАН в 2015 г. [Власов и др., 2016: 108–114; Кропотов и др., 2017: 89–91].

Данный некрополь расположен в Черноморском районе Республики Крым, в 2 км к югу от с. Громово, к северу и северо-востоку от

одноименного городища. Исследованный в 2015 г. склеп находился недалеко от его северного края, в 200 м к северо-северо-востоку от городища. Памятник имел обычную для погребальных сооружений этого типа Т-образную планировку и сохранился в непо потревоженном виде. Его подтрапециевидная в плане входная яма была вытянута по оси север — юг с незначительным отклонением к северо-востоку. Размеры входной ямы: длина 4,95 м, ширина 0,7–1,1 м, глубина от современной дневной поверхности более 2 м. Дно — почти горизонтальное, с незначительным понижением в сторону погребальной камеры. Узкая южная стенка оформлена в виде лестничного марша, от которого сохранилось пять ступенек высотой от 0,22 до 0,4 м. В более широкой северной стенке находился низкий арочный вход в камеру, закрытый массивной каменной плитой. На момент раскопок входная яма была забита бутовым камнем и материковым грунтом.

Погребальная камера склепа, близкой к подпрямоугольной в плане формы размером 2,55 × 2,45 м, имела сильно скругленные юго-восточный и юго-западный углы. Ее горизонтальный пол находился ниже дна входной ямы на 0,5 м, переход образовывал высокую ступеньку. Свод сооружения обрушился в древности, его реконструируемая высота не более 1 м.

Из восьми выявленных в камере захоронений четыре (погребения 1–4) сохранились в относительно правильном анатомическом порядке. Они располагались поперек длинной оси сооружения один за другим вытянуто на спине, головами на восток и юго-восток. Скорее всего, аналогичное положение первоначально имели и четыре остальных захоронения (погребения 5–8), большинство костей которых были обнаружены сдвинутыми к стенкам камеры: черепа — к восточной, посткраниальные кости — к северной и западной.

Захоронения сопровождал многочисленный погребальный инвентарь, включавший гончарную красноглиняную и краснолаковую посуду, лепные сероглиняные сосуды, разнообразные украшения, поясную гарнитуру, наконечники стрел, ножи, бусы и проч., датирующих памятник широким промежутком времени от конца II в. до н.э. до начала I в. н.э.

Среди указанного инвентаря находились и три застёжки-фибулы, выявленные при погребениях 1 и 3. Самая выразительная среди них — массивная бронзовая фибула, сопровождавшая наиболее раннее в склепе погребение 1. Она изготовлена из одного куска проволоки и имеет среднелатенскую конструкцию. Ее аркообразно изогнутая дужка плавно переходит в короткую ножку, от бокового края которой отогнут узкий приемник-«лодочка». Свободный конец ножки, загнутый вверх и назад к дужке, украшен профилированной бусиной в средней части и треугольным расширением на конце. Кончик прикреплен к центральной части дужки с помощью гофрированной скрепы-лапки. Симметричная четырехвитковая пружина с высоко поднятой вверх тетивой намотана на короткую деревянную ось. Длина фибулы 9,9 см, высота корпуса 3,1 см, высота тетивы 4,1 см (рис. 1,1).

Две других фибулы находились при более позднем погребении 3. Первая из них, изготовленная из железа, также имеет среднелатенскую конструкцию. Ее дужка изогнута более угловато, ножка раскована в треугольную пластину и закреплена на дужке с помощью лапки. Пружина аналогичная четырехвитковая, но с более низкой тетивой. Ось в пружине не сохранилась. Длина фибулы 6,9 см, высота корпуса 2,7 см, высота тетивы 1,6 см (рис. 1,2).

Еще одна фибула из погребения 3 — бронзовая, близкая своими внешними очертаниями к предыдущей, но имеющая иную конструкцию ножки. Ее дужка непосредственно переходит в ножку, подогнутую вниз и раскованную в приемник-«лодочку». Проволочное окончание приемника прикреплено (приковано) к спинке фибулы снизу. Дополнительного декора застёжка не имеет; пружина, симметричная четырехвитковая с верхней тетивой, намотана на короткую деревянную ось. Длина фибулы 6,8 см, высота корпуса 2 см, высота тетивы 1,3 см (рис. 1,3).

Все три фибулы, несомненно, имеют разные культурные корни. Застёжка из погребения 1, судя по прямым аналогиям с анатолийскими образцами (Анкара, Богазкёй, Кушсарай и др.), представляет собой импорт из центральных районов Малой Азии [Кропотов, 2021: 217]. Железная

фибула из погребения 3 демонстрирует близкое сходство с застёжками из зарубинецких памятников Верхнего и Среднего Поднепровья, имеющими, как считается, кельто-иллирийское происхождение [Каспарова, 1977: 69–75; 1981: 63]. Появление таких изделий в Крыму, бесспорно, является результатом внешнего культурного импульса. В то же время бронзовая фибула из этого же погребения, изготовленная по так называемой подвязной схеме, является типичным продуктом местного производства [Кропотов, 2010: 67].

Таким образом, фибульный набор из склепа 1/2015 Кульчукского некрополя показывает, с одной стороны, наличие разнонаправленных культурных связей Северо-Западного Крыма с другими областями Черноморского бассейна, а с другой — свидетельствует о моде на изделия собственного производства.

Библиография

ВЛАСОВ В. П., ЛАНЦОВ С. Б., СМЕКАЛОВ С. Л., ШАПЦЕВ М. С. Неграбленный позднескифский склеп в Северо-Западном Крыму // Археологические вести. — 2016. Вып.22. С. 108–114.

КАСПАРОВА К. В. О фибулах зарубинецкого типа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. № 18. С. 68–78.

КАСПАРОВА К. В. Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // Советская археология. 1981. № 2. С. 57–79.

КРОПОТОВ В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

КРОПОТОВ В. В. Фибула из погребения 1 склепа 1/2015 Кульчукского некрополя // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты. Симферополь-Керчь, 2021. С. 214–220.

КРОПОТОВ В. В., ВЛАСОВ В. П., ЛАНЦОВ С. Б. К датировке склепа 1/2015 Кульчукского некрополя // Археология Северо-Западного Крыма. Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию создания заповедника «Калос Лимен» и 30-летию открытия Черноморского историко-краеведческого музея. Симферополь, 2017. С. 89–91.

Кузенков П. В.

Севастопольский государственный университет, Севастополь

«ВАРВАР VS. ЭЛЛИН», «КРЕСТЬЯНИН VS. БУСУРМАНИН» И ДРУГИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОППОЗИЦИИ В ВОСТОЧНОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Kuzenkov P. V.

FROM HELLENES/BARBARIANS TO KRESTIANS/ BASURMANS: CIVILIZATIONAL DICHOTOMIES IN EASTERN CHRISTENDOM

Базовым признаком цивилизации является терминологически оформленная идентичность, противопоставляемая «чужим» конкурирующим культурам. Появление такой идентификации, выходящей за рамки архаичных родо-племенных маркеров, можно увидеть уже в ранних государствах Востока. Так, жители Междуречья, как шумеры, так и семитоязычные аккадцы, именовались термином «черноголовые» (санг-гига, цалмат-каккади), который выступает в качестве одного из древнейших культуронимов, объединяющих неродственные этнические группы.

Античная дихотомия «эллин — варвар», носившая изначально этнолингвистический характер (ср. слав. «словѣне — нѣмьци»), с IV в. до н.э. наполняется культурным значением: Исократ в «Панегирике» говорит о том, что имя эллинов теперь означает не происхождение, а образ мыслей (δίαιτια) [Исократ 2013: 54]; Александр Македонский, начинавший войну с Персией как противостояние эллинов и варваров, по Плутарху, отошёл от заветов Аристотеля и «предписал всем считать отечеством вселенную и ... видеть эллинство в добродетели, а варварство — в пороке» [Плутарх 1998: 402].

Христианство ещё более радикально пересматривает как античную, так и ветхозаветную дихотомию. Апостол Павел в Послании к Колоссянам (3:11) призывает облечься в нового человека, «где нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всём — Христос». Эта же идея содержится в молитве новоокрещённого русского князя Владимира Святого, приводимой в «Повести временных лет»: «Взгляни на новых людей этих и дай им, Господи, познать тебя, истинного Бога, как познали тебя христианские страны». Сам летописец рассказывает о крещении Руси завершает словами: «новые люди — христиане, избранные Богом» [Повесть 2012: 81, 84].

Так на русской почве реализуется византийская парадигма, оформившаяся уже в первые годы христианской Империи. Культуроним «эллина» закрепляется за старой языческой традицией, а самоидентификацией населения становятся политоним «ромей» и конфессионим «христиане». Так, в русско-византийских договорах в качестве параллели термину «русин» выступает не только «грек» (= Ῥωμαῖος), но и «христианин» [Повесть 2012: 25–27, 35–36].

В византийском дискурсе самоидентификация «христиане/ромей» в религиозном контексте входила в дихотомию «христиане vs. эллины», причем под последними понимались язычники в самом широком смысле: напр., патриарх Фотий так говорит о болгарах [Кузенков 2003: 72, 74] (ср. именование «магами» (маджус), т. е. язычниками, норманнов «ар-Рус» у аль-Якуби [Jakubi 1892: 354]). В политическом контексте «ромеям» противостояли «франки», «скифы», «сарацины» (Σαρακηνοί) и др. реальные и искусственные этнонимы. При этом удивительно, что в византийской литературе фактически отсутствует дихотомия «христиане/ромей vs. мусульмане»: она встречается только однажды у Анны Комнины [Alexias, vol. III 1945: 157]. Аналогичным образом арабоязычные писатели не противопоставляют мусульман и христиан, но говорят о ромеях («руми»), франках, славянах и т. д. — хотя себя идентифицируют именно как мусульман. Таким образом, наблюдается диссонанс между внутренними и внешними идентификаторами

обеих цивилизаций Большого Средиземноморья и Ближнего Востока. Этот феномен, на наш взгляд, характерен именно для ранней фазы формирования религиозно ориентированных цивилизационных типов, когда их инновационное самоосмысление опережает консервативную внешнюю идентификацию.

На русской почве уже в XI в. происходит формирование дихотомии «христиане (кръстияне) — язычники (погани)» [Повесть 2012: 110 и др.]. Оба термина попали в славянские языки из латыни (*christianus*, *paganus*), и аналогичная оппозиция наблюдается в средневековой Европе. При этом термин «крестьянин» дрейфует в сторону обозначения обычного человека, простолюдина, земледельца (ср. итал. и исп. *cristiano* «парень», португ. *cristão* и румын. *creștin* «лицо, человек», франц. *crétin* «простак, юродивый»), а «поганый» превращается из конфессионима в пейоративную характеристику, распространяемую не только на людей («поганый гриб» и т.п.; ср. румын. *răgân* «негодяй»; в западных языках здесь иные семантические смещения: англ. *pagán* «жестокий»; франц. *païen* «невежа»; итал. *pagano* «гедонист»).

И опять же, несмотря на соседство с исламским миром, специальный термин для обозначения мусульман в древнерусском языке отсутствует. Даже в специфически религиозном контексте: так, в известном эпизоде перед Куликовской битвой, где Дмитрию Донскому предстояло противостоять исламской армии Золотой Орды, преподобный Сергей благословляет князя, призывая Бога, идти «на поганых половцев» [Сказание 1985: 244], и даже Александр Невский в Симеоновской летописи (XV в.) характеризуется как борец «за христианы с погаными татары» [ПСРЛ, XVIII 2007: 72]. Во всем корпусе текстов, учтенных в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв., лишь дважды встречается специальный конфессионим «Бохмиты» (от др.-рус. Бохмит = Мухаммед), но и он всякий раз сопровождается эпитетом «поганья» [СДЯ, I 1988: 299]. И только в XVI в. получает распространение термин «бусурманский» [Отин 2014: 22, 92, 103, 186, 194, 358] — фонетический облик которого объясняется тюркским посредством (мусул- > бусур-). Старый термин

«крестьяне» в XVIII в. окончательно уходит в сферу сословного обозначения и в качестве религиозного самоопределения вытесняется более узким конфессионимом «православные». В Новое время оппозиция «крестьяне vs. бусурмане» уходит в низовую народную культуру, тогда как в литературный язык входит оппозиция «цивилизация/варварство».

Библиография

ИСОКРАТ, Малые аттические ораторы. Речи. Письма.— М., 2013.

КУЗЕНКОВ П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси // Древнейшие государства на территории Восточной Европы — 2000 г.— М., 2003.— С. 2–172.

ОТИН Е. С. Словарь русского языка X–XVIII вв.— Донецк, 2014.

ПОВЕСТЬ временных лет / Пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова.— СПб., 2012.

ПЛУТАРХ, Сравнительные жизнеописания. Трактаты и диалоги.— М., 1998.

ПСРЛ [Полное собрание русских летописей].— М., 2007.— Т. XVIII.

СКАЗАНИЕ о Мамаевом побоище // Воинские повести Древней Руси.— М., 1985.

СДЯ [Словарь древнерусского языка] (XI–XIV вв.) в 10 тт. / Гл. ред. Р. И. Аванесов.— М., 1988.— Т. I.

ALEXIAS = Anna Comnène. *Alexiade* / Ed. B. Leib.— Paris, 1967 (repr.).— 3 vol.

JAKUBI, al-Buldan // *Kitâb al-A‘lâq al-Nafisa VII* auctore Abû Alî Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et *Kitâb al-Boldân* auctore Ahmed ibn abî Jakûb ibn Wâdhih al-Kâtib al-Jakûbi.— Lugdunum Batavorum, 1892.— (Bibliotheca Geographorum Arabicorum; 7).

Кущ Т. В.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

ОБРАЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV в. В ОПИСАНИЯХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ¹

T. V. Kushch

THE IMAGE OF CONSTANTINOPLE IN THE FIRST HALF OF THE 15TH CENTURY IN THE DESCRIPTIONS OF WESTERN EUROPEAN TRAVELERS

В первой половине XV в. в Византии с разными целями побывало много европейцев. Среди них были дипломаты, торговцы, паломники и путешественники. Некоторые вели путевые записи или по возвращении написали целые трактаты о поездке на Восток, отведя в них немалое место и *descriptio Constantinopolitane*. Их свидетельства — ценные источники по истории Византийской империи накануне ее гибели [Angold 2002: 232]. Путешественники описывали город и его главные достопримечательности, императорские приемы и городской быт, события прошлого и текущее положение дел в империи. Воспринимая Византию как чужую/чуждую страну с иными традициями, обычаями и укладом, европейские гости греческой столицы не только подмечали то, что ускользало от взора местных жителей, но и писали о том, что было интересно их соотечественникам, которым собственно и предназначался рассказ. Создаваемый ими образ Константинополя не был свободен от существовавших

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

в европейском сознании стереотипов. Рассмотрим некоторые устойчивые представления о Византии, нашедшие отражение в описании греческой столицы западноевропейскими путешественниками и способствовавшие закреплению в европейском нарративе образа угасающей империи.

В поле нашего зрения находятся заметки нескольких путешественников, побывавших в Константинополе в первой половине XV в. Двое из них находились на службе у бургундского герцога Филиппа Доброго: Жильбер де Ланнуа, по дипломатическим делам совершивший в 1421–1422 гг. поездку по Восточной Европе и Святой Земле [Oevres de Ghillebert de Lannoü 1878: 64–66; Черкасов 2015: 203], и Бертрандон де ла Брокьер, отправившийся в 1432–1433 гг. в паломничество в Святую землю и на обратном пути посетивший Константинополь [The Travels of Bertrandon de La Brocquière 1807: 213–234; Vespignani 2016: 128]. Византийскую столицу тогда посетили и два испанских путешественника: Руи Гонсалес де Клавихо, побывавший в Константинополе в 1403 г. по пути ко двору Тимура [Руи Гонсалес де Клавихо 1990: 32–48], и Перо Тафур, совершивший в 1437–1439 гг. большое путешествие по Средиземноморью [Перо Тафур 2006: 138–153]. Заметки о городе оставили также флорентийский путешественник Кристофоро Буондельмонти, чей визит в византийскую столицу датируется 1422 г. [Cristoforo Buondelmonti 2007: 50–52], и торговец Кириако из Анконы, описавший византийский мир Эгеиды, по которому он странствовал в 1443–1447 гг. [Cyriac of Ancona 2003: 52–58]. В этих сочинениях отразилось характерное для европейской традиции восприятие Константинополя и Византии в целом.

На страницах путевых записок речь непременно заходит о великом прошлом города. Кириако Анконский, вслед за самими византийцами, называет Константинополь «Новым Римом (Romam Novam)», подчеркивая его имперское происхождение [Cyriac of Ancona 2003: 256]. Авторы травелогов называют имена знаменитых деятелей (Константина Великого, его матери Елены, Юстиниана I и др.), заботами которых Константинополь превратился в крупнейший центр христианского мира. Почти каждый

упоминает места, хранившие память о могуществе империи: мощные крепостные стены, величественные дворцы, древние храмы и памятники. Представление о былом величии Константинополя подкрепляли исторические экскурсии и городские легенды, приведенные в записках путешественников. По сути, они воспроизводили глубоко укоренившийся в европейском сознании образ имперской столицы, имевшей славное прошлое.

Общим местом в рассказах иностранцев о Константинополе является также нескрываемое восхищение его красотами. Каждый путешественник при знакомстве с городом и его жизнью испытывал восторг и удивление. Их изумляло необыкновенное местоположение столицы и ее размеры, удобство гавани, оформление площадей, роскошь дворцов, убранство храмов, великолепие мозаик, количество реликвий. Путешественники часто прибегали к суперлативным формам выражения своего восхищения городскими достопримечательностями.

Город в описании путешественников предстает своего рода музеем, где собраны бесценные сокровища. Каждый прибывший в Константинополь не скрывал своего желания «посмотреть и полюбоваться городом, увидеть его святыни и церкви» [Руи Гонсалес де Клавихо 1990: 33]. Наслышанные о древностях византийской столицы, европейские визитеры хотели воочию их увидеть. Местные «экскурсоводы» с гордостью демонстрировали чужеземцам древние памятники и христианские святыни. Как отмечает Жильбер де Ланнуа, «мне показали чудеса и древности города и церквей» [Oevres de Ghillebert de Lannoy 1878: 65]. Личным опытом путешественники подтверждали верность расхожего на Западе мнения о великолепии памятников Константинополя, равных которым в мире не было.

Но величие империи и ее столицы предстает в записках путешественников в прошедшем времени. Топосом стало признание ими того факта, что слава державы ромеев ушла в прошлое, а некогда могущественная империя превратилась «жалкое государство греков» [Syriac of Ancona 2003: 12]. Описывая Константинополь, они непременно отмечали, что

многие здания лежат в руинах, кварталы в запустении, а население сокращается. Путешественники подчеркивали контраст между блестящим прошлым и безрадостным настоящим города. Образ обедневшей столицы, переживавшей трудные времена, получил широкое распространение на Западе, в том числе благодаря рассказам путешественников.

Образ Византии в путевых записках формировался под влиянием широко распространенных в Западной Европе представлений о греках. Европейцы традиционно относились к ромеям с подозрением, не без оснований полагая, что те, в свою очередь, испытывают ненависть к латинянам [Кушц 2006: 327]. Подобное представление, подкрепленное опытом контактов с жителями столицы, наиболее четко сформулировал Бертрандон де ла Брокьер, заметивший, что «эти греки питают большее отвращение к латинским христианам, чем сами турки» [The Travels of Bertrandon de La Brocquière 1807: 213]. Бытовавшее в Европе неприятие религиозной и культурной инаковости ромеев присутствует в исследуемых рассказах в несколько размытом виде, но нельзя не заметить если не откровенную вражду, то настороженность путешественников по отношению к грекам-схизматикам. Укоренившийся в европейском сознании стереотип восприятия ромеев дополнялся личным опытом общения путешественников с ними.

Несмотря на разность взглядов и степень подробности описания византийской столицы в рассказах европейских путешественников можно обнаружить много шаблонных характеристик. В создаваемом ими образе византийской столицы отразилось европейское восхищение былой славой империи, ее богатством и роскошью, наличием большого числа христианских святынь. Однако время наложило свой отпечаток на облик города, и трудно было не заметить признаки грядущей его гибели. Потому в конструируемом современниками образе Византии уживались противоречивые характеристики: блеск и нищета Константинополя, величие и упадок империи. Именно такой будут представлять себе европейцы державу ромеев незадолго до ее падения. И позднесредневековые рассказы о путешествиях на Восток сыграют важную роль в формировании европейского взгляда на Византию, который сохранится и в Новое время.

Библиография

ПЕРО ТАФУР. Странствия и путешествия / пер., предисл. и комм. Л. К. Масиеля Санчеса. М., 2006.

РУИ ГОНСАЛЕС ДЕ КЛАВИХО. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / пер. со староисп., предисл. и коммент. И. М. Мироковой. М., 1990.

КУЩ Т. В. Латиняне в восприятии латинофилов // Античная древность и средние века. 2006. Т. 37. С. 318–328.

ЧЕРКАСОВ Д. Н. Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» / Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2015. Вып. 8. 195–241.

ANGOLD M. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of Western Travellers / Travel in the Byzantine World / ed. R. Macrides. Abingdon; New York, 2002. P. 213–232.

CRISTOFORO BUONDELMONTI. Liber insularum archipelagi / Transkription, Übersetzung und Kommentar von K. Bayer. Wiesbaden, 2007. Vol. 2.

CYRIAC OF ANCONA. Later Travels / ed. E. W. Bodnar. Cambridge Mas.; London, 2003.

Oevres de Ghillebert de Lannoy, voyager, diplomate et moralist / rec. et publ. par Ch. Potvin. Louvain, 1878.

The Travels of Bertrandon de La Brocquière, Counsellor & First Esquire-Carver to Philippe Le Bon, Duke of Burgundy, to Palestine, and his return from Jersulem Overland to France, during the Years 1432 & 1433. Extracted and put into Modern French from a Manuscript in the National Library at Paris / ed. T. Johnes. London, 1807.

VESPIGNANI G. Un viajero en la Constantinopla del siglo XV poco conocido: el borgoñón Bertrandon de la Broquière // Estudios Bizantinos. 2016. Vol. 4. P. 123–131.

Лебединский В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Татарков Д. Б.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Двухшерстнов В. И.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

**РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСИТЕТСКО-
АКАДЕМИЧЕСКОГО КОНСОРЦИУМА
«РОССИЯ В БОЛЬШОМ
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ» В 2021–2022 гг.**

Lebedinski V. V.

Tatarkov D. B.

Dvukhsherstnov V. I.

RESULTS OF THE EXPEDITION ACTIVITY OF
THE UNIVERSITY-ACADEMIC CONSORTIUM
«RUSSIA IN THE GREAT MEDITERRANEAN» IN
2021–2022

В настоящее время в Севастопольском государственном университете заложены фундаментальные основы для планомерного проведения на систематической основе морских археологических исследований приморских территорий и акваторий как в России, так и в бассейне Средиземного и Красного морей, на основе использования современных цифровых технологий и сетевой кооперации с ведущими российскими и зарубежными научными центрами и университетами. Это обеспечит постоянное присутствие России в гуманитарном пространстве Большого Средиземноморья, реализуемое в проведении комплексных морских

археологических исследований приморских территорий и акваторий отдельных регионов Ближнего Востока и Северной Африки на основе использования современных цифровых технологий и сетевой кооперации с ведущими российскими и зарубежными научными центрами и университетами.

Способом решения поставленных задач определено проведение во взаимодействии с консорциумом «Россия в Большом Средиземноморье» (5 университетов и академических институтов РАН) комплексных экспедиций в бассейне Восточного Средиземноморья: Сирийская Арабская Республика, Республика Абхазия, Арабская Республика Египет, Республика Судан.

Сирийско-российская подводно-археологическая экспедиция в акватории провинции Тартус и острова Арвад Сирийской Арабской Республики проводит работы с 2019 года, при участии Института востоковедения РАН, при поддержке Государственной Думы Российской Федерации, Министерства обороны и Русского географического общества. В 2021 году сирийско-российская исследовательская группа в ходе обследований акватории при впадении реки Аль Хасейн в Средиземное море обнаружила скопления фрагментов керамического материала античного и средневекового периодов, что позволяет предположить существование в этом районе древней якорной стоянки. При исследовании района акватории, прилегающей к населенному пункту Хараб Маркия, были обследованы остатки крепостных и портовых сооружений, относящихся к римскому периоду. С юго-восточной стороны острова Арвад изучены затопленные крепостные и портовые сооружения. На островах Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис и Макруд зафиксированы остатки древних каменоломен, некрополя и пристаней относящихся к финикийскому и римскому периодам. В глубоководном районе к западу от острова Арвад выявлены и обследованы остатки кораблекрушения, относящегося к концу XIX — началу XX вв. Всего в 2021 году обследовано более 25 квадратных километров морской акватории. Результаты полевого сезона 2021 года отражены в докладах на международных научных конференциях, опубликованы

в научных статьях, готовится к изданию монография, создана база данных археологических объектов акватории провинции Тартус (на русском и арабском языках).

Подводные археологические работы в акватории городов Гудаута, Сухум и Очамчира (Республика Абхазия). Экспедиция проводится совместно с Институтом востоковедения РАН и Абхазским государственным музеем. В ходе первого полевого сезона были проведены гидроакустические исследования в районе вероятного места кораблекрушения IV в. до н.э. Выполнено водолазное обследование объектов портовой инфраструктуры античного и средневекового периода. Проведено сканирование ряда христианских храмов византийского периода, в настоящее время в университете ведутся работы по созданию их цифровых двойников. Кроме того, совместно с Абхазским государственным музеем реализуется проект по созданию цифровой экспозиции музея.

В ноябре 2021 года исследовательская группа СевГУ в ходе научно-практического семинара «Цифровые технологии в археологических исследованиях» приняла участие в работе российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе (Арабская Республика Египет) в восточной части некрополя на плато Гиза. Специалисты СевГУ выполнили высокоточное лазерное сканирование четырех гробниц, относящихся к эпохе Древнего царства, в настоящее время в университете ведутся работы по созданию их цифровых двойников и виртуальных реконструкций.

В декабре 2021 года специалисты СевГУ приняли участие в полевой научной археологической школе экспедиции Института востоковедения РАН и Института Ближнего и Дальнего Востока (IsMEO, Италия) на археологическом памятнике Абу Эртейла на северо-востоке провинции Шенди (Республика Судан). Памятник Мероитской цивилизации относится к I–III вв. н.э. и находится вблизи Мероэ — столицы царства. Специалисты СевГУ обеспечили применение современных технических средств для цифровой фиксации археологических объектов и обработки полученной информации.

Севастопольский государственный университет силами консорциума «Россия в Большом Средиземноморье» ведет подготовку для организации и проведения международной подводной археологической экспедиции в Египте и Судане в 2022–2023 гг.

Формат морских археологических экспедиций, выполняемых совместно с ведущими зарубежными и отечественными научными центрами, позволит Университету сформировать устойчивую сеть партнерств для достижения научных результатов мирового значения в области изучения, сохранения и популяризации морского историко-культурного наследия, а также осуществить трансфер за рубеж российских технологий, регламентов и стандартов проведения морских археологических исследований, стандартов подготовки соответствующих специалистов (в 2021 году заинтересованность обозначили Сирия и Судан). В настоящий момент ведется работа по адаптации и переводу методических пособий по подводно-археологическим исследованиям на арабский язык. Международные экспедиции предоставляют уникальную возможность реализовать программу подготовки археологов, историков, специалистов музейного дела, обладающих цифровыми компетенциями и прошедших подготовку в научных центрах и экспедициях мирового уровня, специалистов с уникальными регионоведческими компетенциями для российских научных организаций, правительственных учреждений и компаний, чья деятельность связана с регионом Большого Средиземноморья.

Реализуемые научно-исследовательские проекты имеют и прикладное значение. Так, в настоящий момент силами исследовательской группы Севастопольского государственного университета и Института востоковедения РАН реализуется комплекс научно-исследовательских проектов, направленных на разработку и апробацию инновационных методов мониторинга состояния объектов историко-культурного наследия на морском дне. Актуальность этой работы обусловлено необходимостью мониторинга текущего состояния и среднесрочное прогнозирование динамики изменения объекта. Применения цифровых технологий позволяет вырабатывать новые решения в системе изучения, сохранения и популяризации историко-культурного наследия.

Разрабатываемые технические решения позволят осуществлять систематический мониторинг за объектами и отслеживать их физическую сохранность (Рис. 1–4)¹, а также выявлять негативные факторы, влияющие

¹ Так, например, анализ и автоматическая обработка ортофотопланов открывают дополнительные возможности в мониторинге объектов подводного культурного наследия. Ортофотометрический план технически является двухмерным изображением, следовательно, при сравнении двух таких планов можно использовать алгоритмы поиска отличий между двумя матрицами (набор данных, где каждый элемент можно найти по двум координатам). Как известно, двухмерное изображение состоит из мелких точек (пикселей), каждая из них имеет собственный цвет и уникальное местоположение по осям X и Y, вместе они формируют цельное изображение, являясь матрицами. Простым алгоритмом поиска отличий будет сопоставление состояния точек, находящихся в одних и тех же координатах на разных изображениях. Для более точного поиска можно перевести сравниваемые изображения в черно-белый формат, таким образом, отбросив ошибки, вызываемые изменением освещения при съёмке наблюдаемых объектов. При работе любого алгоритма сравнения всегда происходит поиск отличий от большего к меньшему. Если речь идёт о поиске отличий между съёмкой кораблекрушения на большой глубине, то первые отличия, которые будут обнаружены, — это квадраты, в которых произошли общие изменения большими общими пятнами. Затем будут обнаружены изменения состояния крупных объектов, таких как детали корпуса судна. Затем будут обнаружены более мелкие отличия состояния, такие, например, как перемещённые или отсутствующие фрагменты керамики. Как известно, в программировании любые данные, имеющие структурную связь, выражаются специальным типом переменных — массивами. Массивы могут быть одномерными, двухмерными и многомерными и всегда содержат множество значений. Изображение можно представить в виде двухмерного массива. В таком массиве идентификатором каждого элемента (точки) будут ее координаты по обеим осям в изображении. При чтении массивов используются специальные команды — циклы. Для чтения двухмерного массива нужны два вложенных друг в друга цикла. Можно представить двухмерный массив как таблицу, в этом случае первый цикл всегда будет открывать строку, а второй (внутренний) — конкретную ячейку. В каждой нашей воображаемой ячейке будет находиться точка с конкретными координатами и кодом цвета. Зная координаты конкретной точки, можно найти вторую точку на другом изображении в тех же координатах, и сравнить их цветовые коды. Если при проходе массива, содержащего информацию о нашем изображении, мы находим скопление таких точек в одном месте, мы можем констатировать, что обнаружен квадрат с заметными изменениями. Первый проход с низкой чувствительностью (большим разбросом значений, принимаемых как идентичные) позволит нам обнаружить большие пятна, имеющие обширные отличия, и отбросить те квадраты, в которых отличий нет. Второй проход уже только по координатам тех точек, которые находятся в квадратах, отмеченных как имеющие отличия, но с большей чувствительностью, позволит определить форму пятен с отличиями. Сопоставив такие пятна с силуэтами-образцами (например, фрагментов корпуса корабля или керамики), можно определить, какие именно

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

на их разрушение, то есть прогнозировать состояние данных объектов в заданной перспективе.

В ближайшие годы отечественные цифровые технологии анализа и сравнения будут адаптированы для оперативного автоматического мониторинга состояния объекта подводного культурного наследия. Будет разработан алгоритм автоматизированного прогнозирования динамики состояния объекта во времени, с учетом влияния природных факторов и антропогенной нагрузки.

Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

элементы находились в квадратах с отличиями. Совершенно очевидно, что получение подобной информации можно регулярно осуществлять с применением необитаемых телеуправляемых или автономных подводных аппаратов и затем анализировать в автоматическом режиме.

Лебединский В. В.

Севастопольский государственный университет, Севастополь
Институт востоковедения РАН, Москва

Ефимов А. В.

Институт востоковедения РАН, Москва

**«ОТЧЕТ ПО ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ»
(1942 г.),
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ТЕАТРЕ
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ¹**

Lebedinski V. V.

Efimov A. V.

«REPORT ON THE DEFENSE OF SEVASTOPOL» (1942),
AS A HISTORICAL SOURCE ON THE HISTORY OF THE
GREAT PATRIOTIC WAR IN THE BLACK SEA THEATER
OF OPERATIONS

После окончания обороны главной базы Черноморского флота, командованием была создана «Комиссия по составлению краткого отчета о Севастопольской обороне 1941–1942 гг.».

В состав комиссии вошли: заместитель начальника Штаба ЧФ капитан 1 ранга А. Г. Васильев (председатель), заместитель командующего ЧФ генерал-майор береговой службы П. А. Моргунов, командир 7й бригады морской пехоты генерал-майор Е. И. Жидилов, командир 79й морской

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научного проекта № 20–49–920008.

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and the government of Sevastopol, project number 20–49–920008.

стрелковой бригады полковник А. С. Потапов, начальник оперативного отдела Штаба ЧФ капитан 2 ранга О. С. Жуковский, начальник оперативной смены ПВО главной базы ЧФ полковник А. М. Никитин, флагманский артиллерист Штаба ЧФ капитан 1 ранга А. А. Руль, заместитель начальника Штаба ВВС ЧФ подполковник Н. И. Савицкий, капитан 3 ранга М. М. Соколов, начальник оперативного отдела Штаба СОР капитан 3 ранга Ф. В. Тетюркин, дублер командира эсминца «Свободный» капитан 3 ранга И. А. Чверткин².

Благодаря успешной эвакуации архива штаба, соединений и частей Черноморского флота на руках у членов комиссии был обширный материал, который позволил осветить ход боевых действий, дать хронологию событий и привести детальные характеристики сил противника и частей Севастопольского оборонительного района.

12 октября 1942 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал Ф. С. Октябрьский и член Военного Совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н. М. Кулаков согласовали подготовленный комиссией текст.

Двухтомный «Отчет по обороне Севастополя», выполненный в нескольких экземплярах, получил гриф «совершенно секретно»³.

Комиссия разработала следующую структуру отчета:

Том первый:

1. Севастопольская оборона от начала до третьего штурма:

- Организация обороны Севастополя до войны;
- Строительство сухопутной обороны;
- Борьба в Крыму;
- Начало боев за Севастополь;

² Капитан 1 ранга Иосиф Абрамович Чверткин (1903–2003) в 1990-е гг. подготовил обширные воспоминания, в том числе и о своем участии в работе над «Отчетом по обороне Севастополя». Копия рукописи мемуаров хранится в личном архиве А. В. Ефимова. Глава о подготовке отчета публикуется в приложении.

³ Известные экземпляры отчета хранились в Архиве Штаба Черноморского флота и Архиве ГШ ВМФ (поступил из 1-го Отдела Оперативного управления ГМШ ВМФ).

- Реорганизация обороны Севастополя;
 - Ноябрьские бои за Севастополь;
 - Декабрьские бои за Севастополь (2-й штурм);
 - Осада Севастополя (в период январь — май 1942 г.).
2. Противник перед третьим штурмом:
 - Подготовка противника к июньскому наступлению на Севастополь.
 3. Боевой и численный состав сил СОР и соотношение сил.
 4. Боевое управление Севастопольского оборонительного района.
 5. Инженерная оборона Севастополя и обеспечение СОР:
 - Состояние оборонительной системы ГВМБ ЧФ и инженерных сооружений базы к началу Отечественной войны;
 - Строительство сухопутной обороны ГБ ЧФ в период от начала войны до начала осады Севастополя;
 - Усиление сухопутной обороны СОР за период 1-го и 2-го наступления противника;
 - Инженерная оборона и обеспечение СОР к началу 3-го наступления противника;
 - Инженерные работы по СОР в период 3-го наступления противника.
 6. Противотанковая оборона СОР.
 7. Противодесантная оборона СОР на 15 мая 1942 г.
 8. Ход боевых действий во время подготовки и штурма Севастополя с 20 мая по 2 июля 1942 г.

Том второй:

1. Военные действия ВВС:

- Краткие выводы по действиям ВВС ЧФ в системе Севастопольского оборонительного района (в период ноябрь 1941 г.— май 1942 г.);
- Бомбардировочные действия;
- Штурмовые действия;
- Прикрытие ГБ и аэродромного узла СОР;
- Воздушная разведка;
- Прикрытие транспортов и боевых кораблей (конвоев) на переходе морем (противодесантная охрана);

- Условия боевой работы;
- Взаимодействие авиации с наземными войсками и флотом;
- Боевые действия 3-й особой авиагруппы ВВС ЧФ и ВВС СКФ в период третьего штурма.

2. ПВО Севастопольского оборонительного района:

- ПВО задачи, средства, организация;
- Характеристика боевой деятельности авиации противника;
- Характеристика боевых действий средств ПВО до начала третьего штурма;
- Действия средств ПВО в период третьего штурма: боевое управление, связь и оповещение, взаимодействие ЗА с ИА, действия ЗА, зенитные пулеметы, зенитные прожектора, дымомаскировка, местная ПВО.

3. Артиллерийское содействие кораблей флота Севастопольскому оборонительному району:

- общая обстановка, огневое содействие, организация корпостов, самолеты-корректировщики и документация, артиллерийская разведка, связь с корпостами и кораблями, огневые позиции, методы стрельбы, работа личного состава, работа матчасти, расход и действие боезапаса, выводы.

4. Военная деятельность ОВР:

- краткие выводы по боевой деятельности ОВР ГБ за период ноябрь 1941 г.— май 1942 г., состав сил и средств СОР, дозорная служба, борьба с магнитными минами противника, обеспечение входа и выхода военных кораблей и транспортов из ГБ, манипуляторная служба, противоминная оборона ГБ, противоторпедная оборона, оценка средств ПЛО, оценка средств СКА и ТКА, использование ТКА ТКА, краткие выводы по боевой деятельности ОВР ГБ за июнь месяц 1942 г., встреча и проводка кораблей, обеспечение входа кораблей от атак ТКА ТКА и торпедоносцев, противоминная оборона, противодесантная оборона побережья СОР, задача противодесантной обороны, постановка сетей против десантных кораблей противника, организация обороны 3-го

десантного сектора, боевое использование артиллерийского огня кораблей ОВР, работа личного состава ОВР, боевое управление.

5. Обеспечение коммуникаций Севастопольского оборонительного района:

- Обеспечение коммуникации СОР за период ноябрь–июнь 1942 г.;
- 1-й период (ноябрь — декабрь 1941 г.);
- 2-й период (январь — май 1942 г.);
- 3-й период (с 15 мая 1942 г. до 3 июля 1942 г.);
- Итоги использования транспортов для перевозок в осажденный и блокируемый Севастополь;
- Перевозки на боевых кораблях в период III-го штурма Севастополя (15 мая 1942 г. — 3 июня 1942 г.);
- Перевозка на подводных лодках в период III-го штурма Севастополя (15 мая 1942 г. — 3 июня 1942 г.);
- Итоги перевозок подводными лодками;
- Переброски в Севастополь оргсредствами ВВС.

6. Связь Севастопольского оборонительного района:

- Задачи;
- Состав сил и средств связи СОР;
- Организация связи и наблюдения СОР;
- Работа средств связи СОР: радиосвязь, электро-линейная связь, голубиная связь.

7. Артиллерия в обороне Севастополя:

- Роль артиллерии;
 - Маневр огнем артиллерии, плотность огня и группировка: подготовка к ведению огня, группировка артиллерии, самооборона артиллерии, организация связи;
 - Береговая артиллерия;
 - Пулеметный и ружейно-стрелковый огонь в обороне Севастополя.
8. Работа тыла Севастопольского оборонительного района:
- Работа производственных предприятий тыла СОРа;
 - Судоремонтная мастерская техотдела;
 - Работа населения в помощь фронту.

К отчету было подготовлено более 104 текстовых и графических приложений.

В завершении работы авторы сочли необходимым обратить внимание на то, что: «Огромный материал, имеемый по Севастопольской эпопее 1941–1942 гг., ждет своих исследователей и писателей. Данный материал представляется в сыром виде, наспех составленный и не может считаться полноценным, он дает лишь общее представление, и то неполное о знаменательной обороне».

Обширность источниковой базы, а также привлечение к написанию разделов организаторов и участников обороны, дают основание считать эту работу одним из важнейших исследований по истории г. Севастополя в годы Великой Отечественной войны.

Несмотря на закрытый характер, документ неоднократно использовался военными исследователями. В начале 1961 г. Отчет изучал адмирал Ф. С. Октябрьский, при этом внося правку в оригинальный текст.

Введение в научный оборот этого первого исторического очерка, составленного в 1942 г., расширит источниковую базу изучения истории обороны Севастополя.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Чверткин И. А. Мои воспоминания

«Отчет по обороне Севастополя»⁴

В тот же день Оскар привез меня в Сухуми, в местечко под названием «Синоп»⁵, и меня сразу принял командующий флотом Октябрьский. Он сказал, что возлагает на меня ответственную задачу «закончить», как он сказал, отчет по обороне Севастополя. Все материалы, над которыми уже потрудились некоторые отделы штаба и его флагманские специалисты, находятся у начальника штаба, и он предоставит их мне вместе с помещением, где я смогу работать без помех.

⁴ Чверткин И. А. Мои воспоминания. Хайфа. — 2001. — Ч. 3–4. — С. 162–164.

⁵ Флагманский командный пункт ЧФ.

Затем он сказал, что только что разговаривал по телефону с Владимирским, и тот доложил, что эсминец «Железняков» переведен в Батуми, и что по окончании отчета я смогу отправиться туда и принять миноносец.

Вот, это была приятная новость, сюрприз, удивительная удача, которая принесла мне чистую радость, радость воздаяния за ранение, за потерю «Свободного», за великий «драп» от немцев и за многое другое, и, конечно, за отчет по обороне Севастополя, который мне надо еще написать. Но я рано радовался. Я ещё тогда не знал, какие неприятности мне придется пережить в связи с этим самым отчетом, и какая опасность грозила мне в связи с тем, что я осмелился писать отчет по собственному разумению.

Из кабинета Октябрьского я направился в кабинет Елисеева. Он указал мне на грудку описей у себя на столе и сказал, что я могу начать просматривать их у него в кабинете на соседнем столе. Там были отчеты кораблей, принимавших участие в обороне Севастополя, отчеты по транспортным операциям, по обстрелу немецких позиций корабельной артиллерией, отчеты о перевозках снабжения и боеприпасов, а также о пополнении воинских и прочее.

Освободившись, Елисеев отвел меня в маленькую комнату, где, кроме и двух стульев, стояла узенькая железная солдатская койка. Приведя меня в эту комнату, он сказал, что здесь мне придется жить и работать до полного завершения работы над отчетом.

Мне пришлось посидеть над документами до позднего вечера и добрую часть ночи. И только после этого мне стала ясна позиция тех, кто заказал мне отчет, а также то, что от меня требуется.

Рано утром я еле дождался прихода Елисеева и пошел к нему с первым моим докладом. Я ему сказал, что предоставленные в мое распоряжение документы совершенно недостаточны для написания полноценного отчета. Весь этот материал можно рассматривать только в качестве вспомогательного, только для подтверждения того, что в отчете я ничего не выдумал.

Но этого материала мне совершенно недостаточно. Мне нужны планы обороны, цели и задачи, поставленные высшими инстанциями, требовалось ли защищать Севастополь до последнего солдата, или он был приговорен к сдаче по примеру Киева. Затем мне нужны планы обороны

города, основные решения и ход их реализации, распределение обязанностей между флотом и армейским командованием, а также всю переписку.

У Елисеева глаза полезли на лоб. Он сказал, что это не в его власти, этот вопрос может решить только Военный совет, и он повел меня к командующему. Тот тоже был крайне удивлен моими претензиями, но согласился с тем, что они справедливы.

Скоро в моей маленькой обители стало тесно от архивных документов. Я стал вести очень странный образ жизни, ничего подобного мне раньше делать не приходилось. С раннего утра и до поздней ночи я возился с бумагами. У меня ушло несколько дней только на то, чтобы рассортировать их по разделам, после чего я смог приступить к составлению плана Отчета.

Через две недели я доложил Елисееву, что работа готова, и пошел докладывать результаты Октябрьскому. Он пригласил члена Военного совета генерала Кулакова и Елисеева.

Договорились, что я буду читать, а они будут задавать вопросы, делать замечания и вносить поправки, если потребуется.

Я приступил к чтению и сразу же заметил, что лица моих слушателей мрачнеют, особенно это относилось к Кулакову. Вначале он только делал попытки прерывать меня, а затем стал прерывать меня все резче и резче, не давая читать и требовать немедленных объяснений.

Елисеев слушал молча.

Октябрьский слушал с неудовольствием, но чрезвычайно внимательно.

Основные претензии были вызваны моими оценками принятия решений, их реализации, взаимоотношений с генералом Петровым и недостатками.

В отчете было мною отмечено, что Октябрьскому не всегда удавалось договориться с Петровым, командовавшим сухопутной обороной, о распределении прибывавших припасов, о командовании противоздушной обороной, об организации и использовании авиации и резервов. Между двумя командованиями происходили частые распри, жалобы друг на друга, решения принимались слишком поспешно, не соответствовали обстановке, часто отменялись. Наличные силы перебрасывались с одного направления на другое, что приводило к их неэффективному использованию и излишним потерям.

Успел я закончить чтение, как Кулакова прорвало. Он вскочил и стал кричать на меня. Что я начисто лишен чувства советского патриотизма, что все это сплошная клевета на наших защитников — воинов советской армии, что я пренебрег героической ролью политработников, шедших впереди своих бойцов и увлекавших их вперед, что я ни слова не сказал о роли партийных и комсомольских организаций, что это антисоветский пасквиль и меня следует отдать под суд военного трибунала.

Надо сказать, что за один раз мне еще не приходилось выслушивать столько обвинений в свой адрес. Я помрачнел, но никакой вины за собой не чувствовал. Отчет есть отчет, и выдумывать здесь не приходится.

В ответе Кулакову я признался, что в отчете, действительно, нет ни слова о политработниках и о работе партийных и комсомольских организаций, но об этом нет ни слова в тех документах, которыми я пользовался, а выдумывать я не мог... «Мне поручили написать отчет. При написании я руководствовался только документами. Если мой отчет Вам не понравился то, очевидно, Ваш выбор автора оказался неудачным. Остается выбрать другого, а я менять ничего не буду», — сказал я и замолчал.

До сих пор я пререкался только с членом Военного совета Кулаковым, а командующий флотом Октябрьский только молча слушал и менял выражение лица в зависимости от того, кто и что говорил. Елисеев, вообще, не поднимал головы.

И, вдруг, командующий заговорил. Обращаясь к Кулакову, он сказал: «Хватит спорить. Я считаю, что товарищ Чверткин справился со своей задачей и написал объективный доклад. Мы можем поблагодарить Чверткина за его труд и пожелать ему успехов на новом поприще командира эсминца «Железняков». Октябрьский встал и пожал мне руку.

Я все время был сжат, как стальная пружина, застегнут на все пуговицы, готов был к отпору, но такого конца нашего разговора не ожидал и не подготавливался. И «поплыл». Я никогда не мог примириться с моментами собственной слабости. Это был единственный неприятный осадок после почти трехчасового разбирательства с моим отчетом. Но как бы то ни было, это разбирательство кончилось, и я попал в объятия Оскара, который терпеливо ожидал окончания моего доклада с таким же беспокойством, как я сам.

Лебединский В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Тюрин М. И.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

Пронина Ю. А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ
СИРИЙСКО-РОССИЙСКОЙ
ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
В АКВАТОРИИ ПРОВИНЦИИ ТАРТУС
В СЕЗОН 2021–2022 гг.**

Lebedinski V.V.

Tyurin M.A.

Pronina Yu.A.

RESEARCH RESULTS OF THE INTERNATIONAL
SYRIAN-RUSSIAN UNDERWATER ARCHAEOLOGICAL
EXPEDITION IN THE WATERS
OF TARTOUS PROVINCE
FOR THE 2021–2022 SEASON

В январе 2022 года были продолжены исследования сирийско-русской подводной археологической экспедиции, которые проходят в акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики. Работы выполняются российскими специалистами Севастопольского

государственного университета и Института востоковедения РАН и сирийскими учеными из Департамента древностей и музеев провинции Тартус, при поддержке Русского географического общества и Экспедиционного центра МО РФ, на основании договора об учреждении совместной сирийско-русской миссии для проведения исследовательских подводных работ в акватории г. Тартус от 08.10.2019 № 13/2019. Руководители работ: с российской стороны — доцент кафедры «Востоковедение» Севастопольского государственного университета, с.н.с Института востоковедения РАН, к.и.н. В. В. Лебединский, с сирийской стороны — директор Службы Древностей и музеев провинции Тартус доктор Марван Хассан.

Исследования проводятся в регионе, который на протяжении тысячелетий был ключевым местом в морских торговых путях Восточного Средиземноморья, — в районе города Тартус и острова Арвад, который упоминается еще в ветхозаветных библейских текстах и был крупным торговым городом-государством в финикийский, греческий и римский периоды, наравне с Тиром и Сидоном.

Целью исследовательских работ является поиск, фиксация и обследование подводно-археологических объектов в акватории провинции Тартус и острова Арвад. Обследование района проводится с применением мобильного гидролокационного комплекса, в случае обнаружения объектов — их идентификация с помощью телеуправляемого подводного аппарата или водолазной группы:

К настоящему моменту исследовательской группой проведены обследования остатков обрушившихся на морское дно крепостных стен Арвада, которые были сложены из каменных блоков размером до 3 м. Также обследована каменная кладка из крупных блоков — остатков причальных сооружений и мола, гавани, расположенной в юго-восточной части острова (Рис. 1).

В прибрежной полосе острова Арвад проведены: лазерное сканирование, аэрофотосъемка и фотограмметрическая съемка, а также геопривязка уцелевших фрагментов крепостных стен Арвада и портовых

сооружений. Также вокруг острова проведено гидроакустическое обследование морского дна с использованием интерферометрического гидролокатора бокового обзора.

Данные исследования проводятся с целью создания общего плана и цифровой 3D-модели оборонительных стен и портовых сооружений острова Арвад, находящихся как на берегу, так и под водой, для получения объективной информационной картины и интерпретации выявленных объектов.

Было проведено обследование береговой полосы около городища Амрит — этот крупный древний порт, религиозный и культурный центр, был основан выходцами с острова Арвад. В настоящее время городище является археологическим заповедником. Геофизические исследования проведены непосредственно на урезе воды с применением современного георадарного комплекса (GPR). В результате была выявлена древняя береговая линия, которая в настоящий момент находится на суше, в 7–8 м от современного уреза воды. Это позволяет говорить о том, что портовые сооружения древнего города в настоящий момент находятся на суше под слоем песка.

Проведено обследование и составлены ортофотопланы, общие планы и 3-D модели (Рис. 2, 3, 4, 5) четырех необитаемых островов, расположенных цепочкой к югу от острова Арвад. Эти острова — Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд — интересны тем, что они активно использовались жителями Арвада для добычи каменных блоков, которые применялись для строительства оборонительных стен и других сооружений на острове Арвад. Кроме того, на островах присутствуют древние погребения, высеченные в скалах (Рис. 2–5). Некоторые крупные каменные блоки сегодня находятся под водой у этих островов, так как были потеряны в древности при транспортировке. Также на островах находятся сооружения, определение назначения которых еще предстоит выяснить.

Также было начато обследование ныне разрушенных и затопленных морем островов. Таких мест обнаружено два: объект размерами 20x17 м между островами Эль Аббас и Эль Фарис, который был зафиксирован на глубинах от 0,5 до 4–6 м, а также каменистые образования, которые выявлены под водой между островами Эль Фарис и Эль Фанар. Это говорит

о том, что в древности островов к югу от Арвада было как минимум шесть.

Была проведена камеральная обработка 40 археологических предметов — керамический материал, каменные ядра, детали из базальта, которые были подняты и переданы в Департамент древности и музеев провинции Тартус.

Российские ученые по просьбе сирийских коллег из Департамента древностей и музеев провинции Тартус провели 3D-лазерное сканирование и фотограмметрическую съемку уникальных объектов средневекового периода на территории города Тартус, таких как Собор Святой Девы Тартусской, Храм Рыцарей-Тамплиеров, а также оборонительных стен и башен цитадели Тартуса. Это необходимо для последующего создания «цифровых двойников», которые будут применяться для дальнейшей научно-исследовательской работы и мероприятий по сохранению и реставрации данных памятников.

Кроме того, российские специалисты провели для сирийских коллег мастер-классы по работе с самым современным научным оборудованием, предназначенным для осуществления подводно-археологических и полевых исследований, таким как различные гидролокационные комплексы, профилографы, 3-D лазерные сканеры, георадар.

В настоящее время проводится обработка полученных в ходе исследований данных. Продолжение морских исследований международной сирийско-российской археологической миссии запланировано на сентябрь 2022 года.

Дальнейшее проведение подводно-археологических и полевых исследований, изучение и анализ письменных источников, данных картографии, гидрологии и цифровое моделирование береговой линии Сирийской Арабской Республики позволит расширить созданную геоинформационную систему (ГИС), интерактивную карту, базу данных древних портовых сооружений, мест кораблекрушений, якорных стоянок и других объектов, связанных с историей и развитием навигации в данном регионе. Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

Леонов Л. Л.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ ВЕСОВОЙ СИСТЕМЫ АНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА¹

Leonov L. L.

THE HISTORY OF THE STUDY IN RUSSIA OF THE WEIGHT SYSTEM OF ANCIENT CHERSONESOS

Целью данной работы является рассмотрение истории изучения античной метрологии в работах отечественных ученых. Главным материальным источником в данном вопросе являются гири, или разновесы. Именно с обнаружения и составления коллекций этих гирь и начинается история исследования античных весовых систем в России.

Первые публикации гирь в России известны еще в дореволюционный период. Они были представлены в качестве случайных находок или в составе комплексов артефактов. Найденные гири публиковались в дореволюционных периодических изданиях Археологической комиссии (ОАК, ИАК), Таврической архивной ученой комиссии (ИТУАК), Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Несмотря на многочисленность публикаций, они освещают небольшое количество материала, и их характеризует недостаточно подробное описание публикуемых гирь. Например, в «Отчетах Археологической комиссии» все обнаруженные гири, как правило, находятся в категории «прочее», и никак более указанная группа артефактов не характеризовалась. При этом вплоть до 1901 г. ни одна из них не была зарисована. После 1901 г. некоторые особенно

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-18-00193, <https://rscf.ru/project/18-18-00193/>.

примечательные, с точки зрения исследователей, гири получают более подробное описание и зарисовку [ОАК 1901: 110, 111, 136, 171]. В период с 1891 по 1906 гг. большое количество разновесов было найдено при раскопках на территории Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжиничем [ОАК 1899: 44; ОАК 1900: 28; ОАК 1905: 42, 62; ОАК 1906: 79–80, 94]. К сожалению, зачастую сохранность, размеры, вес и фактура гири не указываются, так же как и обстоятельства находки.

Для изучения античных весовых систем большой интерес представляет публикация А. В. Орешниковым каталога монет, хранившихся в Московском университете. Хотя данная публикация и посвящена исключительно монетному делу, в ней содержится подробная таблица монограмм, которые встречались и на гирях [Орешников 1891: 350].

Значительный вклад в исследование античных весовых систем сделал А. Л. Бертье-Делагард. В своем труде «Относительная стоимость монетных материалов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н.э.» исследователь рассматривает вопрос о том, какая из весовых систем использовалась в античных полисах Северного Причерноморья, опираясь на материал, добытый из раскопок Ольвии, Пантикапея и Херсонеса. По мнению исследователя, херсонесские монеты чеканились в соответствии с финикийской весовой системой [Бертье-Делагард 1911: 67]. А. Л. Бертье-Делагард стал первым ученым, проводившим полноценное метрологическое исследование античных весовых систем в Северном Причерноморье. Его работа стала базой для дальнейших исследований в данном направлении.

В фундаментальной работе А. Н. Зографа «Античные монеты», опубликованной в 1955 г., рассматриваются представления об истории исследования античных монет, о технике античного монетного дела, о наиболее распространенных группах греческих и римских монет. Особое внимание А. Н. Зограф уделяет истории монетного дела полисов Северного Причерноморья — Ольвии, Тиры, Херсонеса и Боспорского царства. Изучая перечисленные вопросы, А. Н. Зограф даёт также краткую характеристику весовых гирь как исторического источника и говорит об их значении в изучении метрологии античной эпохи [Зограф 1951: 39].

Наиболее значительной в рамках исследуемой темы стала работа Л. И. Чуистовой «Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье», опубликованная в 1962 г. В этом труде в наиболее полном виде содержится вся известная на тот момент информация о весовых системах античности и средневековья. Автором впервые была проведена полная систематизация всех накопленных знаний о весовых системах древности, а также собрано и опубликовано значительное количество материала из полисов Северного Причерноморья. Описание каждой весовой системы подкреплено многочисленными аналогиями и публикацией гирь с подробными весовыми таблицами и рисунками [Чуистова 1962: 7–94, 127–131, 163–237]. Л. А. Чуистовой были впервые опубликованы 14 гирь из фондов Херсонесского музея. По мнению исследователя, данные гири относятся к собственно херсонесской весовой системе [Чуистова 1962: 64–77]. Однако существование херсонесской весовой системы аргументируется лишь на основе небольших, хотя и хорошо сохранившихся групп материала. Помимо этого, обнаружился ряд неточностей при интерпретации надписей на гирях, что приводило к неверным выводам.

В 1980 г. выходит статья Г. М. Николаенко «О весовой системе эллинистического Херсонеса». В данной статье отмечено, что многие сведения, касающиеся весовой системы полиса в период эллинизма, требуют пересмотра, так как некоторая часть гирь была представлена с ошибками и неточностями, в отдельных случаях была неверно прочтена надпись, а где-то неточно указан вес. Г. М. Николаенко приводит материал, на основе которого делается вывод, что в IV–II вв. до н. э. использовались аттический, птолемеевский и пантикапейский стандарты. Автор предполагает также существование персидской весовой системы, вслед за В. В. Анохиным, установившим использование этой системы в монетном деле эллинистического Херсонеса. Г. М. Николаенко делает важный вывод, что в полисах Северного Причерноморья имели хождение одинаковые стандарты [Николаенко 1980: 86–93].

Также необходимо отметить работу И. Б. Брашинского. Его перу принадлежит посвященная торговому делу античных полисов Северного Причерноморья глава в коллективной монографии «Античные государства Северного Причерноморья» из серии «Археология СССР». В статье И. Б. Брашинский подчеркивает значение гирь-разновесов как исторического источника, так как на них изображены клейма коллегии агораномов [Брашинский 1984: 177]. Таким образом, факт того, что в обязанности таких коллегий входил надзор за корректным использованием мер и весов, не подлежит сомнению. В приложении к данному разделу И. Б. Брашинским была собрана таблица, содержащая различный торговый инвентарь, в том числе свинцовые гири-разновесы из Херсонеса [Брашинский 1984: 253].

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, изучение весовых систем античности привлекало внимание многих российских исследователей и прошло значительную эволюцию взглядов — от интерпретации гирь, как вида монет, до установления факта существования местных весовых систем в некоторых полисах Северного Причерноморья. Во-вторых, изучение весовых систем необходимо для понимания уровня социально-экономического развития полиса, его экономических и культурных связей. Необходимо отметить фундаментальную работу Л. А. Чуистовой, в которой была предпринята попытка комплексного рассмотрения всех весовых систем, в том числе полисов Северного Причерноморья. Более такого обобщающего анализа не предпринималось, и в дальнейшем исследователи сосредоточились на сборе материала и публикациях локального характера. В настоящее время имеется большое количество гирь, обнаруженных при раскопках Херсонеса, однако не все из них были опубликованы.

В данный момент можно заключить следующее. Хорошо изучена история весовых систем эпохи эллинизма на территории Херсонеса, где наиболее распространенной весовой системой была эвбейско-аттическая. Мнения исследователей относительно более ранних весовых мер в данных государствах расходятся, и данный вопрос требует дальнейшего изучения, основанного на новых источниках. Анализ весовых систем Северного

Причерноморья в римское время, приведённый только в труде Л. А. Чуйской, также необходимо продолжить, основываясь на новых данных.

Для решения указанных проблем предстоит составить свод имеющихся на данный момент гирь и разновесов, найденных в Крыму, проанализировать весь материал, базируясь на достижениях предшествующих исследований и новых полученных метрических данных. В настоящее время появилась возможность базе Отдела естественно-научных методов в археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского изучить состав сплава металлических гирь, что может дать дополнительный независимый исследовательский параметр для определения происхождения металлов и сплавов гирь, места и времени их производства. Комплексное исследование весовых систем античных полисов Таврики внесет важный вклад в изучение социально-экономической истории, торговых, культурных и экономических связей полисов Северного Причерноморья.

Библиография

- БРАШИНСКИЙ И. Б. Торговля // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 174–186. (Археология СССР).
- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД А. Л. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н.э. // Нумизматический сборник. 1911. Вып. 1. С. 1–100.
- БУРАЧКОВ П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Ч. 1. Одесса: Тип. А. Шульце, 1884. 34 с.
- Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 35.
- ЗОГРАФ А. Н. Античные монеты. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 264 с. (МИА. № 16).
- Известия археологической комиссии. СПб., 1901–1918, вып. 1–47.
- НИКОЛАЕНКО Г. М. Весовые системы эллинистического Херсонеса // Античная древность и средние века. 1980. Вып. 17. С. 86–93.

ОРЕШНИКОВ А. В. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Императорскому Московскому Университету. М., 1891. 356 с.

Отчеты археологической комиссии. М., 1889–1915. (ОАК)

Чуистова Л. И. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье // Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь: Крымиздат, 1962. С. 7–237.

Майко В. В.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА СУГДЕИ. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ТИПОЛОГИИ

Maiko V.

MEDIEVAL STAMPED CERAMICS OF SUGDEJA. QUESTIONS OF CHRONOLOGY AND TYPOLOGY

Штампованная керамика является одним из ярких характерных признаков золотоордынского керамического производства и свидетельством влияния на него гончарных традиций востока. Сероглиняные штампованные неполивные среднеазиатские прототипы рассматриваемой керамики в настоящий момент типологизированы и достаточно полно опубликованы. В том числе и для Сугдеи [Майко 2020: рис. 2, 1–4]. История изучения штампованной керамики, в том числе для Крымского полуострова уже становилась предметом специальных исследований [Науменко, Сейдалиев, Сейдалиева 2017: 203–210], что избавляет от повторений. После открытия в 1964 г. на посаде средневековой Сугдеи гончарного комплекса по производству штампованной керамики [Фронджуло 1974: 147], этот средневековый город, наряду с Солхатом и Каффой, по праву считается одним из центров ее производства. Однако, если штампованная керамика Солхата анализируется и публикуется [Халилова 2015: 363–368; Сейдалиева 2016: 415–422; Сейдалиева 2021: 150–205; Сейдалиев, Сейдалиева 2017: 211–218; Сейдалиев, Сейдалиева 2021: 282–307], то Сугдейской коллекции, значительно большей по размеру, повезло меньше.

После упоминания автором раскопок об открытии гончарного комплекса [Фронджуло 1974: 147] и до 1998 г. был опубликован только один фрагмент штампованной керамики Сугдеи [Баранов 1991: 109, рис. 4,

5]. Анализируя его, автор привел довольно подробные рассуждения о типологии, хронологии и производстве этой посуды [Баранов 1991: 110], которые, к сожалению, не подтвердились дальнейшими раскопками. В 1998 г. А. В. Джанов достаточно подробно опубликовал материалы раскопок гончарного комплекса 1964 г., уделив главное внимание технологии производства [Джанов 1998: 85–89], отмеченной ранее А. А. Кравченко на примере коллекции из Белгорода [Кравченко 1986: 77–79]. Однако анализ состава Сугдейской коллекции не входил в задачи исследователя, да и ситуация с количеством находок после подготовки автором статьи в 1997 г. поменялась. До сего времени опубликованы только археологически целая форма, происходящая из охранных раскопок на участке посада средневековой Сугдеи [Фарбей, Майко, Джанов 2003: 327, рис. 2, 11] и комплекс керамики, обнаруженный при проведении раскопок 1997 г. на участке квартала I к востоку от привратной башни Якобо Торселло [Майко 2012: 369, рис. 5, 2,3; 371, рис. 6, 2–4; 384, рис. 11, 6]. Анализ керамики не производился. Все это однозначно свидетельствует о том, что штампованная керамика Сугдеи нуждается в детальном рассмотрении.

По нашим сведениям на сегодняшний день эта коллекция насчитывает 73 поливных и неполивных экземпляра и 10 форм-матриц калыпе, в том числе три археологически целые формы и не менее десяти крупных фрагментов и развалов, позволяющих реконструировать нижнюю или верхнюю часть сосуда. Археологические контексты находок различны. Появляются они в стратиграфических горизонтах последней четверти XIII–XIV вв., но численно преобладают в закрытых комплексах второй половины XIV в. После генуэзского захвата города их производство, по крайней мере, в первой половине XV в., вероятно, не прекратилось.

Предварительно можно говорить о четырех основных морфологических типах. Первые три, отличающиеся функциональным назначением и подобные по морфологии, на основании находок в Азаке [Масловский 2017: 462, рис. 4, 7–9], хорошо известны и действительно стабильны. В качестве варианта можно говорить об образцах с тремя ручками. Чет-

вертый тип пока уникален для золотоордынского мира Таврики. Он представлен археологически целым двуручным сосудом на высоком кольцевом поддоне с дисковидным туловом, в виде полого «бублика» с крупным отверстием в центре. Горло и конфигурация ручек — традиционны. С некоторой натяжкой, условно близким изделием можно считать флягу с аналогичными двумя небольшими ручками на кольцевом поддоне из раскопок Солхатского ремесленного поселения Бокаташ-II [Сейдалиева 2019: 362, рис. 7, 47], переделанную в светильник [Сейдалиева 2020: 69, рис. 1, 7].

Орнаментальные рельефные мотивы состоят из семи основных элементов, два из которых встречены редко. Два элемента являются самостоятельными орнаментальными мотивами. Остальные три достаточно четко укладываются в три основные стилистические группы с несколькими вариантами. Интересно отметить, что найденные и опубликованные судакские формы-матрицы калыпе, в некоторых случаях, вероятно, предполагали нанесение на разработанную и выполненную гончаром схему именно элементов орнамента. Единичным экземпляром представлен прорезной орнамент, зафиксированный только на одном фрагменте.

Важной и не до конца разработанной проблемой остается география распространения штампованной керамики Сугдеи и восточного Крыма в целом. Заметим, что производство этой посуды в Солхате и Каффе очень возможно, правда, гончарные комплексы, подобные Судакскому, там, до сих пор не найдены. Вероятнее всего, Бокаташский комплекс Солхата не имеет отношения к производству штампованной керамики. Производившаяся там керамика со штампованным орнаментом — другая. Примером может служить и совершенно четко выделенные особенности штампованной керамики Маджара. Особенности производства Солхата, Сугдеи и Каффы, предложенные исследователями [Панина, Волков, 2000, с. 89–91], нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной аргументации. Не исключено, что речь идет об одном и том же производстве. Подобная же посуда в Азаке справедливо рассматривается в каче-

стве восточно-крымского импорта [Масловский 2012: 195, рис. 3, 5–10; Бочаров, Масловский 2015: 191, рис. 1, 4]. Таковой она была, вероятно, и для Белгорода.

Таким образом, мы попытались обозначить основные направления исследований и подвести первые итоги изучения коллекции штампованной золотоордынской керамики Сугдеи, наиболее представительной для полуострова. Безусловно, эта коллекция еще ждет своей полной публикации.

Библиография

БАРАНОВ И. А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев, 1991. С. 101–121.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Наиболее массовые типы поливных импортов Крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. № 4 (14). 2015. С. 189–200.

ДЖАНОВ А. В. Гончарные печи XIV–XV вв. на ремесленном посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики: Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1998. С. 85–89.

КРАВЧЕНКО А. А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев, 1986. 128 с.

МАЙКО В. В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев-Судак, 2012. С. 363–393.

МАЙКО В. В. Экономические связи Сугдеи с Поволжьем и Средней Азией (на примере археологического материала) // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. М., 2020. С. 127–131.

МАСЛОВСКИЙ А. Н. Начало производства поливной керамики в юго-восточном Крыму в последней четверти XIII — первой половине XIV в. // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2012. № 1(27). С. 192–196.

МАСЛОВСКИЙ А. Н. Восточнокрымский поливной импорт в золотоордынском Азаке. Вопросы хронологии // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья, X–XVIII века. 2. Казань-Кишинев, 2017. С. 455–490.

НАУМЕНКО В.Е., СЕЙДАЛИЕВ Э.И., СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Штампованная керамика Золотой Орды: история изучения // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. № 10. С. 203–210.

ПАНИНА Э.Л., ВОЛКОВ И. В. Штампованная керамика золотоордынских городов // Средняя Азия. Археология. История. Культура. М., 2000. С. 89–91.

СЕЙДАЛИЕВ Э.И., СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Торговые связи Крыма и Хорезма (о некоторых керамических находках Солхатского городища) // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2017. Вып. 10. С. 211–218.

СЕЙДАЛИЕВ Э.И., СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Глазурованная керамика золотоордынского периода в фондах Центрального музея Тавриды: попытка атрибуции одной коллекции // МАИЭТ. 2021. Вып. XXVI. С. 282–307.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Штампованная керамика из раскопок Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по материалам отчетов 1978–1983 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 415–422.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Изображение птиц на золотоордынской керамике Солхатского городища и округи // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 335–362.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Вторичное использование глазурованной керамики в быту золотоордынского населения Крыма (на примере находок с Солхатского городища) // Новые исследования молодых археологов в Крыму. Материалы научной конференции. Симферополь, 2020. С. 64–70.

СЕЙДАЛИЕВА Д. Э. Производство глазурованной посуды на городище Солхат и его округе в золотоордынский период (по материалам исследований Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа) // Боспорские исследования. 2021. Вып. XLII. С. 150–205.

ФАРБЕЙ А.М., МАЙКО В.В., ДЖАНОВ А. В. Раскопки на посаде средневековой Сугдеи в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. К., 2004. С. 325–327.

ФРОНДЖУЛО М. А. Раскопки в Судакe // Феодалъная Таврика. Киев, 1974. С. 139–150.

ХАЛИЛОВА Д. Э. Штампованная керамика золотоордынского Солхата: прототипы, организация производства и рынок сбыта // Боспорские чтения. Вып. XVI. Керчь, 2015. С. 363–368.

Мальцева Д. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

Сафонова О. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет

Тузова П. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННЫЙ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ В УМНОМ ГОРОДЕ: КЕЙС СЕВАСТОПОЛЯ¹

Maltseva D. A.,

Safonova O. D.,

Tuzova P. R.

INFORMATION RISK MANAGEMENT IN SMART CITY: THE CASE OF SEVASTOPOL

В 2022 году концепция «умного города» неизбежно популяризируется не только на уровне устных обсуждений актуализации нормативных документов, но и в дискурсе непосредственной практической реализации. Как известно, под «умным городом» понимается особая концепция интеграции множества информационных и коммуникационных технологий, оптимальных для управления инфраструктурой города: системами ЖКХ, транспортом, образованием и здравоохранением, безопасностью и др. Современные цифровые технологии, в число которых входит Интернет вещей, также стимулируют внедрение концепции интеграции, что содействует улучшению качества жизни населения, способствуя ускорению темпов городской модернизации. Ввиду этого «умный город» становится уникальным инструментом реализации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00393

региональной политики, требующим особого измерения моделей обеспечения информационной безопасности и оценки информационных рисков. На современном этапе внедрение концепции «умный город» («smart city») становится актуальным не только для российских мегаполисов. В рамках данной работы исследование стратегий развития «умного города» будет осуществляться через академическую призму методологии информационного риск-менеджмента на примере города Севастополь. Ввиду актуализации интеграционных процессов в регионе становится очевидной потребность территории в обеспечении устойчивого развития. В 2018 году была утверждена концепция формирования цифровой среды Севастополя «Умный город» [Распоряжение Правительства Севастополя: 2018]. В соответствии с ней, главным активом города признаются человеческие ресурсы, процессы и технологии, а приоритет во всех отраслях отдается экологичности, энергоемкости, технологичности, безопасности. Уделим более подробное внимание рассмотрению обозначенных аспектов.

Классически смартизация процессов городской жизни характеризуется интеграцией цифрового прогресса в повседневность. Технологии меняют привычки горожан: заказ такси осуществляется через приложения, основные новостные ресурсы находятся в новых медиа, запись к врачу, приобретение билетов, заказ продуктов и товаров — преимущественно осуществляются онлайн. Безопасность здесь тесно связана с технологичностью по причине магистральной значимости сохранения конфиденциальности данных потребителей услуг, чья защищенность является приоритетом для местных властей. Однако такой город как Севастополь имеет уникальные характеристики, определяющие траектории смартизации города. На территории субъекта отсутствуют такие популярные сервисы как «Яндекс.Такси» и «Uber», которые напрямую обеспечивают цифровизацию процессов курьерской доставки и заказа такси. Учитывая то, что Севастополь является городом-курортом, отсутствие возможности полноценно воспользоваться сервисами Airbnb и Booking (с ограничениями) пока негативно сказывается на цифровизации туристской сферы «умного города» и брендинге территории.

Одновременно с этим, есть уникальные сервисы, компенсирующие обозначенную особенность. Говоря о сфере туризма уместно отметить, что в Севастополе качественно проработан туристический портал города, присутствует система QR-навигации на объектах культурного наследия, внедрена система мониторинга туристических потоков, виртуализирован музей города.

В целом наблюдается цифровизация всевозможных процессов городской жизни. Например, в Севастополе все большее количество общественных мест оснащается камерами видеонаблюдения, устанавливаются «умные» остановки с usb-портами и системой информирования, масштабируется зона покрытия городской сети Wi-Fi. Передвижение по городу реализуется не только на комфортных автобусах и троллейбусах, оплата в которых предусматривает использование универсальной карты, но и на электросамокатах, использование чего сопровождается развитием локальных приложений. В целом же транспортная инфраструктура Севастополя отличается наличием системы моделирования параметров транспортных потоков (транспортная модель Севастополя). Смартизация жизни в Севастополе также проявляется в модернизации сфер безопасности (развитии систем мониторинга и прогнозирования с использованием результатов космической деятельности), образования и здравоохранения.

С одной стороны, реализацию концепции «умный город» неизбежно сопровождают информационные риски многообразных атак, утечки данных и пр., с другой стороны информационные риски, связанные с всеобъемлющей цифровизацией заметно снижаются ввиду ограниченности сервисов, распространенных на территории исследуемого субъекта.

В аспекте информационной безопасности риск можно связать с событием реализации угрозы ресурсам информационной системы, вследствие которого произошло нарушение одной или более их базовых характеристик безопасности — конфиденциальности, целостности, доступности [Бескид: 2016. С. 217–222]. Также информационный риск можно описать как:

вероятность события, которое привело к нарушению характеристик безопасности;

событие, которое произошло с участием или без участия субъекта — деятельность или бездействие субъекта;

выбор альтернативного варианта;

событие, которое происходит с определенной частотой; характеристика этого события.

Информационные риски подвергаются анализу, учету, планированию, классифицируются по источнику риска; объему; уровню новизны; мере опасности; возможности преобразования; области применения; степени риска.

Помимо государственных стандартов в области управления рисками (ГОСТы, Рекомендации, пр.) наблюдается уникальный прецедент минимизации информационных рисков посредством нетипичного, исключительного пути реализации концепции «умный город» в Севастополе. Несмотря на особенности, перечисленные выше, в городе федерального значения осуществляется электронизация государственного управления посредством внедрения «электронного правительства», что способствует оформлению политического ландшафта в онлайн-пространстве. Уместно отметить, что создана единая защищенная сеть правительства г. Севастополя, механизм получения государственных услуг посредством Интернета не только налажен, но и обеспечен с точки зрения безопасности. Что касается одного из базовых условий смартизации города — повышения доступности информации и преодоление ее недостатка — то Севастополь не отличается ограниченностью относительно данного показателя. Более того, в 2019 году Севастополь занял 53 место в рейтинге субъектов РФ по уровню патентной активности в сфере цифровых технологий [Рейтинги регионов России по развитию информационных технологий]. Также в 2021 году Севастополь оказался в числе лидеров рейтинга АНО «Диалог» по работе в Интернете [там же]. Этот рейтинг оценивает совокупно информационные кампании, деятельность ЦУР, отработку информационных угроз, Интернет-инфраструктуру, скорость и качество обратной связи в системе «Инцидент Менеджмент».

Помимо этого, возвращаясь к вопросу возможностей, открывшихся ввиду особого положения Севастополя на пути смартизации города,

видится значимой проработка собственных уникальных сервисов, онлайн-платформ и площадок для достижения задач, изложенных в Приоритетном проекте региона «Умный город».

В качестве итога уместно заключить, что становление Севастополя «умным городом» осуществляется грамотно, с учетом характерных для региона особенностей, буквально «уникальным путем». Информационный риск-менеджмент данного процесса нуждается в особой проработке, но имеет некоторые преимущества, ввиду описанной в работе специфики.

Библиография

Об утверждении концепции формирования цифровой среды Севастополя «Умный город». Распоряжение Правительства Севастополя от 25.01.2018 г. № 16-ПП. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://sev.gov.ru/docs/253/46715/>

Бескид П. П., Силин П. И. Управление информационными рисками: базовые понятия, классификация, стандартизация // Ученые записки российского государственного гидрометеорологического университета. Российский государственный гидрометеорологический университет. СПб. 2016. № 45. С. 217–222.

Рейтинги регионов по развитию информационных технологий // Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Рейтинги_регионов_России_по_развитию_информационных_технологий#2017:_D0.9C.D0.B8.D0.BD.D0.BA.D0.BE.D0.BC.D1.81.D0.B2.D1.8F.D0.B7.D1.8C:_D0.A0.D0.B5.D0.B9.D1.82.D0.B8.D0.BD.D0.B3_.D1.80.D0.B5.D0.B3.D0.B8.D0.BE.D0.BD.D0.BE.D0.B2_.D0.BF.D0.BE_.D1.80.D0.B0.D0.B7.D0.B2.D0.B8.D1.82.D0.B8.D1.8E_.D0.B8.D0.BD.D1.84.D0.BE.D1.80.D0.BC.D0.B0.D1.86.D0.B8.D0.BE.D0.BD.D0.BD.D0.BE.D0.B3.D0.BE_.D0.BE.D0.B1.D1.89.D0.B5.D1.81.D1.82.D0.B2.D0.B0

Манаев А. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

**ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ В СВЕТЕ
НОВЫХ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ:
СТЕНОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЙ
И.Д. МАКСИМЕНКО
И С.Ф. СТРЖЕЛЕЦКОГО
НА ОБЛАСТНОМ СОВЕЩАНИИ
ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ КРЫМА
В 1948 г.**

Manaev A. Yu.

THE KHERSONESS MUSEUM BY THE NEW ARCHIVAL
DOCUMENTS: SPEECHES OF I.D. MAKSIMENKO
AND S. F. STRZHELETSKY AT THE REGIONAL
CONFERENCE ON THE PROTECTION
OF MONUMENTS
OF THE CRIMEA IN 1948

После окончания Великой Отечественной войны в Крыму активизировались работы в сфере охраны культурного наследия. Трудности послевоенного восстановления напрямую отражались на эффективности памятникоохранных мероприятий и развитии музейного дела. В 1948 г. Крымским облисполкомом принимается решение о проведении специального совещания по вопросам сохранения культурного наследия. Оно стало своеобразным итогом работы в сфере охраны памятников в Крыму за первые послевоенные годы. С основным докладом выступила исполняющая обязанности начальника сектора охраны памятников

областного отдела архитектуры О. Я. Ковалева. Само выступление не стенографировалось, но в Государственном архиве Республики Крым сохранился машинописный текст доклада [МАНАЕВ 2021: 82–83; ГАРК 1948: л. 3–8].

Доклад вызвал бурное обсуждение участников совещания. К сожалению, мы не знаем полный состав присутствующих, но сохранившаяся стенограмма прений фиксирует выступления ряда руководителей крымских музеев — М. Г. Кустовой — директора Бахчисарайского музея, начальника музея Черноморского флота — П. П. Болгари, директора Керченского музея В. И. Юдина, директора Центрального краеведческого музея В. П. Бабенчикова. В совещании также принимали активное участие руководители Херсонесского музея — И. Д. Максименко (директор) и С. Ф. Стржелецкий (заместитель директора по научной работе). Темы, затронутые в их выступлениях в ходе обсуждения основного доклада, позволяют более детально представить специфику работу музея в рассматриваемый период [ГАРК 1948: л. 9–38].

И. Д. Максименко в своем докладе остановился как на общих проблемах охраны памятников в Севастополе, так и специально «проиллюстрировал» послевоенные музейные будни Херсонеса. Приведем эту часть его выступления полностью. Стилистика документа сохранена, исправлены некоторые грамматические и пунктуационные ошибки в тексте стенограммы:

«Относительно Херсонеса о древнем заповеднике. Надо заметить, что это важный памятник древней истории. Как уже было сказано, мы также должны ценить и хранить в таком разрезе, как и древние.

После того, как мы уникальный памятник смогли спасти вывозом в глубокий тыл, в Свердловск, и вернуть их из Урала, ставил вопрос о возрождении, и с чего надо начать нашим главкам. Вначале Наркомпрос, а затем с мая месяца институт по делам культуры, в конечном итоге поставлен вопрос, а воз и ныне там, действий никаких. Мы за городом живем, нам очень трудно с подвозом экскурсантов, мы ставили вопрос о транспорте. До войны имели четыре автомашины, мы их от-

дали государству в тот момент, когда государство приказало это сделать. Когда мы закончили победу — мы ничего не получили, несмотря на труды и большую гору писем, говорят и не просите и не дадим. Мы считаем, что наши памятники нуждаются в транспорте, у нас они валяются на берегу моря и мы бессильны.

Если коснемся бюджета, до войны было 450 тыс. руб., мы старались из своих мероприятий помогать средствами, мы сами добавили 250 тыс. рублей лично своими усилиями и 200 тыс. давало государство, это раскопки и прочее, это балансировалось. В настоящее время наш бюджет сошел на 380 тыс. руб. в послевоенный период. Дали на восстановление экспозиций, но эти средства остались мертвыми, т.к. в Севастополе другой организации кроме Гражданстроя, Севастопольстроя — ремконторы, которые ремонтируют жилфонд — нет. Когда мы обращаемся в горсовет нам говорят — вы ведомственные — РСФСР, не можем помочь, у вас есть Главк. В 1947 году дали 180 тысяч рублей для закрытия дырок, добились включения в [смету — неразборчиво — прим. А.М.] Гражданстроя с припиской министерства — за счет фондов строителя-заказчика. Директор треста Севгражданстрой говорит, привезите на склад 2 вагона леса, полвагона стекла, железа и т.д. и мы начнем. Характерно то, что главк старается отнести за счет стрелочников и не тех людей, которые сидят целыми отделами и ни одного грамма стройматериалов не получили и в этом году ничего не ожидаем. Вы, говорят, скоро перейдете в Академию. В 1946 году ставился вопрос относительно раскопок, ставим вопрос об отпуске средств на раскопки 40 тыс. руб. Комитет¹ зачеркивает, не разрешает, ставим об издательской работе, нужно издавать труд, также не получили соответствующего движения вперед и наконец в 1947 году урезка средств. Я считаю, что в Институте культпросветработников видно, что текучка заела, смена зав.отделами, это обстоятельство отражается на работе.

¹ Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров РСФСР — прим. авт.

Что же мы сделали. Мы составили сметы реставрации древних памятников на пятилетку. Комитет на 1947 год на реставрацию ни копейки не дал, дал на научную работу в том числе. Мы разрушенное войной и фашистами можно сказать на 100 процентов восстановили, накрыли 11 навесов, на это израсходовали 133 тыс. руб. Нам нужно охранять 50 объектов, нужно 12 сторожей, а по штату нам дали 3 человека» [ГАРК 1948: л. 19–21].

Заместитель директора — Сергей Францевич Стржелецкий дополнил выступление коллеги.

«Вопрос, который связан с охраной памятников — законное мероприятие. Нужно сказать, что за послевоенный период в этом отношении сделано очень много, во всяком случае, гораздо больше, чем до войны. Мы имеем целый ряд постановлений об охране памятников и заповедников, следовательно, в этом отношении мы имеем очень большие возможности и права, но мы эти законодательные мероприятия сами не используем, и только по нашей вине. Так, например, в Инкермане развалили стену и, вместе с тем, это благополучно сошло, никто никаких мер не принял, потому что тех, кого нужно привлечь к ответственности, мы не привлекаем.

<...>

Памятники имеются не только в городах, но большинство всех этих памятников находятся за пределами города и музеи наши не имеют автотранспорта для того, чтобы проверить состояние этих памятников. Необходимо вменить в обязанность горсовету выделять машины хотя бы один раз в месяц для объезда памятников. Вот тогда будет конкретная возможность охраны этих памятников.

Нужно привлечь к этому делу общественные организации, в частности, конкретно, можно поставить целый ряд докладов, лекций. В этом отношении нужно просить Облисполком обратить внимание наших докладчиков на этот вопрос. Так, например, в Херсонесе была сделана выставка, но месяц прошел со дня организации выставки и не было организовано ни одной лекции, а этот необходимо сделать.

Мы вынуждены ходить по отдельным точкам за город пешком и, хотя я не столь стар, но уверяю вас, что это очень тяжело, а поэтому необходимо выделять автомашины, а также необходимо помочь горсовету, чтобы отдел культпросветработы поставил ряд лекций. Мне кажется, что неплохо было бы оказать помощь со стороны города.

Я должен сказать, что главным образом, разрушают наши памятники это строители. Я считаю, что неплохо было бы собрать горсовету все эти строительные организации и поставить перед ними доклад о значении памятников, истории памятников, рассказать так, чтобы они мимо ушей не пропустили» [ГАРК 1948: л. 22–24].

Введение в научный оборот новых архивных источников позволяет точнее и объективнее реконструировать процессы восстановления крымских учреждений культуры, и в частности, Херсонесского музея, проследить личный вклад в развитие памятникоохранных мероприятий известных деятелей науки и культуры в рассматриваемый период.

Библиография

МАНАЕВ А.Ю. «На местах нет должного внимания к вопросам охраны историко-культурного хозяйства городов и районов Крыма»: итоговый доклад совещания о проблемах сохранения памятников полуострова в 1948 г. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия Исторические науки. Симферополь, 2021. Т. 7 (73). № 4. С. 80–106.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ (далее — ГАРК), Ф. Р-3385. Оп.1. Д. 111. Л. 3–8. Стенограмма совещания комиссии по охране памятников архитектуры 10 июня 1948 г. Титульный список капитальных затрат сектора охраны памятников архитектуры на 1948 г.

ГАРК. Ф. Р-3385. Оп.1. Д. 111. Л. 9–38.

Митрофанов А. А.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

**ДОНЕСЕНИЯ РОССИЙСКИХ
ДИПЛОМАТОВ КОНЦА XVIII в.
ОБ АНТИРЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЯХ
В ИТАЛИИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ)**

Mitrofanov A. A.

REPORTS OF RUSSIAN DIPLOMATS AT THE END
OF THE 18th CENTURY ABOUT
THE ANTI-REVOLUTIONARY MOVEMENTS
IN ITALY AS A HISTORICAL SOURCE
(BASED ON THE MATERIALS
OF THE ARCHIVE OF THE FOREIGN POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE)

Российская дипломатия в странах Южной Европы в период Французской революции играла чрезвычайно важную роль. Прежде всего, речь идет о российских дипломатических миссиях в государствах Италии, отношения с которыми были установлены на протяжении XVIII в. Проанализируем донесения российских дипломатов при дворе королей Сардинии Виктора Амедея III и Карла-Эммануила IV, которые являются ценнейшим источником как по истории революционной и наполеоновской эпохи в целом, так и по истории народных антиреволюционных движений (Инсордженцы), охвативших Италию после 1792 г. [Viglione 1999].

Дипломатические донесения хранятся в фонде «Сношения России с Сардинией» Архива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел России. До настоящего времени большинство этих документов остается неопубликованными. Исключение составляют только депеши посла в Турине князя А. М. Белосельского-Белозерского за 1792–1793 гг. [Belosselsky-Belozersky 1901]. Надо признать, что дореволюционная и советская историография достаточно широко использовала эти документы. В качестве примера приведем классический коллективный труд 1970-х гг. «История Италии», соответствующую главу в котором подготовил В. С. Бондарчук. В зарубежной современной историографии активно использовал донесения русских дипломатов рубежа веков П. Каццола [Cazzola 1991: 783–806.]. В период Французской революции должность посланника в Турине занимали выдающиеся деятели европейской культуры — Н. Б. Юсупов, А. М. Белосельский-Белозерский и не менее выдающиеся российские политики и дипломаты, такие как Г. фон Штакельберг и А. Чарторыйский. Но и во время отъезда, отпуска или смены посланников дипломатическая миссия в эти годы продолжала свою работу под руководством П. И. Карпова, на которого возлагалась обязанность направлять регулярные депеши в Петербург — в Коллегию иностранных дел, а после 1796 г. — лично императору Павлу I. Документация велась, за редким исключением, на французском языке. Все депеши сопровождалось дополнениями: копиями или оригиналами законодательных актов, разведывательных донесений, газет и записками по отдельным вопросам. В период 1789–1799 гг. донесения из Италии содержали также обширные сведения о происходящих во Франции событиях, которые поступали в Турин либо непосредственно из Парижа, либо из Прованса, Савойи и Швейцарии.

В центре внимания дипломатических представителей России находились политика революционной Франции в государствах Италии, династическая политика Савойского дома, австрийских и английских кабинетов, социально-политическое положение в регионе.

Разного рода протестные и повстанческие движения находились под пристальным вниманием русских дипломатов. Народное антиреволюционное движение в период Французской революции в Северной Италии в своем развитии прошло несколько этапов.

В 1792–1794 гг. оно затронуло только ограниченные территории Ниццы и Савойи, как реакция на вторжение французской армии и установление в этих регионах республиканских порядков. Сардинская армия на протяжении этих лет вела активные боевые действия против Франции. В 1795–1797 гг. Инсордженца имела проявления как в Ницце и Пьемонте, так и в Ломбардии, и областях Венецианской республики. Но интенсивность антифранцузских проявлений уравнивалась мощными республиканскими восстаниями в ряде городов (Альба, Асти, Бергамо, Брешия) [Митрофанов 2019: 75–99]. Наиболее крупным антифранцузским восстанием, несомненно, является так называемая «Веронская Пасха» (апрель 1797 г.), когда французы на несколько дней полностью потеряли контроль над стратегически важной Вероной. Наконец, период 1798–1800 гг. был отмечен наивысшими проявлениями вооруженного народного сопротивления. Полная оккупация Пьемонта и свержение французами монархии в Турине в декабре 1798 г. привели к полномасштабному взрыву антифранцузских и антиреспубликанских настроений. Большинство малых и средних коммун региона восстали. Во многом этому способствовало и желание Франции присоединить Пьемонт к республике, а не создавать на его территории отдельное новое государство. «Христианское воинство» под командованием Бранды Лучиони помогало австро-русским войскам под командованием А. В. Суворова освобождать от французов Пьемонт и добилось больших успехов. В Приморских Альпах и Лигурии 1799 и 1800 гг. были отмечены ростом повстанческого движения барбэ, которое действовало полностью. В провинциях Валь д'Аоста и Каннавезе в 1799 г. впервые развернулось крестьянское католическое движение «цокколи» [Ruggiero 1974].

Как справедливо отмечают историки (А. М. Рао, М. Вильоне, Ф. М. Аньоли, М. Вовель, М. Броэрс и другие) Инсордженца не

завершилась ни в 1799, ни в 1800 гг., однако, приобрела иные формы и развивалась с другой динамикой. В этом контексте донесения Чарторыйского, никогда ранее не публиковавшиеся, представляют, на наш взгляд, наибольший интерес [АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 146]. Он подробно освещает ситуацию в Пьемонте с мая 1799 г. по июнь 1800 г. Как видно из депеш посланника, неумелые действия временного монархического правительства, жесткая военная администрация австрийцев, реквизиции и поборы спровоцировали острый социально-экономический кризис. Антифранцузские настроения в обществе сменились антиавстрийскими. Неудачная финансово-денежная реформа правительства разорила негоциантов, мануфактуры, сферу аграрного производства. Наблюдалась острая нехватка продовольствия [АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 146: 39–40.]. Итогом волнений стало то, что правящая элита Пьемонта раскололась, но король так и не смог вернуться в Турин [АВПРИ. Ф. 85. Оп. 85/2. Д. 146: 51–51 об.]. Достаточно было измениться военной конъюнктуре в пользу французов, чтобы в Пьемонте снова появилась угроза потери государственности [Cavallo 2016: 189–210.]. Реставрация в Пьемонте уже к маю 1800 г. представлялась Чарторыйскому эфемерной, а установление господства французов в Северной Италии неизбежным.

Таким образом, в современной историографической ситуации обращение к дипломатическим донесениям из Италии представляется особенно актуальным. Это позволяет нам существенно дополнить историю народного сопротивления в Северной Италии, проанализировать ранее неизвестные аспекты этого масштабного явления, охватившего вскоре весь Апеннинский полуостров. Мы впервые получаем возможность отказаться от старого взгляда на Инсордженцу как на один из эпизодов антифранцузской борьбы фанатично настроенного населения, где все внимание сосредотачивалось на аспекте коллективного насилия, а исследователи традиционно занимались ретроспективной французской точки зрения на события.

Библиография

Архив внешней политики Российской империи. Ф. 85. «Сношения России с Сардинией». Оп. 85/2. Д. 146.

МИТРОФАНОВ А. А. Протестные движения в Пьемонте периода Итальянской кампании Бонапарта (по донесениям русских дипломатов) // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 75–99.

BELOSSELSKY-BELOZERSKY A. M. Un Ambassadeur russe à Turin, 1792–1793. Dépêches de S. E. le prince Alexandre Bélosselsky de Bélozersk. Publiées par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris, 1901.

CAVALLO E. La tirannia della liberta. Il Piemonte dai Savoia a Napoleone. Torino, 2016.

CAZZOLA P. Les «dépêches» a Pietroburgo del principe Belosel'skij ambasciatore russo alla corte di Torino nel 1792–1793 // Dal trono all'abero della liberta. T. I–II. Roma, 1991.

RUGGIERO M. La rivolta dei contadini piemontesi (1796–1802). Torino, 1974.

VIGLIONE M. Rivolte dimenticate. Le insorgenze degli italiani dalle origini al 1815. Roma, 1999.

Могаричев Ю. М.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь,
Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О РОЛИ ВИЗАНТИЙСКИХ ВЛАДЕНИЙ В КРЫМУ В ПРОЕКТАХ ПО УСИЛЕНИЮ ИМПЕРСКОГО ВЛИЯНИЯ В ХАЗАРИИ

Mogarichev Yu.M.

ON THE ISSUE OF THE ROLE OF BYZANTINE POSSESSIONS IN THE CRIMEA IN PROJECTS TO STRENGTHEN IMPERIAL INFLUENCE IN KHAZARIA

Известно, что византийские правители часто рассматривали своих единоверцев, проживавших в других политических образованиях, как некую «группу влияния», через которую можно было оказывать серьезное воздействие на различные процессы, происходившие в этих государствах. Источники зафиксировали две попытки Восточно-Римской империи усилить свое влияние на христианское население Хазарского каганата. Сделать это предполагалось через византийские владения в Крыму.

Первая получила отражение в так называемой Not. III (по Ж. Даррузе) или Нотиции Де Боора [Darrouzes 1981; 20–33, 229–245]. Как известно, данные, свидетельствующие о системе управления христианскими приходами на Крымском полуострове, содержащиеся в этом списке епархий Константинопольского патриархата, во многом, не соответствуют свидетельству как более ранних, так и более поздних нотиций. Напомним, согласно Not. I, Not. II, Not. IV, Not. V, Тактикону Филофея, в Крыму функционировали два

церковных центра — Херсон и Боспор, которые входили в состав Зихской епархии с центром в Никопсисе [Могаричев 2021; 368–370. И др.].

В Not. III Зихская епархия (№ 82) так же присутствует. Но ее состав следующий: Херсон (№ 83), Боспор (№ 84), Сугдея (№ 85) [Darrouzes 1981; 232]. Следующая особенность Not. III — среди митрополий 42 место занимает Готская епархия с центром в Доросе [Darrouzes 1981; 241–242]. В состав данной митрополии входили семь епископий. Огромная территория этой церковно-административной единицы включала районы Нижнего Поволжья, Северо-Западного Прикаспия, пространства между Каспийским и Азовским морями, Таманский полуостров, значительную часть Крыма, то есть практически весь Хазарский каганат.

В историографии сформировалось доминирующее представление, что «крымский пласт» Not. III может датироваться (в широких рамках) второй половиной VIII–IX вв. Документ представлял собой проект, или его черновой набросок, в итоге так и не реализованный, охвата Хазарии системой христианских епархий. Нотиция зависима от документов VII Вселенского собора 787 г., источник компилятивен и включает в себя разновременные позиции [Могаричев 2021; 370–372. И др.]. В иных известных нам источниках об обширной (или просто) Готской митрополии в Хазарии информации нет.

Если полагать, что проект «Готская (Хазарская) митрополия» хоть в какой-то мере предполагался к реализации (иначе отсутствует всякая логика включения его в нотицию) и отражал некие имевшие место тогда реалии, то можно попытаться установить, когда такое могло быть возможным. Обратим внимание еще на два момента.

Первый — это пространственное расположение епархий Готской митрополии Not. III с точки зрения единства территории. Если следовать традиционным, коротким маршрутом из Дороса (совр. Мангуп) в Хазарский каганат (через Восточный Крым и Керченский пролив), то территория Готской митрополии оказывалась «разорвана» землями Боспорской или, при движении через порт Сугдеи, Сугдейской епархий. Таким образом, мы должны постулировать: Готская

митрополия изначально предполагала чересполосицу территории, что крайне маловероятно. Следовательно, единство земель «Хазарской митрополии» предполагалось через Северный Крым, Причерноморские и Приазовские степи. Из этого вытекает, что крымская часть нотиции должна относиться ко времени, когда степные пространства Северного Причерноморья единолично контролировались хазарами. Около 836 г. в Причерноморских степях появляются венгры, в 860/861 гг. их пребывание в Крыму фиксирует Пространное Житие Константина Философа, около 889 г. венгры были вытеснены печенегами [Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017; 621–627. И др.]. Выходит, хазары полностью контролировали степи Северного Причерноморья, соответственно и Северный Крым, только до периода, не выходящего за пределы конца 30-х — начала 40-х гг. IX в.

Второй, политическая ситуация должна была складываться таким образом, чтобы хазары нуждались в помощи из Византии и, в качестве ответной меры, теоретически готовы были терпеть церковных чиновников из Константинополя. Учитывая, что Not. III может датироваться в пределах конца VIII–IX вв. и приведенные выше аргументы, наше внимание обращает на себя период середины 30-х — начала 40-х гг. IX вв. Именно к этому времени (в широких пределах) относится миссия в Хазарию Петроны Каматира, строительства им Саркела и образования в Крыму фемы Климатов.

Таким образом, по нашему мнению, появление проекта «Готская митрополия» следует датировать второй половиной 30-х — началом 40-х гг. IX в. Возможно, он рассматривался византийскими властями параллельно, или даже вместе, с проектом создания фемы Климатов. Однако, это предложение не получило поддержки, то ли в силу изменения политической ситуации (хазаро-венгерский конфликт?), то ли было отвергнуто правителями Хазарского каганата, опасавшихся в этом случае усиления влияния Византии на внутренние дела Хазарии.

Вторая попытка нашла отражение в письмах Константинопольского патриарха Николая Мистика. В первую очередь, это письмо № 68,

вероятно, херсонскому стратигу Иоанну Воге или его преемнику. Традиционно оно датировалось 919 — первой половиной 920 гг. К. Цукерман посчитал возможным отнести источник ко второй половине 914 — первой 915 гг. [Цукерман 2010; 424]. В этом документе патриарх сообщает о том, что в Константинополь прибыли послы от хазарских христиан с просьбой назначить им духовного наставника для рукоположения местных священников. В ответ на данное ходатайство, Николай Мистик отправил в Хазарию херсонского епископа. Тот должен был прояснить ситуацию на месте и совершить там все необходимые действия. Патриарх просит стратига помочь епископу в его благородном деле [Сорочан 2012; 183–189]. Очевидно, с письмом № 68 связано письмо № 106, адресованное архиепископу Херсона и отражающее результаты миссии в Хазарию: патриарх уже поручает главе Херсонской епархии подобрать достойного человека для назначения епископом в Хазарию [Сорочан 2012; 183–189]. Документ датируется поздним летом — ранней осенью 920 г. [Цукерман 2010; 424].

В историографии ведется дискуссия, какую Хазарию имел в виду Николай Мистик: Хазарский каганат или некий хазарский анклав в Восточном Крыму. В этой связи заметим, византийские авторы VIII–X вв. никогда не использовали по отношению к Крыму или отдельной его части термин Хазария. Таким образом, вероятнее всего, Николай Мистик под термином «Хазария» мог понимать только одно государственное образование — Хазарский каганат.

Абсолютно понятно и логично командирование в Хазарию именно херсонского иерарха. Традиционно контакты между Византией и Хазарией осуществлялись через Херсон. Напомним, Петрона Каматир сначала прибыл в Херсон, здесь произвел переоснащение экспедиции и только после этого отправился строить Саркел. Причем, за время нахождения в городе он успел вникнуть в местные дела и, по возвращению в столицу, выступить в роли инициатора создания в Херсоне фемы. Через два десятка лет после Петроны Константин Философ сначала прибыл в Херсон, провел здесь зиму и только затем отправился ко двору кагана.

Аргументом в пользу отправки херсонского архиепископа именно в Хазарский каганат могут свидетельствовать письма того же Николая Мистика: № 51 эксусиасту Авагии Константину III и (914–916 гг.) и № 46 — следующему правителю Абхазии, Георгию II (916–917 гг.), в которых идет речь о помощи тамошних князей в деле недавней христианизации Алании. Сохранились и письма патриарха (№ 52, 118, 133, 134, 135) архиепископу Алании, датирующиеся 914–918 гг. [Иванов 2003; 184–190]. Учитывая, что адресатом Николая Мистика были правители Абхазии, не остается сомнений, что речь идет о кавказских аланах. Раз патриарх проводил миссионерскую деятельность в Алании, почему он не мог это же делать в Хазарии? Правда в первом случае речь шла о христианизации алан, в том числе и их правителей, а во втором об организации христианской епархии в Хазарии.

Библиография

- ИВАНОВ С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- МОГАРИЧЕВ Ю.М. К вопросу о времени и обстоятельствах появления проекта «Готская митрополия» (Not. III) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. С. 368–383.
- МОГАРИЧЕВ Ю.М., САЗАНОВ А.В., СОРОЧАН С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017.
- СОРОЧАН С. Б. Византийский Херсон в письмах Николая Мистика // Хазарский Альманах. Киев; Харьков, 2012. Т. 10. С. 183–189.
- ЦУКЕРМАН К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным *Notitiae episcopatum* // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XVI. Симферополь, 2010. С. 299–335.
- DARROUZES J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris: Institut Francais d'Etudes Byzantines, 1981.

Моисеева Е. Н.

Независимый исследователь, г. Саратов

**КРЫМ 80-х гг. XIX в. ГЛАЗАМИ
ФРАНЦУЗСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО
ОФИЦЕРА И ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ЖЮЛЯ-НАПОЛЕОНА НЕЙЯ (1849–1900).
ПО МАТЕРИАЛАМ ТРАВЕЛОГА
«В ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ НА ВСЕХ
ПАРАХ...» (1888)**

Moiseeva E. N.

CRIMEA OF THE 80s. 19th CENTURY
THROUGH THE EYES
OF THE FRENCH COLONIAL OFFICER AND TRAVELER
JULES-NAPOLEON NEY (1849–1900).
BASED ON THE MATERIALS OF THE TRAVELOGUE
«TO CENTRAL ASIA AT FULL STEAM...» (1888)

Сочинение французского военного, журналиста и путешественника Жюль-Наполеона Нейя «В Центральную Азию на всех парах» [Ney Napoléon, 1888] является одним из важных источников по истории изучения окраин Российской империи. Жюль-Наполеон Ней (1849–1900 гг.) был внуком наполеоновского маршала Нейя. Он отличился во Франко-Прусской войне, служил в Алжире, Испании, Португалии и Тунисе и вышел в отставку в 1883 г. По приглашению генерала Михаила Анненкова в мае 1888 г. из Парижа он отправился в Центральную Азию и за месяц с небольшим посетил Крым, Кавказ и Туркестан. Путевые записки Наполеона Нейя были изданы в 1888 г., сразу по возвращении в Париж.

В 2019 г. Институт Востоковедения опубликовал перевод 11–23 глав травелога Нейя, посвященных его путешествию по Центральной Азии,

куда он прибыл в качестве официального представителя Франции на открытие железнодорожного вокзала в Самарканде [Ней, 2019]. По мнению переводчицы и автора предисловия С. А. Атановой «Местами спорные, наблюдения о Центральной Азии представляют увлекательнейшую картину региона со сложным переплетением этнографических, антропологических, исторических и социальных характеристик» [Ней, 2019: С. 6].

4–6 главы травелога Ж.-Н. Ней посвящены Крыму. Однако, они не были переведены и не становились объектом внимания российских историков. Небольшой переведенный отрывок из травелога я обнаружила на сайте Российского исторического музея Феодосии с описанием дворца Воронцова в Алушке и виноградников Крыма [Алушка: https://old-museum.org/archive/archives_01_2.htm]. На мой взгляд, описание путешественником городов Крыма являются важным источником для изучения образа Крыма во французском обществе. Каким увидел Крым Ж.-Н. Ней и каким представил его своим соотечественникам?

Путешествуя по Крыму, Ж.-Н. Ней посетил Евпаторий, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь. Путешествие было в основном морским, автор следовал на пароходе «Волга», из Севастополя в Ялту путешествие было сухопутным. «Пейзажи Крыма меняются каждое мгновение», — писал автор. [Ney Napoléon, 1888: 53]. С моря они напоминали ему то побережье Алжира и Египта, то Швейцарию. Автор сравнивал увиденное в Крыму с знакомыми ему очертаниями европейских городов и пейзажей. Так, например, приморские города Крыма он сравнивал с такими приморскими городами Франции как Биарриц, Дьепп, Гавр и Ницца [Ney Napoléon, 1888: 54]. Вращающиеся лопасти ветряных мельниц Евпатории напомнили ему Голландию [Ney Napoléon, 1888: 54]. Отель в Ялте, где остановился путешественник, напомнил ему отели Парижа и Вены, а набережная Ялты — Английскую набережную в Ницце [Ney Napoléon, 1888: 55].

Ялтой путешественник был, буквально, очарован. «Великолепные сады Ливадии», «красивые виллы», «прекрасные виноградники», «пышная растительность скал», «антикварные магазины» и конечно же «бескрай-

нее море» — все это вызывало восхищение Ж.-Н. Нейя. Он назвал Ялту «счастливым и живописным уголком» и «самым элегантным из морских курортов царя» [Ney Napoléon, 1888: 55–56]. Путешественник рассказал своим читателям о том, что император России несколько недель каждое лето проводил в своей резиденции в Ялте, а у императрицы в нескольких сотнях футов над Ливадией есть любимый павильон с турецким названием Эрелик (сливовый сад). [Ney Napoléon, 1888: 57].

Внимание путешественника привлекли виноградники, которые встречались ему на пути следования. Своим читателям он рассказал о том, что государство поощряет разведение виноградников, и если к 1850 г. в Крыму крымские виноделы производили 200000 гектолитров, то ко времени его путешествия эта цифра удвоилась [Ney Napoléon, 1888: 58]. По мнению Ж.-Н. Нейя «превосходными» являлись белые вина из Судака и Феодосии и красные из Кооса. [Ney Napoléon, 1888: 58]. Автор писал: «Активность, энергия и ум, которые потребовались для обустройства этих виноградников, были в такой же степени использованы при их защите от филлоксеры» [Ney Napoléon, 1888: 59]. Ж.-Н. Нейя описал как российское правительство грамотно и успешно боролось с этой напастью: «На всех дорогах, ведущих к зараженным виноградникам, установили армейские пикеты, препятствующие вывозу или ввозу в опасную зону лозы, виноградных листьев, самого винограда и других каких-либо растений» [Ney Napoléon, 1888: 59–60].

Описанию Севастополя автор посвятил 5 главу своего травелога. Она называется «Севастополь. Французское кладбище». На подъезде к Севастополю Ж.-Н. Нейя испытывал противоречивые чувства. Произнося слово «Севастополь», его сердце сжималось, и он испытывал «глубокую грусть» [Ney Napoléon, 1888: 62]. Он увидел там руины — «запоздалые свидетели войны» и новые постройки, широкие бульвары. Целый день путешественник провел на французском кладбище и вернулся назад с «разбитым сердцем». Он скорбел не только о погибших французах, для него герои все, кто сложил голову в Крымской войне. В травелоге автор подробно описал французское кладбище. Его состояние вызвало у него

беспокойство [Ney Napoléon, 1888: 65]. Необходимы средства на его поддержание, ведь речь, по словам автора, о «национальном достоинстве». Автор рассказал о многочисленных инициативах во французском обществе, направленных на спасение кладбища от разрушения, которые ко времени его визита в Крым так и не были воплощены в жизнь. Из этой главы мы узнаем о том, что в 1886 г. кладбище посетил известный литератор и путешественник Эжен-Мельхиор де Вогюэ, описавший свои впечатления в работе «Севастополь и Крым» [VOGÜÉ, E.-M. DE, 1898].

В главе 5 Ж.-Н. Ней подробно описал броненосцы, увиденные в Севастополе: это «Чесма», «Екатерина II» и «Синоп» [Ney Napoléon, 1888: 76]. Технические характеристики, стоимость орудий — все интересовало бывшего военного. Он признавал возрождающуюся мощь российского военного флота.

Феодосия встретила Ж.-Б. Нея «пустынным пляжем». Это место летом посещали мелкие чиновники, работавшие в Крыму [Ney Napoléon, 1888: 82]. «Там нет ни театров, ни казино, ни других развлечений», — писал путешественник. Изолированная от больших городов, Феодосия не привлекала внимание иностранцев, по мнению автора. Но там есть, что посмотреть, считал Ж.-Н. Ней: это мастерская Айвазовского [Ney Napoléon, 1888: 83]. Путешественник посетил мастерскую художника и описал ее. Он увидел там работы, который художник только что начал, в частности, это картина «Прибытие флотилии Христофора Колумба к берегам Америки», которая дотируется искусствоведами (1892 г.)

Последний город в Крыму на пути следования Ж.-Н. Ней — Керчь, «важное торговое и военное место, насчитывающее около 20000 жителей» [Ney Napoléon, 1888: 86]. Он увидел на склоне палатки, в которых жили военные во время летних тренировочных сборов и рассказал своим читателям о том, что летние сборы и военные учения проходят по всей Российской империи. Путешественник отметил высокую боеспособность русской армии. Из достопримечательностей Феодосии Ж.-Н. Ней посетил гору Митридат, взобравшись на нее по «великолепной, но уже обветшавшей каменной лестнице». Вдалеке он заметил огромное подземелье, он

назвал его Скати-Курган, речь о Царском кургане. [Ney Napoléon, 1888: 86]. На этом закончилось посещение Керчи, и путешественник отправился далее по морю, посетив Анапу, Новороссийск, Туапсе и другие города побережья, пока не добрался до Батуми.

Библиография

NEY, NAPOLÉON En Asie centrale à la vapeur. La mer Noire, la Crimée, le Caucase, la mer Caspienne, les chemins de fer sibériens et asiatiques, inauguration du chemin de fer transcapien, l'Asie centrale, Merv, Bokhara, Samarkand. Notes de voyage, par Napoléon Ney. Préface de Pierre Véron. Paris: Garnier Freres. 1888. 466 p.

НЕЙ, НАПОЛЕОН. «На всех парах в Центральную Азию = En Asie Centrale «à la vapeur» / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. А. Атановой; отв. ред. С. Н. Абашин / Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2019. — 176 с.

Феодосийский Музей Древностей. Алупка. Отрывок из травелога Ж.-Н. Нея https://old-museum.org/archive/archives_01_2.htm

VOGÜÉ, EUGÈNE-MELCHIOR DE Sébastopol et la Crimée / Vicomte E.-M. de Vogüé; [précédé d'une notice par Charles Simond.]. Paris: Hachette 1898. 32 p.

Москаленко О. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Ирхин А. А.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

КРЫМ КАК СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ВОЗРОЖДЕНИЯ ДИСКУРСА БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Moskalenko O. A.,

Irkhin A. A.

CRIMEA AS A SEMANTIC KERNEL OF THE BRITISH EMPIRE DISCOURSE RESURRECTION

Британию и Россию связывает длительная история взаимодействия, в том числе закреплённая и в художественной, публицистической литературе о России. Есть несколько знаковых точек: одна из них — Крымская война; вторая — укрепление СССР. Третья — распад СССР, породивший волну переосмысления русского национального характера и сближение, сейчас мы находимся в точке максимального отдаления в культурно-литературном пространстве. Напряжённость в ЧР необходима Британии и с эмоциональной точки зрения: Крым становится элементом британского имперского возрождения, как раз во многом за счёт того, что в 2014 г. стал символом возвращения величия России.

Россия и Великобритания — две великие империи, формировавшие и поддерживавшие мировой порядок в XIX и XX вв., к концу второго десятилетия XXI ст. вновь выходят на мировую арену, а Крым во многом становится точкой возрождения их самоидентификации в качестве империй. Возвращение Крыма и Севастополя в 2014 г. стало знаковой точкой, а Великобритания в информационном да и в политическом про-

странстве отреагировала гораздо спокойнее, чем Соединенные Штаты. Тем не менее, спустя 7–8 лет именно «крымский вопрос» транслируется во всех британских СМИ. Российский Крым оказался так же важен для подъема британского самосознания и возвращения имперского величия, как и для России. Когда-то Крымская война 1853–1856 гг. вдохнула новую жизнь в патриотизм британцев, ознаменовала новый виток национальной идеи, сплоченность нации еще до победы [Москаленко, Ирхин 2021]. Так что «крымский вопрос» в этом ракурсе — уникальный феномен: он в некотором роде возрождает имперское противостояние России и Британии. После Брексита наступает подходящий момент, когда давний конфликт можно вынести на поверхность, разыгрывать во внешней политике накануне крупнейших учений в Черном море, транслировать во всех средствах массовой информации, демонстрируя уже не столько консолидированную позицию Запада по поводу принадлежности Крыма, сколько свою способность действовать самостоятельно.

Говорить о возрождении Британской империи следует прежде всего в культурном универсуме, в информационном поле. Обязательный атрибут империи — наличие имперского мифа, своего рода мессианской идеи, и Британия всегда им обладала. Надо помнить, что сейчас быть империей стыдно: привычное содержание слов «империализм» и «империя» опорочено, стало оскорбительным, деяния империй переосмысливаются в сверхтолерантном и сверхлиберальном мире. Как отмечает журналистка «Форбс» Анна Трапкова в рецензии на книгу Н. Фергюсона «Империя. Чем современный мир обязан Британии», «фантомные боли имперского величия знакомы российскому читателю не меньше, чем британскому» [Трапкова 2013]. Но ключевая разница лежит в самоидентификации своей имперской истории: британские имперские мифы и поступки в течение длительного времени являются предметом открытой публичной самокритики, тогда как в России тема обсуждения неблагоприятного имперского прошлого закрыта и табуирована [Oskanian 2020].

В самой Британии — и в научных кругах, и в политических — дискуссии о возвращении империи не угасают. В сознании британцев

укоренено стремление к возрождению имперскости. На рубеже XIX–XX вв. в Оксфорде была издана, а в 2011 г. переиздана пятитомная История Британской Империи («The Oxford History of the British Empire»), охватывающая период вплоть до 1999 года — это показывает, что имперское самоощущение британцев не является делом прошлого, а до сих пор составляет важную черту национальной самоидентификации. Историк Н. Фергюсон отмечает, что Британия вновь готова к экспорту цивилизации по викторианскому типу, но с той поправкой, что это уже «постмодернистский империализм», империализм нового типа, а оправдано это тем, что слабые все еще нуждаются в сильном, а сильные все еще нуждаются в упорядоченном мире. Мир, в котором эффективные и хорошо управляемые силы экспортируют стабильность и свободу, мир, который открыт для инвестиций и роста, кажется чрезвычайно желательным. Главным признаком британской имперскости XX в. выступает и закрепляется англоязычное пространство с присущей ему идеей цивилизованности и свободомыслия — хотя в начале 2000-х еще казалось преждевременно заявлять о стремлении к возрождению империи, основные ее ценности в форме мессианской идеи свободы продолжали популяризироваться через призму литературного и медийного дискурса в том числе. Период присутствия в ЕС был оправдан идеей коллективной империи без этнического доминирования и исключительности, провозглашенной самой же Британией, но Brexit зафиксировал ее трансформацию. И вот уже в 2020 г. британские историки рассматривают историю Британии как историю нации, абсолютно независимой от Европы, а годы присутствия в ЕС как период исключения из правила: «Мы возвращаемся в эпоху, когда ни одна держава не будет способна менять наши решения и законы» [Фергюсон 2013: 372] — звучит сразу после официального прекращения членства Британии в ЕС. Это не просто одно из громких заявлений в политическом медийном дискурсе, а позиция, основанная на длительном культивировании британской имперскости в пространстве литературно-исторического дискурса и в среде элитного образования. Безусловно, тема Брексита в самой Великобритании была воспринята

положительно далеко не всеми внутри страны, но в массовом сознании она так или иначе, со знаком «плюс» или со знаком «минус», оказалась связана с возрождением былого имперского величия, с тоской по великой империи, с тем, что главная черта британского национального характера — умение рисковать и полагаться только на себя.

И вновь на арене дух Великой Британии, которая готова пользоваться своим имперским наследием, когда-то предоставленным колониям и территориям культурного влияния в виде английского языка и культуры, образования, инфраструктуры, прецедентного права, институтов. А если учесть, что главной имперской идеей Великобритании всегда была идея свободы, то вполне очевидно, что одним из антагонистов традиционно оказывается еще одна империя прошлого: британский медийный дискурс, как впрочем, и политический, и литературный, активно разыгрывает тему несвободной России и ее тиранического лидера, реализующего экспансионистскую политику, аннексирующего земли — Крым, угнетающего народы — как минимум, крымско-татарский и украинский. И сейчас Великобритания ведет себя как империя, которая готова активно сдерживать российскую экспансию в регионе, который для нее является важным не только с точки зрения геополитики, но и с точки зрения исторической памяти.

Библиография:

МОСКАЛЕНКО О.А., ИРХИН А. А. Крымская война 1853–1856 годов в современной британской литературе: эволюция русского мифа // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 3. С. 32–39. DOI: 10.20339/PhS.3–21.032

ТРАПКОВА А. Сладкое слово «империя» // Forbes. 3 мая 2013. URL: <https://www.forbes.ru/forbes/issue/2013-05/237441-sladkoe-slovo-imperiya>

ФЕРГЮСОН Н. Империя. Чем современный мир обязан Британии.— М.: Corpus, 2013.

OSKANIAN K. Russian Empire: between Historic Myth and Contemporary Reality // The Foreign Policy Center. July 24, 2020. URL: <https://fpc.org.uk/russian-empire-between-historic-myth-and-contemporary-reality/>

Неменов А. А.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

ОБРАЗ ЭЛИТЫ ОСМАНСКОГО ЕГИПТА РУБЕЖА XVIII–XIX вв. В ЗАПИСКАХ БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Nemenov A. A.

THE IMAGE OF THE ELITE OF THE OTTOMAN EGYPT AT THE BORDER OF THE XVIII–XIX CENTURIES IN THE NOTES OF BRITISH TRAVELERS

С началом эпохи Нового времени европейские державы вырываются за пределы своего континента в поисках новых земель и богатств. В процессе выхода за пределы Европы они открывают, впервые или вновь, соседние народы. Одним из таких вновь «открытых» мест в этот период становится Ближний Восток, находившийся под контролем Османской империи. Вместе с территорией европейцы были вынуждены заново выстраивать образ народов, населявших этот регион. Образ «Востока» традиционно имел особое значение для европейцев, поскольку именно через его восприятие и противопоставление ему себя Европа Нового времени начала процесс осознания себя как особого мира «Запада» [Нойманн 2004: 15].

Англичане начали налаживать торговые контакты с турками ещё в XVI в., постепенно расширяя своё присутствие и торговые привилегии. Параллельно с этим европейцы продолжали соперничать друг с другом. В первую очередь речь идёт о французах и британцах, чьё торгово-колониальное соперничество красной нитью проходит через весь XVIII в.

Начиная со второй половины века в Египет стало приезжать всё больше и больше людей из Западной Европы. Причём приезжали сюда люди совершенно разные: путешественники и политики, торговцы и миссионеры, учёные и военные.

Многую были рассмотрены травелоги семерых авторов-англичан, посетивших Египет на рубеже XVIII–XIX вв. Первый автор — Джон Антес [Antes 1800: 156], моравский священник из североамериканских колоний Британии, посетивший Египет в 1770–1782 гг. Второй — Джордж Браун [Browne 1799: 549], литератор и исследователь Африки, был в Египте в 1795–1796 гг. Третий — Ричард Реншоу [Renshaw 1821: 270], британский солдат, отправившийся в Египет вместе с индийским военным корпусом в 1798 г. Четвёртый — Эдвард Дэниел Кларк [Clarke 1812–1814], профессор Кембриджа, знаменитый британский путешественник, писатель и изобретатель, прошедший в Египте 1801 г. Пятый — путешественник издавался под псевдонимом «Виконт Валентиа». Его настоящее имя Джордж Аннесли, 2-й граф Монтморрис [Annesley 1809], политик и путешественник, член Лондонского королевского общества, посетил Египет в 1805 г. в рамках своего большого путешествия по Азии и Африке. Шестой — Джон Брамсен [Bramsen 1820], юноша из богатой семьи, близкой к политическим кругам Лондона. Совершил большой вояж по Европе и Восточному Средиземноморью в 1813–1815 гг. И седьмой автор — Чарльз Леонард Ирби [Irby 1985: 560], морской офицер, ветеран Наполеоновских войн, в 1816 г. поехал в Верхний Египет для изучения древней архитектуры.

В ходе своих странствий по Египту английским путешественникам регулярно приходилось иметь дело с представителями египетской знати. Как правило, правители были заранее осведомлены об иностранцах, прибывших в их владения. Тем оказывались всевозможные почести и содействие, а также нередко за ними велось наблюдение, скрытно или явно [Renshaw 1985: 10].

Английские путешественники общались с представителями власти на разных уровнях (во многом это зависело от статуса самих путешественников). Всех правителей, вождей и старейшин в Египте можно поделить на три группы. Первая это турки, присланные управлять регионом из Константинополя. Их было относительно немного, а их власть, как правило, носила сугубо номинальный характер и зависела от лояльности им мамлюков. Вторую категорию правителей составляли собственно мамлюки. По своему происхождению они

не были местными, из-за чего имели особые интересы, отличные от интересов и египтян, и турок. В третью категорию власть имущих входили шейхи небольших городков и деревень, которые, как правило, были выходцами из здешних мест. Они составляли основание пирамиды власти в Египте.

Шейхи

Изначально шейхи выполняли в мусульманском обществе функцию судей, но в Египте они становятся фактическими управителями областей. Они зачастую управляли стратегически важными перевалочными пунктами, следя за порядком на дорогах между крупными городами. Нередко эта должность передавалась по наследству [Annesley 1809: 432].

Англичане отмечают, что гостеприимство является неотъемлемой чертой характера восточных людей, проявление которой они регулярно встречали в ходе своих путешествий. Джон Брамсен пишет следующее: «Через полчаса после того, как мы добрались до деревни, мы остановились в доме шейха, или судьи, который принял нас очень дружелюбно. Он тут же расстелил во дворе перед дверью старую соломенную циновку и подал нам деревянную миску, наполненную свежим козьим молоком, и что-то вроде тонкого ржаного пирога.» [Bramsen 1820: 188]. Угощали иностранных гостей чем могли, в богатых домах, это, как правило, был кофе и сладости. Шейхи и беи, особенно в поселениях вдоль Нила, нередко обладают весьма роскошными резиденциями с цветущими садами, где они выращивают виноградные лозы [Annesley 1809: 408]. Нередки были случаи, когда шейхи весьма откровенно жаловались на положение дел в их стране и искренне надеялись на помощь англичан: «Шейх Сулейман эль-Файум, потомок Мухаммеда, священник одной из мечетей Каира, до прихода французов получал здесь прибыль более ста тысяч фунтов в год. Он прибыл в Александрию в мае и попросил меня зайти к нему. Он весьма ярко описал мне бедствия Египта, весьма впечатлил меня своей скорбью, переживаниями и угнетённым видом и сердечно просил передать всё услышанное по возвращении в Англию. Его чувства настолько пересилили его предрассудки, что он настаивал отобедать с ним; прощаясь, он обнял меня и со слезами на глазах снова умолял меня замолвить слово

за его несчастную страну для защиты ее англичанами» [Annesley 1809: 465–466]. Под «предрассудками» Монтморрис, скорее всего, подразумевает настороженное отношение местных к европейцам, от которых они не знают чего ожидать: беды или блага. Подобные случаи будут повторяться во время его путешествия ещё ни раз, шейхи регулярно жалуются англичанам на бедственное положение дел Египта (в частности, грабежи и беззаконие) и уповают на помощь старых союзников.

Отдельно следует сказать о городских властях. Обычно во главе города стоят кади (араб. «судья») — судья-чиновник из Константинополя, сардар (перс. «глава», «руководитель») — командир городского гарнизона, нередко это кашиф¹ или бей, или субардже, глава магистрата. Если верить Брауну, то в подавляющем большинстве городов у власти стоят священнослужители [Browne 1799: 8], но, записки эрла Монтморриса и Эдварда Кларка свидетельствуют об обратном.

Англичане очень часто упоминают крайнюю любезность хозяев и обычай обмена подарками. Подарки в египетском обществе являют собой важную деталь социального взаимодействия, подобные эпизоды будут ещё неоднократно упоминаться практически у всех авторов. За помощь со стороны властей англичане нередко одаривают их дорогими подарками, европейским оружием, дорогим алкоголем, украшениями и золотом. Подарки в Египте выступают своего рода взяткой, неписанным правилом хорошего тона и благодарностью за оказанную услугу. Отказ от вручения взаимных подарков нередко мог навлечь на иностранца неприязненное, но даже враждебное отношение [Irby 1985: 35].

Бей и паши

И, наконец, на вершущке пирамиды управления османским Египтом стоят бей и паши, но ни о каком единстве среди них не может быть и речи.

¹ Кашиф (араб. «Тот, кто открывает», «Первопроходец») — арабское прозвание, имеющее тесную связь с Кораном. Применяется к людям, выделяющимся умением видеть и чувствовать то, что другие не в состоянии. В османском Египте — титул «окружных» правителей из числа мамлюков.

Паша (от др. перс. «Правитель») — титул генералов и губернаторов, его носили управители, присылаемые в Египет из Константинополя.

Англичане неоднократно отмечали, что именно беи и их мамлюки являются истинными владыками Египта. Со времён покорения Египта османами в XVI в. был установлен режим компромисса: в Каир приезжал наместник султана, а местные элиты формально признавали его власть, получая взамен гарантии сохранения их положения и привилегий [Мейер 1991: 54]. Беи (тюрк. «Господин») — предводители мамлюков, прошедшие путь от рабов до землевладельцев. Беи — полноценные аристократы, которым принадлежат обширные земельные наделы и вся полнота власти в Египте. Их достаточно много, и их число постоянно растёт за счёт присылаемых в Каир мамлюков. Каждый бей стремится к власти, из-за чего проистекает нескончаемая вражда между ними и колоссальная политическая нестабильность во всём регионе. Тем не менее, беи, одержавшие верх, ведут достаточно праздный образ жизни, содержат армию и следят за порядком на вверенной им территории.

Львиную долю внимания путешественников привлекают виднейшие правители Египта того времени — Мурад-бей и Ибрагим-бей, Альфи-бей и Али-бей Великий и, конечно же, Мухаммед Али.

В целом, египетские беи жили весьма роскошно. Путешественники неоднократно описывали их дорогие особняки и пышные застолья. В богатых домах нередко имелся большой гарем, многочисленные рабы и обширные конюшни [Irby 1985: 205].

Беев, как правило, сопровождали большие свиты, что на приёмах, что на улице. Браун так описывает прибытие паши в город: «Сначала шли старшие офицеры, в том числе ага янычар, затем парами шли несколько бостанджи². За несколькими беками следуют роскошно одетые мамлюки верхом на конях. Далее следуют музыканты, бунчуки, офицеры и слуги его двора, и, наконец, сам паша.» [Browne 1799: 151]. Сопровождавшие беев и пашей всегда привлекали внимание своими нарядами. Нередко всадники-телохранители наряжались в яркие наряды и несли за собой

² Бостанджи (тур. «садовник») — дворцовая стража в Османской империи.

большие знамёна, их движение сопровождалось боем барабанов. Почётная стража и её командиры всегда одеты с иголки. Кларк утверждает, что в подобном виде они вступают в сражение, что нередко вызывало смех французских солдат. Он пересказывает историю, что, когда французы дали таким всадникам отпор, то кричали им вслед «долой арбузы!» («*bas les Pasteques!*»), из-за того, что чёрная обвязка их больших тюрбанов напоминала арбузы [Clarke 1814: 33–34].

Сама знать тоже наряжалась достаточно ярко и носила богатые украшения. Кларк обращает внимание на дорогое облачение визиря, опоясанного саблей с изумрудом размером с грецкий орех, в богатой шёлковой мантии и богато украшенной пурпурной шапочке. А его трубка, по словам самого визиря, стоила более семи тысяч пиастров [Clarke 1814: 154–155].

Многие представители правящей верхушки хорошо образованы, учились в Салониках. Некоторые успели попутешествовать по Европе и выучить несколько языков [Clarke 1814: 46]. Многие из них стремятся жить как европейцы, но это не всегда получается. Например, Антес упоминает, что египетская знать начала перенимать от европейцев карантинные нормы, правда их соблюдение оставляло желать лучшего: «Люди у власти не так сильно затронуты этим [чумой — А.Н.], поскольку они не испытывают нужду в чистом белье и одежде, а когда проходят по улице, все уступают им дорогу, и ни один больной человек не способен беспрепятственно проникнуть в их дома. Однако, некоторые из них соблюдали бы меры более строго, если бы не боялись, что их более суеверные товарищи начнут презирать их и называть франком (*frangi*). <...> Я помню случай в 1771 году, когда в доме знатного человека от чумы погибли все просто потому, что хозяин купил себе несколько мамлюков, доставленных из Константинополя» [Antes 1800: 46]. Это свидетельство показывает, что пусть многие беи и восхищались европейцами, признавали их силу и мудрость, но сохраняли к ним пренебрежительное отношение. Полное уподобление европейцу в среде беев считалось недостойным истинного мусульманина.

Среди развлечений знати Египта путешественники больше всего пишут о пирах и хаммаме. Число яств и их разнообразие зависит как от богат-

ства хозяина, так и от места. Мало кто в Верхнем Египте мог позволить себе пышные застолья: там гостей угощали исключительно лепёшками и кофе. [Irby 1985: 33]. У беев же Дельты застолья постоянны и обильны. Неизменным всегда остаётся то, что гостю предлагают кофе и курительную трубку, иногда с шербетом.

Мамлюки

Невозможно говорить об Османском Египте, не упомянув мамлюков. Их влияние на политическую жизнь страны было огромно, а их происхождение, сложный путь становления и способности вызывали огромный интерес у путешественников разных эпох и народов.

Несмотря на то, что все мамлюки принимают ислам, кое-кто из европейцев полагает, что некоторые из них либо в тайне остаются христианами, либо просто пренебрегают мусульманскими постулатами [Browne 1799: 51]. Антес пишет о мамлюках следующее: «И хотя я нашел много свободомыслящих среди коренных магометан, а также обращённых христиан среди мамлюков, я имею в виду таких, которые носили маску магометанства по необходимости, но оставались тайно привязанными к своим прежним принципам, будучи рожденными от родителей-христиан; тем не менее, если мы возьмем их вместе, эти два описания очень скудны по сравнению с теми из нас, кто мало или совсем не верят в то, что они исповедуют, причем большая часть действительно строгие магометане» [Antes 1800: 129]. Он так же делает вывод о большой выдержке мамлюков и умении контролировать свои внутренние стремления и убеждения, в чем они мало отличаются от остальных образованных европейцев [Antes 1800: 131].

Мамлюки — превосходные всадники. Большую часть их тренировок занимает именно верховая езда и конный бой. Они прославились как хорошие конные стрелки. Уже в позднем средневековье они освоили мушкеты и начали ими активно пользоваться в конном бою. Вооружение мамлюков следующее: «На полном скаку они используют карабины, по-

ражают цель, перебрасывают карабин на плечо и выхватывают пистолет, совершая ещё один выстрел и снова бросая оружие, мгновенно, доверяя верёвке, к которой привязано их оружие, в бою у них нет времени. Они также вооружены саблей, в обращении с которой они очень искусны» [Renshaw 1821: 134]. Мамлюков, безусловно, признают великолепными, возможно, лучшими воинами Востока, уточняя, что один мамлюк ценен, но вот войско мамлюков серьёзно проигрывает более сплочённой и организованной европейской армии [Browne 1799: 51].

Молодые воины постоянно появляются в военной форме и обычно вооружены парой пистолетов, саблей и кинжалом. В бою мамлюки, следуя старым обычаям, иногда появляются в шлеме и кольчужном доспехе, скрытым за тканой одеждой [Browne 1799: 50]. Стоят такие доспехи дорого, и далеко не каждый может себе их позволить.

Мамлюков достаточно легко отличить от всех прочих жителей Египта: их кожа значительно светлее, чем у арабов и коптов. Они все носят длинные бороды, это своеобразный ритуал — мамлюк не бреет бороды, пока не займёт какую-либо почётную должность. Браун предполагает, что выбритое лицо у мамлюков может говорить о высоком статусе человека и, возможно, о его личной свободе [Browne 1799: 130]. Однако, борода, тем не менее, остаётся важным украшением жителя арабского мира, это может быть связано как с модой, так и с заповедями пророка Мухаммеда. При этом густые бороды отращивают не все: у мамлюков-кипчаков борода растёт плохо. Одежды мамлюков, как правило, очень яркие. Свидетельствует Кларк: «Их платье состоит из широкой желтой рубашки, сделанной из тонкой хлопчатобумажной ткани, поверх которой они покрыты другой легкой тканью; эта одежда полностью покрывает их от шеи до лодыжек и спускается до пальцев, где и заканчивается, так как они считают неприличным предстать перед начальством без покрытия. У них есть еще одно платье из ткани без подкладки, только рукава прорезаны по локтям. В холодную погоду его обычно отделявают мехом, а иногда и летом, чтобы защитить тело от губительного воздействия ночного воздуха» [Clarke 1814: 134].

Мамлюки не получают жалования за службу, но зато имеют почётное право обедать за столом своего хозяина, бея или любого старшего офицера. Обогащаются они во многом благодаря господским подаркам и вымогательству средств у мирного населения. Нередки случаи, когда их действия приобретают черты форменного бандитизма: ничто не мешает мамлюку остановить торговца, забрать у него столько товара, сколько получится унести, а в случае неповиновения жестоко избить несчастного [Bramsen 1820: 210]. У них достаточно жёсткий распорядок дня, встают они с восходом солнца, принимают пищу в десять утра и пять вечера. Питаются в основном пловом, мясом, рыбой или птицей, за столом пьют только воду, после еды кофе и шербет. Вино они пьют лишь в неформальной обстановке, покупая его у греческих или европейских торговцев [Bramsen 1820: 69].

В брак они вступают редко, ещё реже заводят детей. Объясняется это тем, что у мамлюков отсутствует прямая наследственность при передаче власти: у сына бея мало шансов занять место отца, обычно оно достаётся наиболее сильному из новообращённых мамлюков. Так что судьба мальчиков часто незавидна, а вот девочек используют для выгодного брака с союзниками [Browne 1799: 51].

Что касается человеческих качеств, то для большинства путешественников мамлюки, очевидно, представляют собой весьма неприятные личности: жестокие убийцы и грабители. Но, по мнению Антеса, не все они такие: «Я обнаружил нескольких мамлюков и турок, строго придерживающихся принципов чести и доброжелательных взглядов, которые были не только добродушны, но и верны своим убеждениям в отношении добра и зла. Некоторые из них стали моими искренними друзьями; но я почти всегда замечал, что те, кто приходил ко мне с самым дружелюбным видом, обычно имел намерение обмануть меня или получить от меня какую-то пользу. С другой стороны, те, кто выглядел суровым и подозрительным при первом знакомстве, со временем понимали, что я не какой-то злодей-шарлатан, согласно их предрассудкам, и очень часто становились моими лучшими друзьями, и некоторым из них я бы доверил что-нибудь ценное,

совершенно не опасаясь» [Antes 1800: 127]. Некоторые другие авторы также пришли к выводу, что мамлюки не злые от природы демоны, а вполне доброжелательные люди, исполненные суеверий и прошедшие через трудные испытания, сделавшие их более грубыми и жёсткими. Они скорее легкомысленные, чем наглые и озлобленные.

Источники

ANNESLEY G. Voyages and Travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia, and Egypt, in 1802, 1803, 1804, 1805 and 1806. L.: Printed for William Miller, Albermale-Street, by W. Bulmer and co. Cleveland-Row, St. James's. 1809. Vol. III.

ANTES J. Observations on the manners and customs of the Egyptians, the overflowing the Nile and its effects; with remarks on the plague and other subjects. L.: Printed for J. Stockdale. 1800. 156 p.

BROWNE W. G. Travels in Africa, Egypt, and Syria, from the Year 1792 to 1798. L.: Printed for T. Cadell junior and W. Davies, Strand; and T. N. Longman and O. Rees, Paternoster-Row. 1799. 549 p.

BRAMSEN J. Travels in Egypt, Syria, Cyprus, the Morea, Greece, Italy, etc. L.: Henry Colburn and co. 1820. Vol. I–II.

CLARKE E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. L.: T. Cadell and W. Davies Strand. 1812–1816. Vol. II. Pt. 1.

CLARKE E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. L.: T. Cadell and W. Davies Strand. 1812–1816. Vol. II. Pt. 2.

IRBY C. L. Travels in Egypt and Nubia, Syria and Asia Minor; during the years 1817 & 1818. L.: Darf Publishers Limited. 1985. 560 p.

RENSHAW R. Voyage to the Cape of Good Hope, The Indian ocean, and up the Red sea, with travels into Egypt, through the desert, etc. Manchester: Printed by M. Wilson, Barlow's Court, Market-street. 1821. 270 p.

Библиография

МЕЙЕР М. С. Османская империя в XVIII в. Черты структурного кризиса. М., 1991. 131 с.

НОЙМАНН И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

**ПЕРЕПИСКА П. Я. ЧЕПУРИНОЙ
И Б. Н. ЗАСЫПКИНА 1927 ГОДА —
НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
КРЫМОВЕДЕНИЯ**

Непомняччи А. А.

**CORRESPONDENCE OF P. YA. CHERURINA
AND B. N. ZASYPKIN IN 1927 —
UNKNOWN SOURCE
ON THE HISTORY OF CRYMAS STUDIES**

В архивном фонде Центральных государственных реставрационных мастерских (Центральный гос. архив г. Москвы) сохранились три письма заведующей археолого-этнографическим музеем в Евпатории П. Я. Чепуриной к сотруднику ЦГРМ Б. Н. Засыпкину. Документы раскрывают особенности взаимоотношений между знаковыми фигурами крымоведения эпохи. В центре описания — Евпаторийский археолого-этнографический музей. Его история в 20-х годах прошлого столетия непосредственно связана с именем крупного крымоведа Полины Яковлевны Чепуриной (1880–1947 гг.). По приглашению Евпаторийского отдела народного образования Крымревкома П. Я. Чепурина заняла должность заведующей в учрежденном в 1921 году музее. Одновременно она возглавила Евпаторийскую секцию Крымского отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОХРИСа). Сотрудники музея — они же деятели местного отделения КрымОХРИСа — проводили значительную работу по обследованию и учету архитектурных объектов города. В 1925 году руководитель Музейного отдела

Наркомпроса РСФСР Н. И. Седова утвердила новый штат крымских музеев. Для Евпаторийского, который объединил в 1924 году местный археолого-этнографический музей, Караимский музей и Караимскую национальную библиотеку [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 190, л. 58–58 об.], предполагалось всего два сотрудника, один из которых — научный [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 3, д. 162, л. 12].

Обширен был круг научного общения заведующей евпаторийским музеем. Контакты завязывались на почве изучения музейных коллекций, в том числе уникальных книжных памятников Карай-битиклиги [см. подробнее: Непомнящий 2020], а также изучения, реставрации и охраны объектов культурного наследия города. Одним из консультантов П. Я. Чепуриной стал ее московский коллега Б. Н. Засыпкин, с которым выстроились дружеские отношения.

Архитектор-реставратор Борис Николаевич Засыпкин (1891–1955 гг.) — крупный деятель в области охраны и реставрации памятников истории и культуры, основоположник методики научной реставрации. В сфере его основных научных интересов была материальная культура мусульманского мира. В 1921–1922 годах Б. Н. Засыпкин работал в отделах охраны памятников искусства и старины в Костроме и Ярославле (заведующим подотделом охраны памятников искусства и старины губернского отдела по делам музеев). Он сотрудничал с Музейным отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР и был принят штатным сотрудником в это учреждение [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 22, д. 373, л. 3]. Одновременно Б. Н. Засыпкин получил должность «архитектора по восточной архитектуре» во Всероссийской комиссии по делам реставрации (с 1924 г. — Центральные государственные реставрационные мастерские). Впоследствии в ЦГРМ он занял пост заведующего архитектурной секцией.

С 1924 года КрымЦИК, Совнарком Крымской АССР выделяли значительные средства для изучения истории и этнографии тюркских этносов полуострова. В 1925 году на выделенные крымским правительством деньги КрымОХРИС начал крупномасштабную археолого-этнографическую экспедицию по изучению «татарской старины» [см. подробнее:

Непомнящий 2018]. В 1926 году после двухлетних археологических разведок и раскопок, когда очертился значительный объем архитектурных находок Средневекового Крыма, по решению Главнауки «для инструктирования реставрационных работ» к участию экспедиции был привлечен Б. Н. Засыпкин [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 507, л. 3–4 об.]. За полтора месяца (август — сентябрь 1926 г.) Б. Н. Засыпкин обследовал памятники в Бахчисарае и округе, Карасубазаре, Старом Крыму, Феодосии, Судаке, Алушке, Севастополе и Евпатории. В Евпатории 16 августа 1926 года Б. Н. Засыпкиным были исследованы архитектурные объекты, находящиеся в видении Евпаторийской секции ОХРИСа: текие дервишей, дом Бабаджана, караимские кенасы. Объектом пристального внимания архитектора стала мечеть Хан-Джами (Джума Джами) 1552 года постройки. Его сопровождала П. Я. Чепурина и заместитель председателя КрымОХРИСа Я. П. Бирзгал.

Предыстория сюжета изучаемого эпистолярия такова. В 1924 году при детальном осмотре средневековой евпаторийской мечети Джума-джами из-за образовавшегося протекания П. Я. Чепурина обнаружила там древний Коран, который был включен в состав фондов музея. Евпаторийская музейщица обратилась к специалистам из академических центров СССР и Западной Европы для определения датировки и общей исторической ценности данного памятника. Тогда «выяснилась уникальность этого памятника по письму, росписи и количеству заставок» [Чепурина 1927: 5]. После ее доклада об открытии уникального книжного памятника в КрымОХРИС в Евпаторию прибыл заместитель заведующего КрымОХРИСом Я. П. Бирзгал, который изъясил уникальную книгу из фондов музея Евпатории и увез в Симферополь. Руководство КрымОХРИСа (А. И. Полканов и Я. П. Бирзгал) поддерживали инициативу У. А. Боданинского сделать Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае единственным центром по изучению тюркской культуры и централизованным местом хранения соответствующих памятников. Заведующая евпаторийским музеем обратилась с жалобой на неправомерные действия Я. П. Бирзгала и стоявших за ним А. И. Полканова

и наркома просвещения Крымской АССР У. В. Балича в Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

Реакция крымских чиновников, курировавших музеи — возглавлявших ОХРИС и Наркомат просвещения, на эти действия П. Я. Чепуриной не заставила себя ждать. 6 марта 1927 года Евпаторийский музей посетил нарком просвещения Крымской АССР У. В. Балич. Чиновник объявил о решении академического совещания Наркомата просвещения Крымской АССР закрыть Евпаторийский археолого-этнографический музей. Предписывалось передать все фонды в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае.

8 марта П. Я. Чепуриной написано первое ее письмо Б. Н. Засыпкину в Москву, где пересказаны вышеназванные события с эмоциональными характеристиками. Спустя месяц она вновь обратилась к Б. Н. Засыпкину, повествуя о развернутом плане мероприятий по спасению музея: «Спасибо за новости от Наркомпроса Глав. Науки, они как раз мне были нужны для стратегического плана. В данное время я ни на одну минуту не сомневаюсь, что Музей нельзя так легко закрыть, как бы этого желалось бы. Не рассказать всего этого Вам в письме. [...]

Но сейчас у нас разразился дивный акт из трагикомедии (Коран Хан Джамии и зав[едующая] Евп[аторийским] музеем), я получила от Муз[ейного] отд[ела Главнауки Наркомпроса РСФСР — А. Н.] бумагу, по которой я могу взять Коран для окончания работы. С этой бумагой я поехала в Крым Наркомпрос. Можете себе представить, как было приятно Баличу, личному другу Усеина Эфенди и «Ване 22 несчастья» писать бумагу, подтверждающую требования о выдаче Корана. 4 дня проморили они меня, думая, что я рассержусь и уеду.— Я не рассердилась и дождалась бумагу. Приехала в Бахчисарай: Усеин Эфенди был зол, как полагается, не дал мне Корана, заявив, что на бумагу Глав. Науки он один раз не посмотрит (по русскому переводу — плюнул), а на Крым Наркомпросовскую — три раза не посмотрит, не посчитается. Я знала, что ответ будет таков, но захотела проверить сложившееся мнение об Усеине Эфенди. Он оказался таковым, как и следовало ожидать. Я попросила дать мне мотивировку

отказа. Мотивировку он дал очаровательную — лучше не нужно. Я ее направила в Муз[ейный] отд[ел] и тов. Вайнер [Лазарь Яковлевич, сотрудник Музейного отдела Наркомпроса РСФСР, скульптор — А. Н.] останется доволен» [ЦГАМ, ф. Р-1, оп. 1, д. 513, л. 13–13 об.]. «Ваней 22 несчастья» П. Я. Чепурина поименовала Яна (Ивана) Петровича Бирзгала.

Конфликт П. Я. Чепуриной с Крымнаркомпросом перешел в это время в новую фазу. В мае 1927 года при организованной с подачи наркома просвещения Крымской АССР У. В. Балича проверке фондов Евпаторийского музея краеведения были выявлены «злоупотребления и должностные преступления» П. Я. Чепуриной, заключающиеся в раздаче «художественных ценностей» музея (материалов фондов, уже учтенных в книгах поступлений) «частным лицам и сотрудникам по ее усмотрению» [Гос. архив Республики Крым, ф. Р-652, оп. 1, д. 1184, л. 23]. Несмотря на объяснения заведующей музеем о том, что ею были возвращены жителям города вещи, незаконно реквизированные у них в первый год Советской власти, против П. Я. Чепуриной было возбуждено уголовное дело.

Следующее письмо П. Я. Чепуриной датируется декабрем 1927 года. Там заведующая музеем повествует о своих мытарствах. Послание повествует о работах в Евпатории искусствоведа, реставратора Н. Н. Померанцева (1891–1986 гг.), которые проводились по согласованию с Б. Н. Засыпкиным и по указанию И. Э. Грабаря.

Таким образом, выявленный эпистолярный демонстрирует сложную динамику интеллектуальной напряженности в среде музейных деятелей, которые в данный период активно занимались изучением и сохранением культурного наследия.

Библиография

Гос. архив РФ (далее — ГАРФ), ф. А-2307, оп. 10, д. 190.

Гос. архив РФ (далее — ГАРФ), ф. А-2307, оп. 3, д. 162.

Гос. архив РФ (далее — ГАРФ), ф. А-2307, оп. 22, д. 373.

Гос. архив Республики Крым, ф. Р-652, оп. 1, д. 1184.

Центральный гос. архив г. Москвы (далее — ЦГАМ), ф. Р-1, оп. 1, д. 507.

Центральный гос. архив г. Москвы (далее — ЦГАМ), ф. Р-1, оп. 1, д. 513.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. Караимское книжное собрание Карай-битиклиги: история утраченной коллекции // Библиография и книговедение. — 2020. № 5. С. 125–135.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4(70), № 4. С. 40–83.

ЧЕПУРИНА П. Я. Евпаторийская ханская мечеть Джума-Джами (Хан-Джами). — Евпатория, 1927. — 8 с.

Орехов В. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

**РЕАЛЬНЫЙ «КАЛЕНДАРЬ»
ПРЕБЫВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ
И В КРЫМУ
ФРАНЦУЗСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
СУПРУГОВ ОМЕР ДЕ ГЕЛЛЬ**

Orekhov V. V.

THE REAL «CALENDAR»
OF STAYS IN THE SOUTH OF RUSSIA
AND IN THE CRIMEA OF THE FRENCH TRAVELERS
OF THE HOMER DE GELLES

Супруги Адель и Ксавье Омер (Оммер) де Гелль в 1830-х гг. провели несколько лет на юге России, опубликовав в итоге трехтомное сочинение «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия» (1843–1845). Издание представляет несомненный интерес как исторический источник, однако ставит ряд вопросов, касающихся хронологии и маршрутов их поездок по Югу России. Проблема в том, что «Степи Каспийского моря...» — не столько дневник экспедиции, сколько «литературное путешествие», в котором научная информация перемежается с субъективными впечатлениями, а маршрут «монтируется» в соответствии с литературными традициями той поры [Орехова 1992: 7]. Авторы сами предупреждают читателей, что материалы разных по направлению и длительности научных и частных поездок объединили в сюжет единой экспедиции на Каспий и в Крым [Nommaire de Hell 1843–1845: 2: 513–514]. Искусственность сюжета влечет за собой хронологические накладки. Видимо, ощущая это, авторы крайне неохотно датируют время своего пребывания

в конкретных географических пунктах. Таким образом, чтобы выяснить «реальный» календарь пребывания супругов Омер де Гелль в России, необходимо «расшифровать» литературный сюжет «Степей...», привлекая для этого дополнительные источники информации.

В качестве таких источников могут служить, во-первых, биографические исследования об Омер де Геллях А. Дево де ла Рокетта, Ш. Гувиллера, Р. Кортамбера, где есть опора на сведения, полученные при непосредственном общении с Аделью и Ксавье Омер де Гелль. Вместе с тем следует учитывать, что авторы этих работ воспринимали текст «Степей...» в качестве документального путевого дневника и зачастую лишь повторяли искаженные данные.

Важным подспорьем могут служить «сопутствующие» публикации супругов Омер де Гелль: на этапе подготовки трехтомного «путешествия» они регулярно размещали в журналах фрагменты и обзоры будущего издания. Эти публикации зачастую содержат датировку событий, еще не искаженную литературными соображениями. В 1846 г. Адель выпустила поэтический сборник «Грезы путника», где многие стихотворения создавались на основе путевых впечатлений и имеют географические и хронологические пометы. В 1860 г. А. Омер де Гелль переработала текст трехтомного «путешествия» в книгу «Путешествие в степи Каспийского моря и южную Россию». Предпринятая здесь корректировка хронологии и маршрута также помогает «просчитать» некоторые данные для реального «календаря». И последнее: на многие вопросы удастся ответить, если сопоставить описанные путешественниками события с исторической данностью.

Итак, если следовать тексту «Степей Каспийского моря...», то в 1838 г. супруги Омер де Гелль прибыли из Константинополя в Одессу. Провели зиму в имении К. И. Потье Кларовка и весной 1839 г. отправились в Прикаспийские степи, чтобы измерить разницу между уровнями Каспийского и Черного морей. Осенью через Кавказ путешественники вернулись в Одессу. Весной следующего 1840 г. они совершили поездку по Крыму, где разделились: Ксавье отправился на Кавказ и в калмыцкие

степи, а Адель вернулась в Одессу, где дожидалась возвращения супруга. В 1841 г. Омер де Гелли отправились в Молдавию.

Сомнению следует подвергнуть первую же дату, которая фигурирует в «Степях Каспийского моря...» и которую повторяют все биографы: 15 мая 1838 г.— день отправления Омер де Геллей из Константинополя в Одессу [Nommaire de Hell 1843–1845: 1: 1]. Описывая пребывание в Одессе, Омер де Гелли подробно рассказывают о приезде императорской семьи. Между тем путешествие императора по южным губерниям состоялось несколькими месяцами ранее — в августе — октябре 1837 г. Анахронизм можно было бы объяснить желанием авторов выдать чужой рассказ за собственный. Но далее встречаем подобную ситуацию. Путешественники сообщают, что в имении Потье 11 января 1839 г. они наблюдали сильное землетрясение. Однако легко выяснить, что это землетрясение произошло ровно годом ранее — 11 января 1838 г. [Военно-статистическое обозрение Российской империи 1849: 75]. Все это дает основание утверждать, что в Россию супруги Омер де Гелль прибыли в 1837 г., а не в 1838 г., как указано в «Степях...».

Эта подвижка дат заставляет выяснять, на что был потрачен «лишний» год пребывания в России. По сведениям из разных источников узнаем, что в весной 1838 г. Ксавье отправился в экспедицию по берегам Днепра, где ему удалось открыть месторождение железной руды. Адель намеревалась сопровождать супруга, но почему-то осталась на весь путевой сезон в имении Дудчаны. Полагаем, что причиной послужило рождение в 1838 г. второго сына Густава, год рождения которого нам удастся выяснить лишь по косвенным данным.

В 1838 г. Ксавье удалось заручиться поддержкой М. С. Воронцова, который и финансировал экспедицию на Каспий. Началась экспедиция в мае 1839 г. из Кларовки, и думается, ее описание совпадает с действительными маршрутом и хронологией, поскольку отдельные факты подтверждаются документально, скажем, автографом стихотворения Адели, преподнесенным Е. М. Фадеевой [Автографы известных и замечательных людей 1905: 332]. Путешественники поднялись по течению Дона

и вышли к Волге в районе Сарепты, откуда направились в Астрахань. Далее по руслу Кумы они поднялись до водораздела между Каспийским и Черноморским бассейнами. Оттуда им предстояло спуститься по руслу Маныча к Дону, производя измерения местности. Этому помешали погодные условия, и потому обследование Маныча было отложено на год, а путешественники через Кавказ вернулись в Одессу.

Сюжет «Степей Каспийского моря...» заставляет думать, что весной следующего 1840 г. Ксавье отправился на Маныч, однако сопоставление дат, рассеянных по разным публикациям путешественника, дает возможность однозначно заключить, что в 1840 г. он изменил план экспедиции и направился измерять уровень местности вдоль течения Кубани. Прибыв на место, он вынужден был отказаться от этого замысла. Причиной, полагаем, стало обострение военной ситуации на Кавказской линии. Попасть на Маныч Омер де Гелль смог лишь в мае следующего 1841 г., причем исследование, по-видимому, длилось недолго. Академику К. М. Бэру, изучавшему эту местность в 1853–1857 гг., удалось выяснить, что французский инженер не прошел все русло Маныча и не использовал измерительные инструменты [БЭР 1856: 246], что и повлекло за собой ошибки в научных наблюдениях.

Отдельный вопрос — посещение Крыма. По логике сюжета «Степей...», в Крым супруги Омер де Гелль прибыли в мае 1840 г. и объехали полуостров от Балаклавы и Севастополя до Керчи, делая в некоторых пунктах многодневные остановки. Во-первых, этой датировке противоречат хронологические пометы крымских стихотворений Адели и даты, указанные в некоторых статьях путешественников: здесь Крымская поездка приурочена к 1841 г. А во-вторых, описанное путешествие должно было занять не менее полутора месяцев, а это «не стыкуется» с поездкой Ксавье на Кубань в 1840 г. и на Маныч — в 1841. Сопоставив все данные, приходим к выводу, что в Крыму Омер де Гелли побывали, по крайней мере, дважды: в 1840 и 1841 гг.

Трудно сказать, какие места путешественники посетили в 1840 г. С большой долей вероятности это был Симферополь, где они останавливались в доме де Серров. О главе семейства Ф. де Серре Адель говорит,

как о человеке, с которым была лично знакома, а известно, что он ушел из жизни в 1840 г. Возможно, посетили они и Бахчисарай, поскольку есть упоминание, что здесь они побывали дважды. В какой-то момент супруги разделились, и Адель вернулась в Одессу, а Ксавье отправился через Феодосию и Керчь на Кубань.

Датировка стихотворений А. Омер де Гелль, другие данные позволяют заключить, что в 1841 г. супруги посетили Севастополь (апрель), Бахчисарай (29 апреля), Партенит, Улу-Узень, Ялту (2 мая). В Судаче их маршруты разделились: Адель через Ялту вернулась в Одессу, а Ксавье уже по знакомому пути снова посетил Феодосию и Керчь, а оттуда отправился на р. Маныч.

10 сентября 1841 г. [Roquette 1850: 33] Ксавье Омер де Гелль заключил договор с господарем Молдавии на проведение инженерных и геологических изысканий [Hommaire de Hell A. 1870: 326] и, видимо, вскоре после этого супруги Омер де Гелль покинули Россию. В 1842 г. они были уже в Париже.

Библиография

Автографы известных и замечательных людей (из архива С. Ю. Витте) // Старина и новизна. СПб., 1905. Кн. 9. С. 273–398.

БЭР К. М. Отчет о путешествии на Маныч» // Вестник императорского географического общества. 1856. Ч. 18. С. 232–254.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 11. Ч. 1: Херсонская губерния. СПб., 1849.

ОРЕХОВА Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века. Киев: 1992.

HOMMAIRE DE HELL A. A travers le monde. La vie orientale. La vie créole. Paris, 1870.

HOMMAIRE DE HELL X., <HOMMAIRE DE HELL A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Vol. 1–3. Paris, 1843–1845.

ROQUETTE DE LA. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie. Т. 14. № 79–84. 1850. Pp. 29–58.

Пак Бэлла Б.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

ВКЛАД КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ БОРИСОВИЧА ЛОБАНОВА-РОСТОВСКОГО В ПОДПИСАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ДОГОВОРА

Рак В. В.

THE CONTRIBUTION OF PRINCE ALEKSEI BORISOVICH LOBANOV–ROSTOVSKY TO THE SIGNING OF THE TREATY OF CONSTANTINOPLE

1. Основные проблемы, стоявшие перед Россией после русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

После завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. перед Россией стоял ряд проблем, вызванных только что закончившейся войной. Между Россией и Турцией еще не был подписан окончательный мирный договор. Англия, поддержанная другими державами, настаивала на созыве европейского конгресса с целью пересмотреть дополнительное соглашение, подписанное 19 февраля 1878 г. в Сан-Стефано. Австро-Венгрия и Англия выступали против усиления позиций России на Балканах, за утверждение там собственного влияния, Восстанавливая власть Турции на земли, отнятые у нее в результате войны, западные страны добивались ослабления вновь созданных славянских государств Балканского полуострова, особенно Болгарии, выступали против их независимости. Россия в силу международной изоляции и внутреннего положения в стране не была готова к войне с коалицией европейских держав и Турцией и нуждалась в мирном урегулировании спорных вопросов и стабильности в регионе и недопущения оккупации черноморских проливов Англией.

2. Причины назначения Князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского посланником в Константинополе

Сложнейшие задачи, стоявшие перед российской внешней политикой в деле отстаивания российских интересов и прав освободившихся от турецкого ига народов требовали назначения опытного дипломата, до тонкости знакомого с местными особенностями и дипломатической деятельностью на Востоке, способного оказать воздействие на султана для заключения договора по вопросам, не подлежавших рассмотрению Берлинского конгресса, «мягкое по форме, но твердое по существу»¹.

Выбор пал на князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского.

Александр II сначала намеревался возвратить в Константинополь Графа Н. П. Игнатьева и приказал ему даже готовиться к отъезду, но в начале апреля в Петербург прибыл из Главной Квартiry князь А. К. Имеретинский. Перед его отправлением германский посол князь Гёнрих VII, Рёйсс цу Кёстриц, который со времени разрыва России с Портой защищал русские интересы в Турции, убедил великого князя Николая Николаевича, брата Александра II и главнокомандующего русской армии, в том, что возвращение бывшего посла, при изменившихся обстоятельствах в Турции, не только нежелательно, но и неуместно. Он поручил это доложить на словах Александру II, который, согласившись с приведенными ему доводами, решил призвать вновь на дипломатическую службу блестящего дипломата, Князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского, прекрасно зарекомендовавшего себя предыдущей своей деятельностью на этом посту в 1859–1863 гг., когда в возрасте всего 33 лет Алексей Борисович стал первым в истории МИД посланником, имевшим «столь юный возраст»². В течение трех лет службы во главе посольства в Константинополе князю Лобанову-Ростовскому удалось поднять подорванное после неудачной

¹ Теплов В. А. Теплов В. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Биографический очерк. СПб., 1897. С. 23.

² Теплов В. Указ. соч. С. 7.

для России Крымской войны влияние на Востоке, достичь существенных политических успехов, то есть, при его участии Россия приняла участие в преобразовании Ливана, Черногория была спасена от разгрома после поражения, нанесенного ей Омер-Пашей, был заключен договор с Францией о восстановлении купола над Гробом Господнем в Иерусалиме. Юный посол в значительной мере содействовал улучшению отношений Турции с Россией. Во многом ему способствовали хорошие отношения, сложившиеся между князем и султаном Абдул-Меджидом I. Также он пользовался почетом у представителей высшей турецкой дипломатии Решида -Али и Фауда-паши³.

Александр II поднял вопрос о выборе лица для назначения на пост представителя России в Константинополе на совещании 17 апреля 1878 г. Граф Н. П. Игнатъев, все еще ожидавший этого назначения «был окончательно устранен» и решено было обратиться к Лобанову-Ростовскому на основании того, что тот ранее уже занимал пост посла в Османской империи. Александр II, очень ценивший князя, несомненно и прежде видел его на этом посту, но этому первоначально противился А. М. Горчаков. Но потом, сам предложил князя Лобанова-Ростовского, видимо, учитывая, что султан Абдул-Хамид II обратился к российскому правительству с просьбой назначить послом именно князя Лобанова-Ростовского. В итоге пост чрезвычайного посланника и полномочного министра в Константинополе с «чрезвычайной миссией» был предложен Алексею Борисовичу 18 апреля⁴. 22 апреля 1878 г. состоялось его назначение чрезвычайным посланником и полномочным министром в Константинополе⁵. Это назначение встречено было Портой «весьма сочувственно»⁶.

³ Уманский А. М. Министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896. С. С. 12.

⁴ См.: Милютин Д. А. Дневник Д. А. Милютин / Ред., биограф. очерк и примеч. П. А. Зайончковского. Т. 3. 1878–1880. М., 1950. С. 47–48.

⁵ См.: АВПРИ. Ф.ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 2043. Л. 34 об.

⁶ Уманский А. М. Министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896. С. 14.

Князю Алексею Борисовичу предстояла трудная задача окончательно разрешить вопросы, составлявшие прямое последствие закончившейся войны: нужно было следить за деятельностью специальных комиссий по разграничению вновь образованных Черногории, Сербии и Болгарии с Турцией и между собой; необходимо было добиться очищения от турецких войск крепостей Варны, и Шумлы и передачи России Батума; контролировать усмирение восстания в Родопских горах; направлять первые самостоятельные шаги вновь образованных Княжества Болгарского и автономной области Восточной Румелии; помочь в становлении новых государственных органов в Болгарии. Особенно большое значение Петербург придавал подписанию с Портой мирного договора, статьи которого не подлежали рассмотрению на Берлинском конгрессе.

3. Переговоры с Турцией и условия Берлинского трактата.

4 июня была подписана тайное англо-турецкое соглашение, согласно которому Турция уступала Англии в «оккупацию и управление» остров Кипр. Взамен Лондон обещал помощь Порте в защите ее азиатских владений от захвата России⁷.

С этого дня влияние Англии в Турции стало преобладающим. В таких неблагоприятных условиях российскому послу князю Лобанову-Ростовскому приходилось вести с турецкими министрами переговоры по важным вопросам, не разрешенным Сан-Стефанским договором вследствие спешки, в которой он был заключен. Порта рассчитывала на содействие великих держав, которые способствовали бы смягчению прелиминарного мирного соглашения.

Переговоры были прерваны вследствие созыва Берлинского конгресса. Пока заседал конгресс Порта не прислушивалась ни к каким доводам.

1(13) июля 1878 г. западными державами был подписан Берлинский трактат, лишивший Россию значительной части приобретений, которых

⁷ Пушкарев С. Г. Россия 18950–1917 гг.: Власть и общество. М., 2001. С. 538.

она добилась по Сан-Стефанскому договору⁸. Ее позиции в этой части Балкан оказались подорваны.

Сразу после ратификации Берлинского трактата князь Лобанов, действуя в согласии Э. И. Тотлебенем предъявил требование Порте о сдаче вышеуказанных трех крепостей, ставя в зависимость от этого отступление русских войск от Константинополя. Благодаря настойчивости Лобанова и Тотлебена вопрос об очищении крепостей был решен⁹. Турецкие власти также вынуждены были уступить требованиям России, и 25 августа Батум был занят русскими войсками¹⁰.

Ведение переговоров по заключению русско-турецкого соглашения было осложнено явным противодействием Турции. Кн. Лобанову пришлось противостоять и обычной тактике турецких министров, пытавшихся путем проволочек затянуть дело, и враждебному России влиянию на Османское правительство других великих держав. Большим препятствием для переговоров служили постоянные перемены в личном составе оттоманского правительства.

Князь Алексей Борисович неоднократно сообщал в Петербург о враждебном отношении австрийских представителей¹¹. Позиция великих держав была ярко продемонстрирована в речи Лорда Солсбери в Манчестер, где он прямо заявил, «что все проделки больших государств» при пересмотре итогов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «были направлены против России»¹².

Затрудняли переговоры и вооруженные набеги сформированных на занятых русскими войсками территориях болгарских добровольческих отрядов, на пограничные с Болгарией районы Македонии¹³, возглавляемые по слухам, отставными русскими офицерами. Было известно

⁸ Сборник Договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1953. С. 181–206.

⁹ Дневник Д. А. Милютна. Т. 3. 1878–1880. С. 78.

¹⁰ Дневник Д. А. Милютна. Т. 3. 1878–1880. С. 90.

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра иностранных дел. Оп 470. 18/90. Д.38.Л.286–287.

¹² Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. 1878–1880. С. 172.

¹³ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. 1878–1880. С. 99.

и о подготовке на территории, контролируемой русской администрацией, восстания болгар против турок в Македонии. Российское правительство, опасавшееся со стороны западных держав обычных обвинений России в интригах предписало князю Лобанову и Тотлебену остановить движение в самом начале¹⁴.

Кроме того переговоры по заключению русско-турецкого соглашения осложнялись пограничным и румелийским вопросами. Порта стремилась ускорить вывод русских войск из Южной Болгарии и установить там свои порядки, что противоречило условиям Берлинского конгресса¹⁵.

22 декабря 1878 г. Князь Лобанов сообщал о первом совещании с турецкими министрами об окончательном русско-турецком мирном договоре, где стороны остановились на обсуждении вопроса о контрибуции, и в частности, по какому курсу Турция должна выплатить предусмотренные Сан-Стефанским договором 300 млн рублей¹⁶.

4. Подписание Константинопольского договора

После длительных и сложных обсуждений 22 января Князь Лобанов-Ростовский сообщил в Ливадию об окончании переговоров. 27 января (8 февраля) 1879 г. Князем и турецким министром иностранных дел А. Каратеодором-пашой был подписан русско-турецкий договор, установивший «мир и дружбу» между двумя странами. Соглашение закрепило те условия «Сан-Стефанского договора, которые не были отменены или изменены Берлинским трактатом». Восстанавливались все прежние «трактаты, конвенции и обязательства ...относительно торговли, юрисдикции и положения русских подданных в Турции»¹⁷.

¹⁴ Дневник Д. А. Милютина. Т. 3. 1878–1880. С. 99.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Канцелярия министра инострр дел. Оп 470. 1879. Д.37.Л.3–3 об.

¹⁶ Там же. С. 108

¹⁷ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами, т. IV, СПб. 1896, стр. 324327.

За успешное решение возложенной на него миссии Князь Лобанов Ростовский получил звание действительного статского советника и орден Александра Невского с алмазными подвесками¹⁸.

5. Значение Константинопольского мирного договора 1879 г.

Константинопольский мирный договор 1879 г. способствовал восстановлению мира на Балканах, с его помощью угнетенные балканские народы получали свободу и независимость, возможность дальнейшего самостоятельного развития. Деятельность Князя А. Б. Лобанова–Ростовского способствовала становлению государственного суверенитета Болгарии, предусматривала меры по предотвращению вступления турецких войск в Восточную Румелию. Северная половина Болгарии, получившая отдельное государственное устройство, явилась в дальнейшем тем крепким ядром, вокруг которого через короткий исторический отрезок времени объединились сперва Восточная Румелия, а затем и другие болгарские земли. Вновь возникшее болгарское государство основывалось на одной из самых передовых по тому времени либеральных конституций. Не случайно спустя много лет симпатии правительства и народа Болгарии и сознание дипломатических заслуг князя Алексея Борисовича не забыты в Софии, где он оставил по себе добрую память замечательного дипломата и политика, искреннего и преданного друга Болгарии.

¹⁸ АВПРИ. Ф.ДЛС и ХД. Оп. 464/2. Д.2043. Л.34 об.; Там же. Ф. Канцелярия документальных материалов из личных архивов чиновников МИД. 1743–1933. Оп 805; Личный архив Лобанова-Ростовского. Д.51.Л.126–126 об.

Библиография

МИЛЮТИН Д. А. Дневник Д. А. Милютина / Ред., биограф. очерк и примеч. П. А. Зайончковского. Т. 3. 1878–1880. М., 1950.

ПУШКАРЕВ С. Г. Россия 1895–1917 гг.: Власть и общество. М., 2001.

Сборник Договоров России с другими государствами. 1856–1917 гг. М., 1953.

Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами, т. IV, СПб. 1896.

ТЕПЛОВ В. А. Теплов В. Князь А. Б. Лобанов-Ростовский. Биографический очерк. СПб., 1897.

УМАНСКИЙ А. М. Министр иностранных дел князь А. Б. Лобанов-Ростовский. СПб., 1896

Панченко В. В.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь

О ПСЕВДО-АВТОНОМНОЙ ЧЕКАНКЕ АМИСА

Panchenko V. V.

ON THE PSEUDO-AUTONOMOUS COINAGE OF AMIS

Амис предположительно был основан выходцами из Фокеи в конце VII в. до н. э. [Максимова 1956: 64–65]. На протяжении всей античности Амис принадлежал к числу крупнейших греческих колоний Южного Причерноморья. В первой половине — середине III в. до н. э. Понтийское царство установило протекторат над Амисом [Максимова 1956: 176–177]. Наиболее интенсивные связи Херсонеса с Амисом, одной из столиц Понтийского царства, наблюдались в период его фактического нахождения в составе державы Митридата Евпатора (120–63 гг. до н. э.), на что указывают многочисленные находки амисских монет [Кадеев, Сорочан 1989 с. 12, 15–16]. В римский период согласно данным нумизматики Херсонес продолжал поддерживать тесные торговые отношения с Амисом, который являлся одним из экономических центров провинции Вифиния-Понт [Гилевич 1968: 48, прил. 1; Кадеев, Сорочан 1989: 40]. Цель работы состоит в изучении особенностей псевдо-автономной чеканки Амиса (иконография монет, периодичность эмиссий). Псевдо-автономные монеты Амис чеканил исключительно из бронзы. Свободный статус, предоставленный Амису римлянами, и соответствующая легенда ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ нашли отражение в местной чеканке. Эта надпись встречается на обоих основных типах монет: на императорских и на псевдо-автономных монетах.

Письменные источники свидетельствуют о том, что Амис неоднократно получал из рук римлян статус свободного города. Первый раз его предоставил римский командующий Лукулл после взятия Амиса в 71 г. до н.э. (App., Mithr., 83). Помпей в 64 г. до н.э. провел реорганизацию римских владений на Востоке, в частности, подтвердил и расширил ряд мероприятий своего предшественника по отношению к греческим городам. Он создал провинцию Вифинию-Понт, в состав которой вошел Амис [Максимова 1956: 286–288, 292–293]. После разгрома Фарнака при Зеле в 47 г. до н.э. Цезарь даровал городу свободу (Strab., XII, 3, 14) [Максимова 1956: 299–301].

Согласно Страбону «Антоний передал этот город, освобожденный Цезарем, царям. Впоследствии дурно управлял им тиран Стратон» (Strab., XII, 3, 14)]. Август после победы над Антонием вернулся к доказавшей свою устойчивость системе Лукулла-Помпея-Цезаря [Максимова 1956: 304–306]. Амис «был освобожден снова Цезарем Августом после актийской битвы» (Strab., XII, 3, 14). В честь дарования элевтерии в Амисе была установлена городская эра, которая очевидно была приурочена к битве при мысе Аксиум. При этом эра фактически начинается в октябре 32 г. до н.э. [Максимова 1956: 356, прим. 3]. В «Естественной истории» Плиния Старшего Амис фигурирует как свободный город (Plinius, Nat. hist., VI, 2). В одном из писем к Траяну Плиний Младший называет Амис свободным и союзным (Plin., Epist., X, 92). В надписи на большой мраморной плите, относящейся к знаменитому святилищу Аполлона в Кларосе, Амис именуется «свободным, автономным и союзным римлянам», а сам текст датируется 163 годом свободы, т.е. 132 г.н.э. [OGIS, 530].

На монетах Амиса первых 150 лет пребывания города в составе Рима упоминания о полученной элевтерии нет. Ко второй половине I в. до н.э. относятся несколько выпусков крупных медных монет. На лицевой стороне изображена голова Аполлона в венке, на оборотной — две стоящие женские фигуры, протягивающие друг к другу руки, и надпись ΑΜΙΣΟΥ. Левая безоружная женщина олицетворяет собой Амис, правая, вооруженная щитом и копьем, — Рома [WBR, Amisos, № 47–49; RPC, 1,

№ 2143–2144А]. Монеты содержат аллюзию на *foedus aequum* между Амисом и Римом, упомянутый Плинием Младшим (Plin., Epist., X, 92) и в надписи из Клароса [WBR, p. 58, note 1]. Впоследствии Амис долго сохранял статус союзного города и совершил еще несколько эмиссий монет подобного типа при Траяне, Адриане, Септимии Севере [Абрамзон 1995: 212].

При Августе (31 г. до н.э. — 14 г.н.э.) чеканка императорских монет приобретает относительно интенсивный характер [RPC I 2147–2149]. Также при Августе, видимо, начинается выпуск псевдо-автономных монет: увенчанная лавровым венком голова Аполлона вправо — ΑΜΙΣΗΝΩΝ ΕΤΟΥΣ Θ (9 год амисской эры = 23/22 г. до н.э.), шагающая вправо Ника с венком и пальмовой ветвью [RPC I 2145]. Следующая эмиссия псевдо-автономных монет датируется 28/29 г., т.е. временем правления Тиберия (14–37). На лицевой стороне изображен бюст Афины в шлеме вправо и надпись ΑΜΙΣΟΥ, на оборотной — стоящая сова влево, голова анфас, надпись ΕΤΟΥΣ Ξ (28/29 г.) [WBR, Amisos, № 50; RPC I 2151]. Оба типа известны по предыдущим эмиссиям. К этому году также относится бронзовая монета с бюстом Гермеса и кадучеем на аверсе и крупной звездой на реверсе [RPC I 2152]. От времени правления последующих императоров династий Юлиев-Клавдиев и Флавиев псевдо-автономных монет неизвестно.

Начиная с первых лет правления Траяна (98–117 гг.) вплоть до Галлиена Амис чеканит монеты с надписью ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ (с перерывами). Эта легенда встречается на двух основных типах монет: на монетах с изображениями императоров на лицевой стороне и на псевдо-автономных монетах. При этом на первой, выпущенной после длительного перерыва, псевдо-автономной монете девиз ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ отсутствует. На аверсе изображена голова Диониса вправо, увенчанная плющем, на реверсе — ΑΜΙΣΟΥ ΕΤΟΥΣ ΡΑ (98/99 г.), циста с полуоткрытой крышкой, из которой выползает змея, сзади тирс [RPC III 1235]. Иконография почти идентична бронзовым монетам времен Митридата Евпатора [WBR, Amisos, № 24–26]. Но в 106 г. «элевтерия», наконец, появляется на псевдо-автономной

монете. ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, сидящая вправо Афродита, правая рука поднята к голове — ΕΤΟΥΣ ΡΑΗ, бюст Афины в шлеме [RPC III 1239].

От 133/134 г. известны два типа элевтерийных псевдо-автономных монет. Первый тип: ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, бюст Тихе в башенной короне — ΕΤΟΥΣ ΡΞΕ, стоящие друг напротив друга Асклепий и Гигиея [RPC III 1259]. Асклепий и Гигиея ранее в монетном деле Амиса замечены не были. Второй тип: ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, бюст Афины в шлеме — ΕΤΟΥΣ ΡΞΕ, возлежащий речной бог [RPC III 1261]. Возлежащий речной бог, олицетворяющий ту или иную реку, — частый сюжет в псевдо-автономной чеканке малоазийских городов. Ко времени правления Траяна или Адриана, видимо, относится еще один тип с упоминанием элевтерии. На лицевой стороне помещен бюст Афины вправо и надпись ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, на оборотной стороне Ника стоит влево, держит венок и рог изобилия, надпись СΕΒΑΣΤΟΥ [WBR, Amisos, № 68; RPC III, 1297].

Ко времени правления Антонина Пия (138–161) и Марка Аврелия (161–180) также относятся два типа элевтерийных псевдо-автономных монет. Первый: ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, мужской бюст вправо (согласно предположению WBR и авторов RPC изображение похоже на Марка Аврелия в образе Цезаря) — ΡϰΒ (160/161 г.), крылатый кадуцей [WBR, Amisos, № 65; RPC IV 5329]. Второй: ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, герма на базе — ΡϰΒ, крылатый кадуцей [WBR, Amisos, № 64; RPC IV 5328]. Герма, как и кадуцей, относятся к кругу Гермеса. Ко времени правления Коммода относится тип: драпированный бюст Тихе вправо — ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ (вокруг) ΣΚΓ (в поле) [RPC IV 5331].

От времени правления Септимия Севера (193–211 гг.) и его ближайших преемников псевдо-автономных монет неизвестно, при этом императорские монеты чеканятся активно [WBR, Amisos, № 112–127]. Но на время правления Александра Севера (222–235 гг.) приходятся два выпуска. Первый: ΕΤ ΣΞΑ (229/230 г.), бюст юного Гермеса вправо, кадуцей на плече — ΑΜΙΣΟΥ, козерог вправо [WBR, Amisos, № 62]. Второй: ΕΤ ΣΞΕ (234/235 г.), голова Диониса, увенчанная плющом, вправо — ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, циста со змеей и тирсом [WBR, Amisos, № 54].

Ряд монет с полной легендой относятся к 268 г. н. э. (236/237 г.) [WBR, Amisos, № 56]. Затем псевдо-автономных монет вплоть до Деция (249–251 гг.) неизвестно, зато достаточно регулярно чеканятся императорские монеты [WBR, Amisos, № 130–145]. После продолжительного перерыва в 284 г. н. э. (252/253 г.) наблюдаются эмиссии разных типов псевдо-автономных монет с элевтерией [WBR, Amisos, № 58–60]. В частности, повторяется уже известный сюжет: ΑΜΙΣΟΥ ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ, голова Диониса, увенчанная плющом, вправо — ΕΤΟΥΣ ΣΠΔ, тирс и повязка [RPC IX 1233]. При Валериане (253–260 гг.) и его сыне Галлиене (253–268 гг.) эмиссии императорских монет с изображениями императоров и членов их семейства происходят интенсивно [WBR, Amisos, № 149–156], чего нельзя сказать о псевдо-автономных монетах. В 289 г. н. э. (257/259 г.) была отчеканена единственный известный выпуск: голова Диониса (?) вправо — ΑΜΙΣΟΥ ΕΛ ΣΠΘ, корзина фруктов [WBR, Amisos, № 61].

В псевдо-автономной чеканке Амис в основном придерживался известных ранее типов (Афина, сова, Дионис и его атрибуты), одновременно использовал новые (Гермес, речной бог). Псевдо-автономные монеты, судя по параметрам, за редким исключением принадлежат к младшим номиналам (в отличие от императорских монет). Легенда ΕΛΕΥΘΕΡΑΣ появляется на монетах со времени Траяна и чеканится регулярно, причем как на псевдо-автономных монетах, так и на монетах с изображениями императоров. В этой связи любопытен эпизод из переписки Плиния Младшего с Траяном. Обращаясь к императору по вопросу о создании кассы взаимопомощи, Плиний Младший пишет: «Город Амис, свободный и союзный, по милости твоей управляется собственными законами» (Plin., Epist., X, 92). Возможно, упомянутая «милость» означает подтверждение Траяном свободного статуса города. На общем фоне монетной чеканки римского периода эмиссии псевдо-автономных монет в целом носят эпизодический характер, в то время как выпуски императорских монет отличаются известной регулярностью, что логично, учитывая принадлежность Амиса провинции Вифиния-Понт. Скорее всего, они чеканились разово, может быть, по случаю. Даже на многолетнее правление

(например, Траяна) приходится не более двух выпусков. Наблюдаются продолжительные перерывы в эмиссии при Юлиях-Клавдиях и Флавиях, а также при Северах и от Максимиана до Деция.

Библиография

АБРАМЗОН М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской Империи. М., 1995. 656 с.

АНОХИН В. А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977

ГИЛЕВИЧ А. М. Античные иногородние монеты в Херсонесе // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1968. Вып. 3. С. 3–61.

ЗОГРАФ А. Н. Античные монеты. // МИА. 1951. № 16.

КАДЕЕВ В. И., СОРОЧАН С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.— V в. н. э. Харьков, 1989

МАКСИМОВА М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л. 1956

WADDINGTON W. H., BABELON E., REINACH TH. Recueil Général des Monnaies Grecques d'Asie Mineure, Tome 1. Pont et Paphlagonie. Paris, 1904.

Roman Provincial Coinage URL: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/> Дата обращения: 23.02.2022

DITTENBERGER W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum. Vol. II. Lipsiae, 1905

OGIS DITTENBERGER W. Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Supplementum Sylloges Inscriptionum Graecarum. Vol. II. Lipsiae, 1905

RPC Roman Provincial Coinage

WBR WADDINGTON W. H., BABELON E., REINACH TH. Recueil Général des Monnaies Grecques d'Asie Mineure, Tome 1. Pont et Paphlagonie. Paris, 1904.

Подосинов А. В.

Московский государственный университет им М. В. Ломоносова,
г. Москва,

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

АНТИЧНЫЕ ГЕОГРАФЫ О ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (ГЕРАКЛЕЯ ПОНТИЙСКАЯ, ТИОС, АМАСТРИС)

Podosinov A. V.

ANTIQUÉ GEOGRAPHERS ABOUT THE SOUTH-WESTERN BLACK SEA REGION (HERACLEA PONTICA, THIOS, AMASTRIS)

В этой работе нас интересуют вопросы географического положения греческих городов и поселений, расположенных на южном побережье Черного моря, а именно, от Гераклеи Понтийской (совр. Ereğli) на западе до города Амастрис (совр. Amasra) на востоке с находящимся между ними городом Тиос (совр. Hisarönü),

В качестве источников были привлечены тексты всех античных авторов, упоминающих населенные пункты между Гераклеей и Амастрисом. В основном, это авторы географических произведений или географических описаний в работах иных жанров. Речь идет о периплах Черного моря Пс.-Скилака, Мениппа, Арриана, Пс.-Арриана, Анонима из Равенны, о географических трудах Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Птолемея, а также о Певтингеровой карте. Таким образом, мы располагаем свидетельствами на протяжении тысячи лет — от 4 в. до н.э. (Ps.-Scyllax) до 6 в. н.э. (Anon. Raven.).

Ниже в таблице расписаны все топонимы между Гераклеей и Амастрисом, упомянутые перечисленными авторами, вместе с указанием расстояний между топонимами, которые приводят некоторые авторы (в основном в периплах, где указание расстояний было обычной практикой).

Ps.-Scyll.	Menip.	Strabo	Mela	Plinius	Ptolem.	Arrian. PPE	Ps.-Arrian PPE	TP	Anon. Raven.
Heracleia	Heracleia	Heraclea	Heraclea	Heraclea	Heracleia	Heracleia — 80 st.	Heracleia — 80 st. = 10 and 2/3 m.	Heraclea — 30 m.	Heracleia
						Metroon — 40 st.	Metroon — 60 st. = 8 and 1/3 m.		
						Poseideion — 45 st.	Poseideon — 45 st. = 6 m.		
						Tyndaridae — 15 st.	Todaridae — 15 st. = 2 m.		
						Nymphaion — 30 st.	Nymphaion — 30 st. = 4 m.		
						Oxinas fl. — 90 st.	Oxina fl. — 40 st. = 5 and 1/3 m.		
						Sandarake — 60 st.	Sindarache — 20 st. = 2 and 2/3 m.		
						Krenidae — 30 st.	Krenidae — 30 st. = 4 m.		
Psylla	Psylla — 90 st.			Psyllaion		Psylla — 90 st.	Psylla — 90 st. = 12 m.	Scylleum (Psyllaion) — 12 m.	Sileon (Psyllaion, Psylla)
Tieion	Tios (Heraclea — Tios — 370 st.)	Tieion	Tios	Tium (Heraclea — Tium — 38 m.)	Tion	Tios — 20 st.	Tios — 20 st. = 2 and 2/3 m.	Tium — 12 m.	Tilam (= Tium)
	Bilaios fl.			Bilaios fl.		Billaios fl. — 100 st.	Billaios fl. — 60 st. = 8 m.		
							Psilis fl. — 70 st. = 9 and 1/3 m.		
Parthenios fl.		Parthenios fl.	Parthenios fl.	Parthenios fl.	Parthenios fl.	Parthenios fl. — 90 st.	Parthenios fl. — 90 st. = 12 m.		
Sesamos		Sesamos	Sesamus	Sesamon = Amastris	Kytoros		Sesamos fl. in Amastris		
Kytoris		Kytoron	Cytoros	Cytorus mons	Kytoros				
		Kromne	Cromnos	Kromna	Kromna				
	Amastris (Tios — Amastris — 220 st.)			Amastris (Tium — Amastris — 63 m.)	Amastris	Amastris	Amastris (Herakleia — Amastris — 90 m.)	Mastrum	Amastra

Таблица показывает, что только три топонима среди приводимых 17 наименований упоминаются практически во всех источниках, и это как раз Гераклея, Тиос и Амастрис (вместе с входившими в состав последней городами). Это говорит о важности этих городов в истории южного Причерноморья.

Из таблицы также видно, что между Гераклеей и Тиосом почти все упомянутые авторы называют только один пункт — Псиллу (Psylla, Psylleion, Scylleum), который Пс. Скиллак определяет как «гавань» (90: λιμήν), Арриан как «эмпорий» (PPE XIII: ἐμπόριον), а Пс.-Арриан как некое «поселение» (PPE 13: «χωρίον»). И только Арриан и следующий его описанию Пс.-Арриан указывают между Гераклеей и Псиллой еще несколько пунктов (Metroon, Poseideion, Tyndaridae, Nymphaion, river Oxinas, Sandarake и Krenidae). Представляется, что под этими пунктами могли подразумеваться некие культовые места, возможно, связанные с природными приметами (мысами, пещерами и т.д.). Сами названия говорят об этом: Метроон (святилище в честь Матери богов), Посейдейон (в честь Посейдона), Тиндариды (в честь Кастора и Поллукса), Нимфейон (в честь нимф).

Менипп, Арриан, Пс.-Арриан, Певтингерова карта и Аноним из Равенны между Тиосом и Амастрисом не упоминают никаких населенных пунктов, а только реки Билайос (совр. Filyos/Yenice Çayı) и Парфениос (совр. Bartın Çayı), в то время как другие авторы (Пс.-Скиллак Страбон, Мела) помещают здесь — в разной последовательности — еще два или три населенных пункта (Сесамос, Киторон и Кромне) наряду с Амастрисом (кстати, Пс.-Скиллак не упоминает Амастрис). Очевидно, это связано с тем, что эти поселения были, по свидетельству Страбона (XII, 3, 10), объединены в результате синойкизма ок. 300 г. до н.э. в один, как теперь говорят, городской агломерат, потеряв, вероятно, полисную автономию. Поэтому и Плиний, называя Sesamon, отождествляет его с Амастрисом, а в Cytoris видит гору (NH VI, 1, 5): «...город Сесамон, который теперь Амастрис, гора Китор, в 63 милях от [города] Тия»). Арриан перечисляет Кромне и Киторос уже после Амастриса к востоку

от него; Пс.-Арриан также упоминает *Sesamos*, но считает это древним названием реки, протекающей в самом городе Амастрисе (PPE 15). Пс. Скиллак между Сесамос и Тиосом помещает реку Парфениос (90). Страбон, указывая, что Китор ранее был эмпорием синопейцев, также локализует его, по-видимому, к востоку от Амастриса (XII, 3, 10).

Птолемей показывает на своей карте только Гераклею, Псиллейон, Тион, Парфениос, Амастрис, Кромну и Киторос, причем два последних города также указаны восточнее Амастриса (V, 1, 7).

Отмечу, что на Певтингеровой карте только два города из перечисленных выше имеют специальную виньетку (две башни, стоящие рядом) — Тиос (*Tium*) и Амастрис (*Mastrum*). Вообще на прибрежной дороге, изображенной на карте в Южном Причерноморье от *Iovis Urius* на западе до Трапезунта на востоке (всего 35 станций) девять «станций» обозначены виньетками: *Iovis Urius* — изображением большого дома с 4 окнами, что соответствует обозначению храма (в данном случае Зевса), далее следуют *Melena*, *Artane*, *Tium*, *Mastrum* (*Amastris*), *Sinope*, *Missos* (*Amissos*), *Polemonio* и *Trapezunte* с изображением стоящих рядом друг с другом, иногда соединенных между собой башен.

Попробуем сопоставить данные о дистанциях между городами, сообщаемые античными авторами. Сразу следует отметить, что длина стадия у разных авторов могла быть разной; известно, что она могла колебаться от 148 до 200 м (бывают также стадии размером 157, 178, 185 и 197 м). Кроме того, данные о расстояниях могут различаться из-за разных путей — сухопутных или морских, по которым определялась дистанция, а также неточностью измерений.

Исследования величины стадия у Арриана позволяют считать, что его длина стадия равна 157 м, т. е. такая же, как у Эратосфена. Поскольку предполагается, что Арриан и Пс.-Арриан заимствовали в рассматриваемом здесь регионе свои данные у Мениппа, мы будем делать вычисления для названных авторов, исходя из этого значения.

Если брать отрезки пути между Гераклеей и Тиосом, дистанции выглядят следующим образом.

Менипп указывает здесь 370 стадиев (58 км). Сложение отдельных участков пути от Гераклеи до Тиоса у Арриана составляет 480 стадий (75,4 км), у Псевдо-Арриана — 410 стадиев (64,4 км), 55 миль (82,5 км). Плиний дает здесь 38 миль (57 км). На ТР обозначены 42 мили (63 км). Реальное расстояние между Гераклеей и Тиосом составляет 60 км.

А вот данные о расстояниях между Тиосом и Амастрисом:

У Мениппа здесь 220 стадиев (34,5 км), Арриан в сложении дает 210 стадиев (33 км), Псевдо-Арриан — 240 стадиев (37,7 км), 32 мили (48 км), у Плиния — 63 миль (94,5 км), на ТР — 12 миль (18 км). Реальное расстояние между этими городами — 37 км.

Таким образом вся дистанция между Гераклеей и Амастрисом выглядит следующим образом:

Менипп — 590 стадиев (»93 км)

Арриан — 690 стадиев (»108 км)

Пс.-Арриан — 650 стадиев, 87 миль (»102 км)

Плиний — 101 миля (» 151 км)

ТР — 54 мили (» 81 км).

Итак, самое большое расстояние между Гераклеей и Амастрисом фиксирует Плиний — 101 миля (151 км), самое малое — ТР — 54 мили (81 км). Если брать средние показатели (исключая ТР), то это расстояние можно было бы оценить в 120–130 км. При подсчетах по прямой расстояние между Эрегли и Амасрой составляет 97 км. По подсчетам дистанций у Арриана, большинство его расстояний довольно точно соответствуют современным.

Птолемей (V, 1, 7) все расстояние между Гераклеей и Амастрисом располагает на 43° 30' параллели между 59° и 60° 30' меридианами (рукописный вариант для Амастриса — 62° 30'). При длине его стадия в 185 м и размере градуса на этой широте в 363 стадия первый вариант дает ок. 100 км, второй — 235 км. Понятно, что второй вариант ошибочен.

Поскольку все эти цифры принадлежат периплической литературе, описывавшей морской путь вдоль побережья, следует признать, что они должны отражать расстояния, отмериваемые по корабельному курсу,

а не по сухопутной дороге, идущей вдоль побережья. По современной, вполне извилистой дороге расстояние между Эрегли и Амасрой составляет ок. 150 км, по прямой 96, и это последнее значение близко дистанциям, указанным Плинием, Аррианом и Птолемеем. Разумеется, каботажное плавание вдоль практически прямолинейного побережья в этом месте должно было давать цифры, близкие к современным дистанциям, высчитываемым «по воздуху».

Попова Е. А.

Московский государственный университет им. М. Ломоносова,
г. Москва

**О НАСЕЛЕНИИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ
В БРОНЗОВОМ И РАННЕМ
ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ОКРУГИ
ЕВПАТОРИИ)**

Popova E. A.

**ABOUT THE POPULATION
IN THE NORTH-WESTERN CRIMEA
IN THE BRONZE AND EARLY IRON AGES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MONUMENTS
OF THE EVPATORIA NEIGHBORHOOD)**

Северо-Западный Крым — историко-культурная область от Сакско-Евпаторийского района на юге до Перекопского перешейка на севере. Сакско-Евпаторийский прибрежный район представляет важную составляющую по значимости археологических памятников, отражающих демографическую ситуацию в Северо-Западном Крыму в различные исторические эпохи. В округе Евпатории Крымской археологической экспедицией исторического факультета МГУ открыты памятники от эпохи бронзы до I в. н. э.

Эпоха бронзы представлена курганными захоронениями в некрополе у пос. Заозерное и у села Песчаное. Поселение у евпаторийского маяка — Маяк-3, знаменует собой переходный период от позднебронзового времени к раннему железному веку. Городище «Чайка» — образец греческой и позднескифской культур железного века.

Некрополь у пос. Заозерное эпохи бронзы еще в древности подвергся разграблению, а в античную эпоху курганы использовались для захоронений этого времени. Поэтому погребения эпохи бронзы либо сильно потревожены, либо совсем утрачены, и их культурная принадлежность определяется по отдельным признакам — деталям погребального сооружения, позе погребенного, керамике. Выразительные артефакты эпохи бронзы обнаружены в курганах 7, 14 и 17. В кургане 7 найден фрагмент каменной антропоморфной стелы бронзового века [Коновалов 1972: 343]. Каменная стела находилась и в кургане 17, перекрывая погребение. Тип такого надгробия, с небольшим выступом, изображавшим голову, относится к ЯКИО. Эта стела учтена Г. Н. Тощевым и отнесена им к 1 группе надгробий ЯКИО по условиям находки, как являющееся элементом перекрытия [Тощев 2007: 89]. В кургане 17 найден лепной круглодонный сосуд (Рис. 1,6), типа «кубков» белозерской культуры, финального этапа бронзы Крыма [Колотухин 1996: Рис. 22, 2,5]. Датируется эта культура XII–X вв. до н.э. [Колотухин 2003: 171–172]. В этом кургане была также антропоморфная статуэтка круга Триполья [Попова 2016: 703–709]. В кургане 14 открыто 8 погребений эпохи бронзы со скорченными костяками и лепными сосудами: один ямной культуры (Рис. 1, 1), три — катакомбной (Рис. 1, 2,3,4) и один — срубной (Рис. 1, 5).

Курган у села Песчаное содержал 17 погребений эпохи бронзы [Барбарунова 1993: 3], из них 2 катакомбных (Рис. 2, 1), 1 — бабинской культуры, 9 — срубной культуры (Рис. 2, 2,3,4,5), 5 погребений определяются как эпохи бронзы скорченной позой. Погребение бабинской культуры относится к ней по находке костяной пряжки с одним отверстием (Рис. 2,6).

Поселение Маяк-3 находилось у евпаторийского маяка. Было вскрыто около 530 кв. м. Мощность культурного слоя — от 0,15–0,20 м до 0,60 м. Строительные остатки поселения почти не сохранились. Постройки на поселении возводились из камня, по крайней мере, цоколи стен. В слоях поселения находилось более пяти тысяч фрагментов керамики и кремневый инвентарь, представленный обломками и орудиями труда. Они свидетельствуют о принадлежности населения белозерской

и кизил-кобинской культурам. Найдены орудия, сделанные на пластинах, отщепах и нуклеусах, что характерно для ранних кизил-кобинских поселений [Крис 1981:15]. Х. И. Крис отмечала, что находки из кремня встречаются на поселениях кизил-кобинской культуры только первого этапа. Керамика из слоев поселения также принадлежит указанным культурам, о чем можно судить наиболее определенно по орнаментированным сосудам. Это сосуды с валиками на месте перехода от горла к плечу (Рис. 3, № 384). Иногда валики украшены косыми насечками (Рис. 3, № 385). Еще характерный признак — валики со спускающимися концами (Рис. 3, № 383). Сосуды с валиками без лощения и черной обмазки. Все это характерно для керамики белозерских и кизил-кобинских памятников [Березанская и др. 1986: 133–135]. В коллекции Маяк-3 преобладали фрагменты с гладким валиком. По С. Н. Сенаторову, валики с насечками предшествуют появлению гладких валиков [Сенаторов 2001: 52]. Гладкий валик — орнамент посуды финала первого этапа кизил-кобинской культуры, по С. Н. Сенаторову IX в. до н.э. [Сенаторов 2001: 59]. Резной орнамент сменяет валиковый и присутствует также в обеих культурах (Рис. 3, №№ 486,404,128,370,278). Для первого этапа кизил-кобинской культуры характерны кубки (Рис. 3, № 175, 178) и сосуды с вогнутым донцем (Рис. 3, № 456). Материалы с поселения Маяк-3 показывают генетическую связь кизил-кобинской культуры с белозерской, так как есть резной гребенчатый орнамент, характерный для кизил-кобинской культуры. Поселение Маяк-3 следует отнести к X–IX — началу VIII вв. до н.э. Это памятник переходного периода.

Совокупность материалов эпохи бронзы говорит об отсутствии в Северо-Западном Крыму оседлого населения до X в. до н.э. В курганах Заозерного и Песчаного захоронения присутствуют от ямного до позднесрубного времени, население этих культур было кочевым. В позднесрубное время плотность населения, видимо, увеличивается, о чем говорит значительное количество погребений именно срубной культуры в кургане у Песчаного. В X в. до н.э. возникает поселение Маяк-3, свидетельствующее о появлении оседлого населения, связанного генетически

с позднедрубным населением финальным этапом бронзы — белозерской культурой, являющейся основой кизил-кобинской культуры. Население последней по каким-то причинам покидает поселение в VIII в. до н.э., после чего оседлое население в этом районе отсутствует до конца VI в. до н.э., когда появляется греческая колония Керкинитиды [Кутайсов 1990]. Однако остальная территория региона продолжает оставаться не освоенной до херсонесской экспансии в IV в. до н.э., когда основным населением Северо-Западного Крыма становится греческое. Городище «Чайка» возникает в середине IV в. до н.э. и весь облик материальной культуры свидетельствует о том, что основной состав его населения составляли греки [Попова, Коваленко 2005: 7–63]. Однако в нижних слоях городища есть артефакты, указывающие на присутствие представителей таврского населения [Беловинцева, Попова 2007: 131–154]. На греческом поселении жизнь заканчивается во второй половине II в. до н.э., и на его руинах строят свое поселение так называемые поздние скифы. В целом архитектурный облик новой крепости создает впечатление, что строительство ее связано с варварскими традициями [Попова 2017: 131 сл.]. По вещевым материалам, в особенности по керамическому комплексу из слоев позднескифского поселения, существование его датируется в целом последней четвертью II в. до н.э.— I в. н.э. Этническая принадлежность населения представляется чрезвычайно сложной для определения. Основным аргументом в пользу скифского этноса является лепная керамика. Однако есть предположение, что она несет следы таврского влияния. Учитывая присутствие таврской керамики в слоях городища в раннее время, можно допустить этническую смешанность его населения во II в. до н.э.— I в. н.э., что объясняет термины «скифо-тавры» и «тавро-скифы» письменных источников. В целом ситуация по памятникам округа Евпатории вписывается в контекст демографической ситуации в Северо-Западном Крыму в эпоху бронзы и раннего железа.

Библиография

- БАРБАРУНОВА З. А. Курган у села Песчаное близ города Евпатории // Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М.: Изд-во МГУ. 1993. С. 3–11
- БЕЛОВИНЦЕВА Н. И., ПОПОВА Е. А. Находки Кизил-Кобинской керамики с городища Чайка // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., Изд-во МГУ. 2007. с. 131–154
- БЕРЕЗАНСКАЯ С. С., ОТРОЩЕНКО В. В., ЧЕРЕДНИЧЕНКО Н. Н., ШАРАФУТДИНОВА И. Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. Думка. 1986. 164 с.
- КОЛОТУХИН В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев: Южногородские ведомости. 1996. 160 с.
- КОЛОТУХИН В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: «Стилос». 2003. 138 с.
- КРИС Х. И. Кизил-Кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981. 128 с.
- КУТАЙСОВ В. А. Античный город Керкинитида. Киев, 1990. 176 с.
- ПОПОВА Е. А. Антропоморфная статуэтка из кургана эпохи бронзы некрополя у поселка Заозерное в Северо-Западном Крыму // Исторический журнал: научные исследования. 2016, н.6, с. 703–709.
- ПОПОВА Е. А. Городище «Чайка» в северо-западном Крыму во II в. до н.э.— I в. н.э. // Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology. 2017. том 3, с. 259–310.
- ПОПОВА Е. А., КОВАЛЕНКО С. А. Историко-археологические очерки греческой и позднескифской культур. М., 2005. 280 с.
- СЕНАТОРОВ С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры. (Типология и хронология)/Дисс. на соиск. уч. степ. к. и. н. СПб.: 2001.
- ТОЩЕВ Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье: ЗНУ. 2007. 303 с.

Прохоров Д. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
г. Симферополь

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТА ЯРЛЫКА ХАНА СЕЛЯМЕТ-ГИРЕЯ I ИУДЕЙСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ КЫРК-ЙЕРА (1608 г.)¹

Prokhorov D. A.

ON THE PROBLEM OF INTERPRETING THE TEXT OF THE KHAN'S LETTER OF PRIVILEGE ("YARLYK") OF SELYAMET-GIRAY FIRST TO THE JUDAIC POPULATION OF KYRK-YER (1608)

Одним из ключевых вопросов в изучении истории иудейских общин Крымского полуострова в эпоху Средневековья и в Новое время является вопрос об идентификации этноконфессиональной принадлежности групп населения, упомянутых в источниках, поскольку в письменных свидетельствах XV–XVIII вв. встречается несколько форм экзоэтнонимов. Известно, что в официальных документах Крымского ханства представителей иудейских общин именовали *иехуди*, или *яхуди* (*ягуди*, *яхудилер*). Причем под этими терминами могли подразумеваться как караимы, так и еврей-раввинисты. Большинство нарративных источников того времени не отличало караимов от приверженцев талмудического иудаизма.

В XIX в., в связи с научным интересом к проблеме этногенеза караимов и времени их появления в Крыму, российскими властями

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках госзадания № FZEG-2020–0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму»

был сформулирован запрос об их происхождении, о подтверждении древности проживания на полуострове, об основных занятиях караимов и о догматических нормах караимизма. Это было продиктовано также юридическими и экономическими факторами в ходе проведения мероприятий правительства по интеграции «инородческого» населения Крыма в российские правовое поле и социальные институты. В 1839 г. Таврический и Одесский караимский гахам Симха бен Шломо Бабович инициировал деятельность караимского газзана Авраама бен Шемуэля (Самуиловича) Фирковича по сбору старинных рукописей, книг и надгробных надписей, имевших отношение к прошлому караимского народа. Последовавшие за этим многолетние изыскания А. С. Фирковича в конечном итоге привели к созданию обширной коллекции караимских, еврейских и самаритянских рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе, и Крыма.

Развивая тезис о принципиальных отличиях, существовавших между караимами и евреями-раввинистами, и опираясь на ранее принятые правительством законы и постановления о гражданских правах караимов, С. Бабович в одном из прошений, поданных на имя министра императорского двора князя П. М. Волконского, указывал на существовавшие между ними различия.

Главным аргументом С. Бабович называл древность расселения первых на Крымском полуострове, подкрепляя свои доводы текстами фирманов и ярлыков (ханских грамот), выданными караимской общине «пещерного города» Кырк-Йер (Чуфут-Кале) представителями династии Гиреев еще во время существования Крымского ханства. В частности, в одном из своих прошений в адрес властей С. Бабович упоминал, что доказательством может служить грамота «Аджи Селима Гирея, данная без ограничения времени; другая Саадет-Гирея — в средних числах месяца Дамазиель 930 года, по магометанскому исчислению, третья Мубарек Султана Мурад Гирея, данная месяца Рамазана в 1043 году тоже по исчислению Магометанскому <...> кроме вышеозначенных Аджи Селима Гирея и Саадет Гирея, упомянуто еще о десяти ханах» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 99

об., 100]. Как известно, джемази-эл-уль (джумад аль-уль) — пятый месяц мусульманского лунного календаря (то есть, ярлык Саадет-Гирея был выдан весной 1524 г. н. э.), а рамадан — девятый месяц мусульманского лунного календаря (1043 г. Хиджры — 1634 г. н. э.). Именно поэтому датировка ярлыка хана Мурад-Гирея, приведенная в вышеупомянутом прошении С. Бабовича, ошибочна, поскольку он правил в 1678–1683 гг.

Одновременно с этим С. Бабович подчеркивал, что уже после присоединения Крыма к России караимам «Государями Российскими даваемы были особые права и преимущества». По его словам, «караимы всегда различествуют от евреев во всех отношениях: по началу происхождения, и по религии, и по образу нравов и обычаев; потому и в гражданском устройстве они самим начальством во всем отличены» [ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1. Л. 100, 100 об.]. Основной целью караимов на этом этапе стало дистанцирование в юридическом поле от евреев-раввинистов и получение правовых льгот и экономических преференций.

Подлинность некоторых обнаруженных исторических документов нередко подвергалась сомнению, поскольку, например, при репрезентации В. Д. Смирновым ярлыка Селямет-Гирея I 1608 г., выданного жителям Кырк-Йера, автором использовался не оригинал, а факсимильная копия из коллекции российского историка и востоковеда В. В. Григорьева [РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 104. Л. 1, 2], что дает основание сомневаться в аутентичности указанного источника [Сборник 1890: 61]. В. Д. Смирнов также сообщал, что «простая копия этого же ярлыка имеется в собрании рукописей Императорской Публичной Библиотеки» [Смирнов 1890: 61]. Любопытно, что перевод ярлыка, выданного ханом Селямет-Гиреем I караимской общине Кырк-Йера, согласно легенде архивного документа, сделал Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов (состоявший членом Таврической архивной ученой комиссии), который переслал его В. В. Григорьеву вместе с подлинником документа из Евпатории. Вполне вероятно, что перевод указанного ярлыка мог выполнить заместитель председателя ТУАК И. И. Казас, занимавшийся в Комиссии переводом подобного рода источников [РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 104. Л. 1,

2]. При этом в тексте перевода, переписанном самим В. В. Григорьевым и ныне хранящемся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге, также ошибочно проставлена датировка ярлыка: «...выдан 1017 (т. е. 1570) [Хиджры] в конце джумадиль эвеля в столице царского города Бахчисарая» (но, как известно, конец 1017 г. Хиджры джумад-аль-уля соответствует началу сентября 1608 г., а не 1570 г.). Перевод текста этого ярлыка, сохранившийся в рукописной копии В. В. Григорьева, во многом отличается от версии перевода, представленной В. Д. Смирновым и опубликованной им в «Сборнике старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов» [Сборник 1890: 57–66]. Заметим, что одно из первых упоминаний об этом тарханном ярлыке Селямет-Гирея I встречается в заметке, опубликованной в «Записках Одесского Общества истории и древностей» (1844). Этот документ в числе прочих был прислан в ООИД «вследствие циркулярного обращения Общества к членам и корреспондентам своим о доставлении всякого рода официальных бумаг на татарском и турецком языках» (среди корреспондентов упомянут и С. Бабович, занимавший и пост Таврического и Одесского караимского гахама в 1837–1855 гг.) [Татарские и Турецкие акты: 1844: 638–640].

В тексте имевшейся у него копии перевода В. В. Григорьев сделал любопытную приписку: «Замечательно, что в подлиннике тамг не приложено, и места для коих остались пусты. Вывести их не могли; какие-нибудь следы да остались бы. Вместе с этим ярлыком прислан из Евпатории перевод с другого (подлинник не предъявлен) точно такого содержания, который дан был Чуфут-Кальским евреям Инайет-Гирей-ханом, в 1045 г.г. [Хиджры], в последний числа [месяца] мухаррема, в Бахчисарае» (т. е. в июле 1635 г.). Писал секретарь [Таврического Мусульманского Духовного Правления] Реджеп Бухарский» [РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 104. Л. 1, 2].

Примечательно также, что при опубликовании факсимильной копии ярлыка Селямет-Гирея I из коллекции В. В. Григорьева В. Д. Смирнов, разместивший её и перевод текста на русский язык в вышеупомянутом

«Сборнике», привел такое пояснение: «Подлинник должен быть длиною 20 вершков, и шириною 10 вершков. Вверху справа квадратная тамга в начале первых двух строк текста, а внизу, в середине, другая квадратная тамга на 24–26 строках текста. Почерк старинный дивани. В ярлыке 30 строк, кроме имени хана в начале и имени хана в конце» [Сборник 1890: 61].

Очевидно, что В. Д. Смирнов, имевший дело лишь с копией ярлыка 1608 г. Селямет-Гирея I, предоставленной ему В. В. Григорьевым, с оригиналом документа знаком не был и с его текстом не работал, и поэтому «домыслил» недостающие, по его мнению, элементы этого несомненно важного, с точки зрения прошлого иудейских общин Крыма, ханского документа. Известный советский и российский историк и археограф М. А. Усманов сделал вывод о том, что «если не учитывать отдельных спорных фактов (например, упоминания “красного нишана и синей печати” в корроборации ярлыка Саямат-Гирая 1608 г., текст которого известен лишь по копии, Газы-Гирай был последним правителем, заверявшим некоторые свои ярлыки цветными тамгами» [Усманов 1979: 152].

Библиография

Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1.

Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 853. Оп. 2. Д. 104.

Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов [Предисл. сост. В. Д. Смирнова; От издателя: З. А. Фиркович] / Изд-ие З. А. Фирковича. СПб.: паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. XXXVI, 223 с.

СМИРНОВ В. Д. Татарско-ханские ярлыки из коллекции Таврической Ученой Архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1918. № 54. С. 1–19.

Татарские и Турецкие акты, доставленные в Общество [истории и древностей] // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 638–640.

УСМАНОВ М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского университета, 1979. 318 с.

Прудников В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА В ПИСЬМАХ БАРОНА СЕЗАРА ДЕ БАЗАНКУРА

Prudnikov V. V.

CRIMEAN (EASTERN) WAR IN THE LETTERS OF BARON CESAR DE BAZANCOURT

Сезар Лекат барон де Базанкур — французский романист и военный историк. Родился в Париже в 16 декабря 1811 г. в семье наполеоновского генерала Жана-Батиста Леката де Базанкура (1767–1830 гг.) и Элизабет Мари Генриетты Констанции де Удето (1785–1822 гг.). Сама она была дочерью Сезара Луи Мари Франсуа Анжа де Удето, полковника кавалерии, и Констанции Жозефины Сере и внучкой Софи Лалив де Бельгард, которая в, свою очередь, была известна своим коротким романом с Жан-Жаком Руссо, а также поэтом и академиком Жаном Франсуа де Сен-Ламбером. Его прадедом был Жан-Николя Сере, французский ботаник и агроном. Лекат де Базанкур также является племянником Проспера де Баранте.

Его отец Жан-Батист барон Лекат де Базанкур был выходцем из пикардийской дворянской семьи. После окончания военного училища начал службу в звании подпоручика 42-го линейного полка. Он стал лейтенантом 15 сентября 1791 г. и получил капитана в следующем году, он принял участие в итальянской кампании под командованием генерала Бонапарта и командовал батальоном в Египте. В чине полковника он отличился в битве при Аустерлице и был награжден орденом Почетного легиона, который получил из рук Наполеона 25 декабря 1805 г. В январе 1808 г. он был назначен комендантом Вальядолида. После прусской кампании 6 марта 1808 г.

он был произведен в бригадные генералы. В 1809 г. он зачитал приговор, приговаривающий к смерти Армана де Шатобриана, эмиссара роялистского агентства. Во время первой Реставрации он ушёл в отставку, но вернулся на службу во время ста дней императора. После поражения Наполеона он окончательно вернулся на свою пенсию в августе 1815 г. Он умер в Париже 17 января 1830 г.

Сестра Сезара Софи де Базанкур (1810–1850 гг.) стала женой генерал-лейтенанта Франсуа Эме Фредерика Луаре де Арбувиля, публиковала рассказы и стихи в *Revue des deux Mondes*, была музой известного критика и литературоведа Шарля Огюстена де Сент-Бёва (1804–1869 гг.).

Во время июльской монархии при короле Луи Филиппе (1830–1848 гг.) де Базанкур был директором Компьенской библиотеки. Он стал кавалером ордена Почетного легиона в 1846 г. и в 1860 г. в качестве литератора. Он стал широко известен в первую очередь как профессиональный историк. Его перу принадлежит двухтомный труд, посвящённый истории Сицилии в эпоху доминирования норманнов, опубликованный в 1846 г.

В 1854 г. он стал официальным историографом империи при Наполеоне III, который правил Францией с 1848 по 1870 гг., и в этом качестве отправился на театр военных действий в Крым. Итогом его почти полугодового пребывания в лагере под Севастополем (с января по март 1855 г.) стали несколько работ, одна из которых, написанная в форме дневника, так и называлась: «Пять месяцев в лагере под Севастополем». Данное произведение состоит из двадцати писем, в каждом из которых читателю даётся предельно яркая и эмоциональная картина перипетий военной кампании. Наиболее близкой аналогией этой книги в истории французской литературы может считаться хорошо известная в среде историков-медиевистов хроника «Деяния франков и прочих иерусалимцев» анонимного автора-участника первого крестового похода.

Первое издание имело большой успех и поэтому сразу последовало второе, в котором знакомство с этой небольшой по объёму книжицей издатель рекомендовал в качестве вступления к другим работам автора о Крымской экспедиции. Надо отметить, что эти его две основные работы

получили у историков самую высокую оценку, в первую очередь как самый подробный и достоверный источник.

Путешествие Базанкура в Крым началось из Мессины. Уже при переходе через Ионическое море их корабль настиг сильный шторм, в результате которого погиб конь полковника по имени Вулкан. Автор ярко живописует горе некоего полковника, который пытался успокоить животное рассказами о русских и Севастополе, а затем принялся восклицать о том, что его смерть от русской пули не будет столь благородна, как если бы он получил её, сидя на своём Вулкане [Bazancourt 1855: XVII]. Таким образом, Базанкур считает одним из главных мотивов французских военных в предстоящей кампании это поиск «красивой и благородной смерти» [Bazancourt 1855: XXVI].

В письме от 2 февраля 1855 г. Базанкур описывает свои первые впечатления о прибытии на крымскую землю, на которую он вступил в Камышёвой бухте, являющуюся связующим звеном между полуостровом и Францией [Bazancourt 1855: 2]. Он отмечает, что здесь есть порт, некое подобие города с красивыми улицами, названными в честь Наполеона, Карнобера и пр., а также рынок с довольно высокими ценами на товары первой необходимости.

Базанкур считает, что ни в коем случае нельзя принижать своих врагов, т.к. это в немалой степени умаляет заслуги своих солдат. Он предпочитает говорить о том, что русские воюют хорошо и действуют очень энергично, зачастую повергая противника в ступор «новым способом боя», в котором сочетается манёвр ложного отступления и применение необычных средств (как то железные крючья, камни и верёвки) [Bazancourt 1855: 9]. По последнему поводу французское командование вынуждено было пожаловаться начальнику Севастопольского гарнизона барону Д. Е. Остен-Сакену на «не куртуазный» способ ведения боевых действий. На это последний с удивлением ответил, что ничего об этом не знает, и что это, скорее всего, частная инициатива добровольцев, «увлекаемых внезапным порывом» в атаку с подручными средствами, взятыми с собой для самообороны [Bazancourt 1855: 10].

Порой автор сознаёт, что зачастую предоставляет читателю противоречивые впечатления, которые продиктованы сиюминутной сменой обстановки и множеством других факторов, тем вернее ему удаётся передать подчас неуловимые настроения, которые царили в лагере союзников [Bazancourt 1855: 43]. В частности, он неоднократно отмечает, что даже время здесь идёт совершенно по-другому. В одном из писем он говорит, что привык ориентироваться по пушечной канонаде, которая неожиданно начиналась и также неожиданно заканчивалась [Bazancourt 1855: 36]. Периоды затишья сменяются моментами величайшего напряжения сил и необходимостью противостоять сильному и опытному противнику.

В таком же бешеном ритме противостояла французам сама природа, когда погожие деньки резко сменялись сильным ветром с дождём и снегопадом, а также заморозками [Bazancourt 1855: 32]. Если верить автору, то погода также распоряжалась и артиллерийским огнём, т. к. стоило ей ухудшиться, как канонада сразу же ослабевала и сходила почти на нет [Bazancourt, 1855, 43]. Тем не менее, солдаты находили в себе мужество не впадать в уныние на этой «засушливой и опустошённой земле» и под разрывы бомб находили минуту, чтобы послушать новейшие польки Алари и Квиданты, а также сплясать под «головокружительные» вальсы Штрауса [Bazancourt 1855: 34].

Базанкур находит место для описания забавных на его взгляд моментов из солдатской жизни. Так он говорит о раненом, которого несли четверо солдат, когда носилки под ним развалились и тот грохнулся на землю. Солдаты были вынуждены бежать за другой парой носилок, оставив раненого на земле, а тот, как ни в чём ни бывало, встал и поплёлся за ними следом, что говорило о лёгком характере раны и его желании проехаться на плечах товарищей до тех пор, пока он не упал [Bazancourt 1855: 40]. Такого рода шутки, как и подтрунивание солдат над ранами, нанесёнными шрапнелью, Базанкур приводит для иллюстрации национального характера. Однако в этом можно увидеть сходство с мнением, которое высказывал Л. Н. Толстой в «Севастопольских

рассказах», а также средневековой хронике XI в. Рауля Канского «Деяния Танкреда» о природе храбрости, суть которого сводится к следующему высказыванию: «спросите любого, кто был на войне, мужество это тоже дело привычки» [Bazancourt 1855: 71].

Дневниковые записи Базанкура содержат не только его непосредственные впечатления от кампании, но и довольно точные описания сражений, которые происходили под Севастополем, а также и на других театрах военных действий, как, например, русско-турецкое боестолкновение в Евпатории от 17 февраля [Bazancourt 1855: 44–47]. Со ссылкой на самого себя Базанкур привычно отмечает храбрость и боевые умения русских войск и попутно говорит о гибели генерала египетской дивизии Селима-паши, а также египетского полковника Рустем-бея, сведения о которых он получил из письма некоего коменданта Осмонда [Bazancourt 1855: 46].

Особое внимание заслуживает отчёт о вылазке французской кавалерии в Байдарскую долину, в которой Базанкур принял непосредственное участие. За плодородие почв, богатство и счастливое расположение он называет Байдарскую долину Крымской Сицилией [Bazancourt 1855: 57].

Библиография

LE BARON DE BAZANCOURT. Histoire de la Sicile sous la domination des normands / C. L. baron de Bazancourt. P.: Librairie de amyot, 1846. T. 1. 416 p.; T. 2. 418 p.

LE BARON DE BAZANCOURT. Cinq mois au camp devant Sébastopol / C. L. baron de Bazancourt. P.: Librairie de amyot, 1855. 288 p.

LE BARON DE BAZANCOURT. L'expédition De Crimée Jusqu a La Prise De Sebastopol. Chroniques De La Guerre D'orient / C. L. baron de Bazancourt. P.: Librairie de amyot, 1856. T. 1. 506 p.; P.: Librairie de amyot, 1857. T. 2. 519 p.

LE BARON DE BAZANCOURT. L'expédition De Crimée: La Marine Française Dans La Mer Noire Et La Baltique, Chroniques Maritimes De La Guerre D'orient / C. L. baron de Bazancourt.— P.: Librairie de amyot, 1858. T. 1. 431 p.; T. 2. 432 p.

Роменский А. А.

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
г. Севастополь,

ЧУДЕСА И ИСЦЕЛЕНИЯ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ: ПРАВОСЛАВНАЯ АГИОГРАФИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИМПЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ PAX MONGOLICA

Romensky A. A.

MIRACLES AND HEALING IN THE GOLDEN HORDE: ORTHODOX HAGIOGRAPHY THROUGH THE PRISM OF IMPERIAL CULTURE PAX MONGOLICA

Эпоха монгольских завоеваний, ознаменовавшаяся в итоге первым опытом евразийской глобализации, привела к активизации культурных, этнических и религиозных контактов на всем гигантском пространстве от Причерноморья и Средиземноморья до Дальнего Востока [Крамаровский 2019: 15]. Сопряжение различных религиозных традиций и культовых практик в Великом монгольском государстве и державах, возникших в ходе его распада, предопределялось как общим для Чингизидов прагматическим подходом к вопросам веры, так и конкретными особенностями культурной интеракции в различных контактных зонах, сформировавшихся в оседлых и кочевых регионах Евразии. Согласно мнению большинства исследователей, монгольские кааны исповедовали принцип религиозной толерантности, стремясь не только к расширению подвластных территорий, но и к снисканию расположения новых богов, включаемых в общеимперский пантеон [Lane 2006: 181–205; Rossabi 2009: 7, 13, 20; Юрченко 2012а: 13–64,

Aigle 2014: 111]. Тенгрианские и шаманистские верования кочевников Великой Степи не подразумевали отчуждения иного религиозного опыта: заимствованные извне культы входили в общую систему праздников и обрядов [Юрченко 2012b: 27, 31].

Ситуация кардинально не изменилась даже после утверждения ислама в западной части Рах Mongolica, поскольку характерный для тюрок суфизм вобрал в себя целый ряд тенгрианских культов [Босворт 1981: 32; Крамаровский 2019: 45–46]. Внимание суфизма к мистическому способу познания и поклонение в его рамках святым, наделенным сверхъестественными способностями также способствовали межкультурному и межрелигиозному диалогу [Тримингэм 1989: 81–82], развивавшемуся, в частности, между ортодоксальным христианством и исламом в Золотой Орде. В этом контексте следует переосмыслить связанные с Ордой сюжеты древнерусской агиографии. Христианский концепт чуда в них нередко согласуется с имперскими нормами и ритуалами.

Один из примеров амбивалентного восприятия чуда в рамках христианского мировоззрения и одновременно имперского монгольского этоса представляет собой «Повесть о Петре, царевиче ордынском» — источник, часто оцениваемый как поздняя переработка местных легенд, не привязанная к конкретным историческим событиям [Белякова 1993: 86–87]. «Повесть» повествует о миссионерской поездке в Орду ростовского епископа Кирилла, который «ходящу в татары с честью къ царю Берькѣ за дом святыя Богородица» [Повесть о Петре, царевиче ордынском 2006: 70]. Во время этого визита Берке (который, заметим, стал мусульманином первым среди Чингизидов) услышал от иерарха проповедь о его предшественнике на кафедре, святом Леонтии Ростовском, и чудесах, совершающихся после смерти от его раки с мощами. Вскоре представился случай испытать ростовского епископа как тауматурга на практике: разболелся единственный сын золотоордынского правителя. Когда услуги врачей оказались беспо-

лезными, «царь... пославъ в Ростовъ по святаго владыку и обѣща ему дары многы, да исцѣлит сына его». Епископ Кирилл отслужил молебны в ростовских церквах, и придя в Орду, исцелил монгольского царевича освященной водой. Наряду с поучениями, этот эпизод впечатлил племянника Берке, который захотел «ити съ святымъ владыкою и видѣти божницу Русския земля и чудеса, бываема от святых» [Повесть о Петре, царевиче ордынском 2006: 70–72]. Исцеление епископом язычника или иноверца представляет собой распространенный агиографический топос, однако примечательно то, что Чингизиды действительно использовали служителей культа как целителей или врачей. Совершивший путешествие к монголам в 1253–1255 гг. Гильом де Рубрук сообщает о некоем монахе Сергии, врачевавшем болезни с помощью растворенного в воде порошка ревеня и погружаемого в воду крестика. Рубрук посоветовал приготовить питье из освященной воды, после чего «госпожа Кота» почувствовала себя лучше [Itinerarium Willelmi de Rubruck 1929: 265–267]. Образованный францисканец критически отнесся к этому лжесвященнику, как и другим представителям христианского духовенства при дворе каана Менгу, но их невежество не смущало самих монголов.

Различные аспекты отношения к трансцендентному прослеживаются и в текстах, описывающих поездку митрополита всея Руси Алексия в Золотую Орду, увенчавшуюся исцелением потерявшей зрение Тайдулы, матери хана Джанибека (названной в житии «Амуратовой царицей»). Древнейшие свидетельства не сохранили подробностей путешествия Алексия в 1357 г., упоминая лишь о чуде с самовозгоревшейся свечой [Кривцов 2002]; очевидно, что Пахомий Логофет, составивший старшую редакцию «Жития митрополита Алексия» около 1459 г., опирался на примеры разработки сюжета об исцелении нечестивого царя в византийской традиции. Рассказ жития далек от исторической точности и содержит анахронизм, отодвигая связанные с поездкой события к годам правления хана Мурада (Амурата)

и князя Дмитрия Донского. Тем не менее, этот нарратив отражает представления о том, как должны совершаться такие чудеса. Примечательно, что, как и в случае с ростовским епископом Кириллом, Алексей исцеляет ханшу после молебна и окропления святой водой. Особое значение агиограф придавал тому, что герой повествования использовал «свѣщу воска оного, иже саму о себѣ зажегшуюся» у чудотворной раки митрополита Петра. Конструируя сцену радушной встречи иерарха в Орде, автор парафразирует библейский мотив, видимо, неточно цитируя книгу пророка Исаии (Ис. 11:6): «Левъ и агнецъ вкупѣ почиють» [Кучкин 1967: 248–249].

Синкретизм религиозных идей и представлений в Золотой Орде отражается в рассказе чагатайского историка Утемиш-хаджи о принятии ислама ханом Узбеком после соревнования между «неверным колдуном» и мусульманином Баба Тукласом, который остался невердимым, пребывая в раскаленном тануре [Утемиш-хаджи 2017: 45–46]. Исследователи усматривают в этом сюжете преломление шаманистских ритуалов или практики буддистских жертвенных самосожжений [DeWeese 1994: 232–242; Костюков 2009: 75–78]. Не исключено и воздействие библейского топоса — чуда с «вавилонскими отроками» (Дан. 3: 19–96), популярного в агиографии. Конкурентные версии восприятия сакрального мира, характерные для христианства, ислама и тенгрианства, очевидно, могли с успехом сочетаться в имперской культуре монгольских и тюркских государств Евразии.

Библиография

БЕЛЯКОВА М. М. «Повесть о Петре, царевиче Ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // Труды отдела древнерусской литературы. 1993. Т. 46. С. 74–87.

БОСВОРТ К. Э. Нашествия варваров: появление тюрок в мусульманском мире / Пер с англ. М. Б. Пиотровского // Мусульманский мир. 950–1150 / Отв. ред. В. В. Наумкин, М. Б. Пиотровский. М., 1981. С. 20–35.

КОСТЮКОВ В. П. Историзм в легенде об обращении Узбека в ислам // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Сборник статей / Отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2009. Вып. 1. С. 67–80.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Рах Mongolica и чингисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи: каталог выставки. М., 2019. С. 15–57.

КРИВЦОВ Д. Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Мир истории. 2002. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://krotov.info/history/14/2/kriv2002.html>. Доступ 09.12.2021.

КУЧКИН В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба (старшая редакция жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. Сборник статей и материалов / Отв. ред. С. А. Никитин. М., 1967. С. 242–257.

Повесть о Петре, царевиче ордынском / Подгот. текста и коммент Р. П. Дмитриевой, пер. Л. А. Дмитриева // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб., 2006. С. 70–85.

ТРИМИНГЭМ ДЖ. С. Суфийские ордены в исламе / Пер с англ. под ред. О. Ф. Акимушкина. М., 1989.

Утемиш-хаджи. Кара таварих / Общ. ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2017.

ЮРЧЕНКО А. Г. Золотая Орда: между Ясой и Кораном (начало конфликта). СПб., 2012.

ЮРЧЕНКО А. Г. Хан Узбек: между империей и исламом. Структуры повседневности. СПб., 2012.

AIGLE D. The Mongol Empire between Myth and Reality. Leiden, Boston, 2014.

DEWEESE D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania, 1994.

Itinerarium Willelmi de Rubruck / Ed. A. van Den Wyngaert // Sinica Franciscana. Quaracchi-Firenze, 1929. Vol. 1. P. 147–332.

LANE G. Daily Life in the Mongol Empire. Westport; London, 2006.

ROSSABI M. Khubilai Khan. His Life and Times. Berkeley, Los Angeles, London, 2009.

Сазанов А. В.

Институт археологии РАН, г. Москва

АМФОРЫ А SNP I. ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

Sazanov A.V

A SNP I AMPHORAS. TYPOLOGY AND CHRONOLOGY

Впервые амфоры А Snp I были обнаружены в могильнике Харакс и опубликованы В. Д. Блаватским, отнесшим некрополь за наружной стеной Харакса к первой половине IV в. н. э [Блаватский 1951: 273, 291, Рис. 13, 1, Рис. 8, 2].

В 1984 г. три погребения Харакса, включающие могилы 29, 15 и 33 были отнесены А. И. Айбабиным к первой половине V в. н. э. [Айбабин 1984: 105. Рис. 1]. Однако среди них не было интересующих нас могил 7 и 26, как не было и рассматриваемых амфор. Нет их и в базовой монографии 1990 г. [Айбабин 1990: Рис. 2, Рис. 4]. Несмотря на это в монографии 1999 г. А. И. Айбабин отнес эти могилы к своей четвертой хронологической группе, датирующейся первой половиной V в. н. э. и соответственно продатировал этим временем амфоры А Snp I из погребений 7 и 26, приведя амфору из погребения 26 на хронологической таблице [Айбабин 1999: 261, Табл. XXI, 2]. По мнению А. И. Айбабина они относятся к красноглиняным (!) амфорам типа Кеуу ХХІХ с коническим корпусом, аналогичным бытовавшим в Средиземноморье с V в. н. э.¹ [Кеуу 1984: 225, 227, Fig. 26,1; 95,1]. Как утверждает А. И. Айбабин, различные варианты названных амфор встречены в Херсонесе и Западном Причерноморье в комплексах первой половины V в. н. э. и в слоях V–VII вв. н. э. [Айбабин, Хайретдинова. С. 35]. Приведенные А. И. Айбабиным аналогии

¹ Ссылка и отождествление А. И. Айбабина. Фрагменты текста, касающиеся датировки амфор А Snp I в монографии 1999 и в работе 2017 г. идентичны.

рассматриваемых синопских амфор с...африканскими абсолютно произвольны, как и предложенная им датировка, в чем при сравнении нетрудно убедиться [Keay 1984: Fig. 26, 1², Fig. 95, 1].

Крупным прорывом в изучении синопских амфор стали раскопки Д. Кассаба Тезгер в Демирчи (близ Синопы), где были открыты мастерские, производившие синопские амфоры римского и византийского времени, в том числе и A Snp I. [Kassab Tezgör 2009: 124, 145, 146]. Этой же исследовательницей была дана дефиниция рассматриваемых амфор A Snp I [Kassab Tezgör 2010: 124, 145, 146]. Результаты раскопок Д. Кассаба Тезгер позволили снять высказанное С. Ю. Внуковым сомнение в отнесении амфор A Snp I к синопскому производству как «полностью недоказанному» [Внуков 2003: 141].

Типология. С точки зрения типологии выделяются два подтипа амфор A Snp I, различающиеся соотношением высоты корпуса к максимальному диаметру (L: H) (Рис. 1). При этом в рамках первого подтипа по максимальному диаметру корпуса выделяются три варианта, первый из которых представлен амфорой из мастерской Демирчи первой половины IV в. н. э. [Kassab Tezgör 2010: Pl. 21, 1, 2. Pl. 34, 1, 2], второй — амфорой из погребения 26 могильника Харакс того же времени [Зеест 1960: Табл. XL, 102 б. С. 121; Блаватский 1951: Рис. 13, 1], третий — амфорой из контекста слоя «А» Ятруса первой половины IV в. н. э. [Bottger 1982: Taf. 23, 18]. Второй подтип представлен амфорой из каменного ящика XIV могильника «Совхоз 10» под Севастополем [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2004. Табл. IV, 2] первой половины IV в. н. э., и, видимо, могилы 7 Харакса [Блаватский 1951: Рис. 8, 2].

Как прототип, условно «Proto A Snp I», может рассматриваться амфора, т. н. «Урна 279» из могильника «Совхоз 10», датированная концом III в. н. э. [Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2004: Табл. IV, 1. С. 67]. В целом же предшественниками A Snp I являются амфоры Sin VI, появляющиеся в конце II — начале III в. н. э., на что указывает, в том числе, морфология профильных частей (Рис. 2). [Внуков 2010: 366].

² Ссылка А. И. Айбабина на тип XXVII b, а не на тип XIX, также не имеющий отношения к рассматриваемым синопским амфорам.

Хронология. Датировка амфор A Snp I определяется документированными находками в закрытых и открытых комплексах. При этом в последнем случае необходимо учитывать не только время образования комплекса, но и хронологические группы, его составляющие.

Рассматриваемые амфоры были обнаружены в стратифицированных контекстах Ятруса, закрытых комплексах — могилах Харакса, некрополя «Совхоз 10» под Севастополем, датирующихся в пределах первой половины IV в. н. э. Отметим датирующую монету 317–324 гг. в каменном ящике XIV, содержащем амфору нашего второго подтипа [Böttger 1982: Taf. 23, 18; Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2004: Табл. IV, 2; Зеест 1960: Табл. XL, 102 б. С. 121; Блаватский 1951: Рис. 13, 1].

Несколько сложнее ситуация с комплексами Херсонеса. Здесь амфоры A Snp I зафиксированы в контекстах слоя в районе стены 30 VII квартала, относящегося к 380–420 гг., слоя 2 «Цистерны в алтаре» II квартала, образовавшегося в последней четверти V в. н. э., первом уровне засыпи колодца «К-4» III квартала, образовавшегося в последней четверти V в. н. э., верхней части засыпи колодца в помещении 4 квартала ХСVII и засыпи цистерны в том же в квартале, образовавшихся в последней трети V — второй четверти VI в. н. э. [Сазанов 1999: Рис. 9, Рис. 15, 11, Рис. 3, 37, 38; Ушаков, Дорошко, Кропотов, Макаев, Струкова 2006: Рис. 4, 31, 42, 43; Ушаков, Дюженко, Струкова 2015: Рис. 7, 24, 25; Сазанов 2019: 234]. Эти комплексы в свое время послужили основанием для датировки типа Зеест 102 б, соответствующего A Snp I, временем от середины III — до последней четверти V в. н. э., что сейчас уже не соответствует уровню разработки материала [Сазанов 1999: 229]. Детальный анализ этих контекстов показал, что они содержат разновременный материал, в котором выделяются несколько четко выраженных хронологических групп. Несмотря на то, что дата формирования комплексов в пределах последней трети V — первой трети VI в. н. э. (колодцы и цистерна) или 380–420 г. (слой в районе стены 30) подтвердилась, однако все они содержали и более ранние компактные материалы, среди которых четко выраженная хронологическая группа первой половины IV в. н. э., к которой и относились фрагменты амфор A Snp I.

Решающим и подтверждающим предложенную дату амфор А Snp I является комплекс печи А. I, I в Демирчи, где эти сосуды обжигались (Рис. 3). [Kassab Tezgör 1996: Fig. 3, Fig. 4]. Там были обнаружены 8 фрагментов амфор, из которых один венчик амфоры Dressel 24 является безусловной примесью раннего материала. Из оставшихся 7 фрагментов 5 относятся к типу А Snp I, по одному — к В Snp III и С Snp I. Комплекс датируется началом — первой половиной IV в. н. э. [Kassab Tezgör 2010: 124, 145, 146, Tabl. 1].

Таким образом, амфоры А Snp I могут быть надежно датированы первой половиной IV в. н. э. с тенденцией к первой трети этого столетия.

Немногочисленность находок рассматриваемых амфор в сравнении с типам С Snp I и В Snp III указывает на непродолжительное производство и незначительный его объем³. По всей видимости, амфоры А Snp I были заключительным этапом эволюции амфор Sin VI. Дальнейшее развитие синопской тары римского времени пошло по линии С Snp I–III (Carotte).

Библиография

АЙБАБИН А. И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // Советская археология. 1984. N 1. С. 104–122.

АЙБАБИН А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии: Сб. научн. тр. 1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.

АЙБАБИН А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. — Симферополь: Дар, 1999. 352 с.

АЙБАБИН А. И., ХАЙРЕТДИНОВА Э. А. Крымские готы страны Дори (середины III–VII в.). Симферополь, 2017.

БЛАВАТСКИЙ В. Д. Харакс // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 19. С. 250–291.

ВНУКОВ С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. — II в. н. э. (морфология). Москва: Институт археологии РАН. М., 2003. 235 с.

³ Показательно полное отсутствие амфор А Snp I в музейных коллекциях Турции, резко контрастирующее с обилием амфор С Snp I того же центра производства [Kassab Tezgör 2010: 124; Kassab Tezgör 2021].

ЗЕЕСТ И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА.1960. N 83. 180с.

САЗАНОВ А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VII. Москва-Магнитогорск, 1999. С. 224–293.

САЗАНОВ А. В. Джон Вильям Хейс и его «Late Roman Pottery»: 47 ans après // III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». Материалы конференции. Москва, 2019. Том I. С. 233–39.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф., ВЫСОТСКАЯ Т.Н., РЫЖОВА Л.А., ЖЕСТКОВА Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз-10» // Stratum plus / 2003–2004. № 4.

УШАКОВ С.В., ДОРОШКО В.В., КРОПОТОВ С.И., МАКАЕВ И.И., СТРУКОВА Е. В. Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // Херсонесский сборник. 2006. Вып. 15. С. 191–216.

УШАКОВ С.В., ДЮЖЕНКО Т.В., СТРУКОВА Е. В. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал ХСVII, помещение 4) // Археологический альманах, № 32. Древняя и средневековая Таврика.Симф., 2015. С. 108–156.

BÖTTGER, B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus. In: Iatrus-Krivina. Bd. II. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Ergebnisse und Ausgrabungen 1966–1973. Berlin, 1982.

KASSAB TEZGÖR D. Fouilles des ateliers d'amphores à Demirci près de Sinope en 1994 et 1995, Anatolia Antiqua 1996. IV. P. 335–354.

KASSAB TEZGÖR D. Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travau (Varia Anatolica, 22) Istanbul-Paris: Inst. Français d'Études Anatoliennes Georges Dumézil. De Boccard 2010. 209p.

KASSAB TEZGÖR D. Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire. Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya). Oxford: Archaeopress Roman Archaeology 74. 2021.

KEAY S. Late Roman Amphorae in the Western Mediterranean. A typology and economic study: the Catalan evidence», BAR International Series, 196, 1984, XXVI+738pp., 230 figuras.

VNUKOV S. Sinopean Amphorae of the Roman Period //Ancient Civilizations from Scythia to Siberia 16 (2010) 361–370.

Самарина М. С.

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ИТАЛЬЯНСКАЯ ДИАСПОРА КЕРЧИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ

Samarina M. S.

THE ITALIAN DIASPORA OF KERCH: PROBLEMS OF DEVELOPMENT AND PROSPECTS OF PRESERVATION

Северное Причерноморье и Крымский полуостров, в силу специфики своего географического положения на перекрестке исторических перемещений различных племен на протяжении тысячелетий, обладают особой геополитической значимостью. На этой территории издавна переплетались интересы многих государств, империй и цивилизаций. Начиная с доисторических времен, крымская земля видела множество массовых миграций, появлений новых государственных образований и кровопролитных сражений, слияние различных народностей, в результате чего на полуострове образовался специфический этнический и лингвистический конгломерат. На сегодняшний день на Крымском полуострове проживают представители более 100 национальностей (русские, украинцы, татары, армяне, греки, поляки, немцы, турки, караимы, итальянцы, швейцарцы, румыны и др.).

Этногенез и лингвистическая картина Крыма и северного Причерноморья представляет особый интерес не только ввиду своей сложности и разнообразия, но и по причине острой дискуссионности, возникающей при рассмотрении драматической истории этого интереснейшего ареала, а также проблем и перспектив развития различных народов Крыма в новых культурно-политических условиях.

На кафедре романской филологии филологического факультета СПбГУ существует длительная традиция изучения лингвистики Северного Причерноморья, связанная с деятельностью академика В. Ф. Шишмарева, на протяжении нескольких десятилетий изучавшего романские диалекты Крыма в диалектологических экспедициях 20–30 гг. XX в. Результат его исследований — монография «Романские поселения на юге России» [Шишмарев 1975], а также статьи и рукописные материалы.

Итальянская диаспора Северного Причерноморья является довольно малочисленной, но, тем не менее, исторически значимой, в значительной мере сформировавшей современную этническую, лингвистическую и культурологическую картину этого ареала.

Итальянцы появились в Крыму в эпоху Средневековья (генуэзцы, венецианцы и пизанцы), основав там свои колонии. В XVIII в. после присоединения Крыма к России (1773 г. Кучук-Кайнаджирский мир) приток колонистов еще более усилился: на территории Новороссии (именно тогда возник этот термин, обозначающий земли на северном побережье Черного моря) стали возникать немецкие поселения, к которым прибавились и новые итальянские колонии. Всего к XIX в. в Северном Причерноморье насчитывалось около 60 итальянских колоний различной величины и значимости.

Самая большая и компактная итальянская диаспора находилась на востоке Крыма в Керчи; там активно поддерживалась итальянская идентичность и звучала итальянская речь (ее различные диалекты).

Суровые времена для итальянской диаспоры Керчи настали в 30–40 гг. XX в. После 1933 г. многие итальянцы были арестованы по подозрению в связях с фашистском режимом Муссолини и сосланы в Сибирь. Но настоящая катастрофа произошла зимой 1942 г., когда по распоряжению НКВД было депортировано (эта же участь постигла и немцев, и греков и другие диаспоры) в Казахстан практически все итальянское население Керчи (438 человек). Последствия депортации были катастрофичны, прежде всего, с демографической точки зрения: многие погибли в пути, многие были расстреляны; до места назначения (лагерного поселения с тяжелейшими условиями) добрались немногие. Лингвистические по-

следствия также были катастрофическими: итальянцы стали отказываться от родного языка, а также, из страха перед репрессиями, скрывать собственную национальную принадлежность.

Вернуться в Крым итальянцам было позволено только после 1953 г. Борьба за реабилитацию репрессированного итальянского народа продолжалась несколько десятилетий, как при СССР, так и при суверенной Украине. Реабилитация произошла только после воссоединения Крыма с РФ, когда в Указ № 268 «О мерах по реабилитации...» от 21 апреля 2014 к перечню народов, подвергшихся депортации и незаконным политическим репрессиям, были добавлены и итальянцы. Возрождение итальянского элемента на Крымском полуострове встало в ряд первоочередных задач развития и сохранения культуры этого древнейшего перекрестка цивилизаций.

В настоящее время Правительство РФ принимает меры, нацеленные на восстановление исторической справедливости и на всестороннее духовное, политическое и социальное возрождение этого древнейшего этноса: оказывается помощь по сбору исторических документов и публикации материалов, проводятся и генетические исследования по новейшим технологиям, в результате которых выяснилось, что итальянский этнический элемент на территории Северного Причерноморья является гораздо более многочисленным, чем полагалось ранее.

Решается и одна из важнейших задач — лингвистическая, так как за время политических бурь крымские итальянцы в значительной степени утратили свой язык и в настоящее время крымско-итальянский диалект находится на стадии вымирания. В этих условиях необходимо организовать для итальянской диаспоры преподавание итальянского языка как иностранного.

Один из важнейших факторов возрождения и сохранения национальной идентичности — это человеческий фактор. Не будем забывать, что ведущую роль в становлении и развитии итальянской диаспоры в Керчи сыграла нестигаемая Джулия Джаккетти-Бойко, благодаря деятельности которой диаспора в настоящее время живет полноценной жизнью, сохра-

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

няет национальные традиции древней итальянской культуры, не теряя при этом глубокой духовной связи со своей второй родиной — Россией.

Библиография

ВИНЬОЛИ Д., БОЙКО Ю. Неизвестная трагедия итальянцев Крыма. Керчь, 2007.

Сталинские депортации. 1928–1953. Документы / Сост. Л. Н. Поболь, П. М. Полян.— М.: Материк, 2005.

ШИШМАРЕВ В. Ф. Романские поселения на юге России. М.: Наука, 1975.

Сафонова Н. В.

Институт Востоковедения РАН, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ТВОРЧЕСТВО И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСМАИЛА-БЕЯ ГАСПРИНСКОГО

Safonova N. V.

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE WORK AND ACTIVITIES OF ISMAIL BEY GASPRINSKY

Про крымского ученого и богослова написано множество статей и монографий. Чаще всего его имя фигурирует в контексте такого явления, как джадидизм, который понимается как форма исламского модернизма, противостоящего «устаревшему» кадимизму. Но насколько дискурс европейского модерна применим к джадидизму?

Как правило, «усуль-аль-джадид» описывается исследователями с позиции европейского позитивистского взгляда, как прогрессистская идеология, которая объединит невежественных и «отсталых» мусульман на пути к прогрессу и просвещению. Однако И. Гаспринский и другие деятели его эпохи понимали джадидизм не так однозначно. Более того, идея, которая должна была объединить мусульман Российской империи могла различаться у представителей татарско-мусульманской интеллигенции и богословов и даже видоизменяться у одного автора в зависимости от языка публикации и жанра.

Так, говоря об издании «Терджиман» важно учитывать такое явление, как культурный билингвизм, при котором в статьях, написанных на русском языке, автор должен был учитывать официальное пространство, так называемого, «массового ориентализма», преобладающего в российской печати того времени. Возникает вопрос: а мыслил ли сам И. Гаспринский

в категориях отсталости/прогрессивности ислама и что понимал под обновлением ислама?

В советской литературе, как правило, делается акцент на образовательной деятельности мусульманского ученого и публициста, благодаря чему эпитет «великий просветитель» стал почти обязательным при любом его упоминании. В постсоветский период расширяется круг исследуемых вопросов, переводятся новые работы и публикуется обширная переписка Исмаила-бея с представителями российской интеллигенции. Историко-графический анализ работ, написанных в разное время о Гаспринском, позволяет проследить, как менялось восприятие его творческого наследия в трудах советских и российских ученых. Более того, введение в научных оборот новых источников, изменение методологических подходов и круг новых тем демонстрируют не только смещение научного интереса к деятельности Гаспринского, как мусульманского реформатора, но и позволяют лучше понять его идеи с точки зрения адаптации им ориенталистского дискурса.

Библиография

БЕССМЕРТНАЯ О. Понимание истории и идентичность автора в возражениях Атауллы Баязитова Эрнесту Ренану // *Islamology*. 2019, Т. 9. № 1–2. С. 54–82.

БУСТАНОВ А., ДОРОДНЫХ Д. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017, № 3. С. 112–133.

ГАФАРОВ А. А. Эволюция взглядов на проблему джадидизма в советской историографии 30–60-х гг. XX в. // *Вестник РУДН, серия История России*. 2014, № 2. С. 65–68.

ДЕМЕШКО Н. Э. Фальсификация идейного наследия Исмаила Гаспринского^[1] как технология «мягкой силы» // *ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы*. 2018, № 1. С. 122–129.

ГАСПРИНСКИЙ И. Русское мусульманство. Мысли заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. 45 с.

ГАСПРИНСКИЙ И. Полное собрание сочинений. Т. III. Публицистика: 1887–1890 гг. / Гл. ред. Р. С. Хакимов; сост. С. А. Сеитмететова. Казань — Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016–2019.

ЗАЙЦЕВ И. Новые документы об Исмаиле Гаспринском. Гасырлар авазы // Эхо веков. 2014, № 3/4. [Электронный ресурс]: URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2014_3_4/3/03/

ЗАЙЦЕВ И. В., КОТЮКОВА Т. В. «Шейх» и «мугаллим-устан»: письма Исмаила Гаспринского Александру Самойловичу // Minbar. Islamic Studies. 2020, № 13(3). С. 513–537.

Исмаил Гаспралы (1851–1914) и развитие татарского просвещения. Казань: Институт истории АН РТ. 2012, 240 с.

Ислам и советское государство: сб. документов/Сост., автор предисл. и примеч. Д. Ю. Арапов. Вып. 1–3. М., 2010–2011.

Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / Сост. и ред. С. М. Прозоров. Вып. 1–5; Т. I. М., 1998–2012.

ОСМАНОВ Ю. Б. Просветитель Востока Исмаил Гаспринский. — Симферополь: Бизнес-Информ. 2014. 312 с.

СЕНЮТКИНА О. Н. Джадидизм как часть российского исламского дискурса (современные историографические оценки) // Исламоведение. 2018, Т. 9, № 2. С. 15–29.

СЕНЮТКИНА О. Н. Исмаил Гаспринский: личность и время. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2577>

ТИХОНОВА Н. Е. Роль крымскотатарской газеты «Переводчик- Терджиман» в этнокультурном и политическом дискурсе в России в 1880–1910-е гг. // диссерт. на соискание уч. степени ... СПб, 2019.

УСМАНОВ М. А. О триумфе и трагедии идей Гаспринского // Россия и Восток. Казань, 1993. С. 3–15.

ЧЕРВОННАЯ С. М. Идея национального согласия в сочинениях И. Гаспринского // Отечественная история. 1992, № 1. С. 158–165.

Сейдалиева Д. Э.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

СЕРОГЛИНЯНЫЕ СФЕРОКОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ГОРОДИЩА СОЛХАТ ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРО-КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА¹

Seydalieva D. E.

GRAY-CLAY SPHERO-CONICAL VESSELS FROM THE SETTLEMENT OF SOLKHAT BASED ON THE MATERIALS OF THE STARO-KRYMSKAYA ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

При археологических исследованиях Солхатского городища среди множества находок в культурных слоях конца XIII — начала XV вв. нередко встречаются сфероконические сосуды. Вероятней всего, это связано с использованием их в быту и ремесленной деятельности [Нуретдинова 2021: 130]. Сфероконусами называют небольшие толстостенные, узкогорлые сосуды шарообразной или вытянутой формы с заостренным дном, предназначавшиеся, вероятно, для перевозки ртути, благовоний и других дорогостоящих препаратов [Лунин 1961: 255–266; Михайличенко 1974: 95–99; Волков 1994: 97–99; Ртвеладзе

¹ Работа выполнена в рамках проекта по госзаданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

1974: 282–284]. Стенки сфероконусов обладали высокой прочностью, что, вероятно, связано с их функциональным назначением. Сфероконические сосуды, предположительно, изготавливались на круге или дорабатывались на нем, о чем свидетельствуют концентрические линии на их внешней стороне [Вактурская 1959: 313–315]. По мнению И. Н. Васильевой, рассмотревшей технологию производства сосудов Болгарского городища, сфероконусы изготавливались гончарами путем выдавливания двух отдельных частей из комков глины и последующего их соединения. «Морщинистость» внутренней стороны сфероконусов свидетельствует о том, что место, где должна быть шейка сосуда, сжималось снаружи по объему вставляемой в отверстие палочки или пальца гончара [Васильева 1988: 128]. Встречаются сосуды с обточенным ножом дном. Обжиг сфероконусов происходил в двухъярусных гончарных горнах, имеющих подпрямоугольные загрузочные камеры со специальными перегородками в устьях и в топке. Сосуды располагались на сооруженной для этой цели полке или в особом отсеке [Лунин, 1961: 85–99].

Исследователи начали обращать внимание на сфероконические сосуды еще в начале XIX в. [Джанполадян 1982: 6]. С начала XX в. ученые публикуют находки данных изделий с золотоордынских городищ, разрабатывают подробные классификации, предполагая, что изготавливались они в мусульманских странах [Виноградов, 1922: 75–119; Ртвеладзе 1974: 281]. Некоторые исследователи обращали внимания на орнаментацию [Михайличенко 1974: 46–50; Федоров-Давыдов 1994: 142–143, 147]. И. В. Волков рассматривал сфероконусы и пришел к выводу, что они изготавливались в Волжской Булгарии, Укеке, Маджаре, Сарае (Селитренное городище), в Восточном Крыму (Каффа), а также в Хорезме [Волков 1994: 97–99]. Р. М. Джанполадян пишет, что сфероконусы известны в Малой и Средней Азии, Закавказье, Северном Кавказе, Поволжье, Крым, Болгарии. На востоке также встречаются в Монголии, а на западе доходят до Милета [Джанполадян 1982: 13].

Аналогичные изделия встречаются на многих городищах золотоордынского периода, к примеру, в Азове [Юдин 2016: 140, рис. 13, 3], Маджаре [Ртвеладзе 1974: 281, рис. 1,10], Хорезме [Вактурская 1959: 313–315], на Царевском [Нуретдинова 2021: 130–140] и Селитренном [Нуретдинова 2018: 17] поселениях, происходят из раскопок Ани, Двина [Джанполадян 1982] и др.

С 1978 по 2021 год при археологических исследованиях Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа обнаружено около 77 фрагментов и целых форм сфероконусов (сероглиняные, красноглиняные и желтоглиняные), размеры которых варьируется в пределах 8–10 см (диаметр), высота около 12–15 см. Среди них 40 изделий изготовлены из глины серого цвета (52%). Для данной публикации было отобрано 26 наиболее показательных экземпляров. Практически все сосуды, используемые в работе, происходят из закрытых комплексов, четко датируемых монетами конца XIII — началом XV вв. Для классификации сфероконических сосудов за основу взята схема, представленная в работе А. Р. Нуретдиновой [Нуретдинова 2021: 131–133], но с некоторыми доработками.

Сероглиняные сфероконусы, обнаруженные в Солхате, условно можно разделить на **несколько вариантов** по орнаментации:

I вариант: Изделия, тулово которых украшено так называемыми «арками», пространство между которыми заполнено «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. Некоторые экземпляры встречаются с «овалами», которые также заполнены этим «кольчужным» штампом. Высота варьируется от 12 до 14 см, диаметр тулова около 9,5–10 см. Количество арок варьируется (по аналогичным экземплярам с других городищ) от 7 до 9 см. На отдельных сосудах на плечиках встречается стилизованный цветок (Рис. 1,2–11).

II вариант: Изделия, тулово которых украшено так называемым «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. В своем большинстве встречаются вертикальные двойные или пересекающиеся между собой линии, либо зигзагообразные двойные линии. Высота не превышает 13,5 см, диаметр тулова достигает до 9,5 см (Рис. 1,1; Рис. 2,15–18).

III вариант: Неорнаментированные сфероконусы. На некоторых единичных изделиях встречается штамп в виде оттиска арабской надписи. Диаметр тулова около 8,5–9,7 см (Рис. 3,20–21,24–25).

IV вариант: Изделия, тулово которых орнаментировано вертикальными или горизонтальными врезными параллельными друг другу линиями, которые идут по всему корпусу (в разных вариациях). Иногда встречаются в верхней части изделия стилизованные цветки. Высота изделия достигает до 15 см, диаметр тулова до 10 см. (Рис. 3,19,23,26)

V вариант: Все тулово сфероконуса покрыт рельефным орнаментом в виде горизонтальных рядов мелких выпуклых розеток, в месте перехода к горлу имеется концентрическая врезная линия. По плечу и тулову горизонтальные пояса, покрытые сложным штампованным орнаментом. По плечу пояс орнамента в виде овального штампа многолепестковых розеток. В средней части тулова пояс орнамента из круглого штампа многолепестковых розеток с отходящими листьями. По всей видимости, узоры штамповались и накладывались хаотично. Высота изделий достигает 14 см. Диаметр до 12 см (Рис. 2,12–14)

Таким образом, мы попытались систематизировать и классифицировать сфероконические сосуды из раскопок Солхатского городища и ближайшей округи. Наиболее распространены среди них сероглиняные сосуды с «кольчужным» или «сотовым» орнаментом. По формовочной массе, мы можем предположить, что данные сфероконусы изготавливались на территории Средней Азии, в Хорезме и Термезе [Вактурская 1959: 314–315], что демонстрирует устойчивые торгово-экономические связи столицы золотоордынского Крыма с азиатскими регионами Улуса Джучи.

Библиография:

ВАКТУРСКАЯ Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1959. Т. IV.

ВАСИЛЬЕВА И.Н. О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. 1988.

ВИНОГРАДОВ З.З. Сферо-конические сосуды с узким горловым отверстием // КМВ. 1922. № 2.

ВОЛКОВ И.В. Распространение сфероконусов в Золотой Орде как отражение международной торговли // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы докладов VII международной научной конференции (17–21 мая 1994 г.). Ростов на Дону: Изд-во Ростовского пед. ун-та, 1994.

ДЖАНПОЛАДЯН Р.М. Сфероконические сосуды из Двина и Ани. / Средневековые памятники. Вып. IV. Ереван, 1982.

ЛУНИН Б.В. К вопросу о функциональном назначении сфероконических сосудов в связи с одним рукописным источником XVI в. // ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961.

МИХАЙЛИЧЕНКО С.Е. Сфероконусы Поволжья // КСИА АН СССР. Вып. 140. Л., 1974.

НУРЕТДИНОВА А.Р. Сфероконические сосуды из старых собраний (XIX— начало XX вв.) музеев России. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 108 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/F_1521378007/Sferokonusy_elektr..izdanie.pdf (дата обращения: 25.11.2021).

НУРЕТДИНОВА А.Р. Сфероконические сосуды Царевского городища // Археология Евразийских степей. Вып. 4. 2021. С. 130–140.

РТВЕЛАДЗЕ Э.В. Сфероконические сосуды из Маджар // Советская археология. Вып. № 4. М., 1974.

ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1994.

ЮДИН Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2014 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг.: / Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; Вып. 29. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2016.

Сорокин А. А.

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX в. И ПРОЕКТЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Sorokin A. A.

PROBLEMS OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TAURICA PROVINCE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY AND PROJECTS OF THEIR SOLUTIONS

В начале XX в. одним из важных каналов коммуникации власти и общества (в первую очередь, в лице представителей земского и крестьянского самоуправления) по ключевым проблемам социально-экономического и общественно-политического развития Российской империи стало Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С. Ю. Витте. В рамках его деятельности учреждались уездные и губернские комитеты, которые должны были предложить решения целого ряда связанных с развитием сельского хозяйства вопросов, а также могли возбуждать рассмотрение иных вопросов, которое могли бы иметь отношение к этой отрасли [РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 134: 112].

В Таврической губернии действовало восемь уездных (Бердянский, Днепровский, Евпаторийский, Мелитопольский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский) и один губернский комитет, которые возглавлялись уездными предводителями дворянства и губернатором соответственно. В их состав вошли председатели и члены зем-

ских управ, представители земства, земские начальники, представители ведомств, землевладельцы и иные лица, приглашенные председателями комитетов в качестве «сведущих».

Согласно заключениям уездных комитетов, самым ключевым в губернии являлся вопрос о развитии образования. Для его решения предлагались следующие меры: введение всеобщего начального образования, повышение уровня специального образования (прежде всего сельскохозяйственного), упрощение порядка открытия школ для учреждений и частных лиц, изменение школьной программы в сторону повышения доли прикладных дисциплин (природоведение и т. д.), установление преемственной связи между низшими, средними и высшими учебными заведениями, снятие ограничений для желающих получить среднее и высшее образование, развитие внешкольного образования и просветительской деятельности [Свод заключений: 12–15].

Следующим по значимости являлся вопрос корректировки государственной финансовой политики. С точки зрения большинства комитетов, покровительство крупной обрабатывающей промышленности за счет широкой системы косвенных налогов «ложится тяжелым бременем на сельского хозяина», вынужденного фактически оплачивать пошлины за ввоз зарубежной сельскохозяйственной техники и за вывоз продукции (хлеба, шерсти и т. д.). В связи с этим комитеты ходатайствовали об отмене покровительственной системы или уменьшении пошлин за ввоз сельскохозяйственных машин, орудий и материалов их производства (железа, стали, чугуна, угля). Что касается косвенных налогов, то комитеты выступали за их отмену или уменьшение и переход к подоходному налогу, причем Симферопольский комитет настаивал на прогрессивной шкале [Свод заключений: 18].

Важным также являлся вопрос о крестьянском малоземелье. Подчеркивалось, что большинство сельского населения может серьезно рассчитывать на улучшение своего хозяйственного быта при условии, если будет иметь возможность использования земельных участков такого размера, чтобы произведенной продукции хватало и на обеспечение

семьи, и на уплату повинностей и сборов. Решение этой проблемы виделось в переселении нуждающихся в земле крестьян на казенные земли, а также в предоставлении вакуфных земель татарам. Особая роль в этом процессе также отводилась Крестьянскому банку [Свод заключений: 19]. Вместе с тем допускалось переселение и за пределы Крыма: «Разрядив чрезмерно густое население в таких местностях, переселение это вместе с тем увеличило бы продуктивность пустующих и почти не приносящих дохода обширных пространств земли на окраинах России и в Сибири» [Свод заключений: 19].

Значимой социальной проблемой было пьянство. Симферопольский и Ялтинский комитеты в связи с этим сочли необходимым ходатайствовать о предоставлении права сельским обществам закрывать винные лавки на их территории, а также ввести лекционную и просветительскую деятельность о вреде пьянства [Заключения комиссий: 189–190; Протокол заседания 16 ноября 1902 г.: 251].

На заседаниях губернского комитета в декабре 1902 г. эти предложения и инициативы были рассмотрены и получили свою оценку. В частности, проекты развития образования нашли широкую поддержку. Отмечалось, что «умственный и сельскохозяйственный успех деревни, несомненно, определится числом лиц, могущих этому содействовать своим образованием». В связи с этим предлагалось уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, в том числе и для ликвидации дискриминационного положения о необходимости увольнения из прав сельского состояния желающих поступить в высшие учебные заведения [Протокол заседания 13 декабря 1902 г.: 5]. В качестве иных мер губернский комитет постановил одобрить введение всеобщего образования, включение природоведения как прикладной дисциплины в школьную программу, увеличение числа низших сельскохозяйственных школ, издание популярной литературы по сельскому хозяйству, устройство тематических съездов, выставок и музея, развитие сельскохозяйственного образования, в том числе за счет увеличения числа специалистов по виноградарству, пчеловодству, садоводству, а также

земских агрономов, которые могли бы консультировать местное население [Протокол заседания 13 декабря 1902 г.: 6].

Поддержаны были и предложения по борьбе с малоземельем. Комитет подчеркнул, что приоритетом в этом вопросе должно быть расселение нуждающихся внутри губернии, и лишь в качестве крайней меры — переселение на свободные земли за ее пределами. Для этого предлагалось сдавать в долгосрочную аренду казенные земли. Также члены комитета призывали «воспользоваться эмиграционным движением в среде татарского населения», т. е. скупать за счет правительства эти земли и затем переселять на них необеспеченных земледельцев. Помимо этого, в качестве источника решения проблемы малоземелья крымских татар рассматривались вакуфные земли и капиталы упраздненных мечетей [Протокол заседания 12 декабря 1902 г.: 3–4].

Что касается финансовой политики, то, несмотря на отдельные реплики о «принципиальном вреде финансовой политики, основанной на покровительственной системе», комитет подчеркнул «заслуги нашего таможенного законодательства перед отечественной промышленностью» и постановил ограничиться пересмотром этой системы в целях ее согласования с нуждами сельского хозяйства, а также «перенесением центра ее тяжести» с косвенных налогов на подоходный [Протокол заседания 12 декабря 1902 г.: 3; Протокол заседания 13 декабря 1902 г.: 5]. Никаких мер не было предложено по борьбе с пьянством.

В целом же губернская и уездные власти ключевые социально-экономические проблемы губернии вычленили как соответствующие общероссийским и предлагали комплексные механизмы их решения. В дальнейшем эти вопросы будут вынесены на повестку деятельности Государственной Думы и правительства в условиях функционирования думской монархии (в том числе будут определять содержание части выступлений депутатов Государственной Думы от Таврической губернии, особенно по проблеме вакуфных земель).

Библиография

РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 134.

Заключения комиссий, избранных 8-го октября Симферопольским уездным комитетом о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Симферопольском уезде // Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 179–198.

Протокол заседания 16 ноября 1902 г. Ялтинского уездного комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 249–251.

Протокол заседания 12 декабря 1902 г. Таврического губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 2–4.

Протокол заседания 13 декабря 1902 г. Таврического губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 5–11.

Свод заключений уездных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности населения Таврической губернии // Труды местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XL: Таврическая губерния. СПб., 1903. С. 12–31.

Стоянова А. А.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

Шабанов С. Б.

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», г. Симферополь

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ
И КРЫМСКИЕ ВАРВАРЫ:
ОПОСРЕДОВАННЫЕ КОНТАКТЫ?**

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ХИМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
СТЕКЛА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Stoyanova A. A.

Shabanov S. B.

MEDITERRANEAN PRODUCTION CENTERS AND
CRIMEAN BARBARIANS: INDIRECT CONTACTS?
SOME RESULTS OF THE CHEMICAL ANALYSIS OF GLASS
FROM THE BURIAL GROUNDS OF THE FOOTHILL CRIMEA
OF THE ROMAN PERIOD

Типичными категориями инвентаря в могильниках предгорного Крыма первых веков н. э. являются стеклянные сосуды и бусы. В морфологическом отношении эти предметы изучены неплохо, однако вопрос о центрах их производства до сих пор остается открытым. В решении этой проблемы важное значение имеют исследования состава стекла, которые для крымских находок ранее почти не проводились. В данном сообщении приведены некоторые предварительные результаты химического анализа стеклянных предметов из могильников Дружное, Нейзац и Опушки¹.

¹ Определение химического состава образцов стеклянных сосудов вы-

Стеклянные сосуды

Материалами исследований стали 46 образцов стеклянной посуды из указанных памятников. Один образец датирован I в. до н.э. — I в. н.э., два — II — первой половиной III в. н.э., еще один — второй половиной III в. н.э. Остальные сосуды датируются IV в. н.э.

Из могильника Дружное исследованы 4 образца — три стакана и колба. Стекло относится к типу натриево-кальциево-кремнеземных (soda-lime-silicaglass), имеет состав, типичный для стекла, сваренного на природной соде, в котором содержание K_2O не превышает 0,62%, MgO — 0,82%. В качестве обесцвечивателя был использован марганец (содержание MnO_2 —1,0–1,8%). Примесей Cu , Co , Sb и Pb не обнаружено.

Из могильника Нейзац изучено 30 образцов. В выборке преобладают стаканы разнообразной формы, кувшины и тарелка. Все стекло из Нейзацкого некрополя, как и из Дружного, относится к типу натриево-кальциево-кремнеземного, т.е. содовому. Максимальное содержание K_2O по всей выборке составляет 0,88% (в среднем 0,50%), максимальное содержание MgO — 1,13% (среднее значение 0,75%).

Из могильника Опушки для анализа отобраны 12 образцов, представленные стаканами разных типов, чашей и двумя сосудами неопределимой формы. В их составе отмечено максимальное содержание K_2O — 0,94%, среднее значение — 0,63, максимальное содержание MnO — 0,91% (среднее 0,59%).

Стеклянные бусы

Анализ произведен для 40 бусин из могильника Опушки. Большинство экземпляров монохромные различных цветов, 6 бусин сделаны из полихромного стекла (с глазчатым и полосатым орнаментом),

полнено кандидатом геолого-минералогических наук Т. Н. Лубковой методом электронно-зондового (рентгеноспектрального) микроанализа в лаборатории локальных методов исследования вещества геологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках проекта № 19-59-23001 «Население Горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты».

3 экземпляра — из стекла с внутренней металлической прокладкой, 2 пронизи — из т.н. египетского фаянса. 29 бусин происходит из комплексов I–II вв. н.э., 7 бусин — из погребения II — первой половины III в. н.э., 1 образец — из могилы III в. н.э., 1 бусина — из захоронения IV в. н.э., две бусины затруднительно датировать уже, чем I–III вв. н.э.

Большинство стеклянных бусин изготовлено из содового стекла, в котором содержание K_2O не превышает 1,51%, MgO — 1,69% (средние значения, соответственно, 0,9% и 0,65%). Четыре бусины сделаны из стекла зольного типа с повышенным содержанием K_2O и MgO . Для обесцвечивания стекла применялись специальные примеси — оксиды марганца и сурьмы. Сурьма также использовалась в качестве глушителя в непрозрачных стеклах. Интересно, что сурьму содержат все бусы из глухого белого стекла и те образцы, где белое стекло использовалось в орнаменте. В одном образце присутствуют и сурьма, и марганец одновременно, что может указывать на использование стеклобоя. Различные примеси добавляли для окрашивания стекла. Так, в составе синих стекол присутствуют оксиды кобальта и меди. Повышенное значение оксида меди отмечено в бусах из зеленого стекла. Темная окраска (темно-лиловые и черные бусы) связана преимущественно с присутствием соединений марганца. Желтый цвет стеклу придавал оксид железа. Стекло красного цвета характеризуется высоким содержанием оксидов свинца (11,2–21,8%) и меди (2,6–7,9%). Две бусины оказались двуслойными, причем состав обоих слоев типичен для зольного стекла.

Интересны результаты исследований бус с металлической прокладкой. Они сделаны из содового стекла. В бусах из комплексов I — начала II в. н.э. для обесцвечивания использовался марганец, а экземпляр из погребения конца II — первой половины III в. н.э. был обесцвечен сурьмой. Отмечены различия и в составе металлической фольги. Установлено, что она выполнена из золота с примесью серебра², причем в бусине из комплекса II — первой половины III в. н.э. отмечено большее содержание серебра, чем в украшениях более раннего времени.

² Анализ металла выполнен Т. Н. Лубковой методом электронно-зондового анализа и РФА-ЭД (спектрометр Termo Niton FXL-950).

Специфическим составом характеризуются бусины из т. н. египетского фаянса, состоящие из стекловидной основы, покрытой глазурью бирюзового цвета. Основа сделана из содового стекла, но содержание MgO в нем значительно ниже, чем в обычном стекле (5,8–6,1%). В стекле присутствует множество микровключений зерен кварца, плагиоклазов, единично — ильменита. Бирюзовую окраску глазури обуславливает большое содержание оксида меди (более 5%)

Результаты рентгеноспектрального микроанализа сосудов и бус показали, что по составу стекло соответствует основным группам стекла, которые были распространены на территории Римской империи и ее периферии в первые века новой эры. Наиболее вероятным местом изготовления этих предметов можно считать стекловаренные центры Сиро-Палестинского региона, Северного Египта и Синая. Несколько бусин, сделанных из зольного стекла, скорее всего, были произведены в месопотамских мастерских. Анализы образцов сосудов показали высокую степень соответствия состава стекла из всех трех могильников. Следовательно, стеклянная посуда поступала к людям, хоронившим в разных (хотя и близких друг к другу) местах крымских предгорий, из одних и тех же центров производства.

Стеклянные сосуды и бусы является свидетельством существования тесных контактов между Северным Причерноморьем и другими территориями античного мира. Скорее всего, к варварам Таврики эти вещи попадали не напрямую из центров их производства, а через северопричерноморские античные государства Боспорского царства и Херсонеса. Более глубокое изучение результатов анализов позволит выявить общие черты и особенности в химическом составе отдельных типов стеклянных изделий, а полное введение в научный оборот всех анализов — использовать их в решении вопросов происхождения и распространения стекла в I тыс. н. э.

Супренков А. А.

Институт археологии РАН, г. Москва

Топоривская М. А.

Институт археологии РАН, г. Москва

**О «МАЛЫХ» ФОКЕЙКИХ КОЛОНИЯХ
СЕВЕРО-ЗАПАДА.
ПИСЬМЕННАЯ ТРАДИЦИЯ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ.
НА ПРИМЕРЕ РОДЭ**

Suprenkov A. A., Toporivskaya M. A.

**ABOUT THE «SMALL» PHOCAIC COLONIES OF
THE NORTH-WEST. WRITTEN TRADITION AND
ARCHAEOLOGICAL REALITIES».
ON THE EXAMPLE OF RODE**

Фокейская колонизация сыграла значительную роль в общеисторическом феномене «Великой греческой колонизации». Одним из основных её направлений было Северо-Западное Средиземноморье. Самой крупной и известной колонией в этом регионе стала Массалия, основанная греческими мореплавателями на побережье Лионского залива на рубеже VII–VI вв. до н.э. Менее масштабной, но также сыгравшей свою роль в политико-экономической жизни северо-запада эллинской ойкумены, стал город Эмпорион, основанный приблизительно в это же время на побережье залива Росас в Каталонии. Ранее нами обобщённо освещались исторические этапы развития этих колоний в греческий период [Супренков 2011, 2012], а в последнее время обсуждались особенности организации их сельских территорий [Супренков, Топоривская 2021]. Напомним, что согласно Страбону, массалиоты отдавали предпочтение

земледелию и морским занятиям (Strabo, IV, 5), а в «традиционной» историографии Массалия и Эмпорион вовсе считались «городами без территории, основанными исключительно с торговыми целями» [Martin 1973: 99]. Впоследствии этот тезис неоднократно оспаривался, и сегодня никто не отрицает наличия у этих колоний каких-то сельских территорий, особенность организации которых, тем не менее, где-то подтверждает правоту Страбона [Супренков, Топоривская 2021: 271].

Кульминацией же морского развития Массалии считается основание ей суб-колоний на побережье к западу и востоку от города (рис. 1)¹, которое имело место в конце V–III вв. до н. э. Страбон, перечисляя их, называет Рое, Агафу, Тавроентий, Ольбию, Антиполь и Никею² (Strabo, IV, 5). Ранее нами давался общий комментарий касательно этого пассажа автора [Топоривская 2021: 12–15], и подчёркивалось, что не все из перечисленных им городков на сегодняшний момент точно локализованы археологически.

Коснёмся сегодня самого западного среди них — колонии Родэ на северном побережье залива Росас в одноимённом городе в Каталонии. Соответствующие античные постройки и культурные напластования были найдены на территории средневековой крепости *Citadella de Rosas* (рис. 2). Касательно времени основания этой колонии, а также происхождения основателей, письменные источники приводят нас к ряду противоречий. Читая Псевдо-Скимна (GGM 1, 204) мы находим: «... греческие города, колонизованные фокейцами из Массалии; первый — Эмпорион, второй — Родэ, ранее основанный родосцами...». У Страбона (III, 4, 8) — «... здесь же находится Родос, небольшой город эмпоритов, ранее, как говорят, основанный родосцами». В другом тексте этого же автора (XIV, 2, 10) — «... до начала Олимпийских игр родосцы достигали Иберии, где они основали Родэ, впоследствии перешедшую к Массалии...»³.

¹ Перевод топонимов на карте М. А. Топоривской.

² Перевод топонимов Г. А. Стратановского.

³ Перевод с греческого М. Х. Пена [Pena 2000: 109], с французского — автора.

Прежде всего, по мнению современных исследователей, топоним «Рое» в тексте Страбона, где перечисляются колонии, следует читать именно «Родэ». Издатель автора XIX в. Г. Крамер, основываясь на тексте Псевдо-Скимна, исправил «Рое» на «Роданусию», что, по-видимому, ошибочно [Puig Grissenberger 2010: 80]. Если же следовать более подробному пассажу Страбона (XIV, 2, 10), то поселение должно было быть основано до начала VIII в. до н.э. — за два столетия до Массалии и Эмпориона (!?). Ряд отечественных исследователей не отрицает основания города в архаический период, но несколько позднее — в VI в. до н.э., с момента притока фокейских беженцев на запад после разгрома Фокеи Гарпагом, или же, чуть раньше, в начале этого века [Циркин 2011: 114].

Обратимся к данным археологии. Систематические археологические работы на территории Цитадели Росас проводились, начиная с 1993 г. Полученный самый ранний археологический материал датируется началом первой четверти IV в. до н.э. Не очень масштабные по площади работы не позволяют точно ответить на вопрос, существовало ли на месте Родэ какое-либо туземное поселение. Соответствующие культурные слои и постройки обнаружены не были, однако значительное преобладание амфор иберийского производства (около 75%) в период второй четверти — середины IV в. до н.э. не исключает такой вероятности [Puig Grissenberger 2010: 80]. Ближайшим же известным крупным поселением индикетов в окрестностях Родэ является оппидум Пералада, расположенный в 18 км к северо-востоку [Супренков 2018: 128]. Отметим, что первая четверть IV в. до н.э. в целом совпадает с морской экспансией Массалии, побережье у берегов Родэ служило прекрасной гаванью, а близость туземных поселений, перешедших в этот период на развитую систему сельского хозяйства, открывали широкие возможности для торговли. По мнению ряда авторов, основание Родэ требовалось Массалии как для приобретения иберийской сельскохозяйственной продукции, так и для создания конкуренции Эмпориону, доминировавшему в торговле в этом регионе [Campo 2018: 323].

В пользу этой версии говорит то, что в последующий период — сере-

дина — вторая половина IV в. до н.э., мы наблюдаем в Родэ преобладание массалийских амфор над прочими, а местное керамическое производство здесь имитирует светлоглиняную керамику из Массалии, впрочем, при сохранении значительного числа иберийской керамики. Экономика города в этот период развита ограниченно, возможно, что он выполняет роль второстепенного порта Эмпориона или Массалии.

Для периода последней четверти IV — начала III вв. до н.э. характерен, по всей видимости, отход города от экономического влияния Массалии, и в его архитектуре появляются черты независимого полиса. Сооружаются общественные постройки, возможно, храм, а также известный «эллинистический квартал», расположенный недалеко от портовых сооружений [Puig 2012: 88]. Это ремесленный район, где были найдены мастерские по производству местной светлоглиняной чернолаковой керамики. Этот же период совпадает и с началом производства собственной монеты (рис. 3), а также с резким сокращением числа амфор из Массалии, торговля которой начала, вероятно, в этом момент в большей степени переориентироваться «к востоку» [Puig Grissenberger 2010: 83].

В Роде же наблюдается развитие портовых построек. Этот порт, как и порт Эмпориона, был удобно расположен географически, а родосскую чернолаковую керамику находят на широкой территории иберийского побережья. По мнению ряда исследователей, гавань Родэ, более удачно расположенная географически, способствовала приоритету морской торговли, в то время как Эмпорион занимался распределением импортной продукции на иберийский рынок в основном по сухопутным путям [Principale-Ponce 1998: 181–183]. Не исключено, что к концу IV столетия до н.э. Родэ переживает и демографический подъём, синхронный по времени с появлением эллинистического квартала и керамических мастерских. В город могли прибыть местные жители — конец IV в. до н.э. соответствует периоду запустения на оппидуме Перелада. Параллельно в это время возрастает и количество иберийских амфор [Puig Grissenberger 2010: fig. 62].

Жизнедеятельность колонии не прерывается в течение всего III в. до н.э., хотя в середине столетия имеют место признаки денежного

кризиса — в период 240–230 гг. до н.э. прекращается выпуск серебряных драхм, и в последних эмиссиях монеты становятся легче. Производство бронзовых номиналов не прерывается.

Отметим, что начало Пунических войн Родэ встречает «мирно» — здесь, как и в Эмпорионе, мы не видим реконструкции фортификации. Судя по всему, в начальный период оба города избежали потрясений войны [Marcet, Sanmarti 1990: 27]. Но всё же, в силу политической нестабильности их рынки сбыта, по-видимому, переориентируется на ближайшие туземные окрестности. Что касается ввоза продукции в Родэ, то пунические амфоры в этот период преобладают над италийскими. Производство же зерновых в регионе остаётся на прежнем уровне — зерновые ямы в окрестностях Понтоса и Пералады функционируют вплоть до рубежа III–II вв. до н.э.

Ситуация обостряется с прибытием в Эмпорион Катона в 195 г. до н.э. Согласно Титу Ливию (XXXIV, 8), Котон подчиняет испанцев, проживающих в Родэ, ещё до высадки в Эмпорионе. Возможно, это стало следствием значительного варварского присутствия среди жителей города. Родэ не смогла приспособиться к римскому приходу, либо в силу этого фактора, либо же по экономическим причинам. Так или иначе, жизнь в колонии, как и на иберийском оппидуме Ультястретте, прерывается именно в этот момент. Часть исследователей полагает, что этому могла способствовать и конкурентная борьба со стороны Эмпориона или Массалии. Какая-то жизнедеятельность могла иметь место в порту Родэ и после запустения города. Подводные раскопки обнаружили в её акватории керамику II–I вв. до н.э. Возможно, гавань Родэ функционировала в это время как вспомогательный порт Эмпориона. [Pujo1 2002: 144–149].

Таким образом, беглое сравнение данных письменных источников с археологией на сегодняшний момент не даёт ответа на ключевые вопросы. «Раннее», родосское освоение городка не подтверждается археологически, хотя не станем категорично отказываться от прямого письменного указания на это. Отметим, что единичные находки архаической керамики из Восточной Греции всё-таки встречаются и в Иберии и на юге

Франции. Освоение же Родэ Массалией логично в её общем процессе освоения территорий, так, к примеру, чуть раньше была основана Агатэ [García 1995: 146–147]. Это же подтверждается и наличием значительного числа продукции Массалии на территории городка. Однако монетное производство, как и производство керамики на продажу не дают отрицать политической независимости Родэ в какой-то период. Наконец её нахождение в орбите Эмпориона логично как с точки зрения географии, так и обусловлено наличием общих торговых партнёров — обитателей иберийских оппидумов, а также рынков сбыта. Не исключено, что говоря о принадлежности Родэ Эмпориону, Страбон описал ситуацию, уже определённую римским влиянием.

Дальнейшие археологические работы на территории Citadella de Rosas безусловно раскроют ещё много различных аспектов существования этой небольшой колонии на севере Иберии.

Библиография

СУПРЕНКОВ А. А. Эмпорион: греко-варварский симбиоз на крайнем западе эллинского мира. Проблемы истории, филологии, культуры, № 4, Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2011. С. 337–358.

СУПРЕНКОВ А. А. Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н.э.: по данным археологии. Российская археология, № 4. М., 2013. С. 45–57.

СУПРЕНКОВ А. А. Греки и варвары на крайнем западе греческой ойкумены: на примере Массалии, Эмпориона и их сельской округи в VI–III вв. до н.э.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2018.

СУПРЕНКОВ А.А., ТОПОРИВСКАЯ М.А. К вопросу о территориальной организации греческой Массалии до начала Пунических войн (письменные источники и археология). Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). М.: ИВ РАН, 2021. С. 269–273.

ТОПОРИВСКАЯ М. А. История археологического изучения античных памятников Северо-Западного Средиземноморья: греческая Массалия, ее окрестности и колонии. Выпускная квалификационная работа. Севастополь, 2021.

ЦИРКИН Ю. Б. История древней Испании. Спб., 2011.

CAMPO M. La moneda a Rode: producció i circularió // La colònia grega de Rhode. Girona, 2006.

DEDET B., SHWALLER M. Crecs en Gaule de Sud: tombes de la colonie d'Agathé (Agde, Herault, IVe-IIe siècles av. J.-C.). // Etudes massalètes 15. 2018.

GARCIA D. Le territoire d'Agde grecque et l'occupation du sol en Languedoc central durant l'Age du fer // Sur les pas des Grecs en Occident, Hommage à André Nickels. Paris, 1995. P. 137–167.

MARCET R., SANMARTI E. Empuries. Barcelona, 1990.

MARTIN R. Rapports entre les structures urbaines et les modes de division de l'exploitation du territoire // Problèmes de la terre en Grèce ancienne. 1973. P. 97–112.

PENA M. J. Encore sur la colonisation rhodienne de Rhodé. // ZPE 133. 2000. P. 109–112.

PRINCIPALE-PONCE J. Las importatinas de vajilla fina de barníz negra en la Cataluña sur y occidental durante el sigo III aC. Comercio y dinámica de adausición en las sociedades indígenas. Oxford, 1998.

PUIG A. M. La problemàtica de l'entorn periurbà de Rhode. // Le paysage pérurbain en Méditerranée occidentale pendant la Protohistpire et l'Atiquité. Tarragona, 2012. P. 83–98.

PUIG GRISSENBERGER A. M. Rhodé (c. 375–195 av. J.-C.) // BAMA 3. Grecs et indigènes de la Catalogne à la Mer Noire. 2010. P. 79–89.

PUJOL M. L'ancontrage i el port de Rode (Roses, Alt-Empordà). // Empuries 53. P. 131–154.

Список сокращений

BAMA — Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine

ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

Таньшина Н. П.

Институт общественных наук РАНХиГС, г. Москва

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

МЕТАМОРФОЗЫ РАУЛЯ БУРДЬЕ: КРЫМСКАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ПРЕВРАЩЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ПРОПАГАНДИСТА

Tanshina N. P.

METAMORPHOSES OF RAOUL BOURDIEU: THE CRIMEAN WAR AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF A TRAVELER INTO A PROPAGANDIST

Взгляд европейцев на Россию всегда был политически ангажированным и зависел от политической конъюнктуры. В моменты относительной стабильности он мог быть весьма спокойным и даже доброжелательным, в моменты осложнения международной ситуации, как правило, актуализировались традиционные концепты восприятия России через категории «русской угрозы», «русской экспансии» и «русского варварства». Такая политическая ангажированность проявляется при анализе текстов одних и тех же авторов, с которыми происходили удивительные метаморфозы в восприятии России. Так, например, известный французский исследователь северных стран и писатель Луи Антуан Леузон Ле Дюк своим творчеством демонстрирует целый калейдоскоп взглядов на Россию. По мотивам своего путешествия в Карелию за камнем для саркофага Наполеона Бонапарта, совершенного в 1846–1849 гг., он написал очень спокойный и политически нейтральный рассказ о сложном путешествии за порфиром [Léouzon Le Duc 1873]. Когда началась Крымская война, это автор, как флюгер, быстро

перестроился и начал активно писать пропагандистские работы, антиросийской риторике которых позавидовал бы маркиз де Кюстин [Léouzon Le Duc 1853, 1854]. Когда после войны началась нормализация отношений между двумя странами, он написал роман о талантливом русском крепостном крестьянине Иване, который стал прославленным музыкантом и возглавил Певческую императорскую капеллу в Петербурге [Léouzon Le Duc 1859], а после франко-русской войны написал роман, в котором русская княгиня Анна и вовсе выступает в роли чуть ли не спасительницы Франции (вспомним Анну, королеву Франции) [Léouzon Le Duc 1879]. И такой он был не один.

Свое выступление я хотела бы посвятить французскому исследователю России, Раулю Бурдые (1818–1855 гг.). Несмотря на то, что он много писал о путешествиях, был переводчиком английских приключенческих романов, информации о нем удалось найти весьма мало. На сайте Французской национальной библиотеки в сведениях об авторе отсутствуют даже годы жизни. Но удалось выяснить, что он жил в 1818–1855 гг., был женат на дочери своего издателя и скоропостижно скончался в возрасте 37 лет, в тот же год, что и его родители, возможно, от холеры, вспышка которой наблюдалась тогда в Европе.

В 1854 г. в одной книге с работой Шарля де Сен-Жюльена, посвященной путешествию по России, была опубликована работа Рауля Бурдые о Сибири, куда, он, якобы, совершил путешествие в 1851 г. вместе с русским предпринимателем, торговцем пушниной и бивнем мамонта Иваном Третьяковым [Bourdier 1854].

Возможно, это путешествие — вымышленное, лишь пересказ прочитанного Бурдые ранее. Тем более, что предпринимателя с известной фамилией Третьяков, но по имени Иван, обнаружить не удалось. Но в данном случае важно другое. Перед нами — повествование о сложном, но увлекательном путешествии в Сибирь и на Камчатку, в котором политика совершенно отсутствует, даже когда автор рассказывает о завоевании Сибири. И это очень показательно, ведь зачастую для европейцев Сибирь и Россия — это понятия синонимичные, а Сибирь — это квинтэссенция

ада, место небытия. Вспомним маркиза Астольфа де Кюстина, для которого Сибирь начиналась от Вислы.

У Рауля Бурдье в тексте о Сибири нет никакой политики, это, скорее, приключенческий роман с подробным описанием быта, нравов, обычаев народов Сибири, ее природы, растительного и животного мира. Причем даже холод тут не inferнальный, как это часто бывает, когда пишут о России, а вполне переносимый.

Однако началась Крымская война, и французам стало не до рассказов о Сибири. Зато Крым стал им очень интересен. Рауль Бурдье не мог остаться в стороне и принял участие в создании большой коллективной работы, посвященной Восточной войне. Он написал часть, посвященную Крыму, его истории, населению, культуре, природе и климату и, главное, тому, что с ним стало после его присоединения к России [Bourdier 1855]. И это уже работа прямо противоположная рассказу о путешествии в Сибирь. Перед нами — настоящий пропагандистский памфлет или пасквиль, написанный в жестком антирусском ключе. И это при том, что Бурдье заверяет читателя, что его книга находится совершенно вне политики, это лишь рассказ о Крыме, которым французы до сих пор слабо интересовались и который плохо знали, созданный на основе описаний путешественников, историков и географов.

Уже в предисловии, написанном 28 октября 1854 г., автор четко дает понять читателю, что он должен усвоить по прочтении этой книги. А усвоить он должен следующее: Крымское ханство до его «вероломной и одиозной оккупации» России было просто райским местом. Однако пришли русские, эти новые варвары и вандалы, и все разрушили [Bourdier 1855: 22]. И в таком плачевном состоянии Крым находится и спустя полвека после завоевания.

Русские в Крыму сознательно разрушали все: античные памятники, традиции и обычаи татарского населения, мечети, водопровод и городские фонтаны. Их политика привела к опустению и стагнации почти всех городов Крымского полуострова: Керчи, Феодосии, Инкермана, которые представляют собой, говоря его словами, «еще дымящиеся руины».

Однако Бурдые вынужден признать, что кое-что русские в Крыму, все-таки, создали. И, прежде всего, это Севастополь, построенный Екатериной II «для реализации ее не просто имперских замашек, но для исполнения заветной мечты всех русских правителей — подчинить себе весь мир» и создать «всемирную империю» [Bourdier 1855: 23].

Он очень впечатлен Севастополем, однако вывод делает в духе маркиза де Кюстина: Россия — это царство фасадов и все в ней лишь видимость. Русские корабли пожирают черви, а укрепления не защищают порт со стороны суши и в целом негодные. Корабли построены из плохих материалов, а флот как таковой — просто «обман зрения», все деньги поглотила коррупция, матросы неумелые, а офицеры — неопытные [Bourdier 1855: 25, 31].

Севастополь, по его словам, очевидным образом демонстрирует характер так называемого «русского величия»: «монументальная и внушительная внешность, скрывающая реальную слабость» [Bourdier 1855: 25].

В пятой части этой работы о Крымской войне опубликован очерк, посвященный императору Николаю I. Предисловие к нему написано Раулем Бурдые 30 марта 1855 г. И как опытный пропагандист Бурдые снова наставляет читателя. Если раньше он писал о червях, пожирающих корабли, теперь пишет о червях, пожирающих труп российского императора: «Странный поворот человеческой судьбы! Самый могущественный деспот, перед которым трепетали миллионы рабов, дрожа в слепом ужасе, теперь всего лишь неподвижный труп, призванный стать пищей для могильный червей» [La Bédollière 1855: 49]. И теперь этот деспот, «этот бывший властелин России, подавлявший столько свобод, чинивший такие репрессии, так угнетавший народы Польши, Кавказа и Крыма, предстанет перед высшим судом» [La Bédollière 1855: 49]. Что характерно, сам очерк о Николае I, написанный другим автором — это весьма уравновешенное повествование. И, главное, окончание очерк имеет весьма оптимистичное: главная цель нового императора Александра II — потушить огонь войны, разожженный амбициями его предшественника [La Bédollière

1855: 80]. То есть война подходит к концу, императора Николая I нет в живых, — отсюда и метаморфозы в восприятии.

Итак, на примере работ Рауля Бурдые очевидно, что восприятие французами России было политически ангажированным и зависело как от внутриполитической ситуации в самой Франции, так и от международной обстановки. Авторы работ о России порой были своеобразными политическими флюгерами, отражавшими настроения общества и выполнявшими определенный общественный заказ. Поэтому если карикатуры времен Крымской войны — это полчища ужасных медведей, то накануне заключения франко-русского союза медведь остается, но это уже защитник слабой и хрупкой Марианны от хищного немецкого орла.

Библиография

LEOUZON LE DUC L. Le sarcophage de Napoléon en son tombeau des Invalides. P., 1873.

LEOUZON LE DUC L. La Question russe. P., 1853.

LEOUZON LE DUC L. La Russie et la civilisation européenne. P., 1854.

LÉOUZON LE DUC. L.-A. Ivan. P., 1859.

LÉOUZON LE DUC L.-A. La Princesse Gourkoff, suite et fin de l'Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879.

LÉOUZON LE DUC L.-A. L'Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879.

LÉOUZON LE DUC L.-A. La Russie contemporaine. P., 1854.

[SAINT-JULIEN CH., DE] Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. P., 1854.

BOURDIER R. Histoire de la Crimée // Histoire de la guerre d'Orient, 4e série. P., 1855.

LA BÉDOLLIÈRE É. Nicolas Ier // Histoire de la guerre d'Orient, 5e série. P., 1855.

Уваров П. Ю.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

**ДЕНЬГИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ
ПРОТИВ ДЕНЕГ АТЛАНТИКИ:
МОСКОВСКИЕ
ДОКУМЕНТЫ АЛЬБИЦИ ДЕЛЬ БЕНЕ —
СЮРИНТЕНДАНТА ФИНАНСОВ ГЕНРИХА II
(1547–1559)¹**

Uvarov P. Yu.

MEDITERRANEAN MONEY
VERSUS ATLANTIC MONEY:
MOSCOW DOCUMENTS OF ALBIZI DEL BENE,
SURINTENDENT OF FINANCE OF HENRY II
(1547–1559)

По счастливой для нас случайности в фондах РГАДА хранится корпус документов государственного секретаря Жана Дютье, отвечавшего при французском короле Генрихе II за юго-восточное направление его политики (земли Италии, Леванта и Османской империи в целом) [Малов 2019 20–48; Malov 1977: 313–339]. Это был заключительный период Итальянских войн за гегемонию на Апеннинском полуострове. На завершающем этапе основными противниками были правители из династии Валуа — король Франции Генрих II, и Габсбургов -император Карл V и его сын, Филипп II, король Испании. Жан Дютье, ставленник коннетабля Монморанси, таким образом, курировал важнейшее направление внешней политики Франции. Документы из его «портфеля» включают

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФ, проект № 22–18–00481 «Межкультурные коммуникации в христианском Средиземноморье в условиях глобальных вызовов XIV–XV вв.: формы, динамика, результаты».

в себя дипломатическую переписку, донесения военачальников и политических агентов, отчеты комендантов крепостей, письма французских представителей при папском дворе. Немалое место в коллекции занимают материалы, относящиеся к деятельности королевского сюринтенданта финансов Альбици дель Бене, назначенного королем на эту должность 28 февраля 1550 г. Готовясь к новой войне с могущественным противником в Италии, король нуждался в финансировании своей политики: выплаты субсидий союзникам и жалования военным. По инициативе коннетабля Монморанси король решается возложить бремя столь важных забот не на кого-нибудь из касты опытных чиновников финансового ведомства, как это делалось обычно [Напон 1999], а на банкира из семьи итальянцев, образовавших в Лионе целую колонию. Новый сюринтендант, искушенный в банковском деле и в мире вексельного обращения, призван был обеспечить бесперебойное обеспечение галопирующих военных расходов в условиях, когда и финансовое превосходство Габсбургов становилось все более очевидным. С середины 1540-х годов в Испанию начались регулярные поставки все возрастающего количества серебра, перевозимого «серебряными галеонами» из рудников Нового Света (в основном из Новой Кастилии и Новой Испании) [Hamilton 1934; Le Roy Ladurie 1991: 483–505]. Потоку драгоценных металлов, поступающих в испанскую казну из-за океана, а также в виде налогов с богатейших Нидерландов и той части Италии, которая уже попала испанский контроль, Генрих II мог противопоставить лишь внутренние ресурсы своего королевства. Во Франции по сравнению с другими европейскими странами была несколько более развитая фискальная система, однако деньги собирались медленно, а требовались срочно, причем выплачивать их надо было не во Франции, а в Италии, да еще «хорошей монетой». Французскому королю приходилось постоянно занимать средства у банкиров, и делать это приходилось во все больших масштабах, а с каждым займом накапливались проценты, постоянно увеличивавшие сумму долга. Тем самым порождались сомнения в способности государя рассчитаться по своим обязательствам. В итоге занимать приходилось под все более надежные гарантии и под все более высокие проценты.

Следствием накопления финансовых проблем была попытка «оздоровления финансов» путем банкротства казны. Филипп II объявил банкротство, отказавшись погашать долги своего отца (1557 г.), и в дальнейшем еще дважды прибегал к этой болезненной процедуре — в 1575 и 1597 гг., полагая, что подрыв доверия кредиторов может компенсироваться новыми поступлениями драгоценных металлов из Нового света. Французские короли предпочитали иначе строить свою политику заимствований.

Альбицци дель Бене удалось добывать деньги для короля и поддерживать баланс расходов и доходов вплоть до Восельского перемирия (1556 г), после которого закончились его полномочия сюринтенданта. К такому выводу пришел историк Мишель Франсуа, в свое время проанализировавший счетные книги Альбицци дель Бене с 1551 по 1556 гг. [François 1933: 337–360.]. Однако анализ переписки сюринтенданта, хранящейся в фондах РГАДА, показывает, что за внешне благополучной картиной скрывалась драматичная история бюджетных провалов и успехов, и, главное, напряженного поиска новых решений. [Baudouin-Matuszek. M.-N. 1991]

Генрих II занимал под 16% годовых, и погашение займов гарантировалось регулярными поступлениями от знаменитых Лионских ярмарок. В действительности же дель Бене использовал множество средств и тонких механизмов, согласовывая выгоды купцов-банкиров и короля, не забывая и о собственных интересах. В арсенале его средств была игра на разнице монетных курсов, использование инсайдерской информации о переносе сроков открытия ярмарок (и, соответственно, о сроках погашения займов), манипулирование с векселями, обеспечивающее выгоду при транзакциях с Антверпеном и Венецией. Именно Венеция была главным пунктом, где аккумулировались средства, необходимые для оплаты итальянских расходов христианнейшего короля. Успеху сюринтенданта способствовала его высокая репутация, позволявшая использовать связи в банковском мире — не только в среде итальянских эмигрантов, осевших в Лионе, но и среди тосканских и ломбардских «денежных людей», хотя в случае необходимости он успешно взаимодействовал с немецким

и швейцарскими банковскими домами. Это позволяло французскому королю привлекать деньги даже из тех областей, которые находились под политическим контролем Габсбургов: из Тосканы, Ломбарии, Южной Германии. Через подставные фирмы дель Бене удавалось выходить на финансовые биржи Антверпена и Безансона Пьяченцы. [Baudouin-Matuszek 1991].

Но, пожалуй, главным достижением Альбици дел Бене было создание в 1555 г. «Большой Лионской Компании» (*Grande partie de Lyon*) — консорциума крупных кредиторов французского короля. [Doucet 1933]. Договариваться об условиях займов и, что важнее — об условиях погашения кредитов, лучше было с консорциумом, чем с каждым из банкиров в отдельности. Члены Большой Компании вкладывали не только свои деньги, но и средства многочисленных частных лиц, в особенности — итальянцев, некогда разбогатевших на Средиземноморской торговле. Компания прибегала к финансовой ассимиляции, группируя выпущенные ранее королевские обязательства и им обеспечивая единые условия погашения. Консолидации долга способствовал переход к взаимовыгодному расчету сложных процентов долга, помогла обеспечить переход к взаимовыгодному расчету сложных процентов. Современные специалисты по экономической истории отмечают инновационный характер механизмов деятельности «Большой Лионской компании», во многом опередившей свое время [Gallais-Hamonno 2006].

При этом сюринтенданту постоянно приходилось вмешиваться в области компетенции других ведомств. Он проверял то, как собираются те налоги, под гарантии которых уже были сделаны займы, объезжал монетные дворы и консультировался с золотых дел мастерами, стараясь определить, количество благородного металла, находящегося внутри страны [Baudouin-Matuszek 2003: 25–46].

Документы «портфеля Дютье» позволяют проследить драматический период деятельности Альбици дель Бене после 1556 г., когда истек срок его сюринтендантства. В своих письмах, адресованных коннетаблю и королю, он от имени кредиторов настаивал на продолжении прежней

политики в области привлечения денег в условиях, когда финансовый мир был потрясен испанским банкротством. Но после того, как в результате поражения при Сен-Кантене (10 августа 1557 г.) коннетабль Монморанси (главный покровитель дель Бене) попал в плен, Большая Лионская компания была лишена своих привилегий. Бывший сюринтендант продолжал отстаивать права тех, кто давал королю займы. Но последним ударом для него стала трагическая смерть короля (1559 г.), после чего казна окончательно вернулась к традиционным методам — откупам акцизов, а государственный долг продолжал стремительно расти, что и стало одной из причин грядущих гражданских войн во Франции.

Но пока Альбицци дель Бене был сюринтендантом, ему удалось успешно мобилизовать для военных нужд короля огромную сумму, не менее 12 миллионов ливров. Мир Средиземноморья еще раз доказал свою удивительную способность адаптироваться в меняющихся условиях и генерировать инновации. Коллизию последнего этапа Итальянских войн можно было бы не без основания представить как борьбу денег, доставляемых из Нового Света через Атлантику с деньгами, аккумулированными за долгие годы или даже века Средиземноморской торговли. Но это будет только часть правды, потому что на Филиппа II начинают работать не менее искушенные «ветераны Средиземноморья» — гемуэзские банкиры. Филипп II время от времени вступал с ними в конфликты, полагая, что он может напрямую использовать для своих внешнеполитических нужд американское серебро. Но каждый раз конфликт кончался тем, что «католический король» вынужден был идти на попятную и восстанавливая сотрудничество с итальянскими купцами-банкирами [Бродель 1993: 163–167]. Ведь, как писал в свое время Альбицци дел Бене, — «для того, чтобы в Лионе понять хорошие или плохие новости вскоре придут для короля, надо лишь отправиться на биржу и посмотреть, какую мину делают флорентийцы» [РГАДА Ф. 86 т. 28, л. 162v.].

Библиография

БРОДЕЛЬ Ф. *Время Мира: Материальная Цивилизация, экономика и капитализм*. Т. 3. М., 1993.

МАЛОВ В. Н. *Франция в России: Судьбы старых документов 2019 XVI–XVIII веков*. М., 2019.

BAUDOIN-MATUSZEK M.-N.; OUVAROV P. *Banque et pouvoir au XVIe siècle: la surintendance des finances d'Albisse Del Bene*. // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1991, T. 149, livraison 2. pp. 249–291

BAUDOIN-MATUSZEK M.-N. *Un Tour de France des généraux des monnaies 1556 // Etudes sur l'ancienne France offertes en hommage à Michel Antoine*. Paris, 2003.

DOUCET R. *Le Grand parti de Lyon au XVIe siècle // Revue Historique*, 1933, T. 171, Fasc. 3, p.473–513.

FRANÇOIS M. *Albisse Del Bene, surintendant général des finances françaises en Italie*. // *Bibliothèque de l'École des chartes*, t. 94, 1933, p. 337–360.

GALLAIS-HAMONNO G. *L'extraordinaire modernité technique du « Grand Parti de Lyon » de 1555 // Colloque AFFI, Poitiers (15 mars 2006) 1555* http://data.leo-univ-orleans.fr/media/search-works/868/WP_2368.pdf

HAMILTON E. J. *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501-* Cambridge, Massachusetts 1934.

HAMON P. *Messieurs des finances* ». *Les grands officiers de finance dans la France de la Renaissance*, Paris, 1999,

LE ROY LADURIE E.; BARRANDON J.-N.; COLLIN B.; GUERRA M.; MORRISON C. *Sur les traces de l'argent du Potosí // Annales ESC, Année 1990 № 45–2 pp. 483–505*.

МАЛОВ В. Н. *Les archives d'un secrétaire d'État d'Henri II retrouvées à Moscou // Bibliothèque de l'École des chartes T. 134 1977 livraison 2 P. 313–339*.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Ушаков С. В.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО НЕФА БАЗИЛИКИ КРУЗЕ: К ХРОНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА

Ushakov S. V.

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE CENTRAL NAVE OF THE CRUZE BASILICA: TO THE CHRONOLOGY OF THE CONSTRUCTION OF THE TEMPLE

Строительство раннехристианских храмов в Херсонесе — Херсоне явилось своеобразным отражением продвижения новой сакральной культуры из центра на окраины Империи. Здесь важен как хронологический аспект проблемы, а также конкретные археологические материалы, которые позволяют проследить торговые связи с ближневосточными регионами.

Базилика Крузе — один из примеров таких храмов (рис. 1), где с опорой на археологические материалы удалось определить хронологические рамки её сооружения в пределах середины — второй половины VI в. н. э. (время правления Юстиниана Великого) [Ушаков 2017].

Материалы раскопок в центральном нефе храма позволяют подтвердить и уточнить эти данные, и они до сих пор были предметом специального рассмотрения только частично. Нужно сказать, что вся территория базилики в процессе исследований была разбита на пятиметровые раскопочные квадраты, а в её центре раскопки велись (в 2010–2011 гг.) на четырех квадратах — Пб, Пв, Пб, Пв. В северной и восточной частях

квадратов оставлялась контрольная «бровка» шириной в один метр, которая затем удалялась и исследовалась отдельно (рис. 2). Стратиграфическая ситуация там следующая. Засыпь нефа была многослойная (мощностью от 0,1 до 2,5 м), с нарушенными четырьмя основными напластованиями культурного слоя. В юго-восточной части нефа фрагментарно сохранилась цемяночная «подушка» пола базилики. Над этим основанием пола зафиксированы остатки слоя с многочисленными обломками мраморных половых плит и убранства храма (5–10 см). Ниже располагалась засыпь, под полом базилики, мощностью 25–30 см, далее частично сохранилась утрамбованная поверхность «пола» предшествующего хронологического периода. Засыпь мусорного заполнения была рыхлая, с грунтом пепельного оттенка. Насыщена фрагментами керамики, стеклянных изделий, монетами (33 определённых экземпляра от Проба (276–282) до Анастасия I (491–518)).

Ниже уровня пола, в слое засыпи, содержались фрагменты керамики IV–VI вв. н.э. В этом смысле наиболее показательными являются раскопки 2010 г. Профильных частей находок по раскопкам в центральном нефе было зафиксировано 5725. Из них амфор (обработку этой категории материала осуществляла Т. В. Дюженко) — около 3300 (профильных частей более 10%), полтора десятка типов, из которых хронологически важными являются следующие: 1) тонкостенные (рис. 3, 35–45) (LRA 3; Зеест-95) [Зеест 1960: 118, табл. XXXVIII] (644 фр., 60 — профильных частей, далее 644/60); 2) коричневоглиняные с перехватом (рис. 3, 1–5, 31) («Колхида», I тип АДСВ-1971) [Антонова и др. 1971: 82–83] (686/51); 3) Делакеу (рис. 3, 11–17) [Tezgör 2010], тип 100 [Зеест 1960: 120, табл. XXXIX] (281/26); 4) «Газа» (рис. 3, 6–10) (LRA 3; IV тип по АДСВ [Антонова и др. 1971: 84, рис. 5] (182/29); 5) светлоглиняные с рифлением стенок типа «набегающая волна» (рис. 3, 18–28) (LRA 1) [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 29–33, класс 12] (776/55); 6) красноглиняные желобчатые амфорам (рис. 3, 51–58) (V тип АДСВ) [Антонова и др. 1971: 85, рис. 6] (425/48). Среди других типов амфор присутствовали: 7) мирмекийские (типа 72 по Зеест) (рис. 3, 50) [Зеест 1960: 111–112, табл. XXX];

8) светлоглиняные узкогорлые II–IV вв. н. э. (рис. 3, 46–49) (типы 94, 105 по Зеест) [Зеест 1960: 117, 122, табл. XXXVIII, XLI]; 9) воронковидные амфоры II–VI вв. (рис. 3, 32–34) [Уженцев, Юрочкин, 1998]. Среди всех находок выделяется фрагментированная амфора «сраtheion» с продольным рифлением [ср.: Романчук, Сазанов, Седикова 1995: табл. 18, 83]. Амфоры этого типа были распространены, прежде всего, по побережью Северной Африки V–VII вв. н. э. [Sciallano, Sibella 2004].

Важной датирующей категорией керамических находок из этого комплекса являются фрагменты позднеантичной (ранневизантийской) краснолаковой керамики. Выделяются три основные группы краснолаковой керамики: понтийской позднееримской группы [Arsen'eva, Domzalski 2002: 432, fig. 5–7; fig. 17, 622–626], фокейской и херсонесской сигилляты, которые уже ранее подвергались специальному анализу и не выходят за пределы середины VI в. н. э. Также там найдено несколько фрагментов краснолаковой керамики со штампованным орнаментом на внутренней поверхности конца первой половины V — третьей четверти VI вв. н. э. [см.: Hayes, 1972, fig. 47, 50, 53, 74, 78, 79], хронология которых, таким образом, хорошо сочетается с остальным краснолаковым материалом [Ушаков, Дорошко 2018: табл. 1].

Другие типы краснолаковой посуды из-под пола базилики в этом квадрате также достаточно разнообразны (не менее семи типов). Среди них выделяются сосуды со светлым, почти желтым покрытием, и со штампованным орнаментом второй четверти V — до середины VI вв. н. э. [Domzalski 2002: 286]. В целом же можно заключить, что верхняя хронологическая граница этой засыпи, определенной по амфорному материалу и краснолаковой керамике, не выходит в целом за пределы второй половины — конца V — начала — максимум середины VI вв. н. э.

В слое засыпи под полом базилики найдены также разнообразные фрагменты нескольких типов стеклянных сосудов (стаканы, кубки, чаши), лампад 3 типов, кувшинов и бутылей [ср.: Голофаст 2001]. Комплекс стеклянной посуды по своим хронологическим показателям хорошо сочетается с материалами амфорной тары и краснолаковой керамики.

Таким образом, анализ хронологически значимых категорий находок из засыпи под полом центрального нефа базилики Крузе подтверждает датировки времени образования комплекса эпохой императора Юстиниана. Эти материалы позволяют детализировать также систему взаимоотношений Херсонеса с Малой Азией и Ближним Востоком.

Библиография

АНТОНОВА И.А., ДАНИЛЕНКО В.Н., ИВАШУТА Л.П., КАДЕЕВ В.И., РОМАНЧУК А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург, 1971.

ГОЛОФАСТ Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII. 2001.

ЗЕЕСТ И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

САЗАНОВ А. В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И. Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. 1992. № 2.

УЖЕНЦЕВ В.Б., ЮРОЧКИН В. Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСБ. 1998. Вып. IX.

УШАКОВ С.В. О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. Вып. 23. 2017.

УШАКОВ С.В., ДОРОШКО О.П. Ранневизантийская краснолаковая керамика из раскопок под полом центрального нефа базилики Крузе в Херсонесе // Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма со Средиземноморским регионом: программа конференции и тезисы докладов на межд. науч. конф., Севастополь, 5–7 июня 2018 г. / сост. А. Д. Васильев, Н. В. Гинькут. М.: Пробел-2000, 2018.

ARSEN'EVA T.M., DOMZALSKI K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift fur Arheologie Eurasiens. Band 8. 2002.

DOMZALSKI K. Late Roman Light-Coloured Ware: a rare group of fine potteri and its Northern distribution (Bosporan Region and the Neighbouring Pontik Littorals) // Боспорские чтения. III. Керчь, 2002.

HAYES J. W. Late Roman Pottery. London, 1972.

SCIALLANO M., SIBELLA P. Amphores. Comment les identifier? Aix-en-Provence, C.-Y. Chaudoreille, Edisud, 2004.

TEZGÖR D. K. Typologie des Amphores Sinopéennes entre le Iie-IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. Varia Anatolica XXII. Istanbul; Paris, 2010.

Фомин М. В.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

**«УВАРОВСКИЙ» СКЛЕП
(№ 2114 1904/1853 г.)
КАК МАРТИРИЙ МЕСТНОЧТИМОГО
СВЯТОГО В ХЕРСОНЕСЕ — ХЕРСОНЕ**

Fomin M. V.

**CRYPT OF UVAROV (№ 2114 1904/1853)
AS A MARTYRIUM OF A LOCAL SAINT
IN CHERSONESE — CHERSON**

Процесс трансформации античного города в средневековый остается одним из актуальных вопросов византистики, что связано со слабой изученностью ранневизантийских городов в целом [Романчук 2007: 37]. В связи с этим особого внимания заслуживает Херсонес-Херсон. Расположенный вне современной застройки он был объектом системных исследований с конца XIX в. В результате накоплен обширный материал, позволяющий проследить элементы такой трансформации в провинциальном городе на границе Эллинистического и Варварского миров. Одним из ключевых элементов трансформации было изменение мировоззрения горожан, связанное с распространением Христианства. Этот процесс нашел отражение в текстах «Житий епископов херсонских» [Сорочан 2005: 1255] и может быть дополнен памятниками некрополя [Фомин 2013: 353–360]. Отдельный интерес представляют раннехристианские расписные склепы, которые демонстрируют этап формирования христианской художественной традиции и по своему значению могут быть поставлены в один ряд с Катакомбами Рима и росписями церкви в Дура-Европос. Особого внимания заслуживает

склеп-мортирий № 2114/1904 г. (1853 г.). Он был открыт А. С. Уваровым в 1853 г. В 1904 г. остатки росписи и план были зафиксированы М. И. Скубетовым [Ростовцев 1914: 452–457].

Склеп представляет собой типичное для Херсонеса погребальное сооружение с нишами-локулами. В левой и противоположной входу стене было расположено по две локулы, одна над другой. Наибольший интерес представляет локула в правой стене. Вероятно, спустя некоторое время после создания склепа она была углублена подобно саркофагу, а после погребения заложена пятью каменными плитами с изображениями плодовых деревьев.

Росписи нанесены поверх штукатурки. В центре потолка изображен венок с хрисмой и буквами «альфа» и «омега». От венка к углам расходились гирлянды, создававшую иллюзию крестообразного свода. Справа от входа была изображена мужская фигура со свечами в руках аналогичная склепу 1909 г. [Ростовцев 1914: 455, табл. CVI.]. А. Е. Филиппов проводит параллели с росписью баптистерия в Дура-Европос («Женщины-мироносицы у Гроба Господня») и указывает на изображение как символ погребальной процессии [Филиппов 2009: 309, 199–201].

Главная ниша-саркофаг была закрыта пятью плитами, на каждой из которых было дерево с плодами. На задней стене саркофага находилось изображение венка. М. И. Ростовцев указывал, что он «того же типа, что и на плафоне» [Ростовцев 1914: 457].

Система росписи может подчеркивать особый статус погребенного в склепе. Изображение лаврового венка на внутренней, закрытой от посетителей, стене локулы-саркофага (античный символ триумфа) в христианской традиции становятся символами победы над смертью, не редко через принятие мученичества. Сами плиты с изображениями плодовых деревьев, могут прочитываться как символы «плодов» человеческой жизни. Такие аналогии встречаются в текстах Нового Завета [Мф. 6:16–17; Мф. 6:19; Мф. 13:23] и в произведениях Ефрема Сирина, где присутствует образ плодов подвижнических трудов, («плод добрый»), которые «прекраснее плодов рая».

Особого внимания требует архитектура внутреннего пространства, которую связывают с представлениями о загробной трапезе [Фомін, Івченко 2019: 40–47]. Склеп символизировал триклиний — помещение для потустороннего симпозиума, на котором «присутствовали» погребенные [Зубарь, Хворостяный 2000: 47–48]. С распространением Христианства представление о такой трапезе трансформируется в «райский пир», упоминание о котором не раз встречается в текстах Нового Завета. Таким образом, внутреннее пространство помещения склепа становится образом Рая, в котором умерший находится на «пиру» где присутствует сам Христос (в образе хрисмы в лавровом венке). Об особых «заслугах» погребенного свидетельствуют «добрые плоды» райских деревьев, а о его «победе над смертью» лавровый венок на внутренней стороне локулы.

Анализируя ситуацию в городе в середине IV в. можно предположить, что погребенный своей жизнью заслужил особый статус, был исповедником. Скорее всего, он мог быть представителем местного клира, пострадавшим во время преследования христиан в Херсонесе в середине IV в. Свидетельства о гонениях сохранили эпитафии на христианских надгробиях и «Жития епископов херсонских» [Фомин 2013: 353–360]. Помещение могло использоваться как часовня для периодических специфических богослужений (молебнов), связанных с чествованием святого. Исследования проводятся и финансируются в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030».

Библиография

- ЗУБАРЬ В.М., ХВОРОСТЯНЫЙ А. И. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III — первая половина VI вв.). К., 2000.
- РОМАНЧУК А. И. Исследования Херсонеса — Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Византийский город. Екатеринбург, 2007.
- РОСТОВЦЕВ М. И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914.
- СОРОЧАН С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.) Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

ФИЛИППОВ А. Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая база // Очерки по истории христианского Херсонеса. СПб., 2009. С. 150–250.

ФОМИН М. В. Местночтимые святые в позднеантичном Херсонесе // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента». Севастополь, 2013. С. 353–360.

ФОМИН М. В. Раннехристианская живопись позднеантичного Херсонеса // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Тюмень, 2014, Вып. VI. С. 299–390.

ФОМІН М.В., ІВЧЕНКО А. В. Сюжет «Загробної трапези» в античних поховальних пам'ятках Північного Причорномор'я // Археологія, 2019, № 2. С. 40–47.

Храпунов Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь

Храпунова С. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь

ДЕПОРТАЦИЯ КАК МЕТОД: РАЗМЫШЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ XVII–XIX вв.

Khrapunov N. I.

Khrapunova S. N.

DEPORTATION AS A METHOD: REFLECTIONS OF RUSSIAN AND FOREIGN INTELLECTUALS FROM THE SEVENTEENTH TO NINETEENTH CENTURIES

Благодарности: *Исследование выполнено в рамках проекта по заданию Минобрнауки РФ № FZEG-2020–0029.*

В недавно опубликованной книге североамериканской исследовательницы М. Козелски проводится мысль о том, что сталинская депортация крымских татар была продолжением политики царского режима [Kozelsky 2018: 10, 11, 172]. Этот взгляд характерен для многих современных западных историков, политологов и журналистов. Нетрудно заметить, что подобная логика позволит «отыскать» и параллели между действиями советской власти с одной стороны и египетских фараонов или вавилонских царей с другой. В рамках научного исследования бессмысленно проводить сравнения между акциями режимов, действовавших в разное историческое время, на ос-

новании разных политических установок, преследовавших разные цели и имевших разные представления о гуманитарных нормах. Тем не менее, в дискуссиях XVII–XIX вв. о будущем Крыма возможность (насильственного) перемещения населения играла существенную роль. Необходимо рассмотреть эти проекты, выявив их генезис, сходства и различия, а также влияние на действия властей. Тем самым этот сложный, болезненный, конфликтогенный вопрос удастся вернуть в поле научного, а не идеологизированного обсуждения. Описанные ниже проекты следует рассматривать в контексте внешнеполитической борьбы восточноевропейских государств против Османской империи и Крымского ханства, а также обсуждения будущей судьбы Крыма [см. Khrapunov 2021].

Едва ли не первым идею «изгнания татар» из Крыма выдвинул польский государственный деятель — великий коронный гетман Станислав Конецпольский в меморандуме, который он подал королю Владиславу IV (1645 г.). Этот проект предусматривал оккупацию полуострова, депортацию татар и передачу Крыма Москве. Целью было обеспечение польско-российского союза и ликвидации «татарской угрозы» для Речи Посполитой. Место крымских татар должны были занять колонисты-христиане [Przyłucki 1842: 301–304].

Учёный хорват Юрий Крижанич, прибывший на службу к Алексею Михайловичу, вскоре отправился в ссылку в Тобольск. Там он написал адресованный царю трактат «Разговоры об владетельству» («Политика», 1663 г.), где говорил о присоединении Крыма к России. После этого татар предстояло крестить или изгнать из страны, а вместо них поселить в Крыму «русов, и ляхов, и словенцев» [Русское государство 1860: 120, 130–131]. Как и С. Конецпольский, Ю. Крижанич использовал риторику извечного противостояния христианства и ислама, характерную для уходящей феодальной эпохи. Дальнейшее обострение отношений России, Крыма и Османской империи привело к появлению ряда проектов присоединения полуострова, но в них о перемещениях населения речи не шло [Khrapunov 2021: 861–864].

Почти через сто лет после трактата Ю. Крижанича вышла из печати «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера (1759 г.). Эта книга была написана по заказу российских властей и с использованием предоставленных ими материалов. Автор идеализировал Петра I и, в частности, пытался реконструировать его намерения во время Азовских походов и конфронтации с османами. По мнению философа, нападения Крыма и постоянные требования дани были «нестерпимы» для Российского государства. Потому «[на]мерение состояло в том, чтобы выгнать навсегда татар и турок из Крыма, после чего восставить обильную торговлю, которую бы можно удобно и свободно отправлять с Персией через Грузию» [Вольтер 2012: 82, 99]. Позже, во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., которую он рассматривал как инструмент для «восстановления Греции», Вольтер выступил против подобных мер. В письме к Екатерине II он призвал к терпимому отношению к крымским татарам: «Если Ваше Императорское Величество удержите за собою Херсонес (т.е. Крым.— авт.), чего я желаю: то, конечно, Вы прибавите к своему “Уложению” новую статью в пользу магометан, ту землю населяющих» [Переписка 1802: 10].

Интересно, что Екатерина II довольно эффективно использовала переселенческую политику в отношении христианского населения. Так, при всей дискуссионности истории с выведением христиан из Крыма в Приазовье в 1778 г. [см. Григорьев 2015: 296–392], ясно, что эта мера, во-первых, призвана была улучшить экономику Юга России, страдавшую от нехватки рабочих рук, за счёт слабого соседа, а во-вторых, свидетельствовала о том, что тогда присоединение Крыма в планах императрицы не значилось. В итоге после 1783 г. пришлось разрабатывать комплекс мер, призванных способствовать ликвидации экономического кризиса и заселению Крыма, включавший расселение на полуострове государственных и помещичьих крестьян из внутренних губерний, отставных солдат, приглашение зарубежных колонистов и пр. [Дружинина 1959: 121–132; Конкин 2017: 232–241].

После присоединения Крыма в российской верхушке были разные мнения по поводу будущего региона. 29 июля 1783 г. Г. А. Потёмкин писал императрице: «Сей полуостров ещё будет лучше во всём, ежели мы избавимся от татар на выход их вон. Много можно обрести способов. Ей Богу, они не стоят земли...» [Екатерина II 1997: 178]. Однако в указе о присоединении Екатерина II обещала жителям полуострова «содержать их наравне с природными Нашими подданными» [Полное собрание 1830: 898, № 15708], то есть ни о каких насильственных переселениях речь не шла. Императрица, Г. А. Потёмкин и другие администраторы предприняли ряд мер, призванных наладить сотрудничество с местными элитами и облегчить интеграцию рядового населения, впрочем, не всегда оказавшихся достаточно эффективными [Ибнеева 2009: 221–230].

В это время начинается изучение полуострова, его населения и ресурсов. Важнейшим справочником для властей и той силой, что формировала общественное мнение, стали записки путешественников. Они сформировали стереотип «татарской лени», которая, в частности, якобы мешала быстрому развитию края [см. Храпунов 2020]. Автор влиятельнейшего сочинения немец по происхождению Петер-Симон Паллас (1801 г.) рассматривал замену населения как действенный способ повышения эффективности хозяйствования и эксплуатации ресурсов. Эту меру он рекомендовал не только в отношении татар, но и «нерадивых» русских помещиков [Паллас 1999: 115, 116, 156]. Павел Иванович Сумароков (1803 г.) поддержал эту мысль, заметив, что выселение крымских татар в Поволжье и Приуралье обеспечит безопасность России, им же поможет интегрироваться в структуру империи, сохранив свою веру и самоуправление [Сумароков 1803: 167–170]. В 1816 г. будущий император Николай Павлович в ходе личного осмотра Крыма заметил: «Если б Крым был не в татарских руках, то б был совсем другим; там где помещики и переселенцы русские или малороссийские, то все иначе, и хлеб есть, и обширные сады...» [Корф 1896: 95].

Новый всплеск интереса к вопросу о выселении татар случился после Крымской войны 1853–1856 гг., в ходе которой в Крыму разгорелся

гражданский конфликт, и какая-то часть крымских татар перешла на сторону союзных держав. После войны начался массовый выезд мусульманского населения в Османскую империю, инициированный самими крымскими татарами. В российском правительстве обсуждался вопрос о том, следует ли препятствовать этой эмиграции [Конкин 2020; Kozelsky 2018: 200–202]. Несмотря на то, что некоторые сановники указывали на её разрушительные последствия, Александр II счёл эту меру не просто желательной, но необходимой [Kozelsky 2018: 170]. Неясно, что больше повлияло на императора — оценка событий войны, сформировавшийся ранее дискурс или все вместе, но в любом случае эмиграция имела трагические последствия как для самих крымских татар, так и для оставленного ими полуострова. При этом насилия со стороны российских властей не было — они фактически ограничились тем, что не мешали выселению. К тому же часть крымских татар осталась на родине [Williams 2001: 154–171].

Важно и то, что речи о полной «детатаризации» Крыма не шло — полуостров продолжали воспринимать как свой Восток, «русскую Альгамбру», пусть и при постепенном усилении христианского элемента, подчёркивании связей полуострова с Византией и крещением Руси, а также попытках превратить его в православную святыню, «Русский Афон». Отнюдь не случайно в известной речи в честь столетия присоединения Крыма к России таврический епископ Гермоген (Добронравин) сожалел о том, что за это время мало сделано для «обрусения» края: «О, Крым, Крым, возлюбленный наш Крым!.. Как много ещё у тебя нерусского, как много ещё у тебя неправославного!.. Как мало, мало ещё у тебя следов нашего столетнего обладанию тобою!..» По словам епископа, «хозяевами» края оставались «инородцы»: «не татары подражают русским в своих нравах, обычаях и образе жизни, а напротив — русские татарам!» [Гермоген 1887: 506]. Контраст с событиями 1944 г., когда насильственная поголовная депортация, причём не за границу, а в другой регион страны сопровождалась подчёркнутой «денационализацией» Крыма, совершенно очевиден.

Таким образом, в некоторых не только российских, но и зарубежных сочинениях XVII–XIX вв. депортация крымских татар считалась конвенционным методом. Её рассматривали разные авторы, находившиеся в разных политических условиях, как способ достижения различных целей — обеспечить военную безопасность, повысить эффективность экономики и даже облегчить самим татарами интеграцию в структуру империи. Показательно, что после присоединения Крыма власти не стали прибегать к насильственной депортации и, наоборот, стремились сохранить мусульман на полуострове, выстроив с ними уважительные отношения. Лишь Крымская война заставила пересмотреть политику, но и тогда царское правительство ограничилось тем, что не препятствовало выселению всех желающих, не применяло систематическое насилие и не стремилось к «этнической чистке» Крыма.

Библиография

ВОЛЬТЕР. История Российской империи в царствование Петра Великого. СПб., 2012.

Гермоген, епископ. Таврическая епархия. Псков, 1887.

ГРИГОРЬЕВ С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб., 2015.

ДРУЖИНИНА Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / ред. В. С. Лопатин. М., 1997.

ИБНЕЕВА Г. В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.

КОНКИН Д. В. Переселенческая политика и хозяйственные проекты в Крыму // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017. С. 231–243.

КОНКИН Д. В. «Общий обзор переселения крымских татар» (1860–1861 гг.). Записка для императора Александра II о положении дел в Крыму // Российская империя и Крым. Симферополь, 2020. С. 405–411.

КОРФ М. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сборник Императорского русского исторического общества. 1896. Т. 98. С. 9–100.

ПАЛЛАС П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 гг. / пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагарда, С. Л. Белявской. М., 1999.

Переписка российской императрицы Екатерины Второй с г. Вольтером / пер. с фр. М. Антоновского. Ч. II. СПб., 1802.

Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. СПб., 1830.

Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича / изд. П. Безсонов. Ч. II. М., 1860.

СУМАРОКОВ П. Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду. Ч. I. СПб., 1803.

ХРАПУНОВ Н. И. К пониманию крымского мифа: образ «ленивого татарина» в отечественном и зарубежном сознании и его использование // Миф в истории, политике, культуре: Сб. матер. IV межд. науч. конф. Севастополь, 2020. С. 404–411.

KHRAPUNOV N. I. The Crimea Question in “Western” Projects, Political Treatises, and Correspondence from the mid-sixteenth century to 1783 //Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 857–877.

KOZELSKY M. *Crimea in War and Transformation*. Oxford; New York, 2018.

PRZYŁECKI S. *Pamiętniki o Koniecpolskich. Przyczynek do dziejów polskich XVII. wieku.*— Lwów, 1842.

WILLIAMS B. G. *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden; Boston; Köln, 2001.

Чудинов А. В.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

КАРЛ ГАБЛИЦ — ФРАНЦУЗСКИЙ АГЕНТ

Tchoudinov A. V.

CARL HABLITZ, A FRENCH AGENT

Тесно связанная с Крымом биография К. И. Габлица (1752/1821 гг.), известного русского ученого-естествоиспытателя и государственного деятеля, казалось бы, хорошо известна. Родившийся в Кёнигсберге сын крещенного еврея, Карл Людвиг Габлиц вошел в историю под русским именемотчеством — Карл Иванович, поскольку всю свою жизнь провел на российской службе. Еще будучи студентом медицинского факультета Московского университета, он принял участие в экспедициях Самуила Готлиба Гмелина по югу России, а затем в походе Марко Войновича по Каспийскому морю. После вхождения Крыма в состав Российской империи Габлиц занимал ряд высоких должностей в административных органах Таврической области, в частности пост вице-губернатора. В дальнейшем он служил в Санкт-Петербурге товарищем (заместителем) министра департамента уделов, президентом мануфактур-коллегии, сенатором. Член Академии наук, он был автором солидных научных трудов по географии, включая «Физическое описание Таврической области, по её местоположению, и по всем трем царствам природы» [Габлиц, 1785]. Заслуги Габлица в науке и службе отмечены многочисленными государственными наградами, в честь него названы растение габлиция и пещера в Крыму. Входившая в состав его крымских владений восточная часть нынешнего села Черноречье долгое время называлась Карловка [Русский, 1914: 10–14]. Вместе с тем есть в биографии Габлица и такие страницы, которые долгое время оставались не известны историкам. Пролить свет на одну из них мне позволили документы, найденные в архиве Министерства иностранных дел Франции. В свое время я опубликовал часть

этих источников [См.: Чудинов, 2001], однако то издание быстро стало библиографической редкостью и осталось практически незамеченным крымскими историками, что оправдывает повторное обращение к данному сюжету на этой конференции.

Итак, речь идет о событиях 1785 г. В июле этого года Габлиц после завершения и сдачи в печать своего фундаментального исследования «Физическое описание Таврической области» уехал из Крыма на отдых в Москву. Его начальник, правитель Таврической области В. В. Каховский, по этому поводу с грустью заметил: «Я с ним расстанусь с чувствительнейшим болезнованием, лишаясь общества честнейшего человека, достойнейшего друга и изобильнейшей анциклопедии» [Письма, 1877: 245].

В Москве Габлиц познакомился с находившимся там тогда секретарем французского посольства, шевалье Жаном Александром Шарет де ла Колиньером. Этот 35-летний бретонский дворянин, бывший кавалерийский офицер, занимался в посольстве, помимо прочего, сбором информации о российских вооруженных силах, в том числе добытой нелегальным путем, или, иными словами, занимался шпионажем [подробнее см.: Чудинов, 2001]. О скором знакомстве с Габлицем шевалье в письме от 28 августа 1785 г. сообщил своему другу Жильберу Ромму, служившему гувернером в доме графа А. С. Строганова и так же занимавшемуся шпионажем в пользу Франции [подробнее см.: Чудинов, 2010: 140146]. Колиньер пишет: «Автор сего труда [«Физическое описание Таврической области»] здесь, и его брат, секретарь графа Брюса, у которого я остановился, должен меня сегодня с ним познакомить. Я сообщу вам, так ли хорошо его слушать, как читать» [Romme, 2014: 876]. О том, что такая встреча состоялась, мы можем узнать из письма Колиньера от 25 сентября тому же корреспонденту: «Я видел в Москве г-на Габлица, который намерен вернуться в Крым. То, что он мне рассказал о достоинствах этой области и о плодородии многих ее частей, вызвало у меня сильное желание совершить туда путешествие. Я хотел бы, чтоб мы могли поехать туда вместе. Вам понравится Габлиц. Он скромн, спокоен, без претензий. Он очень надеется, что его книга окажется для вас достаточно интересной, чтобы вы взяли за ее перевод» [Ibid.: 889].

Между Колиньером и Габлицем установились хорошие отношения. Шевалье занимался переводом «Физического описания Таврической области» на французский язык, консультируясь у автора, и заодно получал у него сведения о новых владениях России, весьма интересовавшие французское правительство. Своими впечатлениями о Габлице и его труде Колиньер поделился с Роммом в письме от 4 ноября 1785 г.: «Думаю, что автор указанного сочинения родился в России или, по крайней мере, здесь вырос. Он получил образование в Московском университете, входя в число студентов, обучавшихся за казенный счет. Учился он очень хорошо, как и его брат, служащий первым секретарем у графа Брюса. В совершенстве знает немецкий и, полагаю, сначала писал свой труд именно на этом языке и лишь затем сам его перевел. Он проводил свои наблюдения в прошлом году и в том же году всё завершил, что кажется просто удивительным, учитывая обилие сюжетов, рассматриваемых в книге. В то же время здоровье автора ухудшилось (если вообще сохранилось) вследствие постоянных занятий. А если бы у него было больше времени для работы, он смог бы лучше рассмотреть каждый сюжет и его сочинение содержало бы больше подробностей. Но, несмотря на все это, оно чрезвычайно интересно. Не менее, чем личность автора. Его манеры просты, а искренность характера привлекает. Он долго жил в Астрахани, где имел должность, не знаю, какую именно, но связанные с нею обязанности не мешали ему заниматься изучением природы и особенно ботаники, которую он очень любит» [Ibid.: 918].

Однако консультациями по тонкостям перевода естественнонаучных терминов дело не ограничилось. Колиньер в тот момент активно собирал сведения о военно-политической ситуации в Крыму и военном потенциале России на Юге. Результатом этой работы стала его пространная аналитическая записка «Замечания о нынешнем состоянии Крыма», которую французский посол Луи Филипп де Сегюр представил в 1786 г. министру иностранных дел Франции графу Шарлю Гравье де Верженну [См.: Чудинов, 2001: 223241]. Французское правительство опасалось, что, пока Европа занята кризисом вокруг Баварского наследства, Россия

готовит новый разгром Османской империи, и хотело иметь максимально полную картину ситуации на Кавказе и в Причерноморье. Колиньер, используя в качестве предлога консультации относительно перевода книги Габлица, сумел получить от ученого не только сведения о природе Крыма, но и секретную информацию, составлявшую государственную тайну России. Об этом он сообщил графу Верженну в донесении от 15 октября 1786 г.: «Данное обстоятельство [работа над переводом нового труда Габлица о Крыме — А.Ч.] позволит мне получить от г-на Габлица бесконечное множество деталей, кои он не осмеливается изложить в сочинении, создаваемом под наблюдением кн. Потемкина. Я должен, сударь, поставить вас в известность, что именно благодаря г-ну Габлицу мы узнали подробности экспедиции Войновича. Ему единственному было известно содержание инструкций. Дело это держалось в таком секрете, что у всех, кто был в нем занят, потом изъяли все бумаги, и даже г-ну Габлицу не оставили его заметок о природе тех мест. До сих пор эта экспедиция покрыта глубокой тайной, несомненно, из-за своего исхода» [Archives, 1786: 144r°144v°]. К донесению прилагалось полученное от Габлица и переведенное на французский язык Колиньером описание экспедиции Войновича. Годы спустя, когда это неудачное военно-политическое предприятие утратит свою былую актуальность, Габлиц опубликует пространный отчет об экспедиции на русском языке [Габлиц, 1809], однако в 1786 г. он сознательно передал представителю другой державы, далеко не дружественной России, сведения, составлявшие тогда государственную тайну.

Что заставило Габлица пойти на такой шаг? Едва ли сугубо материальная выгода, хотя французский посол Сегюр и предложил министру Верженну наградить ценного информатора, завербованного Колиньером: «Имею честь отправить вам его [Колиньера] письмо. Оно познакомит вас с весьма полезным для меня человеком — г-ном Габлицем, чье имя я не хотел называть в депешах. Я желал бы получить ваше согласие на то, чтобы сделать ему подарок, стоимость которого вы сами установите, как и сумму, которую сочтете уместной, для оплаты тех, кто доставал или

копировал мне различные документы, отправленные мною с курьерами» [Archives, 1786: 141r^o141v^o].

Материальное вознаграждение, как видим, предусматривалось, но все же, думается, Габлиц руководствовался в данной ситуации несколько иными побудительными мотивами. О них мы можем судить по той характеристике, которую ему дал близко общавшийся с ним Колиньер: «Невозможно представить себе, как здесь обращаются с учеными и художниками, урожденными подданными империи. Ими командуют, словно простыми рабочими. Они столь же плохо оплачиваемы, сколь мало уважаемы. Им поручают, как г-ну Габлицу, тяжелые задания, сопряженные с риском для здоровья, а иногда и жизни, и ни от какого задания им невозможно отказаться. Ученое сообщество так же находится здесь под гнетом деспотизма, как и всё, что тут есть, а потому мало кто из здешних ученых не мечтает о моменте, когда покинет Россию, что подданным этой страны делать запрещено, несмотря на свободу, дарованную Указами» [Archives, 17551825: 223. Курсив мой — А.Ч.]. Скорей всего, именно выделенная мною часть фразы и объясняет поступок Габлица: он согласился стать конфиденциальным информатором французского правительства в надежде на то, что оно в дальнейшем поможет ему обосноваться за пределами России.

Однако его надеждам не суждено было сбыться. Едва начавшееся сотрудничество не получило продолжения. В начале 1787 г. Колиньер по личным обстоятельствам покинул Россию и вернулся на родину. Некоторое время спустя за ним последовал и Сегюр. Затем во Франции началась революция, и французам стало уже не до Габлица. Карлу Ивановичу не оставалось ничего другого, как постараться забыть о конфиденциальных услугах, предоставленных им французским дипломатам, и продолжать свою научную и государственную карьеру в России, в чем, как мы знаем, он неплохо преуспел.

Библиография

ГАБЛИЦ К. И. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море Российской эскадры под командой флота капитана второго ранга графа Войновича: Сочинение К. Г. С картою оною моря. — М.: Типография С. Селивановского, 1809.

ГАБЛИЦ К. И. Физическое описание Таврической области, по её местоположению, и по всем трем царствам природы. — СПб.: Тип. И. Вейтбрехта, 1785.

Письма правителя Таврической области В. В. Каховского правителю канцелярии В. С. Попову // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. — 1877. — Т. 10.

Русский биографический словарь. — М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1914. Т. 4.

ЧУДИНОВ А. В. Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. — М.: Новое литературное обозрение, 2010.

ЧУДИНОВ А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования: Сборник памяти Г. С. Кучеренко. — М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2001.

Archives du Ministère des affaires étrangères de France. Correspondance politique. Russie. 1786. Vol. 119.

Archives du Ministère des affaires étrangères de France. Mémoires et documents. Russie. 1755-1825. Vol. 10. Provinces diverses.

ROMME G. Correspondance / Édition établie par A.-M. Bourdin, Ph. Bourdin, J. Ehrard, H. Rol-Tanguy et A. Tchoudinov. Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise-Pascal, 2014. Т. 2. Vol. 2.

Чурекова Н. Б.

Саратовский государственный университет, г. Саратов

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ РАБОТЕ С БАЗОЙ APE¹

Churekova N. B.

ON THE POSSIBILITIES OF USING STATISTICAL METHODS WHEN WORKING WITH THE APE DATABASE

Статистические методы при работе с массовым археологическим материалом применяются довольно часто. От простых полевых отчетов до специальных работ [Кузнецова 2012а, 2012б, 2014]. Вместе с тем при обращении к целым формам подобных исследований гораздо меньше, что связано, прежде всего, с количеством целых амфор доступных для анализа. С появлением базы данных APE (<https://ape.sgu.ru/>) сделать это стало проще.

На сегодняшний день в базе содержатся данные об амфорах из четырех музейных коллекций [Монахов и др. 2016, 2017, 2019, 2020] и активно выкладывается материал из коллекции Краснодарского музея [Монахов и др. 2021]. Одним из несомненных плюсов электронной базы является возможность использования системы поиска, в качестве критериев которого выступают поиск по центру производства, дате амфоры и клейма, именам магистратов и фабрикантов, составу комплекса и т. д. [Монахов, Кузнецова 2018; Чурекова 2019].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

Конечно, результаты анализа данных, представленных в АРЕ будут отличаться от статистики находок на примере одного памятника — при пополнении собраний музеев зачастую отдают предпочтения целым сосудам с клеймами, дипинти и граффити. В такие крупные центральные музеи как Государственный Эрмитаж и ГМИИ коллекции из раскопок археологических памятников сдавались полностью только в тех случаях, когда они исследовались сотрудниками, благо в обоих музеях археологическим раскопкам уделяется огромное внимание и в их фондах хранятся материалы со многих памятников Северного Причерноморья. А вот в местные южные музеи зачастую сдают все материалы всех экспедиций, работающих в регионе. Так, в нашей выборке присутствует коллекция из Прикубанского некрополя, которая была сдана в Краснодарский музей целиком и за исключением нескольких сосудов (которые утеряны в процессе хранения) мы располагаем полным набором находок.

К сожалению, в рамках этой работы невозможно рассмотреть все материалы, особенно, связанные с клейменными амфорами и комплексами. Среди общих данных начать следует с распределения амфор по центрам производства и коллекциям музеев (табл. 1). Самая представительная коллекция хранится в Краснодарском музее — более 630 экз., из них 324 происходят из Прикубанского некрополя, она уже издана и частично выложена в электронной базе — АРЕ-V. На втором месте — собрание Государственного Эрмитажа — 312 экз., затем Керченский, Херсонесский музеи и ГМИИ — 242, 213 и 111 экземпляров соответственно (табл. 1).

По центрам производства амфоры распределяются следующим образом: с большим отрывом лидирует Гераклея — 271 экз., 22,6%, затем Хиос — 144 экз., 12%, Фасос — 141 экз., 11,8% и Менда 114 экз., 9,5%. Остальные центры производители тары сильно уступают по количеству сосудов. Единичными экземплярами представлены: Амастрий, Колофон, неизвестный центр «круга Менды», Эгио, неустановленный пунийский центр, греко-италийский и римский центры. При раскопках в Западном Причерноморье некоторые из этих амфор довольно часто встречаются, но в «наших краях» они являются редкими находками и зачастую целы-

ми формами представлены в единственном экземпляре. Делать какие-то статистические расчеты исходя из одного экземпляра невозможно, но общую картину по набору центров-экспортеров керамической тары такие находки дополняют.

В таблицах 2–5 данные представлены по условным временным срезам и довольно большое число амфор — 82 — не вошло сюда из-за широкой датировки типов и серий, в особенности это касается тары Синопы, Книда и Херсонеса.

Наибольшее число амфор — 795 — относится к IV в. до н.э. (табл. 4), что составляет 66% от общего количества, львиная доля из этих сосудов приходится на коллекцию Прикубанского некрополя — 322 экз. (41%). Лидером среди центров импортеров в данном хронологическом отрезке является Гераклея — 254 экз. (32%), на втором месте — Фасос (121 экз., 15%), на третьем — Менда (103 экз., 13%), причем 75 из мендейских амфор происходят из Прикубанского некрополя. Такая статистика в принципе не противоречит данным по составу комплексов [Монахов 1999; Monakhov, Kuznetsova 2017: 81 ff.]. Конечно, если учитывать объемы амфор, то расстановка в таблице будет иной, вероятно, сильно улучшат свои позиции Менда и Хиос.

К V в. до н.э. относятся 170 амфор — это 14% от общего количества (табл. 3). И на данном этапе безоговорочным лидером-экспортером является Хиос — 68 экз. (40%), на втором месте Фасос — 40 экз. (23,5%). Эти данные также хорошо соотносятся с теми, что мы получаем при исследовании археологических памятников Причерноморья. В VI в. до н.э. Хиос также занимает лидирующие позиции по импорту — 33,3% (табл. 2). Разумеется, в этой статистике есть нюанс, связанный с набором памятников, материалы из которых хранятся в музейных коллекциях. Например, в Прикубанском некрополе продукция Хиоса полностью отсутствует [Монахов и др. 2021: 12], а наибольшее число амфор Хиоса происходит из Государственного Эрмитажа — 41 (табл. 2, 3), где хранятся материалы раскопок Березани, Нимфея и т.д. Но все равно, выборки отражают общую картину торговых связей.

В таблице 5 представлены данные с начала III в. до н.э., к этому времени относится 89 сосудов (без учета тех, чья датировка заходит в IV в. до н.э.), большая часть из них представлена продукцией Синопы и Родоса — 33 экз. (37%) и 16 экз. (18%) соответственно.

Статистические данные по клеймам в связи со сжатым форматом публикации, представлены в самом общем виде, без учета магистратского и фабрикантского клеймения, а также без хронологических привязок (табл. 6). Наибольшее количество клейменных амфор относится к производству Гераклеи, что и понятно, так как полис осуществлял систематическое клеймение и к тому же в базе АРЕ гераклейских амфор представлено больше всего — 271 экз., клейменных среди них 198 (73%). В таблице представлены и центры, у которых указан процент клеймения 100, однако в данном случае из-за их единичности, учитывать этот показатель нельзя. На второе место необходимо поставить фасосские амфоры — 61 экз. (43,26%). Большой процент клеймения мы встречаем у родосских сосудов (что соответствует реальности), однако амфор этого центра у нас недостаточно для каких-то выводов (табл. 6).

Среди амфор с клеймами есть также сосуды с двумя оттисками: наибольшее число — 6 сосудов производства Родоса (так как на амфорах этого центра два клейма на обеих ручках встречаются довольно часто); 4 сосуда Гераклеи, 3 — Фасоса; 2 — Синопы, и по одному Менды, Пепарета, Книда и Аканфа. Есть также одна амфора Пепарета, на которой присутствуют сразу три оттиска, помимо клейма еще два отпечатка гемм.

Данные двух последних таблиц носят скорее ознакомительный характер, для общей статистики, т.к. до сих пор до конца неясно, с какими целями ставились на амфоры граффити и дипинти.

В целом, необходимо отметить, что подобная работа довольно полезна, т.к. позволяет при использовании хронологических и типологических срезов делать выводы об общих тенденциях развития торговли в причерноморском регионе. К тому же, подобный анализ помогает определить, по какому принципу необходимо в дальнейшем усовершенствовать систему поиска в базе данных АРЕ, насколько востребован будет тот или

иной критерий исследователями при изучении торговых связей или простом поиске аналогий.

Библиография

КУЗНЕЦОВА Е. В. Торговые связи поселения Береговой 4 (по материалам керамической тары) // Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения. 2012а. № 3. С. 69–74.

КУЗНЕЦОВА Е. В. Динамика торговых связей поселения Волна-4 (по данным керамической тары) // Вестник Нижегородского университета. Социальные науки. Нижний Новгород, 2012б. Вып. 6. С. 173–180.

КУЗНЕЦОВА Е. В. Торговые связи Фанагории в IV–III вв. до н. э. по разным категориям амфорного материала: проблема соотношения // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2014. № 3. С. 187–194.

МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов, 2016.

МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов, 2017.

МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ЧИСТОВ Д.Е., ЧУРЕКОВА Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 2019.

МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ТОЛСТИКОВ В.П., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2020.

МОНАХОВ С.Ю., МАРЧЕНКО И.И., ЛИМБЕРИС Н.Ю., КУЗНЕЦОВА Е.В., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021.

МОНАХОВ С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары. Саратов: — Изд-во Саратовск. ун-та, 1999.— 679 с.

MONAKHOV S.JU., KUZNETSOVA E. V. Overseas Trade in the Black Sea Region from the Archaic to the Hellenistic period // *The Northern Black Sea in Antiquity* / V. Kozlovskaya (ed.). Cambridge University Press, 2017. P. 59–99, 294–298, 318–360.

ЧУРЕКОВА Н.Б. «Греческие амфоры VII–II вв. до н. э. с северных берегов Понта» (АРЕ): создание и основные принципы работы базы данных // Античные Реликвии Херсонеса / Материалы научной конференции — Севастополь, 2019. С. 320–323.

МОНАХОВ С.Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В. Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта: создание музейных каталогов и электронной базы данных (АРЕ) // Уваровские Таврические чтения III. «Древности Юга России». 2018. С. 77–81.

Список сокращений

АРЕ — Греческие амфоры (VII–II вв. до н.э.) с северных берегов Понта (<https://are.sgu.ru/>)

ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Таблица 1.

Амфоры по музеям и центрам производства

	АРЕ-I	АРЕ-II	АРЕ-III	АРЕ-IV	АРЕ-V	Всего	%
An	1	1	3	2		7	0,6
Ak					4	4	0,3
Am					1	1	0,08
HP	77	39	86	9	60	271	22,6
Ik	9	13	5	1	26	54	4,5
Kl	2		6	4		12	1
Kn	3	10	1	3	18	35	3
Cph			1			1	0,08
Clh	3	2	2			7	0,6
Cth		1		3		4	0,3
Ks	2	5	1	1	19	28	2,4
Ks-c			2			2	0,16
Md-c	1					1	0,08
Th-c	2		4			6	0,5
LGR	6	2	11	7		26	2,16
Md	14	11	11	3	75	114	9,5
M	1	1	1			3	0,25
NA	7	1	14	7		29	2,51
WP		3	2	2		7	0,6
Un	5	6	7	7	21	46	3,82
Pr		1		1		2	0,16
Pp	8	5	11	3		27	2,35
Pn		1				1	0,08
Rm				1		1	0,08
Rh	2	5	7	2		16	1,33
Sm		1	3			4	0,3
Sn	21	27	13	3	35	99	8,34
T			2	1		3	0,25
Mr	4	1	2	1	2	10	0,83
Th	32	6	31	13	59	141	11,8
ChT	1	45	19			65	5,4
Ch	37	19	59	29		144	12
Ag			1			1	0,08
Er	4	7	7	1	3	22	1,88
GI					1	1	0,08
Всего	242	213	312	111	324	1202	100

Таблица 2.

Амфоры 700–500 гг. до н.э.

	Ch	Kl	NA	LGR	Sm	T	M	Всего
АРЕ-I	1			3				4
АРЕ-II								
АРЕ-III	16	6	5	11	3	2	1	44
АРЕ-IV	5	4	3	5		1		18
Всего	22	10	8	19	3	3	1	66

Таблица 3.

Амфоры 500–400 гг. до н.э.

	Er	HP	Th-c	An	Kl	Ch	Un	Sm	NA	Th	M	LGR	Md	Всего
АРЕ-I		1	2	1	2	18			6	13	1	3	3	50
АРЕ-II	3	1		1		5		1	1	3	1	1	1	18
АРЕ-III	4		1	3		25	3		7	16			7	66
АРЕ-IV				2		20	1		3	8		1	1	36
Всего	7	2	3	7	2	68	4	1	17	40	2	5	12	170

Таблица 4.

Амфоры 400–300 гг. до н.э.

	Ak	HP	Ch	Ik	Md	Un	Pp	Kn	Th	Ks	Md-c	Clh	Sn	Mr	LGR	WP	ChT ²	Er	Ks-c	Th-c	Cth	GI	Всего	
АРЕ-I		65	9	9	11	3	8	3	27	2	1	2	8	4			1	4						157
АРЕ-II		44	22	13	10	4	5	7	4	2			8	1	1	1	5	2						129
АРЕ-III		80	13	5	4	2	11	1	23				2	2			2	2	1	3				151
АРЕ-IV		5	4	1	3	4	3	2	8	1			1	1				1				2		36
АРЕ-V	4	60		26	75	21		18	59	19			34	2				3				1		322
Всего	4	254	48	54	103	34	27	31	121	24	1	2	53	10	1	1	8	12	1	3	2	1		795

² 35 амфор датируются 320–250 гг. до н.э.

Таблица 5.

Амфоры 300–0 гг. до н.э.

	Sn	Rh	ChT	Ks	WP	Clh	Cph	Ag	HP	Un	Er	Pr	Rm	Am	Всего
АРЕ-I	13	2	7			1			1	1					25
АРЕ-II	20	5		3	2	2				1	2	1			36
АРЕ-III		7		1	2	2	1	1	3	1					18
АРЕ-IV		2			2					3		1	1		9
АРЕ-V														1	1
Всего	33	16	7	4	6	5	1	1	4	6	2	2	1	1	89

Таблица 6.

Клейма

	Th	Md	HP	Sn	ChT	Ch	An	Pr	Pp	Ks	WP	Ag	Th-c	Un	NA	Rm	AK	Er	Rh	Kn	Ik	Всего	% амф. с кл.
АРЕ-I	17	3	65	9	1													1	1	1		98	40,5
АРЕ-II	1	1	30	8	5	1	1	1	2	1	3								4	2		60	28,2
АРЕ-III	16		65	6	2	2					2	1	3	1					2			100	32
АРЕ-IV	5	1	7					1		1	1			1	1	1			2	1		22	19,8
АРЕ-V	22	10	31	4										1			2			2	1	73	22,5
Всего	61	15	198	27	8	3	1	2	2	2	6	1	3	3	1	1	2	1	9	6	1	353	29,4
% амф. с кл.	43,26	13,15	73	27,3	12,3	2,08	14,3	100	7,4	7,14	85,7	100	50	6,5	3,44	100	50	4,54	56,25	17,14	1,85		

Таблица 7.

Граффити на амфорах

	Ch	LGR	Pp	Ik	Rh	Kn	HP	Th	Er	Ks	ChT	Un	Sm	NA	Md	Sn	Kl	Всего	% от общего кол.
АРЕ-I	1	3	1	1	1	1	1											9	3,7
АРЕ-II		1		2	1	2		1	1	1	1	3						13	6,1
АРЕ-III	3	2	1				1	5					1	1	1	1		16	5,1
АРЕ-IV		1				1		1			1	1					1	6	5,4
АРЕ-V				2								2			7			11	3,4
Всего	4	7	2	5	2	4	2	7	1	1	2	6	1	1	8	1	1	55	4,6

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока

Таблица 8.
Дипинты на амфорах

		Ch	NA	LGR	HP	Th	Md	Er	Pp	Ik	Ks	Sn	Mr	Th-c	Un	Kl	ChT	Rh	WP
APE-I	Кружок с точкой	2	2																
	Полосы	8	2		14	8	4	1	3	1	1	1							
	Кресты	1																	
	Буквы и монограммы	3			5	1	2	1	5										
APE-II	Кружок с точкой																		
	Полосы	2			7	1				1		2	1						
	Кресты																		
	Буквы и монограммы	1			2		1												
APE-III	Кружок с точкой	11	1																
	Полосы	16	1		44								1	2	1				
	Кресты			1	1														
	Буквы и монограммы	4	1		3	5	2		5	1						2	1		
APE-IV	Кружок с точкой	4																	
	Полосы	11			2	6	3						1		1			1	1
	Кресты			1															
	Буквы и монограммы	6			2	1	2						2		1				

Чхаидзе В. Н.

Институт востоковедения РАН, Москва

ПРАВОСЛАВНАЯ И КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКВИ НА ТАМАНИ В XIII–XV ВВ.

Chkhaidze V.

ORTHODOX AND CATHOLIC CHURCHES IN TAMAN IN THE 13th – 15th CENTURIES

В результате унии с латинянами — раскола, последовавшего после Синода в Константинополе 3 мая 1280 г., позиции Византии ослабли, и римско-католическое миссионерство затронуло недавнюю византийскую паству. Эти процессы применимы и к Причерноморью, в частности к Крыму и Тамани, где в роли опоры католического миссионерства стали выступать итальянские колонии.

В XIII–XV вв. в Матрике-Матреге продолжала свое существование Зихская епархия Константинопольского патриархата, в третьей четверти XIII в. архиепископия была возведена в ранг митрополии [Preiser-Kapeller 2008: 484–485; Чхаидзе 2013: 50–52].

12 августа 1276 г. на соборе в Константинополе обсуждались претензии архиереев Алании и Зихии на духовное окормление выходцев из этих стран, но пребывающих на территории Сарайской епархии. Там же отмечено, что митрополит Зихии собирался посетить в Крыму переселенцев из Зихии [RegPatr.: 213–215, № 1427; Preiser-Kapeller 2012: 202–203]. А в августе 1285 г. на Влахернском соборе митрополит Зихии Василий подписал томос, направленный против патриарха Иоанна XI Векка (1275–1282) и его сторонников [PLP: № 2403; Preiser-Kapeller 2008: 485; 2012: 204].

Однако уже в 80-е гг. XIII в. папой утверждается католический Аквилонский викарийет, с Каффой как центром кустодии Газарии, под

которой понималась и Тамань. С конца XIII — начала XIV вв. проповедники доминиканского и францисканского орденов начинают действовать в Крыму.

Между тем, в эктезисе, составленном около 1300 г. при императоре Андронике II Палеологе (1282–1328 гг.), среди архиепископов, недавно возведенных в сан митрополита, на 97 месте упоминается Зихийский [Gelzer, 1899–1901: 600]. В октябре 1310 г. анонимный митрополит Зихии присутствовал на соборе, осудившем за симонию патриарха Нифонта (1310–1314) [RegPatr.: 7–8, № 2006; Preiser-Kapeller 2008: 485].

На протяжении XIV в. в актах православных соборов встречаются упоминания архиереев без указания имени: в сентябре 1317 — августе 1318 гг. Зихо-Матрахский [RegPatr.: 59–60, № 2082; Register: 344–345, № 52; Acta: 75–76, № XLI; Preiser-Kapeller 2008: 485]; в сентябре 1364 г. Матрахо-Зихийский [RegPatr.: 420–422, № 2502; Acta: 477–478, № CCXXI].

Однако, в своей булле от 26 февраля 1322 г. папа Иоанн XXII (1316–1334) официально возводит Каффу в ранг епархиального города, именуя францисканца Иеронима из Каталонии «епископом Каффы». В 1333 г. уже известна кафедра в Херсоне, епископом которого являлся английский доминиканец Рикардус. 1 августа того же года отмечена митрополия в Воспоро (Боспор), архиепископом которого был поставлен Франческо да Камерино [ASLSP VII.2: 687–690; Mosheim 1741: 107, § XXXVII; Брун 1879: 203–204; Хаутала 2019: 76, 78].

Католичество закономерно начинает распространяться и на азиатскую часть пролива. Так 2 июля 1333 г. датируется письмо Иоанна XXII, адресованное зихскому правителю Верзахту (*Verzacht regi Ziccorum*) и правителю Алании Миллену (*Milleno domino Alanorum*)¹, в котором высказывается благодарность за «усердие», оказанное в пользу католи-

¹ В историографии длительное время сохранялось недостоверное сведение о «правителе Воспоро, зихском князе Миллене, приверженце католицизма» в 30-х гг. XIV в. Эта ошибка возникла из-за неверной интерпретации «Церковных annalов» Цезаря Барония «*Annales ecclesiastici Caesaris Baronii*» [см.: Mosheim 1741: 163–164, § LXXII; Брун 1879: 204–205; 1880: 323; Зевакин, Пенчко 1938: 119; и пр., из последних: Хаутала 2019: 77–78]. Проблема статуса Верзахта и Миллена остается открытой [библиографию см.: Каштанов 2014: 359–360].

цизма [ASLSP VII.2: 736, note 3; Caesaris 1872: 525, № 37–38; Зевакин, Пенчко 1938: 120; Preiser-Kapeller 2012: 207–208].

Митрополит Зихии Каллиник отмечен как участник процесса снятия с должности паламида Исидора Вухира патриархом Иоанном XIV Каллекой (1334–1347 гг.) 4 ноября 1344 г., а также участник синода в феврале 1345 г. [RegPatr.: 195–197, № 2250, 203, № 2255; 206–207, № 2259; Preiser-Kapeller 2008: 486; 2012: 209].

Вместе с тем в это же время становится известен первый католический епископ Матреги — францисканский монах Иоанн (Жан де Зихи), который был назначен туда папой Климентом VI (1342–1352 гг.) в 1346 г. и прибыл в город в 1349 г. [Canale 1855: 311]. С этого времени в Матреге (помимо православного митрополита) пребывал один католический архиепископ и два епископа [Брун 1879: 205; Зевакин, Пенчко 1938: 120].

Однако митрополия в Матреге оказалась недолговечной. В 1363 г. архиепископ Матреги обратился к папе Урбану V (1362–1370 гг.) с просьбой разграничить территорию диоцеза, определив границы двух епископств-суффраганов, а также их каноническое подчинение: Таны и Мапы. А после 1377 г. в источниках упоминаний о ней не содержится [Карпов, 2021.С. 238].

К сожалению, невозможно сказать, было ли это связано с противостоянием католического и православного духовенства, однако православные митрополиты оставались в городе еще полвека.

В написанной непосредственно в Матархе (1376 г.) рукописи № 307 афонского монастыря Кутлумуш, имеется послесловие писца — Иосифа, иеромонаха и священника в Матрахах [Στάθης 1993: 221–222; Каштанов 2013: 195–198].

В «Типиконе» Михаила Палеолога под 1394 г. упомянут архиерей Зихии Никодим [RegPatr.: 232–233, № 2959; Meyer 1894: 196].

В сентябре 1396 г. отмечен Иосиф, митрополит Зихии и Матрахи [RegPatr.: 288–290, № 3025, 290–291, № 3027; Acta: 269, № DIV; Preiser-Kapeller 2008: 486; 2012: 213]. Можно полагать, что Никодим или Иосиф обозначен в актах Константинопольского патриархата (октябрь 1393 —

декабрь 1396 г.) как архиерей Зихии [RegPatr.: 213–214, № 2934, 221–222, № 2944, е. т. с.]. В начале лета 1405 г. анонимный митрополит выступал в качестве одного из посланников Синода к митрополиту Анкирскому Макарию [RegPatr.: 487–488, № 3271] — вероятно, это тот же митрополит Зихии Иосиф [Preiser-Kapeller 2008: 486; Каштанов 2013: 200].

Наконец, в январе 1430 г. митрополит Зихии присутствовал на соборе, утвердившем перевод епископа Магнесии Филофея на кафедру Ставруполя [RegPatr.: 25, № 3335; Preiser-Kapeller 2008: 486; Каштанов 2013: 200].

После этих сообщений о православной митрополии Зихии ничего не известно².

Библиография

Acta: Acta et diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Coll. edid. F. Miklosich, J. Muller. Volumen I–VI. Vindobonae, 1860–1890.

ASLSP VII.2: Atti della società Ligure di storia Patria. Vol. VII. Fasc. 2. Publicatio P. A. Vigna. Genova, 1879. 1014 p.

Caesaris S. R. E. Card. Baronii. Od. Raynaldei et Jac. Laderchii. Annales ecclesiastici excuse et ad nostra usque tempora perducti. Tomus XXIV. 1313–1333. Barri-ducis, 1872. 540 p.

GELZER H. Ungedruckte und ungenügend veröffentlichte. Texte der Notitiae episcopatum ein Beitrag zur byzantinischen Kirchen- und Verwaltungsgeschichte // Abhandlungen der philosophisch-philologischen classe der Königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. XXI. Bd. III. Munich, 1899–1901. S. 529–641.

MOSHEIM L. Historia Tartarorum Ecclesiastica. Helmstad, 1741. 216 p.

RegPatr.: Les régétes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Vol. I. Les Actes des Patriarches: Fasc. II–VII. Les régétes de 715 à 1453 par V. Laurent, J. Darrouzès et V. Grumel. Paris, 1971–1989.

Register: Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. 1. Teil. Edition und Überstzung der Urkunden Aus den jahren 1315–1331. Herausgegeben von H. Hunger und O. Kresten. Wien, 1981. 636 s.

ΣΤΑΘΗΣ Γ. Θ. Τὰ χειρόγραφα βυζαντινῆς μουσικῆς. Ἅγιον Ὄρους. Κατάλογος περιγραφικὸς τῶν χειρογράφων κωδίκων βυζαντινῆς μουσικῆς τῶν ἀλοκεμένων ἐν ταῖς

² Впрочем, это не означает исчезновение православия в городе. 1590 г. датируется греческое надгробие священника Иоанна, обнаруженное в Тамани [Каштанов, Чхаидзе 2010: 176–179, рис. 1].

βιβλιοθήκαις τῶν ἱερῶν μονῶν καὶ στητῶν τοῦ Ἁγίου Ὄρους. Τόμος Γ. Αθήναι, 1993. 996 σ.

БРУН Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 г.). Часть I. Одесса, 1879. 277 с.

ЗЕВАКИН Е. С., ПЕНЧКО Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Том 3. Л., 1938. С. 72–129.

КАРПОВ С. П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Том 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб., 2021. 378 с.

КАШТАНОВ Д. В. Материалы для церковной истории Северного Кавказа // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар, 2013. С. 195–204.

КАШТАНОВ Д. В. Казус Миллена: dominus Alanorum или tscherkassischer Fürst? // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М., 2014. С. 359–362.

КАШТАНОВ Д. В., ЧХАИДЗЕ В. Н. Надгробие 1590 г. из Тамани // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010. С. 176–179.

ХАУТАЛА Р. В. Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде: развитие миссионерской деятельности до середины XIV века // Золотоордынское наследие. Вып. 3. Казань, 2019. С. 69–86.

ЧХАИДЗЕ В. Н. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь, 2013. С. 47–68.

CANALE M.-G. Della Crimea, del suo commercio e del dominatori. Vol. I. Genova, 1855. 386 p.

MEYER P. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894. 303 s.

PREISER-KAPPELLER J. Der Episcopat im späten Byzanz. Ein Verzeichnis der Metropolitent und Bischöfe des Patriarchats von Konstantinopel in der Zeit von 1204 bis 1453. Saarbrücken, 2008. 700 s.

PREISER-KAPPELLER J. Zwischen Konstantinopel und Goldener Horde: Die byzantinischen Kirchenprovinzen der Alanen und Ziehen im mongolischen Machtbereich im 13. und 14. Jahrhundert // Caucasus during the Mongol Period — Der Kaukasus in der Mongolenzeit. Wiesbaden, 2012. S. 199–216.

Шульман К. Д.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

**МЕДРЕСЕ КАК ФАКТОР
РАЗВИТИЯ ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ БАХЧИСАРАЯ
И СТАРОГО КРЫМА)¹**

Shulman K. D.

**MADRASAH AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT
OF THE CITY
(ON THE EXAMPLE OF BAKHCHISARAY
AND STARY KRYM)**

Создание и наличие системы учебных заведений — свидетельство определенного уровня развития государства и конкретного населенного пункта. Момент, когда на завоеванной территории начинается строительство сакральных зданий и зданий системы образования и управления можно фиксировать как момент окончательной военной победы и начала мирной жизни. В Крыму этим озаботился уже хан Берке, который, согласно свидетельству Эвлии Челеби, основанном на «Истории Тохта-бая», «с восьмидесятитысячным войском направил своих коней из Крыма в Балх, Бухару, Туран, Чин-Мачин, Хотан, Фергур и Туркестан. Он заставил подчиниться всех непокорных падишахов. Собрал около тысячи восьмисот ученых-шейхов и привел их с почестями в Крым. Построил всем им мечети и медресе, а [хан] с газиями построили для всех ученых и их семей дома. С тех пор род Чингизидов прославился» [Эвлия Челеби 2008]. Медресе середины XIII века (и вообще до 1332 г. — медресе

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время».

Инджибек-хатун), что соответствовало бы периоду жизни хана, в Крыму не зафиксировано. Но тенденцию наполнения вновь завоеванной области центрами новой культуры в традиции Челеби отметить необходимо.

Тот город или район, где здания системы образования фиксируются в большем количестве, можно рассматривать как административный центр, даже в случае если до нас не доходят подтверждающие это письменные источники. Рассмотрим перечень памятников исламского образования на территории Бахчисарайского, Кировского и иных районов. Для сравнения: в Аксмеджите (Симферополе) — до начала XIX века всего два медресе; в Бахчисарае число всех медресе Э. Челеби указать затруднился, и перечислил лишь два. Но в настоящее время можно определить, что тогда функционировали как минимум медресе в Кырк-Ер (медресе Сахиб Герай-хана), Зинджырлы-медресе в Салачике (Ашлама-сарае), медресе Арслан Герай-хана (в Хан-сарае), Орта-медресе. Кроме того, в Бахчисарайском районе — в Бий-Эли, в с. Эфендикой, медресе Сахиб Герай-хана в с. Улаклы (Глубокий Яр), в с. Янджу (Путиловка). Старый Крым, однако, включает лишь два медресе: Инджибек-хатун и медресе в Колече, что вероятнее всего изначально было связано с отсутствием необходимости дополнительного медресе кроме имевшегося знаменитого Инджибек-хатун, а позже — с потерей городом статуса столицы.

Позиционируя медресе как фактор развития города, нам необходимо выделить те сферы, в которых это влияние и последующее развитие можно зафиксировать. В первую очередь, это влияние на планировку: встроено здание или комплекс зданий в систему района, либо район развивался вокруг здания; каковы были декларируемые цели последующего строительства подобных объектов, можно ли зафиксировать прецеденты масштабного строительства рядом с зданием медресе после его постройки, либо место оставалось незастроенным.

Во-вторых, необходимо рассмотреть систему городской общественной жизни: стало ли (и могло ли стать) медресе по сохранившимся источникам местом притяжения для обычного населения; либо оно использовалось для торжественных встреч определенного повода; сохранились ли у нас

источники о потребности и запросах о постройке дополнительных зданий подобного назначения вследствие их нехватки. В крайнем случае, благодаря своей славе центра науки и образования, могло ли медресе играть роль международного центра и привлекать желающих обучаться здесь из разных стран.

Медресе определяется как «мусульманская средняя и высшая школа, готовящая служителей культа, учителей начальных мусульманских школ — Мектебов, а также служащих государственного аппарата» [БСЭ Т. 15]. Возникают трудности, когда мы пытаемся объяснить принцип работы медресе применительно к существующим сегодня аналогиям, как то: семинария, духовный университет, конфессионально-духовное (или профессиональное) среднее училище. В полной мере все аналогии не будут верны еще и потому, что деятельность медресе различалась в зависимости от каждого конкретного учебного заведения, хотя это понятие и является общим для всего исламского мира. Э. Д. Зиливинская, например, трактует медресе применительно к данному периоду как высшее учебное духовное заведение [Зиливинская 2013]. Кроме того, когда мы читаем в источниках, например, у Эвлии Челеби упоминание о десятках медресе в XVII веке, а потом фиксируем в конце XVIII века всего лишь единицы, возникает соблазн приписать исчезновение неким репрессиям, не отраженным в источниках. Однако, вероятнее всего, кроме обычного численного преувеличения, свойственного сообщениям Эвлии Челеби, речь может идти и об отсутствии у автора различия между мектебами и медресе. То есть, медресе могли называть как место, где мулла ведет беседу с детьми, так и аналог церковно-приходской школы, места проведения глубокой образовательной программы, а иногда — и пристройку к мечети. У того же Эвлии Челеби в описании Гезлева, встречается следующее определение «медресе»: «Находятся там два медресе — школы, обучающие письму. Однако специальной школы хадиса и школы Корана там нет, ибо нет ни людей, искушенных в хадисе, ни хафизов» [Эвлия Челеби 2008]. Согласно имеющимся источникам и по сохранившейся планировке здания, существует подход, в рамках которого вообще «медресе-

се Инджибек хатун — единственное здание на всей бывшей территории Золотой Орды, которое к настоящему времени однозначно может быть атрибутировано как здание духовной школы» [Меметов 2020].

Площадь Регистан в Самарканде с разновременными постройками медресе Улугбека (XV в.), медресе Тилля Кари и медресе Шердор (XVII в.) выступает уникальным градостроительным примером того, как архитекторами совместно с властью был продуман план расширения и благоустройства города вокруг площади. По решению Ялангтуша Бахадура, два из трех медресе, образующих ансамбль, были построены синхронно. Главными зданиями на площади становятся духовно-образовательные центры, являющие собой не просто приложение к мечетям, но и площадки для общественных слушаний и научного развития. Благодаря расположению рядом торгового купола Чорсу, они постоянно находятся на пересечении торговых путей не только города, но и региона. Аналогичное, хоть и менее насыщенное наполнение у площади Регистан в Бухаре, частью которой является знаменитое медресе Мири-Араб (до наших дней не дошли еще пять медресе, располагавшихся рядом с ним).

Основываясь на анализе археологических данных о территориях, на которых расположены сохранившиеся и утраченные здания медресе Крыма, мы можем говорить, что они не стали центрами новых районов, за исключением дворцового комплекса Ашлама-сарай. Здесь, возле Зинджырлы-медресе и дюрбе Хаджи Герая фиксируются остатки жилой застройки вплоть до 1920 г. и мусульманское кладбище [Свод памятников...2016, Т. 1, Бахчисарай 2016: 34]. В остальных случаях медресе встраивалось в существующую квартальную застройку — как в Кырк-Ере и Солхате. Об этом в медресе Солхата свидетельствует выбор технического решения по прокладке водостока в полутора — двух метрах от фундамента и нижних кладок южной стены здания, а не извне — вдоль улицы [Свод памятников... 2020, Т. 4, Старый Крым 2020: 119]. Также некоторые медресе были частью дворцового комплекса. Примером использования пространства вокруг медресе, согласно акварели 1797 года М. М. Иванова, является предпортальная площадь медресе Солхата, зафиксированная

в 1-й трети XIV в. как сообщающаяся с фонтаном и частными дворами. Были попытки, как в случае с Орта-медресе, построить сразу комплекс зданий: медресе, мечеть, дюрбе и гостиничный двор, на частные средства; при этом комплекс стал скорее самозамыкающейся системой. К началу XX века нормальное функционирование Орта-медресе (что выяснилось в результате ремонта) было уже невозможно без молельни, бани, кухни и фонтана; рядом образовалось кладбище. Медресе хана Узбека также имело 26 жилых, учебных и вспомогательных помещений.

Цели постройки подобных зданий не были координированы и не соотносились с длительными планами развития города или культуры, хотя и отражали благую традицию. Менгли Герай построил мечеть и медресе в память своего отца. В. Д. Смирнов, упоминая этот факт [Смирнов 1887], называет медресе (видимо, описывая практику Крымского ханства) «неизбежным спутником всякого мусульманского молитвенного дома» и не более. Факт перенесения мечети хана Узбека к медресе Инджибекхатун на рубеже XV–XVI вв., [Свод памятников... 2020, Т. 4, Старый Крым 2020: 25] говорит об отсутствии единого архитектурного плана Старого Крыма, но при этом о важности медресе как центра. А то, что Менгли Герай строит медресе в комплексе Кырк Ера, неся при этом большие расходы, а затем переносит столицу в Салачик, свидетельствует и об отсутствии долговременного планирования.

В период существования Крымского ханства была достаточно хорошо налажена система содержания медресе за счет вакуфных земель и доходных учреждений. Например, гостиница на вакуфном участке ул. Ленина, 63 в г. Бахчисарае покрывала нужды медресе Улалклы Бахчисарайского района.

В источниках мы можем фиксировать и топоним «хороших ханов» как тех, кто создает пристройки при медресе (соответственно, увеличивает их территорию и производительность) — Арслан Герай-хан, Менгли II Герай, Селямет II Герай и т.д. Эти деяния ставятся в ряд с ремонтом мечетей, восстановлением разрушенных построек в Хан-Сарае, и возведением и прочисткой рвов пограничных укреплений — элементами

укрепления государственности. Пожертвовать на строительство могла и женщина, как о том свидетельствует пример Инджибек-хатун, жены Тулек-Тимура, наместника Крымского юрта.

Полагаясь на современные аналогии, а также на факты расположения медресе возле мечетей в комплексах ханских дворцов и в комплексах дворцов знати Крымского ханства (Хан-сарай, Улаклы-сарай, Девлет-Сарай и т.д.), можно предположить, что в них проходили важные встречи как по случаю праздников, так и по случаю приезда вышестоящих лиц.

Размещение медресе в дворцовых комплексах также свидетельствует о практике получения отдельного духовного образования для членов ханской семьи. О высоком уровне получаемого ими образования можно говорить на основании свидетельства Эвлии Челеби о принце Селим Герае (будущем хане Селим Герае I) [Эвлия Челеби 2008].

Медресе Инджибек-хатун, согласно выводам О. Асланапа, помимо дидактической роли выполняло еще и функцию муваккитхане (службы определения времени для своевременного совершения молитвы) [Свод памятников...2020, Т. 4, Старый Крым 2020: 30].

Медресе Крыма выполняли задачу по подготовке обеспечивающих потребность Крыма кадров, которые при необходимости могли получить образование далее в Самарканде или Бухаре. Кроме того, медресе выполняли роль школ и готовили вообще образованных людей, которые были готовы выполнять разные функции в городе и государстве. О важности роли медресе как духовного центра города и «элитного некрополя» говорило и то, что рядом, например, с Зинджырлы-медресе располагались могилы ее строителя, руководящих духовных и светских лиц (традиция продолжилась и в XX веке семьей Гаспринских); мраморные саркофаги с захоронениями были обнаружены и при раскопках на территории медресе Инджибек-хатун [Свод памятников...2020, Т. 4, Старый Крым 2020: 87]

В международном формате о притяжении иностранцев в Крым можно говорить о комплексе Текие дервишей, частью которого являлось и медресе, но не о медресе Бахчисарая и Старого Крыма. Кроме того, не медресе играло решающую роль и в славе комплекса Текие. При этом

выпускники крымских медресе, в первую очередь, медресе Инджибек-хатун, были славны по всему исламскому миру, хотя и покидали иногда родину по причинам разногласий с местными правителями. Автор хроники XVII века «Таварих-и Дешт-и Кипчак» Абдулла-ибн-Ризван в своем произведении в высшей степени хвалебно упоминает об ученых Кырыма/Солхата.

Б. В. Веймарном и А. С. Башкировым, а позже и А. Меметовым отмечалось, что архитектурная близость медресе Инджибек-хатун в Старом Крыму с сельджукскими строениями косвенно подтверждает предположение о влиянии малоазиатских центров учености, образования и духовности на формирование системы обучения в медресе Крыма. А значит, медресе было проводником турецких идей, культурного владычества и даже атмосферы для Старого Крыма. М. Г. Крамаровский утверждает, что в сооружении этого медресе принимала участие строительная артель из Анатолии [Крамаровский 2014: 5–17].

Системность построек, аналогичную узбекским площадям, можно обнаружить и в застройке Зинджырлы-медресе за тем исключением, что пользоваться и воспринимать ансамбль целиком, согласно его статусу, могли лишь обитатели и гости дворца.

Медресе Инджибек-Хатун перестает функционировать в начале XV в., о чём свидетельствует состав клада серебряных монет, найденных в одной из худжр, превращенных в сторожку при гробнице, и в том же XV столетии появляется в новой столице новое Зинджырлы-медресе (хана Менгли Герая). Причем до нас, благодаря О. Акчокраклы, дошла даже речь хана на его открытии. Соответственно, в столице была возможность ради статуса поддерживать и Орта-медресе, и Ханское медресе. А. Меметовым даже делалось предположение, что именно они, и только они по факту соответствовали званию медресе, в отличие от деревенских. В сообщении журналиста газеты «Вақыт», описавшего в начале XX века крымские медресе, было указано, что медресе, заслуживающие на самом деле это название, существуют только в Бахчисарае. И это являлось результатом давней традиции, начавшейся еще в XIV веке.

Таким образом, если пытаться установить последовательность: становится ли город центром, потому что в нем располагается центр учености, или в городе начинают строиться центры просвещения, когда он становится столицей, однозначно можно утверждать, что в Крыму — и для Бахчисарая, и для Солхата верно второе предположение. Именно по причине своего «столичного» статуса и в тот период, когда они его имели, происходило строительство новых медресе, подчеркивающих этот статус, а уже имеющиеся медресе поддерживались на высоком содержательном и архитектурном уровне.

Библиография

ЗИЛИВИНСКАЯ Э. Д. Архитектура благочестия в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. — М.: Издательский дом Марджани, 2013.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Крым и Румский султанат во 2-й пол. XIII–XIV вв. // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и сохранения исламского наследия Крыма», посвященной 700-летию мечети Узбека (г. Старый Крым). Симферополь, 2014.

Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров; 1969–1978, т. 15./ Ломбард — Мезитол. — М.: Советская энциклопедия, 1974. — 600 с.

МЕМЕТОВ А., МЕМЕТОВ И. А., СУХОРУКОВ А. Н., МЕДЖИТОВА Э. Н. Из истории крымскотатарского народного образования. Мир науки. Педагогика и психология, Вып. 8. № 6. 2020. С. 2–22.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том 1. Бахчисарай. — Симферополь: ООО ФОРМА, 2016.-168 с.

Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том IV. г. Старый Крым. — Казань — Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 208 с.

СМИРНОВ В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / В. Д. Смирнов. — СПб., 1887. 774 с.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение турецкого путешественника XVII века). / Перевод, вступительная статья и комментарии канд. филол. наук Е. В. Бахревского. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — Симферополь: Доля, 2008. 272 с.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА

Материалы VI международной научной конференции
(Севастополь, 3–7 октября 2022 года)

Ответственный редактор В.В. Лебединский
Редакторы-составители Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина
Макет и верстка А.С. Яшин

ISBN 978-5-907543-26-3

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 09.08.2022
Формат 60×84 1/8 Усл. печ. л. 61,61. Гарнитура Times.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Т8 Издательские технологии».
109316, Россия, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

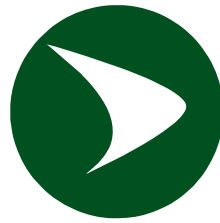
ISBN 978-5-907543-26-3

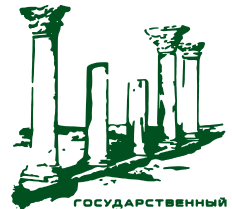
9 785907 543263

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»